

ЭДИТ НЕСБИТ

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК

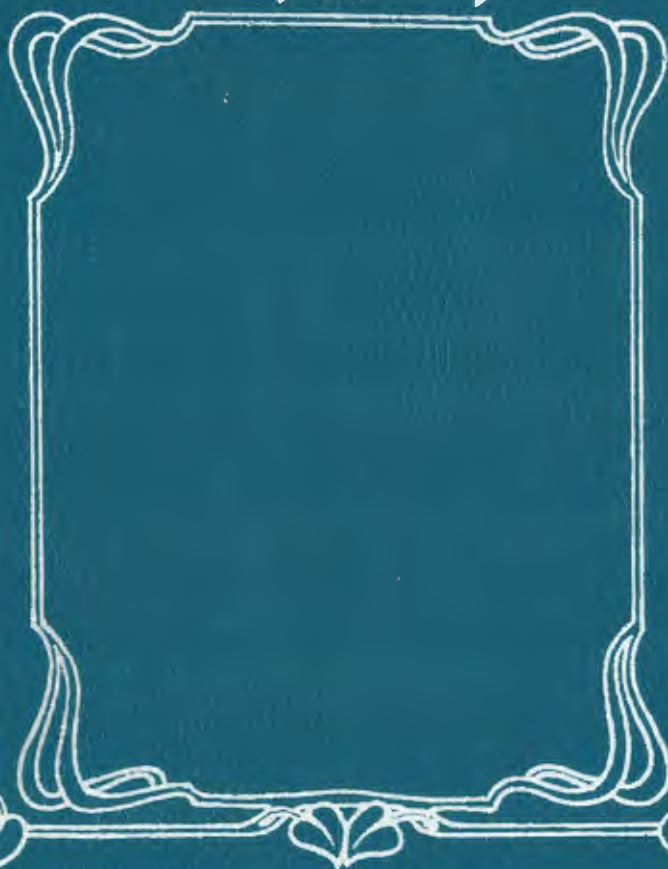
♦
Пятеро детей
и чудище

Эдит Несбит

Заколдованный замок

♦
Пятеро детей
и чудище

ЭДИТ НЕСБИТ

Заколдованный Замок

Лятеро детей
и чудище

Тольятти
ПМКФ «Лада-Маком»

Екатеринбург
«Ладъ»
1993

5-8700

**ББК 83.34 Вл.
Н55**

Перевод с английского И. Богданова

Художник Х. Р. Миллар

Оформление И. Мосина

Подготовка текста агентства «Кубин ЛТД»

Несбит Э.

Н55 **Заколдованный замок. Пятеро детей и чудище:**
Сказки /Пер. с англ. И. Богданова. — Тольятти:
ПМКФ «Лада-Маком», Екатеринбург: «Ладъ»,
1993. — 576 с.

ISBN 5-87508-015-9

ISBN 5-7584-0078-5

Герои сказок английской писательницы Эдит Несбит — обычные дети, вырвавшиеся из города на «простор» летних каникул. И сразу же начинаются удивительные приключения. Забавное чудище, живущее в песочной яме, или кольцо, найденное в замке, исполняют любые их желания. Однако, получив желаемое, дети попадают в такие невероятные ситуации, из которых нелегко найти выход.

Редакторы О. Сафьянова, О. Старкова
Компьютерная верстка М. Ячевский

Лицензия ЛР № 070126 выдана 17.09.91

Лицензия ЛР № 070338 выдана 29.01.92

Подписано в печать с оригинал-макета 24.08.93. Формат 84х108¹/32.

Гарнитура Балтика. Бумага тип. № 1 Печать высокая.

Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 22,30. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 1742. С-93-3.

ПМКФ «Лада-Маком», 445043, г. Тольятти, ул. Транспортная, 26
Издательство «Ладъ», 620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13, ГСП-152

Полиграфическое предприятие «Современник» Министерства печати и
информации Российской Федерации.
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

Н 9803020000-013
Б64(03)-93 без объявл.

ББК 83.34 Вл.

ISBN 5-87508-015-9
ISBN 5-7584-0078-5

©Издательство «Ладъ», 1993
© И. Богданов, перевод, 1993
© И. Мосин, оформление, 1993

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК

Глава первая

Их было трое — Джерри, Джимми и Кэтлин. Джерри на самом деле звали Джеральдом, а если вы решили, что его полное имя «Иеремия», то тем хуже для вас. Полное имя Джимми — Джеймс, а как по-взрослому зовут Кэтлин, никто не помнил, поскольку братья называли ее Кэтти или Киска, когда бывали с ней ласковы, или Кошкой-Царапкой, когда ссорились. Все они учились в школе в маленьком городке на западе Англии, причем мальчики ходили в одну школу, а сестричка — в другую, поскольку вполне разумное обыкновение учить мальчиков и девочек в одной и той же школе у нас пока, к сожалению, не привилось. На субботу и воскресенье они оставались в доме одной доброй одинокой леди, которая, как могла, заботилась о них. Плохо только, что там было совершенно невозможно играть. Знаете такие дома? В них и говорить-то вроде как неловко, даже когда вас оставляют одних, а уж играть так и совсем противоестественно. И потому дети с нетер-

пением ждали каникул, когда можно будет вернуться домой и целые дни напролет проводить вместе в нормальном доме, где и разговаривать легко, и игра идет сама собой, и где, кроме того, в их распоряжении имеются все поля и леса Гемпшира, полные увлекательных открытий и приключений. Да и кузина Бетти присоединится к ним — так что имело смысл продумать все будущие игры заранее. У кузины Бетти занятия кончались раньше, чем у них, а потому она первой отправилась домой. Но надо же было так случиться, что сразу же после возвращения она зачем-то схватила корь, и вот теперь остальные трое детей должны были томиться в городе вместо того, чтобы вернуться к родителям. Сами понимаете, как они огорчились. Семь недель проторчать в доме у мисс Гервей — да об этом и подумать-то было тошно! В конце концов общими усилиями они написали домой большое письмо, в котором все напрямую и сказали родителям. Родители очень удивились — они-то думали, какая это удача, что детки могут запросто бывать у старой доброй мисс Гервей! — но все же они отнеслись к этой проблеме как порядочные люди (так выразился Джерри), и после интенсивного обмена письмами и телеграммами вопрос был улажен, и мальчикам разрешили остаться в школе, где училась Кэтлин, поскольку все девочки уже разъехались. Преподавательницы разъехались тоже, и за всеми осталась присматривать одна только «француженка».

— Здесь гораздо лучше, чем у мисс Гер-

вей,—заявила Кэтлин, приведя мальчиков к «француженке» знакомиться и договариваться о переезде.— К тому же моя школа совсем не такая отвратительная, как ваша. У нас тут и салфеточки есть, и занавески на окнах, а у вас одни только парты да черные доски с чернильницами.

Мальчики отправились собирать свои сундучки, а Кэтлин украсила все три комнаты, как только смогла, расставив повсюду цветы в банках из-под джема — в основном это были ноготки, поскольку больше ничего другого на заднем дворе школы она найти не смогла. В школьном саду цвели герань, бегония и какой-то неведомый кустарник, называвшийся «канцелярия», но, само собой, обрывать эти цветы детям было строго-настрого запрещено.

— Нам надо придумать какую-нибудь большую игру на все каникулы,—сказала Кэтлин после чая. Она уже распаковала сундучки братьев и разложила вещи в разноцветные ящики комода. За то время, пока она аккуратно и заботливо выкладывала небольшие стопки носков и рубашек, она успела почувствовать себя вполне взрослой, а потому совершенно по-взрослому предложила: — Давайте сочинять книгу.

— Ничего у тебя не выйдет! — тут же выпалил Джимми.

— Я не говорила, что буду сочинять ее одна,—возразила Кэтлин, чуть-чуть обидавшись.— Я хотела, чтобы мы все вместе.

— Возиться-то! — буркнул Джеральд.

— Если б мы написали книгу,—настойчиво продолжала Кэтлин,—например о том, как

нам на самом деле живется в школе, то все прочли бы ее и удивились, какие мы умные.

— Ага — и исключили бы нас из школы! — дальновидно заметил Джеральд. — Нет уж, лучше весь день гонять на улице. Будем разбойниками или еще чем-нибудь в этом роде. Нам бы только найти пещеру и набить ее припасами, а главное — чтобы там можно было хранить еду.

— Да нет тут никаких пещер, — вступил в разговор Джимми (ему только дай поспорить). — И потом, эта твоя «французиня» вообще никуда не отпустит нас одних — вот увидишь.

— Посмотрим-посмотрим, — сказал на это Джеральд. — Я вот пойду и поговорю с ней по-свойски.

— Умылся бы сперва, — фыркнула Кэтлин, и Джеральд, не удержавшись, глянул на себя в зеркало.

— Помыться, побриться, отряхнуться — и через миг наш герой уже летел на свидание, — пропел он, и его слово не разошлось с делом.

В дверь гостиной, где отдыхала мадемуазель, читая книгу в желтом кожаном переплете и таинственно вздыхая о чем-то, постучался худенький, изящный мальчик, темноволосый и «интересный», как, без сомнения, определила его про себя француженка. Джеральд с легкостью мог придать своему лицу «интересное», то есть загадочное и привлекательное выражение, что не раз выручало его, когда приходилось иметь дело с незнакомыми взрослыми людьми. Для этого требовалось широко распахнуть и вправду красивые се-

рые глаза, чуть изогнуть углы рта и держаться заискивающе-ласково, словно маленький лорд Фаунтлерой, ныне покойный (с другой стороны, доживи маленький лорд до наших дней, каким дряхлым старцем и каким ханжой он бы сделался!).

— Антре,— прозвучало из-за двери с несколько утрированным французским прононсом, и он вошел.

— Э бьен? — нетерпеливо спросила француженка.

— Надеюсь, я не очень помешал вам,— сказал Джеральд масляным голосом.

— Нет, нет,— ответила она уже мягче.— Так что тебе нужно?

— Я подумал, что мне следует зайти поздороваться с вами,— продолжал Джеральд.— Вы же теперь наша хозяйка.

Он протянул ей чисто отмытую руку, еще влажную и красноватую от горячей воды. Учительница охотно пожала ее.

— Ты очень вежливый мальчик,— отметила она.

— Ну что вы,— сказал Джеральд своим самым культурным голосом.— Мне так неудобно. Вы, наверное, очень огорчены, что вам придется теперь еще и присматривать за нами вместо каникул.

— Ну что ты,— в свою очередь мягко произнесла француженка.— Я уверена, что все вы — очень хорошие дети.

Одного взгляда Джеральда было достаточно, чтобы уверить ее в этом: конечно же, и он, и все остальные постараются настолько упо-

добиться ангелам, насколько это возможно природе человека — и школьника в особенности.

— Мы будем стараться,— честно заверил он.

— Что я еще могу для вас сделать? — ласково спросила мадемуазель.

— Нет, нет, спасибо,— поспешил ответить Джеральд.— Мы совсем не хотели бы вас беспокоить. Я подумал — может быть, для вас будет не так хлопотно, если мы просто будем на весь день уходить в лес, а обед брать с

собой — что-нибудь холодное и готовое, чтобы кухарке лишний раз не возиться.

— Как вижу, ты все продумал, — насмешливо протянула француженка. Тогда Джеральд улыбнулся одними глазами — он умел улыбаться, сохраняя серьезную складку губ. Француженка уловила эту искорку у него в глазах и расхохоталась, а вслед за ней рассмеялся и сам Джеральд.

— Ах, обманщик! — воскликнула она. — Что бы тебе не сказать прямо: вы хотите избавиться от моей сюрвелланс — как бишь это по-английски? — надзора. Нечего прикидываться, будто ты заботишься только обо мне.

— Знаете, когда разговариваешь со взрослыми, приходится соблюдать осторожность, — извинился Джеральд. — А потом, не так уж я и притворялся. Мы действительно не хотим вам мешать — и не хотим...

— ...чтобы я мешала вам. Э бьен! А ваши родители не будут против, если вы на целый день уйдете в лес?

— Они не будут против, — ответил Джеральд (и это было правдой).

— Ну и хорошо. Я не собираюсь сторожить вас больше, чем ваши родители. Я все скажу кухарке. Ну как, ты доволен?

— Еще бы! — воскликнул Джеральд. — Мадемуазель, вы просто лапочка!

— Лапочка? — переспросила она в недоумении. — Это такая маленькая нога?

— Да нет же, я хочу сказать «милочка»... Как бишь это по-французски?.. Ага, шери! — пояснил Джеральд. — Вы не пожалеете, что

так обошлись с нами. Что мы можем для вас сделать? Прикажите смотать шерсть — прикажите найти ваши очки!

— Ты меня совсем за бабушку принимаешь! — хохоча воскликнула мадемуазель. — Ступай, ступай и постарайся озорничать в меру.

— Ну как? — воскликнули дети в один голос, когда Джеральд возвратился.

— Все в порядке, — небрежно ответил он. — Я же говорил вам, что все устроится. Подающий надежды юноша завоевал симпатии ученой иностранки, слывшей во времена своей юности первой красавицей никому неизвестной французской деревеньки.

— Никогда она не была красавицей, — сказала Кэтлин. — Очень уж она строгая.

— Ты не умеешь правильно к ней подойти, — ответил Джеральд. — Вот со мной она была очень мила.

— Ты все-таки нахал, — проворчал Джимми.

— Вовсе не нахал, я — как это дип, дис... Ну, так еще послы называются... Ага, я дипломат, вот я кто! Во всяком случае, нас отпустили на свободу, и провалиться мне на этом самом месте, если мы завтра же не найдем пещеру.

За ужином председательствовала мадемуазель, еще менее строгая, чем Кэтлин когда-либо могла вообразить. Кухарка намазала хлеб патокой заранее, и он успел затвердеть до полной несъедобности. Тем не менее Джеральд изысканным жестом протянул мадемуазель бутерброд с сыром и уговорил ее отдать патоку.

— Уф! Это же самый настоящий сухой песок! Неужели вам это нравится?

— Нет,— сказал Джеральд.— По-моему, это очень невкусно, но меня учили, что мальчики должны есть все, что им дают.

Она рассмеялась, и с того дня им больше не предлагали на ужин хлеб с патокой.

— И как ты только управляешься с ней? — восторженно прошептала Кэтлин, когда они расстались с мадемуазель, пожелав ей спокойной ночи.

— Это совсем просто — надо сразу же дать взрослым понять, чего именно ты хочешь. Вот увидишь, она у нас будет как шелковая.

На следующее утро Джеральд встал рано, отыскал среди ноготков какое-то растение с розовыми бутонами, перевязал розовые цветки черной шерстяной ниткой и положил их возле тарелки мадемуазель. Она улыбнулась, приколола букет к своему поясу — и в этот миг стала по-настоящему красивой.

— По-твоему, это честно — подкупать ее вот так, цветами и улыбочками, да еще передавать ей соль, чтобы она позволяла тебе делать все, что ты захочешь? — прицепился Джимми к брату после завтрака.

— Это вовсе не взятка,— неожиданно вступилась Кэтлин.— Я хорошо понимаю, как Джеральд это делает, а вот сама не умею. Просто, раз уж мы хотим, чтобы взрослые хорошо обращались с нами, мы тоже должны с ними хорошо обращаться и помнить о всяких мелочах, которые могли бы их порадовать. Я всегда

забываю о таких вещах, а Джерри не забывает, поэтому его даже старушки любят. Это вовсе не подкуп, тут все честно: он вроде как расплачивается за все, что получает.

— Как бы то ни было,—сказал Джимми, решив увильнуть от диспута по вопросам морали,—у нас сегодня будет отличный день.

День и вправду выдался волшебный. Главная улица, просторная Хай-стрит, и в деловые утренние часы оставалась спокойной, словно какой-нибудь сонный переулок, а сейчас ее к тому же залило яркими лучами солнца. Листья сияли, умытые ночным дождем, а сама дорога уже подсохла, и даже пылинки сверкали на ней словно крохотные брильянтики. Прекрасные старинные дома, крепкие, основательные, казалось, тоже вышли погреть свои старые кости на солнышке.

— А есть ли тут вообще лес? — озабоченно спросила Кэтлин в тот самый момент, когда они пересекали рыночную площадь.

— Не так уж это и важно,—мечтательно откликнулся Джеральд.—Что-нибудь да найдем. Один парень говорил мне, что его отец рассказывал ему, что когда он сам был мальчиком, они нашли маленькую пещеру на краю долины возле Солсбери-Роуд. Правда, еще он рассказывал, будто там, в пещере, был заколдованный замок — так что, вполне может быть, он и саму пещеру выдумал.

— Вот если бы у нас был рожок,—сказала Кэтлин,—мы бы могли дудеть в него, пока идем — очень громко — и тогда мы и вправду нашли бы заколдованный замок.

— У тебя, наверное, есть лишние деньги на такую глупость,— негодуяще проворчал Джимми.

— А вот и есть! — победительно объявила Кэтлин, и в ближайшей лавке, витрина которой была заполнена игрушками, сладостями и квашеными яблоками, они приобрели три жестяных рожка.

Тихий сквер на краю города, где стояла небольшая церковь, огласился протяжным призывом горна, и самые солидные дома откликнулись на этот призыв продолжительным эхом. Но ни один из них не превратился в заколдованный замок.

Они пошли дальше по раскаленной и пыльной Солсбери-Роуд и через некоторое время решили, что пришла пора распить одну из бутылок сидро, прихваченных ими в дорогу.

— Этому питью будет так же хорошо у нас в желудке, как и в бутылке,— решил Джимми.— А бутылку мы спрячем и на обратном пути подберем.

Наконец они добрались до того места, где дорога, по удачному выражению Джеральда, «уходила сразу на восток и на запад».

— Ага! — сказала Кэтлин.— Это уже похоже на приключение.

Они пошли сперва по правой дороге, потом свернули налево — ради равновесия, на котором настаивал Джимми,— и еще раз направо, и еще раз налево — и совершенно заблудились.

— Совершенно заблудились! — упоенно восклицала Кэтлин.— До чего же здорово!

Над их головой высоким сводом сомкнулись деревья, края дороги поросли кустарником. Искатели приключений давно уже перестали трубить в свои горны — стоило тратить силы, когда никого уже не раздражал этот шум.

— Ну вот что, — внезапно предложил Джимми, — давайте-ка усядемся здесь и съедим часть наших припасов. Можете назвать это ленчем, если хотите, — прибавил он для пущей убедительности.

Они сели, прислонившись к изгороди, и смолотили спелый рыжий крыжовник, предназначенный на сладкое.

Они сидели, переводя дух и втайне мечтая, чтобы ноги не так опухали в жестких башмаках. Джеральд так и вовсе решил откинуться на спину — но тут кусты за его спиной подались, и он едва не полетел вверх тормашками. Что-то за его спиной упало, и они услышали рокот, как будто покатился вниз тяжелый камень.

— Ничего себе, — воскликнул Джеральд, поспешно выпрямляясь. — Там, у меня за спиной, совсем пусто — там был камень, но как только я прислонился к нему, он... он соскользнул.

— Может быть, там пещера, — с надеждой произнес Джимми и тут же пресек свои мечты: — Хотя вряд ли.

— Давайте подудим в рожок, чтобы там была пещера, — предложила Кэтлин и принялась усердно дуть в свой рожок.

Джеральд протянул руку за спину, ощупывая кусты.

— Тут ничего нет,—сказал он.—Просто дыра, какая-то пустота — и ничего больше.

Ребята поспешно раздвинули кусты. Действительно, там оказалась дыра, уходящая куда-то вбок от дороги.

— Я полезу первым,—заявил Джеральд.

— Ой, не надо! — попросила сестренка.— А вдруг там змеи?

— Нет там никаких змей,—ответил Джеральд, наклонившись вперед и чиркая спичкой.—Пещера, пещера! — завопил он, оперся коленом о покрытый мхом камень, который только что служил ему креслом, перевалился через него — и исчез.

На миг все оставшиеся замерли. Потом Джимми окликнул брата:

— Эй, с тобой все в порядке?

— Порядок! Ты следующий. Лучше прыгай, а то здесь довольно глубоко.

— Сперва я! — потребовала Кэтлин и свесила ноги в дыру. Ноги ее беспомощно забились в воздухе.

— Полегче! — раздался из темноты голос Джеральда.—Ты мне так глаза выбьешь. Ну-ка, малышка, опусти ноги — опусти и не болтай ими. Давай, давай — здесь и так тесновато.

Он крепко ухватил ее за ноги и потащил вниз, а затем придержал под мышки. Она услышала, как сухие листья зашуршали у нее под ногами, и изготавилась ловить Джимми, который вопреки всем наставлениям Джеральда бросился в дыру вниз головой, словно ныряльщик.

— И вправду пещера,—изумилась Кэтлин.

— Юные исследователи, ослепленные тьмой пещеры, ничего не могли разглядеть вокруг себя,— продекламировал Джеральд, заслонив спиной и без того скудный источник света.

— Темнота не может ослепить,— возразил Джимми.

— Нам нужна свечка,— вздохнула Кэтлин.

— Очень даже может ослепить,— стоял на своем Джеральд.— Так вот, они ничего не могли разглядеть, но их безупречный предводитель успел приучить свои глаза к темноте, пока прочие неуклюже возились у входа, и вот какое сей предводитель сделал открытие...

— Открытие?! — завопили брат и сестра, давно привыкшие к манере Джеральда рассказывать историю и в то же время ее исполнять. Если бы он еще рассказывал не так длинно и занудно, будто и впрямь книжку читает, то было бы совсем хорошо.

— Но он не пожелал разделить свою величайшую тайну с верными последователями до тех пор, пока все они и каждый в отдельности не поклялись соблюдать спокойствие.

— Да мы и не думали беспокоиться,— сердито сказал Джимми.

— Разуйте глаза! — взвыл Джеральд, совершенно позабыв о своей роли эпического рассказчика и превращаясь в обыкновенного мальчишку.— Вон там, выше — свет!

Они задрали головы — выше, чуть позади, на темно-коричневой стене пещеры переливалась сероватая дымка. По мере удаления от них она становилась все светлее, но внезапно обрывалась отчетливой черной полосой —

очевидно, где-то за углом или поворотом в пещеру пробивался свет.

— Внимание! — сказал Джеральд. Во всяком случае, именно это он имел в виду, когда, как подобает сыну офицера, выкрикнул: — На караул!

Остальные повиновались ему, насколько это было в их власти.

— Вы останетесь в дозоре, пока я не командую «Вперед — марш!», и тогда вы осторожно двинетесь вперед разомкнутой цепью, следуя по стопам вашего героического предводителя и стараясь не наступать на мертвых и раненых.

— Ой, не надо! — взмолилась Кэтлин.

— Нет там никаких мертвых и раненых, — сказал Джимми, нащупывая в темноте ее руку. — Он просто хочет сказать, чтобы мы не наткнулись на камень или еще на что-нибудь.

Тут он наконец нашел ее руку, отчего она завизжала во всю мочь.

— Да это же я, — сказал Джимми. — Я думал, ты обрадуешься. Эх, девчонки!

Глаза их начали привыкать к темноте, и теперь дети отчетливо видели, что попали в пещеру со стенами из грубого камня — подземный лаз тянулся прямо на глубину четырех ярдов, а затем резко уходил вправо.

— Победа или смерти! — напомнил Джеральд. — Шагом — марш!

Он осторожно двинулся вперед, нащупывая дорогу среди камней, устилавших дно пещеры.

— Парус, парус! — прокричал он, скрываясь за поворотом.

— Как здесь хорошо! — вздохнула Кэтлин, снова увидев солнечный свет.

— И где же ваш парус? — поинтересовался Джимми, выходя вслед за ней.

Узкий лаз привел их к круглому своду, поросшему плющом. Сквозь эту арку они вошли в глубокую и узкую ложбину, края которой были выстланы серо-зелеными от лишайника камнями. Здесь тоже росли густые кусты и высокая трава. По обе стороны ложбины росли деревья, смыкавшиеся у них над головой, и солнечный свет, пробиваясь сквозь густую листву, превращал дорогу в золотисто-зеленую галерею. Тропа, отмеченная серо-зелеными камнями и кучами старых листьев, уводила вниз, а в конце замыкалась еще одной совершенно темной изнутри полукруглой аркой, обрамленной обломками скал, травой и лохматыми кустами.

— Все это сильно смахивает на железнодорожный тоннель, — фыркнул Джимми.

— Это вход в заколдованный замок, — сказала Кэтлин. — Пора трубить в рог.

— Увянь! — рявкнул Джеральд. — Отважный капитан, положив конец бестолковым спорам своей команды...

— Тоже мне! — вознегодовал Джимми.

— Тебе, тебе! — отмахнулся Джеральд. — ...Своей команды, отдал приказ продвигаться вперед, соблюдая осторожность, поскольку еще неизвестно, кого они могли повстречать на этом пути, а вторая арка вполне могла оказаться айсбергом или чем-нибудь не менее опасным.

— Чем опасным? — поспешила уточнить Кэтлин.

— Тут водятся медведи, — уверил ее Джеральд.

— Нет тут никаких медведей, — огрызнулся Джимми, но Джеральд, не вступая в спор, скомандовал: «Быстрым шагом — марш!»

Они зашагали быстрее. Под слоем мягких прогнивших листьев они ощущали твердую каменную дорогу. Перед входом в темную арку они остановились.

— Ступеньки, — сказал Джимми.

— Ледяной дом — вот что это такое, — окончательно решил Джеральд.

— Не надо, — протянула Кэтлин.

— Наш герой, которого ничто не могло остановить на его отважном пути, — продолжал Джеральд, — попытался вдохнуть мужество в своих слабодушных спутников, напомнив им, что он прекрасно справится и один, а они могут, если хотят, оставаться.

— Пообзывайся еще, — не на шутку обозлился Джимми и прыгнул первым, прибавив: — Ага — кто теперь отважный герой?!

— Да ведь это игра, дурачок, — ласково сказал Джеральд. — Завтра, если хочешь, ты будешь капитаном, а сейчас закрой рот и подумай, как ты будешь обзывать нас, когда придет твой черед.

Медленно и очень осторожно они начали спуск. Каменные стены сошлись сводом у них над головами. Когда они ступили на последнюю ступеньку, Джеральд вновь зажег спичку, и они увидели, что коридор ведет далеко налево.

— Мы выйдем обратно к дороге,— решил Джимми.

— Может быть, это тоннель под дорогой,— возразил Джеральд.— Мы ведь спустились вниз на одиннадцать ступенек.

Они пошли вперед, следуя за своим предводителем — тот продвигался очень медленно, боясь, как он пояснил, вновь наткнуться на ступеньки. В тоннеле было совсем темно.

— Мне тут не нравится,— вздохнул Джимми.

Потом впереди замерцал свет. Светлое пятно все ширилось, ширилось — и они вновь вышли к арке, но на этот раз за ней открывался уголок, так похожий на картинки из итальянской книги, что они не смогли и слова произнести, а словно замороженные двинулись вперед. Короткая кипарисовая аллея, расступившись, привела их к мраморной террасе, ослепительно белой и залитой солнцем. Взобравшись на широкие ровные перила террасы, дети, сощутив глаза, вгляделись в мерцавшую от солнечного света даль. Прямо под ними простиралось озеро — озеро из «Пейзажей Италии», с лебедями, островами и склонившимися над водой деревьями. Зеленые холмы, мягко поднимавшиеся от озерной глади, тоже поросли деревьями, и в глубине этих рощ мелькали мраморные статуи. Слева, у невысокой горы, стояло белое круглое здание с колоннами, справа меж влажных камней пробивался водопад, обрушивавшийся в озеро. С террасы к воде вели ступени, а другая лестница уводила к зеленой лужайке. Вдали, на поросшем сочной травой холме, паслась

лань, а еще дальше, там, где разбросанные группки деревьев сливались уже в почти настоящий лес, громоздилась странная масса темно-серых камней, не похожих ни на что из того, что детям доводилось когда-либо видеть.

— Этот мой одноклассник...— начал было Джеральд, но тут Кэтлин завопила:

— Замок! Заколдованный замок!

— Где ты тут видишь замок?— удивился Джимми.

— А это что по-твоему?— Джеральд ткнул пальцем вперед— туда, где под сенью лип на фоне синего неба высились белые стены и башни.

— Кажется, тут никто не живет,— заметила Кэтлин,— но все прибрано, и прибрано очень аккуратно. Точно вам говорю— это волшебство.

— Волшебные машины,— подкинул Джимми.

— Если бы мы были героями книги, это непременно оказался бы заколдованный замок,— настаивала Кэтлин.

— Это и есть заколдованный замок,— низким голосом прогудел Джеральд.

— Заколдованных замков не бывает,— охладил их пыл Джимми.

— Ты уверен? Можно подумать, на свете бывает только то, о чем ты знаешь.— Джеральд умел, когда было надо, сокрушить оппонента презрительной усмешкой.

— И все-таки, после того как изобрели паровоз, все волшебство кончилось,— продолжал Джимми, против обыкновения не воинственно, а задумчиво.— Паровоз, да еще, пожалуй, газеты, телефон и телеграф.

— Телеграф-то как раз меньше всего похож на волшебство, — откликнулся Джеральд.

— Как сказать! — Джимми тоже знал что почем.

— А может быть, волшебство пропало потому, что люди в него больше не верят, — вступилась Кэтлин.

— Давайте лучше не портить игру всеми этими «верю-не верю», — заключил Джеральд. — Я хочу верить в волшебство — и буду. Вот вам заколдованный сад, в нем — заколдованный замок, и я отправляюсь вперед на поиски

приключений. Рыцарь без страха и упрека помчался вперед, предоставив своим нерешительным оруженосцам следовать за ним или сидеть на месте, если уж они такие дураки,— он перепрыгнул через перила и решительной походкой направился к лужайке. Даже его башмаки стучали как-то особенно бодро — в ритме походного марша.

Остальные последовали за ним. Такого сада им и впрямь еще не доводилось видеть — он как будто сошел с картинки какой-нибудь книги сказок. Они прошли мимо семьи оленей, которые вовсе не испугались их, а лишь повернули головы и проводили их долгим взглядом. Мягкая дорожка из дерна провела их под сенью высоких лип в розовый сад, огражденный изгородью из густо переплетенных между собой кустов. Сад был зеленый и красный, белый и розовый — совсем как пестрый носовой платок маленькой великанши.

Как пахли здесь розы!

— Сейчас нас поймает садовник — и что мы ему скажем? — без особой тревоги спросила Кэтлин, утыкаясь носом в прекрасную розу.

— Скажем, что заблудились. Кстати, это совершенная правда, — успокоил ее Джеральд.

Но они не встретили садовника и вообще никого не встретили. Окружавшее их волшебство ощущалось все отчетливее, и даже звук их собственных шагов в огромном пустом саду казался им тревожным. Розовый сад окружала ограда, в ограде был сводчатый проход, а по ту сторону начинался лабиринт, словно в Хэмптон-Корте.

— Помяните мое слово,— сказал Джеральд, останавливаясь.— Там, в лабиринте, нас и ждет главное колдовство. К оружию, мои отважные воины — и вперед, соблюдая молчание!

И они последовали за ним, соблюдая молчание.

В лабиринте, среди тесно подступавших друг к другу изгородей было очень жарко, и найти путь в центр оказалось не так-то просто. Дорожка, раскручиваясь, снова и снова возвращала их к той темной арке, через которую они вошли. Хорошо еще, что каждый из них прихватил с собой носовой платок — большой и чистый.

Когда они в четвертый раз вышли к арке, Джимми внезапно объявил:

— А я хочу...— Тут он замолчал и обвел всех странным взглядом: — Где наш обед? — произнес он упавшим голосом.

И тут дети с ужасом припомнили, что их корзинка с припасами осталась стоять у входа в пещеру. Давясь голодной слюной, они мысленно перебирали ее содержимое: там было несколько ломтиков холодной баранины, шесть помидоров, хлеб с маслом, соль, аккуратно завернутая в бумажку, пирог с яблоком и маленькие толстые бутылочки, из которых в жаркий день так приятно пить сидро.

— Пошли назад! — сердито сказал Джимми. — Сейчас же идем назад — там обед и все наши вещи. Я есть хочу.

— Только разок еще попробуем пройти в лабиринт, — попросил Джеральд. — Терпеть я не могу бросать дело на полдороге.

— Я очень хочу есть,— гнул свое Джимми.

— Раньше не мог сказать! — возмутился Джеральд.

— Раньше я не был так голоден,— огрызнулся Джимми.

— Значит, ты и сейчас не голоден. Не мог же ты проголодаться в одну секунду. Эй, а это еще что такое?

Это самое «что такое» было тоненькой, еле заметной красной полоской, которую и не разглядеть, пока не уставиться пристально (и сердито) себе под ноги.

«Что такое» оказалось красной шерстяной ниткой. Джеральд потянул ее, и на одном конце обнаружил продырявленный наперсток. А на другом конце...

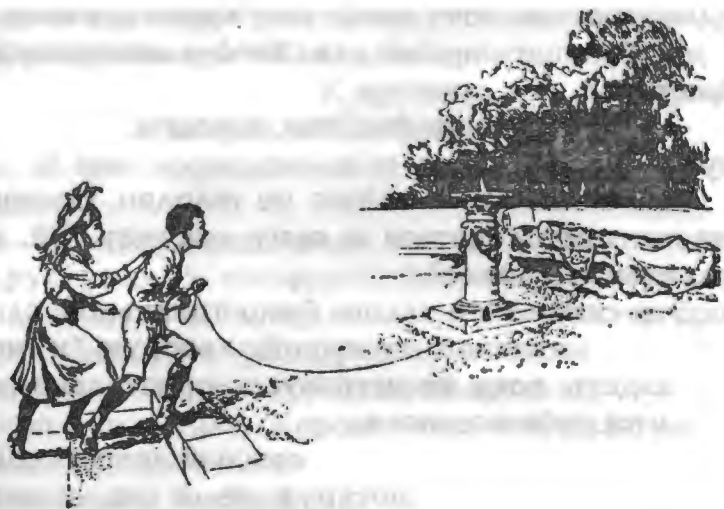
— А другого-то конца у нее и нет,— в голосе Джеральда снова зазвучали командные нотки.— Путеводная нить — вот что это такое. Так кто хотел вернуться за склизкой холодной бараниной? Я так и знал, что однажды с нами приключится что-нибудь волшебное.

— Мало ли что мог тут обронить садовник! — не сдавался Джимми.

— По-твоему, это он потерял серебряный наперсток Принцессы? Ты только посмотри — здесь даже корона выгравирована.

— Идем же,— голос Джеральда сел от волнения.— Мы же искали приключений — и вот они вам на блюдечке! Да и вообще, кто-нибудь подобрал нашу корзинку уже час тому назад.

Он двинулся вперед, наматывая красную нить себе на руку. Это и впрямь была путе-

водная нить — она привела их в самый центр лабиринта. А в самом центре лабиринта они, наконец, набрали на чудо.

Красная нить вела их сперва по ровной дорожке, затем вверх на две каменные ступени к маленькой круглой лужайке. Посреди лужайки были устроены солнечные часы, а вокруг нее смыкалась кольцом низкая и широкая скамья из белого мрамора. Красная нить провела их наискось через лужайку, мимо солнечных часов, и тут, наконец, обнаружился второй конец нити, намотанный на смуглый, украшенный драгоценным перстнем палец. Пальчиков, как и следует ожидать, было пять, и все они были унизаны дорогими кольцами, а выше — тоже вполне естественно — начиналась рука, и на эту руку было надето множество запястий с зелеными, красными и синими ярко сверкающими камнями. Тонкий ру-

кав из розового, расшитого золотом шелка прикрывал эту руку. Золотая вышивка чуть-чуть поблекла, но по-прежнему была очень красивой. Описанное платье очень шло юной леди, спавшей на мраморной скамье под яркими лучами солнца. Золотисто-розовое платье, распахнувшись внизу, открывало еще одну юбку — только знатные дамы носят сразу два платья! — и эта юбка была темно-зеленого цвета. Воротник из старого кружева, желтого, словно топлёные сливки, доходил спящей леди до самого подбородка. Лицо ее было закрыто тонкой белоснежной вуалью, усыпанной серебряными звездами.

— Вот она — заколдованная Принцесса, — прошептал Джеральд.

— Спящая Красавица, — деловито сказала Кэтлин. — Сам посмотри, как она старомодно одета — прямо как все эти дамы в книжке про Марию-Антуанетту. Она уже сто лет так спит. Ой, Джеральд, ты же самый старший из нас — ты, наверное, Принц, а мы-то и не догадывались.

— Это не настоящая Принцесса, — заорчал Джимми, но они зашикали на него: во-первых, нечего вечно ворчать и портить игру, а во-вторых, кто знает — вдруг это все-таки Принцесса. Все замерло вокруг них. Спящая леди лежала, не шевелясь, и точно так же замер солнечный луч на ее лице. Каждый шаг, который дети прошли на пути к своему приключению — пещера, сад, лабиринт и красная нить — приводил их все ближе и ближе к чуду, и теперь Кэтлин и Джеральду казалось, что они и сами заколдованы.

— Давай поднимем вуаль, Джерри,— зашептала Кэтлин.— Вдруг она некрасивая — тогда мы точно будем знать, что она вовсе не Принцесса.

— Вот ты и подними,— прошептал в ответ Джеральд.

— Нам влетит, если мы будем трогать тут всякие статуи,— предупредил Джимми.

— Ты что, дурачок, она же не восковая! — ответил брат.

— Нет,— задумчиво сказала Кэтлин,— воск бы давно расплавился на таком солнце. И потом, вы же видите, она дышит. Нет, нет, это самая настоящая Принцесса.

Она тихонько взялась за край вуали и потянула ее в сторону. У Принцессы, как выяснилось, были пышные черные волосы, на фоне которых ее лицо казалось ослепительно белым. Нос у нее был точеный, брови прямые, но на носу и на щеках ребята заметили несколько веснушек.

— Ничего, что веснушки,— уверила братьев Кэтлин.— Если спать сто лет на таком солнце, еще и не то высыпет. Рот у нее, пожалуй, не слишком похож на розовый бутон, но все же она самая настоящая красавица,— восторженно прошептала Кэтлин.

— Неплохой кадр,— боюсь, что Джеральд ответил именно так.

— Давай, Джерри,— подтолкнула его сестра.— Ты самый старший.

— Ну да, я старший,— подтвердил Джерри безо всякого энтузиазма.

— Давай же, разбуди Принцессу.

— Никакая она не Принцесса,— ввязался Джимми, глубоко заправив руки в карманы своих коротких штанишек.— Просто маленькая девочка, которая вырядилась и воображает о себе невесть что.

— Какая же она маленькая, когда на ней такое длинное платье,— не сдавалась Кэтлин.

— Ага, длинное — даже ног не видно. С мамы сняла — если бы она встала во весь рост, ты бы увидела, что она ничуть не выше Джерри.

— Не слушай его, Джерри,— ты должен это сделать!

— Что я должен сделать? — переспросил Джеральд, в смущении ковыряя носком ботинка землю.

— Ты должен поцеловать ее, чтобы она проснулась.

— Чур меня! — отшатнулся Джеральд.

— Но кто-то же должен это сделать.

— Ну да — она проснется и тут же набросится на меня,— сказал многоопытный Джеральд.

— Я бы сама ее поцеловала,— сказала Кэтлин,— только это, наверное, не поможет.

На всякий случай она попробовала — и безуспешно. Принцесса по-прежнему спала.

— Теперь ты, Джимми. По-моему, у тебя получится. Поцелуй ее — и сразу в сторону, чтобы она тебя не треснула!

— Его-то она не треснет,— заметил Джеральд.— Не станет она связываться с таким малышом.

— Сам ты малыш! — заявил Джимми.— Ладно же, я ее поцелую. Я ведь не такой трус, как некоторые. Но зато на весь сегодняшний

день я буду безупречным предводителем и все такое прочее.

— Нет уж, стой! — завопил Джеральд. — Лучше я сам.

Но он опоздал. Джимми уже бодро-весело чмокнул спящую Красавицу в бледную щеку, и все трое замерли, ожидая последствий его подвига.

Принцесса открыла большие темные глаза, потянулась, слегка зевнула, изящно прикрыв рот загорелой ручкой, и произнесла первую свою фразу — отчетливо, спокойно, словно регистрируя научный факт:

— Значит, сто лет уже прошло? Как вырослась изгородь! Кто из вас Принц, пробудивший меня от многолетнего сна?

— Это я,— сказал бестрепетный Джимми. Судя по всему, Принцесса не собиралась набрасываться на него.

— Мой спаситель! — воскликнула Принцесса, томно протягивая ему руку. Джимми крепко пожал ее.

— Но ведь вы вовсе не Принцесса, верно? — счел он нужным заметить.

— Конечно же, я Принцесса,— отозвалась она.— Кто же я еще, по-твоему? Посмотри, вот и корона.— Она лихо сбила набок серебряную вуаль, и дети увидели небольшую корону, в которой — тут уж Джимми крыть было нечем — посверкивали бриллианты.

— И все-таки... — пробормотал он.

— Да как же это так! — сказала Принцесса, изумленно раскрыв глаза.— Вы же знали про меня, иначе зачем бы вы пришли? Только как вам удалось пройти мимо драконов?

Этот вопрос Джеральд пропустил мимо ушей.

— Скажите,— поторопился спросить он,— вы сами-то верите в колдовство и все такое прочее?

— Кому же не верить, как мне,— ответила Принцесса.— Смотри, вот след на руке, в том самом месте, где я оцарапалась веретеном.— И она протянула ему руку, отмеченную узким шрамом на запястье.

— И это вправду заколдованный замок?

— Конечно, вправду,— рассердилась Принцесса.— А ты неверующий дурачок!

Она поднялась во весь рост, и розовое расшитое платье тяжелыми складками коснулось земли.

— Говорил я, что это платье ей слишком велико,— пробурчал Джимми.

— Когда я легла здесь и заснула, оно было мне как раз,— ответила Принцесса.— Наверное, оно выросло за последние сто лет.

— Все равно я не верю, будто вы Принцесса,— упорствовал Джимми.— Разве что...

— Не хочешь — не верь,— спокойно произнесла Принцесса.— Важно не то, во что ты веришь, важно — кто я на самом деле.

— Пора возвращаться в замок,— сказала Принцесса, одним взглядом охватив своих гостей.— Там я покажу вам мои драгоценности и прочие прекрасные вещи. Хотите?

— Конечно,— сказал Джеральд, но в голосе его отчетливо слышалось тяжелое раздумье.— Вот только...

— Что «только»? — нетерпеливо потребовала Принцесса.

— Мы страшно проголодались.

— Ой, и я тоже! — воскликнула Принцесса.

— Мы с самого завтрака ничего не ели.

— А сейчас уже три часа,— молвила Принцесса, бросив взгляд на солнечные часы.— Конечно, вы очень давно не ели — много-много часов. Но как же я — я-то ведь уже сто лет ничего не ела! Скорее, скорей идем в замок!

— Там, наверное, уже все съели мыши,— вздохнул Джимми, который наконец поверил, что перед ним и вправду Принцесса.

— Только не мыши,— весело вскричала Принцесса.— Ты что, забыл — здесь же все было заколдовано. Время просто остановилось

на сто лет. Вперед — и пусть кто-нибудь не-сет мой шлейф, а то он так ужасно вырос, что я с ним и шагу ступить не смогу.

Глава вторая

Есть много вещей, в которые в детстве очень трудно поверить — но до скучного разумные взрослые непременно подтвердят, что все это истинная правда. Например, они заверят вас, что Земля круглая и что она вращается вокруг Солнца. А вот про то, во что в самом деле стоит верить — про сказки и волшебство, — взрослые непременно скажут, что это одни выдумки. А ведь в них-то поверить гораздо легче, особенно когда чудеса совершаются прямо у вас на глазах. Сколько раз я уже говорила вам, что с самыми разными людьми происходят самые удивительные события, только они не хотят о них рассказывать, потому что знают, что им никто не поверит — вот они и молчат и только со мной делятся своими тайнами. А мне они рассказывают о них потому, что знают — уж я-то верю всему.

Итак, после того как Джимми разбудил Спящую Красавицу, она пригласила всех троих в свой дворец — надо же им было наконец подкрепиться. Теперь дети уже не сомневались, что попали в заколдованное место, где происходят всякие чудеса. Медленно, растянувшись цепочкой, шли они во дворец по заросшей травой тропе. Впереди шла Прин-

цесса, Кэтлин несла ее переливавшийся блестящими шлейф, за ними следовал Джимми, а Джеральд замыкал процессию. Все трое были уверены, что попали в самое сердце волшебной сказки, и они поверили в это тем более охотно, что очень устали и проголодались. По правде говоря, они настолько устали и проголодались, что едва разбирали дорогу и уже не замечали красот великолепного сада, через который вела их одетая в тонкий розовый шелк Принцесса. Они двигались, словно во сне, и очнулись только в огромном зале, вдоль стен которого выстроились рыцарские доспехи и старые знамена, а на полу лежали большие звериные шкуры. Посреди зала стояли тяжелые дубовые столы, окруженные скамьями.

Медленно и торжественно вошла в свой замок Принцесса, но, едва оказавшись внутри, поспешно вырвала нарядный шлейф из рук Кэтлин и, пристально глядя на трех своих гостей, предупредила:

— Подождите меня минутку — и не вздумайте разговаривать, пока я не вернусь. Здесь полно всяких чудес, и я сама не знаю, что может случиться, если вы без меня начнете болтать. — После чего она подхватила тяжелые, шитые золотом складки платья, обернула их вокруг локтя и выскочила («То же мне Принцесса», — как позднее бурчал Джимми), показав на бегу черные чулочки и черные башмачки.

У Джимми язык так и чесался сказать, что он не верит, будто что-то может произойти,

если он даже и заговорит, но он боялся, как бы это «что-то» не произошло в тот самый момент, когда он откроет рот, а потому он удовольствовался страшной гримасой, причем нос его свернулся набок, а язык язвительно вылез изо рта на довольно-таки изрядное расстояние. Остальные сделали вид, будто ничего не заметили, и это сокрушило Джими куда сильнее, чем любой словесный отпор. После этого они сидели молча — лишь Джеральд чуть слышно притопывал пяткой по мраморному полу. Затем вошла Принцесса. На этот раз она двигалась очень медленно и осторожно, на каждом шагу осторожно раздвигая ногой тяжелые складки платья — теперь она не могла подхватить их руками, поскольку в руках несла поднос.

Поднос, против ожидания, оказался вовсе не серебряным — это был обычный овальный жестяной поднос. Принцесса с грохотом поставила его на ближайший угол длинного стола и облегченно вздохнула.

— Ой! Какой же он тяжелый! — пожаловалась она.

Не знаю, на какую волшебную трапезу рассчитывали к тому времени дети, но только все их надежды лопнули — на тяжелом подносе был один большой ломоть хлеба, головка сыра и коричневая кружка с водой. Поднос оказался таким тяжелым потому, что Принцесса положила на него множество тарелок, чашек и ножей.

— Наваливайтесь! — гостеприимно предложила Принцесса. — Мне удалось найти только

хлеб и сыр, но ничего страшного — здесь полно всяких чудес, и если только у вас на совести нет какого-нибудь страшного смертного греха, хлеб и сыр превратятся в ту самую еду, которую вы хотите вкушать. Итак, что вам угодно? — обернулась она к Кэтлин.

— Жареного цыпленка, — мечтательно протянула девочка, и шелковая Принцесса, отрезав ей кусочек хлеба, церемонно положила его на блюдо. — Прошу вас, — произнесла она, — вот жареный цыпленок. Вам нарезать — или вы справитесь сами?

— Нарежьте, пожалуйста, — попросила Кэтлин, и кусочек сухого хлеба переключал к ней на тарелку.

— Добавить зеленого горошка? — спросила принцесса, отрезая кусочек сыра и выкладывая его на блюдо рядом с хлебом.

Кэтлин принялась за хлеб, разделявая его ножом и вилкой, словно жареного цыпленка. Не стоило признаваться, что перед ней вовсе не цыпленок с горошком, а попросту сыр да сухой хлеб — не то вышло бы, что у нее на совести есть какой-то смертный грех.

— Во всяком случае, я об этом «смертном грехе» ничего не знаю, — пробормотала она себе в утешение.

Мальчики выбрали жареную баранину с капустой — и, по всей видимости, получили, что хотели, хотя Кэтлин по-прежнему видела только сухой хлеб да черствый голландский сыр.

— Хотела бы я все-таки знать, какой такой грех у меня на совести, — размышляла она, когда Принцесса, объявив, что ей по вку-

су крылышко фазана, подхватила вилкой второй кусочек черного хлеба и с удовольствием отправила его себе в рот, прибавив: — На этот раз получилось просто замечательно.

— Это такая игра, верно? — не выдержал наконец Джимми.

— Ты о чем? — нахмурилась Принцесса.

— Будто бы это баранина — когда на самом деле это хлеб с сыром.

— Будто бы? Но ведь это и есть баранина. Посмотри хорошенько, — сказала Принцесса, широко раскрыв глаза.

— Ну конечно, — промямлил Джимми. — Я только хотел пошутить.

Конечно, хлеб с сыром — это совсем не так вкусно, как баранина или жареный цыпленок или крылышко фазана (правда, насчет фазана я не уверена, ибо никогда его не пробовала, а вы?), и все же куда лучше, чем совсем ничего, особенно после такой длинной прогулки, когда ты ничего не ел с самого завтрака (не считая лимонада с крыжовником), а время обеда давно уже миновало. Так что дети беспрекословно съели хлеб с сыром, запили его водой и почувствовали себя намного лучше.

— А теперь, — сказала Принцесса, отряхивая хлебные крошки с зеленого шелка, — если вы вволю наелись мяса, мы можем пойти и посмотреть на мои сокровища. Может быть, ты хочешь еще кусочек цыпленка? Точно нет? Ну, хорошо, тогда за мной!

Она встала из-за стола. Дети последовали за ней через весь большой зал — туда, где разбегались в обе стороны широкие каменные

лестницы, вновь соединявшиеся наверху в широкую светлую галерею. Внизу, под лестницей, висел достававший до полу занавес.

— За этим покровом находится дверь в мои личные покои,— произнесла Принцесса, обеими руками приподнимая занавес, который оказался достаточно тяжелым. За ним открылась небольшая дверка.

— Ключ висит над дверью,— сказала она.

В самом деле, там он и висел — на большом ржавом гвозде.

— Вставляй ключ,— велела Принцесса,— и поверни его направо.

Джеральд повиновался, и большой ключ заскрипел, проворачиваясь в замке.

— А теперь толкните дверь,— сказала Принцесса.— Все трое толкайте изо всех сил.

Они дружно навалились, дверь поддалась, и они повалились друг на друга, вдруг оказавшись в глубокой тьме.

Принцесса опустила занавес и вошла вслед за ними, затворив за собой дверь.

— Осторожнее! Осторожнее! — окликнула она их.— Здесь где-то есть две ступеньки.

— Благодарю вас,— буркнул Джеральд, потирая ушибленное колено.— Мы уже их нашли.

— Мне очень жаль,— извинилась Принцесса.— Но вы же не очень сильно ушиблись, правда? Идите теперь прямо вперед. Там больше нет ступенек.

И они пошли вперед в кромешной тьме.

— Когда дойдете до двери, поверните ручку и сразу же входите. И стойте там тихо, пока я не отыщу спички. Я знаю, где они лежат.

— Разве сто лет назад были спички? — поинтересовался Джимми.

— Я имела в виду трут, — ответила Принцесса, не моргнув глазом. — Мы всегда называли его спичками — а как говорите вы? Дайте-ка я пойду первой.

Она проскользнула вперед и исчезла в темноте. Когда дети наконец добрались до двери, она уже ждала их со свечой в руке. Свечу она тут же протянула Джеральду.

— Держи ровно! — наказала она и занялась рамами высокого окна — сперва ей удалось раздвинуть их настолько, что первый желтоватый луч проник в комнату, затем рамы сильно закрипели и солнечный свет широким потоком хлынул в комнату.

— Теперь и свечка не нужна, — сказал Джимми.

— Вот именно, — откликнулась Принцесса и задула огонек. После этого она выдернула ключ из замка с наружной стороны двери, вставила его в замок изнутри и заперла дверь.

Они оказались в небольшой комнате с очень высоким потолком. Сводчатый синий потолок был вдобавок изукрашен золотыми звездочками. Стены здесь были деревянные, резные, и никакой мебели не было видно.

— Вот! — горделиво произнесла Принцесса. — Здесь хранятся мои сокровища.

— А где эти сокровища? — очень вежливо спросила Кэтлин.

— Разве вы их не видите? — удивилась Принцесса.

— Нет, не видим,— сердито заворчал Джими.— Не видим и не видим. И не не рассчитывайте, что я еще раз буду играть в поддавки, как вышло с хлебом и сыром. Только не два раза подряд, уж извините!

— Ну, если вы и вправду ничего не видите,— задумчиво сказала Принцесса,— придется произнести заклинание. Зажмурьтесь, пожалуйста. И дайте честное слово, что вы не станете подглядывать, пока я не скажу «Можно!», и что вы за всю свою жизнь никому не

расскажете о том, что вам довелось увидеть.

Пожалуй, дети предпочли бы обойтись без подобных клятв, но делать было нечего — они поклялись и тут же крепко зажмурились.

— Смогадотригади-тегаде игади погадовегаде-ригадитегаде! — на одном дыхании произнесла Принцесса, и они услышали, как зашуршало ее шелковое платье, когда она проносилась по комнате. Потом до их слуха донесся тревожный скрежещущий звук.

— Она нас заперла! — завопил Джимми.

— Ты же обещал не открывать глаза! — иростно шепнул ему Джеральд.

— Скорей бы уж! — жалобно вздохнула Катанил.

— Можно! — раздался голос Принцессы, и дети открыли глаза. Они оказались совсем в другой комнате! Нет, комната была та же самая — вот и синий сводчатый потолок, и резная деревянная стена была видна только высоко под потолком, а ниже начиналось сплошное сияние — белое и синее, красное и зеленое, серебряное и золотое! Стены комнаты были целиком опоясаны рядами полок, на которых красовались золотые чаши и серебряные блюда, усеянные драгоценными камнями бокалы и кубки, золотые и серебряные украшения, алмазные короны, рубиновые ожерелья, бусы из жемчуга с изумрудами — и все это сверкало и переливалось на фоне занавеса из тусклого синего бархата. Все это было похоже на драгоценности Короны, которые хранятся в Тауэре, — наверное, ваш самый добрый дядя водил вас

туда,— только здесь было гораздо больше драгоценностей, чем выставлено в Тауэре или в каком-либо другом месте.

Все трое разинули рты и едва переводили дыхание, таращась на окружавшие их блистательные сокровища, а Принцесса стояла посреди комнаты, повелительно простирая руку к своим драгоценностям. Ее губы сложились в горделивую усмешку.

— Ну и ну! — сумел наконец выдать из себя Джеральд. Но и он говорил шепотом, потому что вслух никто из них заговорить не осмеливался. Словно зачарованные, они ждали, пока Принцесса сама прервет молчание.

Наконец она заговорила.

— Так что же — хлеб с сыром? — торжествующе воскликнула она. — Умею я колдовать или не умею, а?

— Умеете, правда, умеете! — заверила ее Кэтлин.

— А потрогать можно? — попросил Джеральд.

— Все мое принадлежит вам, — сказала Принцесса, величественно и мягко поводя загорелой рукой. — Только не вздумайте прихватить что-нибудь с собой! — поспешно прибавила она.

— Мы вовсе не воры, — возмутился Джими. Его брат и сестра уже накинлись на сокровища, трогая их и поворачивая в разные стороны на полках, затянутых синим бархатом.

— Пускай не воры, — огрызнулась Принцесса, — зато ты самый недоверчивый мальчишка, какой только бывает на белом свете! Думаешь, я не знаю, что у тебя делается в

голове? Я же тебя насквозь вижу и прекрасно знаю, о чем ты сейчас думаешь.

— Ну и о чем? — поинтересовался Джимми.

— Сам знаешь! — отмахнулась Принцесса. — Ты все еще думаешь о хлебе и сыре, которые я превратила в баранину, и о том, какой у тебя на совести смертный грех. А вот лучше давайте переоденемся, и тогда вы тоже станете принцами и принцессами.

— Увенчать нашего героя было делом одной минуты, — произнес Джеральд, выуживая золотую корону с алмазным крестом наверху. Он возложил корону себе на голову и прибавил к ней витую хитросплетенную цепь и пояс из сверкающих изумрудов. Пояс никак не хотел сходиться у него на талии, но он ухитрился пристегнуть его к своему старому ремню. Когда он завершил свои труды, то обнаружил, что и остальные успели расхватать диадемы, кольца и ожерелья и отменно украсить себя ими.

— Какие вы теперь нарядные! — восхитилась Принцесса. — Жаль только, что на вас такая скучная одежда. Как плохо люди стали теперь одеваться! Вот сто лет тому назад... — но тут Кэтлин, все еще вертевшая в руке алмазный браслет, перебила ее.

— Послушайте, — сказала она, — а как же Король с Королевой?

— Что — Король с Королевой? — сердито переспросила Принцесса.

— Ваши папа с мамой... Они же, наверное, беспокоятся за вас. Они ведь тоже уже проснулись, — продолжала Кэтлин, — и, наверное,

им не терпится вас увидеть. Ведь последний раз они видели вас целых сто лет тому назад, верно?

— Ах, да! — неуверенно отозвалась Принцесса. — Но я уже успела обнять моих царственных родителей, когда бегала за хлебом с сыром. Они сейчас обедают. Они тоже проголодались, так что я им сейчас не нужна. Вот, — поспешно прибавила она, схватив рубиновый браслет и надевая его на запястье Кэтлин, — смотри, как красиво!

Что касается Кэтлин, то она могла бы провести здесь целый день, перебирая всевозможные украшения и созерцая свое отражение в маленьком зеркальце в серебряной оправе, которое Принцесса отыскала на одной из полок, да только мальчикам очень быстро наскучило это развлечение.

— Послушайте, — попросил Джеральд, — раз вы уверены, что ваши папа с мамой вас еще не хватились, то давайте выйдем в сад и хорошенько поиграем. В том лабиринте можно было бы здорово поиграть в осажденный замок — или, скажем, вы могли бы еще чего-нибудь наколдовать.

— Вы забываете, что я уже взрослая, — суховати ответила Принцесса. — Я не собираюсь с вами играть. И колдовать я тоже больше не буду, ибо это слишком утомительно. К тому же, нам еще надо как следует разложить по местам все эти драгоценности.

Это и впрямь заняло немало времени. Ребята, конечно, побросали бы все украшения как попало, но Принцесса сказала им, что у каж-

дого ожерелья, перстня или браслета есть строго определенное место на полке — этакое чуть заметное углубление в синем бархате, соответствующее форме украшения, так что каждый камешек укладывается в свое собственное гнездышко.

Укладывая на место последнюю сверкающую драгоценность, Кэтлин обнаружила на полке рядом с ней не те привычные уже блестящие камушки, которыми она успела вполне наиграться, но кольца, брошки, цепочки и еще какие-то совсем уже странные вещи, которые она и по имени-то не знала, сделанные из тусклого металла и почему-то тревожные с виду.

— А это что за чепуховина? — непочтительно спросила она.

— Как же, чепуховина! — возмутилась Принцесса. — Это и есть самые волшебные вещи. Вот, например, этот браслет: каждый, кто наденет его на руку, будет говорить одну только правду. А с этой цепочкой ты будешь сильнее, чем десять силачей вместе взятые; наденешь эту шпору — и лошадь под тобой пробежит милью за минуту, а можно и пешком идти — это все равно, что семимильные сапоги.

— А эта брошка? — Кэтлин потянулась было к ней рукой, но Принцесса успела ее перехватить.

— Ничего не трогай! — предупредила она. — Если кто-нибудь, кроме меня, возьмет в руки эти вещи, все волшебство уйдет из них — навсегда! С этой брошкой будет выполняться любое твоё желание.

— А кольцо? — спросил Джимми, указывая издали пальцем.

— Оно превратит тебя в невидимку.

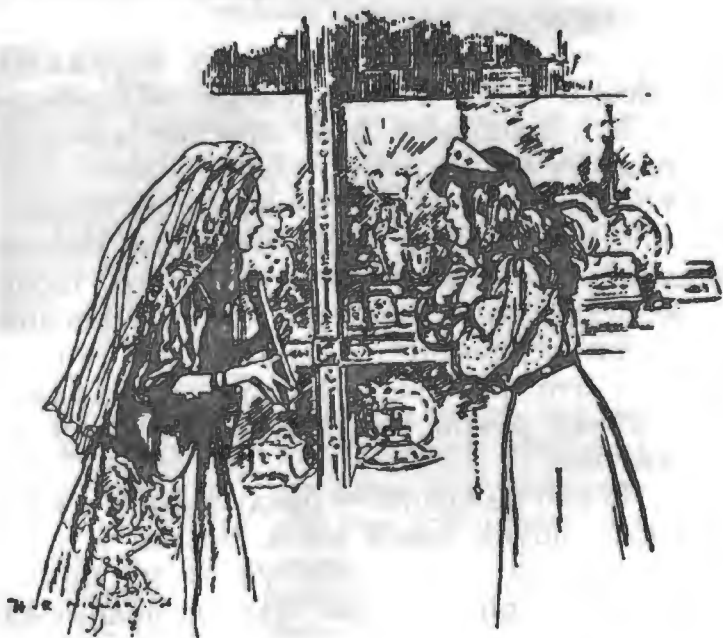
— А это что? — Джеральд показал на причудливой формы пряжку.

— А это... Это прекращает действие любого волшебного предмета.

— В самом деле? — недоверчиво спросил Джимми. — Вы не выдумываете?

— Сам ты выдумываешь! — взвизгнула Принцесса. — Мало я тебе чудес показала — пора бы уж тебе научиться выказывать почтение Принцессе.

— Пожалуйста, — взволновано попросил Джеральд, — покажите нам, как это работает.

Можно каждому из нас задумать по желанию?

Принцесса помолчала. Все трое поспешно обдумывали желания — поистине потрясающие, но вполне разумные, не то что люди в волшебных сказках, которые почему-то всегда склонны профукать свои три желания, если им удастся набрести на волшебника.

— Нет, — внезапно решила Принцесса, — наши желания я исполнить не могу, потому что брошка выполняет только мои желания. Тут уж ничего не поделаешь. Но зато я покажу вам, как это кольцо сделает меня невидимкой. Вы должны зажмуриться, пока я буду колдовать.

Они зажмурились.

— Досчитайте до пятидесяти, — сказала Принцесса. — Потом можете открыть глаза и увидите, что я исчезла. А потом снова закройте глаза и считайте еще раз до пятидесяти — и я предстану перед вами.

Джеральд начал считать вслух. Снова слышался странный скрежещущий звук.

— Сорок семь, сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! — заторопился Джеральд, и дети открыли глаза.

Они были в комнате одни. Драгоценности исчезли, и вместе с ними исчезла Принцесса.

— Открыла дверь и ушла, — решил Джимми, но дверь по-прежнему была заперта изнутри.

— Значит, это настоящее колдовство! — задохнулась Кэтлин.

— Обыкновенные фокусы! — проворчал Джимми. — Лучше бы мы вернулись домой, хотя бы к чаю.

— К чаю! — возмутился Джеральд. — Едва наш герой досчитал до пятидесяти, прекрасная принцесса вновь предстала перед ним. Раз, два, три, четыре...

Джеральд и Кэтлин зажмурились, но у Джимми глаза остались открытыми. Он не собирался мошенничать, он просто забыл. И вот, когда Джеральд произнес «двадцать», Джимми увидел, как под окном раздвигается деревянная панель.

— Ага! — сказал он про себя. — Я так и знал, что это просто надувательство, — и тут он поспешно зажмурился, поскольку был честным мальчиком и вовсе не хотел подглядывать.

Джеральд досчитал до пятидесяти, и три пары глаз разом раскрылись. Панель за это время успела вновь сдвинуться — но Принцессы в комнате не было.

— На этот раз у нее не вышло, — удивился Джеральд.

— Давай посчитаем еще раз, — предложила Кэтлин.

— Наверное, там под окном есть шкаф, и в нем она прячется, — заметил Джимми. — Обыкновенная раздвижная доска — вот и все колдовство!

— Ах, ты подглядывал! Так нечестно! — завизжал голосок Принцессы у самого его уха.

— Я не нарочно, — Джимми чуть не подпрыгнул, так неожиданно и близко прозвучал этот упрек.

— Но где же вы, правда, где? — и все трое оглянулись в растерянности.

Принцессы среди них не было.

— Принцесса, дорогая, станьте снова видимкой, ну пожалуйста! — испуганно попросила Кэтлин. — Хотите, мы опять зажмуримся и посчитаем до пятидесяти.

— Хватит дурака валять! — на этот раз Принцесса, кажется, всерьез прогневалась.

— Это мы-то валяем дурака?! — Уж в способности гневаться Джимми не уступал Принцессе. — Вы бы лучше вылезали из своего шкафа, и дело с концом. Будто мы не знаем, что вы просто спрятались.

— Перестань, — вступилась Кэтлин. — Она же и в самом деле стала невидимкой.

— Так и я могу быть невидимкой — стоит только залезть в шкаф, — не сдавался Джимми.

— Ах, вот как! — прошипел сердитый голос. — Вы очень умные, да? Ну и пусть, если вам так хочется, можете делать вид, будто меня не видите.

— Но мы и вправду вас не видим, — сказал Джеральд. — И нечего лезть в бутылку. Если Джимми прав и вы спрятались, то, по-моему, вам пора вылезать. А если вы и в самом деле превратились в невидимку, вам бы лучше расколдоваться.

— Вы по-честному хотите сказать, — прозвенел испуганный голосок, в котором они едва узнали голос Принцессы, — будто меня не видно?

— Вы что, сами не видите, что мы вас не видим? — спросил Джимми (что, по-моему, было не только грубо, но и глупо).

Солнце сильно нагрело стекла высокого окна, в комнате стало жарко и душно, и все

чувствовали, как к ним все ближе подступает раздражение.

— Не видите... Не видите меня? — в голосе Принцессы-невидимки послышались слезы.

— Да нет же, говорят вам! — сказал Джимми. — И вообще, я предпочел бы выпить чаю — и...

Чего бы там он ни хотел, ему пришлось подавиться своим желанием, ибо тут посреди бела дня случилось поистине ужасное событие: Джимми отшатнулся назад, потом сложился пополам и резко наклонился вперед. Глаза у него выпучились, рот беспомощно распахнулся. Внезапными, резкими толчками он пытался шагнуть то вперед, то назад, а потом так же внезапно замер неподвижно.

— У него припадок! — завопила Кэтлин, бросаясь к брату. — Ой, Джимми, Джимми, милый! Что с тобой случилось?

— Какой там припадок! — из последних сил огрызнулся Джимми. — Просто она навалилась на меня.

— Вот именно! — произнес голос Принцессы. — И я еще задам тебе хорошую взбучку, если ты будешь твердить, будто я невидимка.

— Попробуйте лучше потрясти меня! — разозлился Джеральд. — По крайней мере, мы с вами одного роста.

В ту же минуту Принцесса набросилась на него. На этот раз все сошло не так гладко: едва Джеральд почувствовал ее руки у себя на плече, он крепко вцепился в них где-то возле запястья. Он замер, поняв, что держит руки, которых он не видит. На миг ему стало страшно, но тут сильный пинок заставил его

пошатнуться и еще крепче ухватиться за невидимые руки.

— Кэтти! — позвал он. — Помоги мне, поддержи ее за ноги, а то она пинается.

— Где она? — Кэтлин всегда с готовностью помогала брату. — Где она, Джерри? Я даже ног ее не вижу.

— Я держу ее за руки, — проревел Джеральд. — Она и впрямь стала невидимкой. Хватай эту руку и спускайся вниз, пока не найдешь хотя бы одну ногу.

Кэтлин повиновалась. Хотела бы я вам объяснить, да так, чтобы вы хорошенько поняли и чтобы мурашки пробежали у вас по спине, как это было страшно: среди бела дня ощупью искать чьи-то невидимые руки и ноги.

— Не смей ко мне прикасаться! — вопила невидимая Принцесса, яростно пытаюсь освободиться.

— И что вы так злитесь? — спокойно недоумевал Джеральд. — Вы же сами сказали, что станете невидимой — вот вас никто и не видит.

— Неправда!

— Чистая правда. Пойдите и поглядите в зеркало.

— Неправда, неправда, быть этого не может!

— Посмотрите в зеркало, — повторил непоколебимый Джеральд.

— Тогда отпусти меня! — потребовала она.

Джеральд выпустил ее руки — и в ту же минуту ему показалось невероятным, что он и вправду держал за руки невидимку.

— Вы все просто притворяетесь, будто вы меня не видите, — тревожно сказала Принцес-

са.—Ведь правда, вы просто пошутили? Ну скажите, что это так! Хватит уже дразнить меня. Пожалуйста, довольно. Мне это очень не нравится.

— Даю вам священное слово чести,— произнес Джеральд,— что вы по-прежнему невидимы.

Наступило молчание. Наконец Принцесса произнесла:

— Сейчас я отворю дверь — и проваливайтесь отсюда! Я не хочу с вами больше играть.

Следуя за ее голосом, они добрались до двери, прошли по узкому коридору и вышли в зал. Все трое молчали, ощущая какую-то непонятную неловкость.

— Давайте скорее уйдем,— прошептал Джимми, как только они вошли в зал.

Но голос Принцессы остановил их:

— Вам лучше выйти здесь: так быстрее. По-моему, вы все просто омерзительны. Даже досада берет, что я вздумала связаться с вами! Сколько раз мама советовала мне не играть с чужими детьми.

Тут дверь в стене резко распахнулась, хотя вроде бы никто к ней не притрагивался.

— Уходите! — еще раз потребовала Принцесса.

Перед ними открылась маленькая прихожая с вытянутыми узкими окнами, между которыми были установлены такие же высокие и узкие зеркала.

— Всего доброго! — сказал Джеральд.— Мы очень приятно провели время, спасибо. Расстанемся друзьями,— и он протянул руку.

Невидимая рука медленно опустилась ему на ладонь, и, почувствовав прикосновение, он внезапно сжал эту руку.

— Так,— сказал он.— А теперь вам придется все-таки заглянуть в зеркало и убедиться, что лжецов среди нас нет.

С этими словами он подвел невидимую Принцессу к зеркалу и поставил ее перед ним, придерживая за плечи.

— Ну вот,— сказал он.— Убедитесь сами.

На миг в зале повисла тишина, а затем раздался отчаянный вопль.

— Ой! Ой-ей-ей! Что мне делать?! Я и впрямь стала невидимкой!

— Снимите кольцо! — посоветовала разумница Кэт.

Еще минутка тишины и...

— Не могу! — воскликнула Принцесса.— Ничего не получается — оно не хочет слезать с пальца. Дело же не в кольце — нельзя стать невидимкой просто оттого, что наденешь кольцо.

— Почему нельзя? — возразила Кэтлин.— Вы сказали, что это кольцо сделает вас невидимой — и так оно и вышло.

— Но это же все чепуха! — рыдала Принцесса.— Я только играла в сказки. Я пряталась в шкафу под окном. Это же просто игра! Что же мне делать, что мне делать?

— Игра? — переспросил Джеральд.— Но ведь все это было колдовством — я имею в виду невидимые сокровища, которые вы вызвали и которые мы видели?

— Просто-напросто секретная пружинка!

Нажмешь ее — и панель в стене сдвигается. Ой, что же мне теперь делать?

Кэтлин шагнула вперед — туда, откуда доносился голос, нащупала платье из розового шелка, которое они теперь не могли разглядеть, и обвила руками невидимую талию. Невидимые руки обняли ее в ответ, невидимая, но горячая щека прижалась к ее щеке, и она почувствовала, как невидимые слезы упали ей на лицо.

— Не плачь, дорогая, — попыталась утешить Принцессу Кэтлин. — Я сейчас же схожу и позову Короля с Королевой.

— Кого?

— Ваших царственных родителей..

— Перестань издеваться, — простонала несчастная Принцесса. — Это же все игра, точно так же, как и...

— Точно так же, как хлеб с сыром! — вмешался торжествующий Джимми. — Я же вам говорил!

— А как же платье.. и сон в лабиринте... и...

— Я нарядилась просто так, для забавы, потому что все домашние уехали на ярмарку, и привязала к пальцу нитку, чтобы все было по-настоящему. Я играла сама с собой в Спящую Красавицу, а потом услышала ваши голоса в лабиринте и подумала: «Вот здорово!», а теперь я невидимка, и со мной все будет ужасно — я знаю, знаю, теперь все будет совершенно ужасно! Так мне и надо — нечего было врать, да только я не думала, что вы во все это поверите.. Разве что наполовину, — поспешно прибавила она, стараясь наконец-то быть искренней.

— Но если ты не Принцесса, то кто же? — спросила Кэтлин, по-прежнему обнимая невидимку.

— Я... э-э-э... Моя тетя живет здесь, — ото-звалась невидимая «Принцесса». — Она вот-вот вернется. Ой-ей-ей, ну что же мне делать?

— Наверное, она знает нужное заклинание...

— Чушь! — негодуяще воскликнул голос. — Не знает она никаких заклинаний и не верит в них. Она будет вне себя от злости. Я и на глаза ей не посмею показаться в таком виде, — добавила она совсем уж неразумно. — И если она еще увидит всех вас — ой, как она обозлится!

Прекрасный заколдованный замок, в который дети уже готовы были поверить, развалился у них на глазах. Оставалось только одно — Принцесса-невидимка. Но и это, сознайтесь, не так уж мало.

— Я просто болтала! — продолжал жалобный голосок. — Болтала, болтала, а оно возьми и выйди на самом деле. Как бы я хотела никогда не связываться с этим колдовством. Право же, лучше бы я никогда ни во что не играла!

— Ну, будет! — ласково сказал Джеральд. — Давай лучше выйдем в сад, спустимся к озеру, где попрохладнее, и соберем высокий совет. Годится?

— Слушайте! — вскрикнула внезапно Кэтлин. — Нам нужна пряжка — она же отменяет любое колдовство!

— Ничего она не отменяет, — вздохнул бестелесный голос. — Я это просто выдумала.

— Ты и про кольцо просто выдумала, —

заметил Джеральд.— Во всяком случае, попробовать стоит.

— Ладно, я сама,— сказал голос.— А вы спускайтесь к Храму Флоры, что возле озера. Я одна вернусь в хранилище. Не хочу, чтобы тетя вас видела.

— По крайней мере, тебя-то она точно не увидит,— вставил Джимми.

— Не лезь! — одернул его Джеральд.— Так где этот Храм Флоры?

— Идите сюда,— сказал голос.— Вниз по ступенькам и вдоль тропинки через кустарник. Здесь невозможно заблудиться — вы сразу его увидите. Он из белого мрамора, а внутри статуя богини.

Трое детей спустились к белому мраморному Храму Флоры, оказавшемуся у самого подножья холма, и, забравшись внутрь, нашли себе местечко попрохладнее. Они не просидели здесь и пяти минут, как раздались поспешные шаги, и гравий, которым была выстлана тропинка, защелкал под ногами бегущего — черная, резко очерченная тень легла на белые плиты пола.

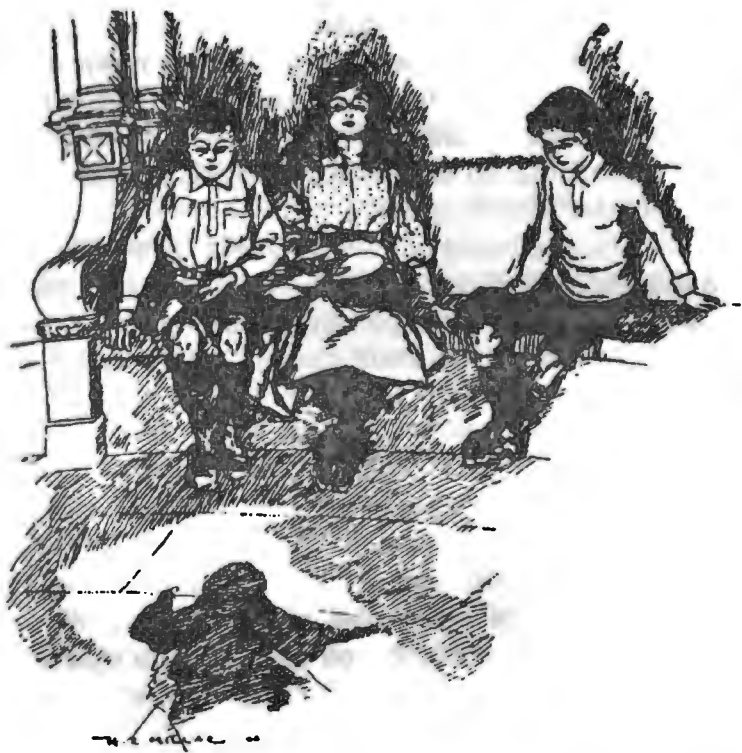
— А вот тень твою даже слишком хорошо видно,— ободрил ее Джимми.

— Отстань от меня и моей тени! — завопила Принцесса.— Я забыла ключ с внутренней стороны. Ветер захлопнул дверь, а там замок на пружине!

Все сочувственно помолчали.

Затем заговорил Джеральд — дипломатично и деловито:

— Садитесь, Принцесса! Мы должны все тщательно обсудить.

— По-моему,— вмешался Джимми,— мы сейчас проснемся и увидим, что все это нам приснилось во сне.

— Если бы! — вздохнул голос.

— Так,— взял власть в свои руки Джеральд.— Для начала я хочу знать, как вас зовут, и, раз уж вы вовсе не Принцесса, то кто же вы на самом деле.

— Я... я...— простонал прерывающийся рыданиями голос.— Я племянница домоправительницы — она работает в этом замке,— а зовут меня Мейбл Провз.

— Так я и думал! — заявил Джимми — и

соврал, потому что, сами понимаете, ничего подобного он не думал. Остальные предпочли промолчать. Все были смущены и не знали, что делать дальше.

— Как бы то ни было, ты здесь живешь,— подытожил Джеральд.

— Да,— отозвался голос. На этот раз он раздался снизу, от самого пола, словно невидимка в отчаянии бросилась наземь.— Да, да, я здесь живу, но какой смысл жить где-либо, если тебя никто не видит?!

Глава третья

Те из моих читателей, кому доводилось проводить время в обществе невидимого собеседника, хорошо знают, какое неудобство при этом испытывают все окружающие. Прежде всего, сколько бы ты ни твердил себе, что твой приятель и вправду стал невидимкой, ты все равно будешь каждую минуту вздрагивать и бормотать себе под нос что-то вроде «Этого не может быть!» или «Сейчас, сейчас я окончательно проснусь!» Именно это и происходило с Джеральдом, Кэтлин и Джимми, когда они сидели в белокаменном Храме Флоры, поглядывая сквозь сводчатые арки на залитый солнцем парк и прислушиваясь к голосу заколдованной принцессы, которая оказалась вовсе не Принцессой, а племянницей домоправительницы по имени Мейбл Провз. Но как бы то ни было, а уж заколдована она была на самом деле, как справедливо заметил Джимми.

— Что толку говорить об этом,— повторяла она (на этот раз голос доносился из ниши между двумя столбами).— Мне и в голову не приходило, что такое бывает,— и вот со мной-то оно и случилось!

— Ладно-ладно,— сказал Джеральд (который из всех сил пытался ее утешить).— Мы чем-нибудь можем тебе помочь или нам лучше уйти?

— Лучше уйти! — заявил Джимми.— Я чаю хочу!

— Чаю! — разгневался голос.— Ты хочешь уйти домой, и пить свой чай, и совершенно забыть обо мне — и это после того, как вы втравили меня в эту историю?

— Знаешь, из всех принцесс, о которых я когда-либо слышал, ты самая бессовестная!.. — начал было Джеральд, но Кэтлин поспешно перебила его.

— Не надо ее ругать,— вступилась она.— Только подумай, как это ужасно — вдруг стать невидимкой!

— Все равно моя тетка не так уж меня и любит,— заговорила невидимая Мейбл.— Она меня даже на ярмарку не взяла только за то, что я забыла убрать на место старые башмаки королевы Елизаветы — я вынула их из стеклянного ящика, чтобы примерить.

— Они тебе подошли? — с живым интересом спросила Кэтлин.

— Совсем не подошли: они такие крошечные,— проворчала Мейбл,— что вообще ни на кого налезть не могут.

— Хочу чаю! — возопил неутомонный Джимми.

— Все-таки, нам, пожалуй, и впрямь пора идти,— сказал Джеральд.— Ведь мы так и так ничем не можем тебе помочь.

— Вам надо все рассказать своей тете,— мягко посоветовала Кэтлин.

— Ни за что! — простонала невидимка.— Ни за что! Возьмите меня с собой! Я оставляю ей записку, что сбежала из дому.

— Вздор какой! Девочки не сбегают из дому.

— Очень даже сбегают,— голос снова доносился откуда-то с пола.— Вот возьму и прокрадусь на корабль, хотя бы зайцем, если там не понадобится... эта, как ее... как называется юнга, если он девочка?

— Ты ни в коем случае не должна так поступать! — строго возразила Кэтлин.

— А что же мне делать?

— В самом деле,— сказал Джеральд,— она и впрямь не знает, что ей делать. Она должна пойти домой вместе с нами, и мы...

— Выпьем чаю! — завопил Джимми, вскакивая.

— Соберем совет и все обдумаем.

— После чая! — настаивал Джимми.

— Но ведь тетя придет и не застанет ее дома.

— Она все равно не увидит меня, даже если я и останусь.

— Пошли же наконец! — потребовал Джимми.

— Но ведь тетя подумает, что с ней что-то случилось.

— А разве со мной ничего не случилось?

— Тогда она обратится в полицию, и тебя будут искать.

— И все равно не найдут,— здраво рассудил Джеральд.— Это будет лучше любого переодевания!

— Я совершенно уверена, что тетка предпочтет вовсе не видеть меня, чем застать в таком виде! — заявила Мейбл.— Она этого не переживет. У нее и так бывают мигрени. Я сейчас напишу ей письмо, и мы бросим его в большой почтовый ящик у ворот, когда будем уходить отсюда. Найдется у вас карандаш и клочок бумаги?

Джеральд выудил из кармана блокнот с блестящими листочками, на которых надо писать не обычным черным карандашом, а костяным стержнем со свинцовой головкой. Зато этот свинцовый карандашик не берет никакую другую бумагу, кроме таких вот листочков, как в блокноте у Джеральда, и это страшно неудобно, особенно если ты торопишься, а подходящей бумаги нет под рукой. И вот все трое уставились на причудливое зрелище: костяная палочка со свинцовым острием повисла в воздухе под совершенно немыслимым косым углом и быстро задвигалась — точно так же, как двигается любой карандаш, когда им что-либо пишут.

— Можно заглянуть тебе через плечо? — спросила Кэтлин.

Ей никто не ответил. Карандаш продолжал что-то писать.

— Ты не против, если мы это прочтем? — переспросила Кэтлин.

— Да, пожалуйста,— раздался голос невидимки, словно склонившейся над бумагой.—

Я же кивнула, ты что, не видела? Ой, я и забыла, что когда я киваю, этого тоже никто не видит!

Карандаш выводил аккуратные округлые буквы на вырванном из блокнота листке. Вот что там было написано:

«Дорогая тетя,

Боюсь, что какое-то время мы не сможем увидеться. Меня удочерила леди, которая проезжала мимо в своей машине, и мы поехали прямо к морю, а там мы вместе сядем на корабль. Преследовать меня бесполезно. Прощай и будь счастлива. Надеюсь, ты хорошо провела время на ярмарке.

Мейбл».

— *Сплошное вранье,*— заявил Джимми.

— *Вовсе не вранье, а придумка,*— возмутилась Мейбл.— *Если я напишу, что стала невидимкой, она уж точно назовет это враньем.*

— *Ладно, пошли!*— не утерпел Джимми.— *Поспорить и на ходу можно.*

Джеральд сложил бумажку так, как много лет назад научила его складывать записки одна индийская леди, и Мейбл повела их из парка другой, гораздо более короткой дорогой. Видимо, потому и весь путь домой оказался гораздо короче, чем дорога туда.

Пока они сидели в Храме Флоры, на небе начали собираться облака, и едва они успели добраться домой—хорошенько опоздав к чаю,—первые капли дождя уже упали на землю.

Мадемуазель выглянула из окна и вышла
отворить им дверь.

— Вы в опоздании, в опоздании! — восклицала она. — Никаких неприятностей, нет? Все было хорошо?

— Мы просим прощения, — сказал Джеральд. — Мы очень долго добирались домой. Я очень надеюсь, что вы еще не начали беспокоиться из-за нас. Я думал только о вас почти всю дорогу домой.

— Раз так, — улыбнулась француженка, — то вы получите их одновременно — и ужин, и чай.

И они уселись за стол.

— Ты зачем сказал ей, что все время думал о ней? — прошептал голос у самого уха Джеральда, едва мадемуазель вышла, оставив их наедине с хлебом, маслом, молоком и печеными яблоками. — Это ведь тоже вранье — ничуть не лучше, чем моя выдумка с леди, которая приехала на машине, чтобы меня удочерить.

— А вот и нет, — пробурчал Джеральд, отхватив изрядный кус хлеба с маслом. — Я все время думал — злится она уже или еще нет. Вот так-то!

На столе стояли только три тарелки, но Джимми уступил свою тарелку Мейбл и ел из одного блюда с Кэтлин. Страшновато было смотреть, как возносится по воздуху хлеб, растекается по нему масло, а затем бутерброд исчезает в пустоте — глоток за глотком, хотя вроде бы никто и не прикасается к нему, — и ложка стучит по тарелке, захватывает кусочек яблока, взлетает вверх и

уже пустой возвращается на тарелку. Кончик ложки тоже исчезал у Мейбл во рту за невидимыми губами, так что в эти минуты казалось, будто стебелек ложки обломился.

Все до одного были голодны, и им дважды пришлось просить добавочную порцию гренок с маслом. Во второй раз кухарка начала ворчать. Но тут Джимми откинулся на стуле с довольным вздохом:

— Ох, как же я был голоден!

— Да, но как нам быть с завтраком? — встревожился Джеральд. — Утром мадемуазель сядет за стол вместе с нами и сразу же грохнется в обморок, едва только куски бекона вот эдак замелькают в воздухе!

— Мы накупим провизии и будем кормить Мейбл по секрету, как бедную пленницу, — предложила сострадательная Кэт.

— Нам никаких денег не хватит, — угрюмо буркнул Джимми, а потом обратился к невидимке: — Может, у тебя есть деньги?

— Почти нет, — раздался голос из-за кувшина с молоком. — Но у меня полно замечательных идей.

— Мы и утром успеем все обсудить, — заметила Кэтлин. — А сейчас пора попрощаться с мадемуазель и ложиться спать. Ты ляжешь вместе со мной, Мейбл. У меня есть запасная ночная рубашка.

— Завтра я принесу свою рубашку, — оптимистично уверила ее Мейбл.

— Ты что, вернешься домой за вещами?

— Почему бы и нет? Все равно меня никто не увидит. Вообще, мне это начинает нравиться.

ся. Стать невидимкой — совсем неплохое развлечение.

— Вот чудеса! — вздохнула Кэт, когда платье Принцессы выплыло из пустоты. Сперва в воздухе повисла прозрачная вуаль, затем на верхушке бюро приземлилась сверкающая корона, потом показался один, еще потом — второй рукав розового платья, и наконец все платье блестящими складками легло на пол, где некоторое время неуверенно шевелилось, пока невидимые ноги выпутывались из него. Мейбл сняла с себя одежду — и одежда стала видимой. Зато ночная рубашка, взлетев с кровати, в ту же секунду исчезла.

— Ложись в постель! — испуганно попросила Кэтлин.

Кровать скрипнула, на подушке проступила ямочка. Кэтлин выключила ночник и поспешно улеглась: все это волшебство уже действовало ей на нервы, и она была почти испугана, правда, в темноте все казалось уже не таким страшным. Едва ее голова коснулась подушки, руки Мейбл обвились вокруг ее шеи и в спасительной темноте девочки поцеловались — невидимость Мейбл уже не была преградой их дружбе.

— Спокойной ночи, — прошептала Мейбл, — спокойной ночи, голубушка Кэт! Ты была очень добра ко мне, и я этого никогда не забуду. Я не хотела этого говорить при мальчишках — мальчишки только смеются, когда ты что-нибудь такое говоришь. Но я правда люблю тебя. Спокойной ночи!

Кэтлин какое-то время лежала без сна. По-

том она задремала и в полудреме вспомнила, что горничная придет утром к ней в комнату — и увидит все эти чудные наряды Принцессы.

— Я должна встать и убрать их,— подумала она.— Ой, как же хочется спать!

И только она подумала, как ей хочется спать, как и вправду уснула и проснулась только поздним утром, когда Лиз уже стояла в комнате, прямо перед стулом, на который с вечера улеглось розовое платье Принцессы.

— Что это еще такое?! — воскликнула Лиз.

— Не надо это трогать, пожалуйста! — вскрикнула Кэтлин, успев выскочить из постели как раз в тот момент, когда Лиз протянула руку к платью.

— Где вы это взяли?

— Нам это нужно для спектакля,— вдохновенно врала Кэт.— Мне его одолжили на время.

— А ну-ка, покажите мне его, мисс,— потребовала Лиз.

— Пожалуйста, не надо,— умоляла Кэтлин, заслоняя стул своим телом.— Вы все увидите, когда мы будем играть нашу пьесу. Ну, пожалуйста! Вы ведь никому не расскажете?

— Так и быть — только ведите себя хорошо,— проворчала Лиз.— И не забудьте показать мне, когда вы это наденете. Но где же...

Тут, к счастью, прозвенел колокольчик, и Лиз убежала в полной уверенности, что пришел почтальон, с которым ей особенно хотелось увидаться в это утро.

— Так,— буркнула Кэт, натягивая носки.— Теперь и вправду придется ставить какой-нибудь дурацкий спектакль. Как все сложно!

— Ничего сложного,— откликнулась Мейбл. Пара носков мелькнула в воздухе возле Кэт и мгновенно исчезла.— Я с удовольствием сыграю в каком-нибудь дурацком спектакле.

— Но как же?— смущенно остановила ее Кэт.— Ты не сможешь — невидимка не может играть в пьесе, разве что только в волшебной.

— Идея! — завопил голос из-под юбки, которая еще колыбалась в воздухе.— Какая замечательная идея!

— Расскажешь после завтрака,— откликнулась Кэтлин. Вода в тазу уже хлюпала и плескалась под ударами невидимых ладоней.— И зачем только ты навывдумывала столько глупостей в этой записке тете? Помоему, врать нельзя — совсем нельзя, никогда!

— А что толку говорить правду, если тебе все равно никто не поверит?

— Не знаю,— протянула Кэтлин.— Только все-таки надо говорить правду.

— Ну и валяй, говори! — теперь голос доносился из-под складок полотенца, беспомощно извивавшегося в воздухе возле умывальника.

— Ладно. После завтрака разберемся — то есть, после твоего завтрака. Ты останешься здесь и будешь ждать, а мы постараемся утащить что-нибудь тебе поесть. Смотри, чтобы Лиз ни о чем не догадалась, когда будет убирать постель.

Это замечание показалось невидимке чрезвычайно забавным и подало ей идею веселой игры, которая заключалась в том, что уголки простынь и одеяла дергались и сворачивались,

как только пришедшая убираться Лиз отводила от них взгляд.

— Черт побери! — произнесла Лиз (благо дети не слышат). — Бес в них вселился, что ли?

Затем она огляделась в поисках наряда Сказочной Принцессы, который так очаровал ее этим утром, но Кэтлин аккуратно сложила все одежды под матрас, прекрасно зная, что Лиз никогда его не приподнимает.

Лиз быстренько подмела тот мусор, который, Бог знает как, залетает даже в самые чистые домики, но тут Мейбл, изголодавшаяся и с нетерпением ожидающая возвращения ребят после завтрака, не утерпела и шепнула в самое ухо Лиз:

— Ты забыла подмести под ковром!

Девушка вздрогнула и застыла на месте.

— Я с ума схожу, — пробормотала она. — Вот и мама всегда ругалась, что я не приподнимаю ковер. Надеюсь, это не «глюцинации», как у тетушки Эми. Надо же такому примерщиться, а?

Тем не менее, она приподняла коврик возле камина, подмела под ним и даже заглянула за каминную решетку. Столь необычной была ее дотошность, а равно и отчаянная бледность, что Кэтлин, застав ее в комнате, едва не выронила кусок хлеба, который Джеральд увел из кладовки, и воскликнула:

— Ой, Лиз, что это с вами?! Вы еще не управились, и у вас совсем больной вид!

— Я решила хорошенько убрать эту комнату, — прошептала Лиз.

— С вами правда ничего не случилось? —

настаивала Кэт. Она-то хорошо знала, что могло произойти в ее отсутствие.

— Нет-нет! — заверила ее Лиз. — Я, знаете ли, просто замечталась, мисс. Я всегда была очень мечтательной, с самого детства. Все только и делала, что представляла себе жемчужную калитку да маленьких ангелов — знаете, только крылышки да головка... Вот здорово, думала я, никаких расходов на платье, не то что с нашими ребятишками.

Завершив эту речь, она наконец удалилась, и Мейбл отведала хлеба, запив его водой, предназначенной для чистки зубов.

— Боюсь, что вода слегка пахнет вишневой зубной пастой, — извинилась Кэт.

— Ничего-ничего, — произнес погруженный в кружку голос. — Куда интереснее, чем обыкновенная вода. Наверное, красное вино, про которое пишут в стихах, примерно такое же на вкус.

— Нас опять отпустили на весь день, — сказала Кэтлин, когда с хлебом было покончено. — Кстати, Джеральд говорит насчет твоего вранья то же самое, что и я. Поэтому мы пойдем к твоей тете и расскажем ей, что случилось на самом деле.

— Все равно она не поверит.

— Это не важно. Главное сказать правду, — настаивала Кэт.

— Вот увидите, вам об этом еще придется пожалеть, — пригрозила Мейбл. — Что ж, пошли — только поаккуратней, пожалуйста, не пришиби меня дверью, как ты только что сделала!

Солнце так и сверкало на небе. Раскаленные солнечные лучи затопили Хай-стрит, и четыре тени, сопровождавшие троих ребят, чересчур бросались в глаза. Мальчишка мясника так и уставился на лишнюю тень, а его палевый пес — неплохой, кстати, охотник — принюхался к ногам, отбрасывавшим эту тень, и жалобно взвизгнул.

— Спрячься за меня, — посоветовала Кэт. — Тогда обе наши тени будут все равно что одна.

После этого маневра тень Мейбл отчетливым черным пятном легла на спину Кэт, и конюх, вышедший из ворот местной гостиницы, задрал голову в поисках хищника, кружащего в небе и отбрасывающего огромную тень.

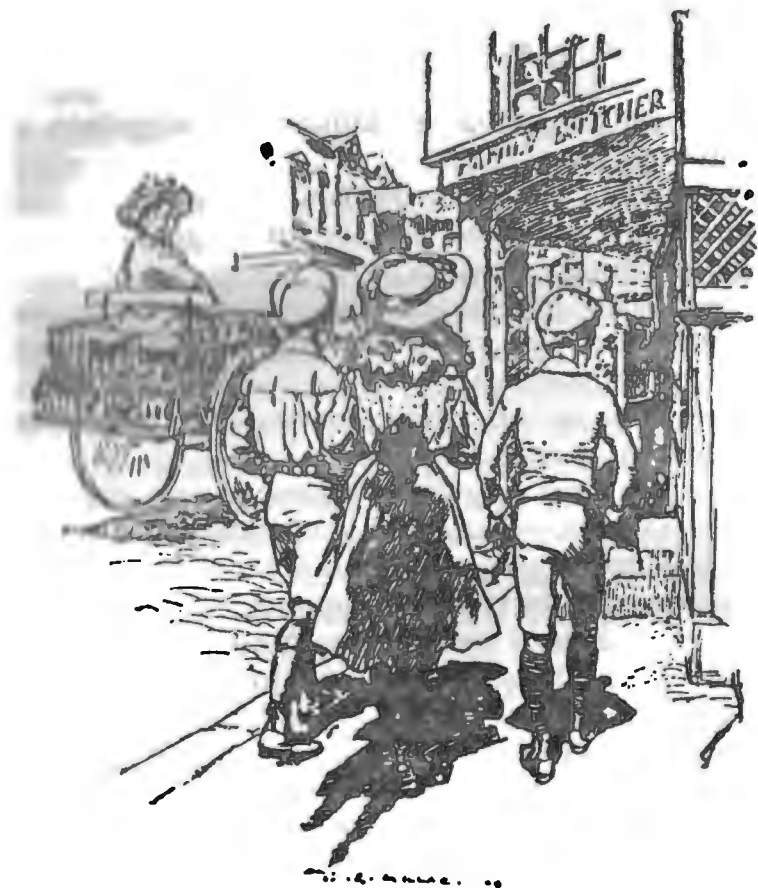
Не утерпела и женщина, проезжавшая мимо на повозке с цыплятами и утками:

— Эй, мисс, ну и черная же у вас спина, подумать только! Обо что это вы так изгваздались?

Когда они наконец покинули пределы города, у всех вырвался вздох облегчения.

Разговор с тетушкой Мейбл вышел странный — одна только Мейбл догадывалась, что так оно и будет. Они застали тетушку за чтением тоненького романа в розовой обложке — она восседала в комнате экономки, увитой плющом и украшенной прелестным окошком, открывавшимся в маленький садик. В этот садик Мейбл и привела своих друзей.

— Прошу прощения, — окликнул почтенную леди Джеральд. — Вы, наверное, ищете вашу племянницу?

— Нет, мой мальчик, я ее не ищу,— ответствовала тетя, высокая, тощая особа с грязновато-седой челкой и очень культурным голосом.

— Мы хотели рассказать вам о ней одну вещь,— неуверенно продолжал Джеральд.

— Не стоит,— осадил его тетка.— Я не стану выслушивать ваши жалобы. Моя племянница уехала, а ее проделки интересуют меня меньше всего на свете. Если она вам

чем-то досадила, то всему виной ее легкомыслие. А теперь, дети, ступайте по домам, у меня полно дел.

— Вы получили ее записку? — вступила в разговор Кэт.

Тетушка чуть оживилась, но палец ее по-прежнему надежно придерживал недочитанную страницу романа.

— Так, — произнесла она. — Стало быть, вы видели, как она уезжала. Она покинула этот дом по доброй воле?

— Вполне, — ответил Джеральд, ничуть не погрешив против истины.

— В таком случае, я очень за нее рада, — молвила тетя. — Полагаю, вы были очень удивлены, а потому вам полезно будет узнать, что подобные романтические происшествия не редкость в нашем семействе. Лорд Ядлинг выбрал меня из одиннадцати кандидатов, претендовавших на пост в этом замке. Нет ни малейшего сомнения, что бедное дитя подменили при рождении — а теперь ее богатые родичи решили сами позаботиться о ней.

— Неужели вы так ничего и не сделаете — надо же обратиться в полицию и...

— Заткнись! — прошептала Мейбл.

— Не заткнусь, — упирался Джимми. — Ваша Мейбл стала невидимкой — вот вам, пожалуйста! Она и сейчас стоит возле меня!

— Я презираю ложь и нечестность в любой форме, — строго произнесла тетя. — Будьте так добры, уведите отсюда этого мальчика. Я больше ничего не хочу слышать относительно Мейбл.

— Ладно,— сказал Джеральд.— Вы ее тетя, и с вами все ясно! А что скажут родители Мейбл?

— Родители Мейбл давно умерли,— бесстрастно ответила тетя, и тихий горестный вздох, раздавшийся рядом с Джимми, подтвердил ее слова.

— Хорошо,— сдался он,— мы уходим. Только потом не говорите, будто мы не пытались рассказать вам все по правде.

— Вы ничего мне не рассказали,— заметила тетя.— Вы не сказали ничего нового, если не считать дикой выдумки, которой попытался угостить меня этот негодный мальчишка!

— Мы хотели как лучше,— извинился Джеральд.— Простите, что мы прошли через парк и сад. Мы шли очень осторожно и ничего не повредили.

— Посетители сюда не допускаются,— ответила тетя, бросая нетерпеливый взгляд на зажатую в руке книжку.

— Мы же не совсем посетители,— учтиво возразил ей Джеральд.— Мы друзья Мейбл. Наш папа — полковник, он служит в Индии.

— Вот как! — сказала тетя.

— К тому же, леди Сэндлинг приходится нам тетей, так что вы можете быть уверены, что мы вели себя хорошо и ничего здесь не повредили.

— Я совершенно уверена, что вы ничего не повредили,— рассеянно пробормотала тетя.— Всего вам доброго. Ведите себя хорошо.

И дети поспешили убраться подобра-поздорову.

— Слушай,— сказал Джеральд, как только они очутились за пределами маленького сада.— Твоя тетка совершенно свихнулась — хуже мартовского зайца. Ей и дела нет до того, что с тобой случилось. Она, похоже, и впрямь приняла на веру этот бред насчет леди на машине.

— Я же знала, что она поверит — потому я так и написала,— скромно заметила Мейбл.— Она не сумасшедшая, просто начиталась всяческих романов. Я-то беру книги в большой замковой библиотеке — это такая замечательная комната, и в ней так чудно пахнет, будто кожаными башмаками, и пыль ложится на книги, словно серый колдовской порошок. На днях я отведу вас туда. А теперь, раз вы успокоили свою слишком чувствительную совесть и вдосталь пообщались с моей теткой, я расскажу вам мой самый замечательный план. Давайте снова соберемся в Храме Флоры. Ведь тетка разрешила вам тут ходить, верно? А то бы вам пришлось прятаться за кустами, когда садовник пойдет мимо.

— Я как раз думал об этом,— сдержанно отозвался Джеральд.

День выдался такой же жаркий, как и накануне, и итальянский ландшафт, который они созерцали из-под арок белокаменного храма, показался им еще более похожим на раскрашенную от руки гравюру или на олеографию с одной из картин Тернера.

Трое ребят удобно уселись на ступеньках, поднимавшихся к белой статуе; где уселась Мейбл, никто не знал, но голос ее печально звучал совсем неподалеку от них:

— Мне очень стыдно, но я опять проголодалась, а вы же не можете каждый раз таскать для меня еду через окно кладовой. Если хотите, я могу уйти от вас и снова поселиться в замке. Там все равно живет привидение. Я тоже вполне гожусь на роль привидения. Да я и есть привидение — ничем не лучше. Так что, если хотите, я вернусь домой.

— Нет, нет, — ласково сказала Кэтлин. — Ты должна остаться с нами.

— А как же быть с едой? Честное слово, мне очень неловко, вроде как я ворчу, но все-таки завтрак — это завтрак, а кусок хлеба — это кусок хлеба.

— Ты бы сняла кольцо — и тогда смогла бы вернуться.

— Конечно, — прошептал голос Мейбл. — Конечно, только у меня никак не получается. Я и вчера в постели пробовала, и сегодня утром. А таскать из кладовки — это воровство, даже если речь идет только о хлебе.

— Верно, — согласился Джеральд. Эта кража была на его совести.

— Значит, нам остается только одно — заработать денег.

Джимми пренебрежительно фыркнул, но Джеральд и Кэтлин слушали ее охотно и с готовностью.

— Я что хочу сказать, — развивал свою мысль голосок Мейбл. — По-моему, это только к лучшему, что я стала невидимкой. У нас теперь будет полно приключений — уж поверьте мне на слово!

— Приключения не слишком уж полезны

для здоровья, как говаривал один честный пират,— пробормотал Джеральд.

— Это будет хорошее приключение,— заверил его голос.— Вообще, вам не обязательно идти всем вместе. Надо только, чтобы Джерри выглядел не так прилично...

— С этим он без труда справится,— вставил Джимми, и Кэтлин попросила его («Ну, пожалуйста!») не портить всем настроение.

— Я не порчу настроение, я только...— завел было Джимми, но тут Джеральд подхватил его мысль:

— Нашего юного брата одолевает предчувствие, что твоя Мейбл доведет нас до беды,— сумрачно сказал он.— Подобно Прекрасной Даме, что не знала пощады. И он не хочет, чтобы будущие поколения застали его одиноким и бледным, изнывающим посреди осоки и — как там дальше...

— Не будет у вас никаких неприятностей, ну правда же,— настаивал голос.— Мы же теперь все равно как побратимы на всю жизнь — после того, как вы выручили меня вчера. Я вот что хочу предложить: Джеральд мог бы отправиться на ярмарку и показывать там фокусы.

— Он не умеет показывать фокусы,— усомнилась Кэтлин.

— Чудеса буду делать я,— разъяснила Мейбл.— Джерри должен только притвориться, будто это он делает. Вещи будут двигаться сами и все такое прочее. Только не надо идти всем вместе. По-моему, чем больше детей собирается вместе, тем моложе все они выгля-

дят, и взрослые начинают гадать, кто они такие и зачем тут собрались.

— Искусный волшебник с почтением выслушал слова истины,— склонил голову Джеральд и начисто отмел жалобный вопль брата и сестренки «А как же мы?», бессердечно посоветовав им смешаться с толпой и превратиться в зрителей.— Только не показывайте, что мы знакомы, и постарайтесь сделать вид, будто вы пришли с кем-то из взрослых. А то какой-нибудь добряк-полисмен возьмет вас за ручку и заботливо отведет бедных потерявшихся детишек к их удрученным опекунам — я имею в виду мадемуазель.

— Пошли, пошли! — заторопил их голос из пустоты, к которому они никак не могли привыкнуть. Голос метался взад и вперед, обуреваемый нетерпением, как и его невидимая хозяйка. И они пошли.

Ярмарка устраивалась на пустыре примерно в полумиле от ворот замка. Дети подошли поближе и различили звуки шарманки, зазывавшей детишек на карусель. Джерри предложил отправиться вперед и раздобыть еды — с тем, чтобы его девять пенсов были возмещены из первой же выручки за демонстрацию волшебных трюков. Остальные уселись в тени глубокого оврага и прождали его возвращения ровно столько, чтобы начать беспокоиться и причитать «Куда же это он запропастился?» Но тут он и появился, нагруженный орехами, краснобокими яблочками, маленькими медово-желтыми грушами (из тех, что очень сладкие), бледными и липкими медовыми пряни-

ками, четвертью фунтами мятных карамелек и двумя бутылками сидро впридачу.

— Контора не жалеет никаких затрат,— возразил он на робкие протесты Кэтлин.— Нам всем необходимо как следует подкрепиться, и особенно нуждается в этом отважный фокусник и заклинатель змей!

Дети от души поели и утолили жажду. Прекрасная это была еда, а отдаленная песня шарманки превратила ее в по-настоящему праздничную трапезу. Мальчики по-прежнему не могли отвести от Мейбл глаз — вернее от потрясающего, колдовского исчезновения кусочков пищи, служившего единственным признаком ее реального присутствия. Они были так захвачены этим зрелищем, что даже навязали Мейбл какие-то кусочки сверх ее законной доли, лишь бы еще поглазеть, как эти кусочки проваливаются в пустоту.

— Ну, если и это их не проймет! — поминутно восклицал Джеральд.

Это «их» проняло.

Джимми и Кэтлин отправились вперед и, войдя на территорию ярмарки, смешались с толпой, стараясь принять самый невинный вид — вот уж не знаю, хорошо ли это у них получилось.

Они пристроились возле толстой дамы, наблюдавшей за метателями кокосовых орехов, и вскоре увидели странноватую личность, которая — руки в брюки — фланировала по пожухшей истоптанной траве, лавируя между бумажками, щепками и пучками сена — всей той неизменной порослью, что имеет обыкно-

ление пробиваться на отведенной под ярмарку земле. Они с трудом узнали Джеральда: шейный платок он снял (кажется, назначив ему отныне роль носового платка), а на голове соорудил некое подобие тюрбана из мягкого розового шарфа, которым вообще-то полагалось опоясываться поверх школьной спортивной формы. Руки и лицо у него были ярко-черные, словно хорошо отполированные башмаки.

Все присутствующие несколько окаменело уставились на него.

— Вылитый негр! — возбужденно шепнул Джимми. — Как думаешь, у него чего-нибудь выйдет?

Соблюдая необходимую дистанцию, они последовали за ним, а когда он приблизился к маленькой палатке, перед которой угрюмо торчала какая-то длиннолицая тетка, остановились и пристроились к фермеру, который в это время прицеливался к шару, держа наперевес огромный деревянный молоток.

Джеральд направился напрямик к унылолицей тетке.

— Как выручка? — небрежно спросил он, и в ответ получил совет убираться подальше со своей наглостью — но совет этот прозвучал на удивление мягко.

— У меня свой интерес, — продолжал Джеральд. — Я фокусник, прибыл из самой что ни на есть Индии.

— Вот еще! — возмутилась тетка. — Ты такой же белый, как и я. У тебя за ушами все белое.

— Правда? — удивился Джеральд. — Как хорошо, что вы заметили. А теперь лучше? — прибавил он, энергично потерев за ушами черной рукой.

— Порядок. Так что ты умеешь делать?

— Чудеса, истинные и настоящие! — торжественно объявил Джеральд. — В Индии этим занимаются мальчики и помоложе меня. Вот что — я у вас в долгу за то, что вы мне напомнили насчет ушей. Если вы будете вести спектакль, мы поделимся поровну. Разрешите мне выступить в вашей палатке, а вы будете зазывать у двери.

— Господи Боже! Я зазывать не умею — в этом-то вся беда! Нечего ко мне приставать. Если ты такой умный, покажи-ка мне хоть один трюк.

— Все правильно, — одобрил ее Джеральд. — Видите вон то яблоко? Сейчас оно у меня медленно поплывет по воздуху, а потом я скажу «ап!» — и оно исчезнет.

— У тебя во рту, что ли? Убирайся куда подальше с такой ерундой!

— Вы же очень разумная женщина — стоит ли быть такой недоверчивой? — заливался Джеральд. — Смотрите сами!

Он взял в руку маленькое яблоко, подержал его — и вот, на глазах у изумленной зрительницы, оно медленно поплыло по воздуху.

— Ап! — воскликнул Джеральд обращаясь, по всей видимости, к яблоку. — Ну, как? — торжествующе спросил он.

Женщина прямо-таки полыхала от волнения и восторга, во всяком случае, глаза ее разгорелись алчным огнем.

— В жизни такого не видывала! — осевшим голосом прошептала она. — Я в деле, приятель! Какие еще трюки ты знаешь?

— Массу всего, — небрежно бросил Джеральд. — Раскройте ладони!

Женщина протянула ему открытую ладонь, и яблоко, возникнув из пустоты, тихо опустилось к ней на руку. За время своего отсутствия оно чуть сморщилось и стало влажным.

С минуты она стояла, неподвижно глядя на яблоко, а затем зашептала:

— Давай! Давай! Только мы двое — больше никого не нужно. Но только не в палатке — будешь работать здесь, возле стены. Выручка на площади будет вдвое против того, что ты получишь в палатке.

— Да ведь люди не станут платить, раз они могут смотреть даром.

— Сперва не будут — но после первого же представления заплатят, да еще как! Только зывай их сам.

— Одолжите мне пожалуйста, шаль, — вежливо попросил Джеральд. Женщина отколола свою черно-красную шаль, и Джеральд расстелил ее перед собой на земле, как на его глазах делали фокусники в Индии, а сам уселся возле палатки, подобрав под себя скрещенные ноги.

— Главное, чтоб никто не стоял у меня за спиной, — потребовал он, и женщина второпях устроила у него за спиной занавес, повесив пару мешков на удерживавшую палатку веревку.

— Я готов, — произнес он.

Женщина извлекла из недр палатки скромных размеров барабан, и вскоре на его грохот собралась небольшая группка людей.

— Леди и джентльмены! — начал Джеральд. — Я прибыл сюда из Индии, чтобы показать вам чудеса и колдовские трюки, подобные которым вы не видели и не увидите никогда. Когда на этой шали будут лежать два шиллинга, представление начнется.

— Ах, вот как! — фыркнул какой-то зевака, и тут же раздался неприязненный смех.

— Право! — откликнулся Джеральд. — Если вы все вместе (возле него стояло уже по меньшей мере тридцать человек) не можете набрать и двух шиллингов, то я умолкаю.

Два-три пенса упали на черно-красную шаль, затем еще пара медяков, еще чуть-чуть — и на этом ручеек иссяк.

— Девять пенсов, — объявил Джеральд. — Ладно, я человек великодушный. Вы получите больше, чем вам когда-либо случалось увидеть за девять пенсов. Не хочу вас обманывать: у меня есть помощник, но этот помощник — невидимка.

Лица в толпе заухмылялись.

— С помощью невидимки, — непоколебимо продолжал Джеральд, — я готов прочесть любое письмо, которое завалюсь у вас в кармане. Перешагните через веревку, встаньте у меня за спиной и разверните письмо. Мой незримый помощник прочтет его у вас через плечо.

Из толпы выступил краснолицый, грубоватый с виду тип. Он вытянул из кармана письмо и встал на открытом месте так, что всем было ясно — только невидимка ухитрился бы заглянуть ему через плечо.

— Ап! — скомандовал Джеральд. Короткая пауза — и из глубины сцены донесся странный, далекий, певучий голосок:

— «Сэр! Мы получили ваше письмо от пятнадцатого числа. Что касается закладной на вашу землю, мы с сожалением должны отказать вам...»

— Заткнись! — проревел мужлан, злобно надвигаясь на Джеральда.

Он поспешно удрал со сцены, заверяя всех, что в его письме не было и намека на подобную чушь, но ему никто не поверил, и в толпе зазвучали возбужденные голоса. Они тут же стихли, едва Джеральд вновь открыл рот.

— А теперь,— произнес он, аккуратно выкладывая все девять пенсов на шаль,— следите внимательно за этими монетками и вы увидите, как они исчезнут, одна за другой!

Так оно, конечно, и вышло. А потом все девять пенсов один за другим вновь улеглись на цветастой шали, выкладываемые незримой рукой Мейбл. Толпа шумно зааплодировала. Люди в переднем ряду завопили: «Браво!», «Вот это номер!», «Давай еще!», а задние ряды начали напирать.

— Вот что,— сказал Джеральд.— Вы уже видели, что я могу сделать, но больше я ничего делать не стану, пока не увижу на этом покрывале по меньшей мере пять шиллингов.

Через две минуты на шали лежало уже семь шиллингов и три пенса, и Джеральду пришлось немало поколдовать.

Когда зрителям в первых рядах прискучило наконец платить денежки, Джеральд попросил их отойти, чтобы уступить место другим. Жаль, что у меня не хватит времени поведать вам обо всех свершенных им чудесах — трава вокруг пятачка, где он давал свое представление, была уже начисто вытоптана башмаками сотен людей, устремившихся поглазеть на него. Вообще-то, имея помощника-невидимку, можно творить какие угодно чу-

деса — и сколь угодно долго. Всевозможные предметы по собственной воле передвигались назад и вперед, а то и вовсе исчезали, укрывшись в складках одежды Мейбл. Хозяйка палатки стояла рядом. По мере того, как монеты наполняли шаль, по лицу ее все явственнее разливалось блаженство, и каждый раз, когда Джеральд пытался передохнуть, она с неистовством ударяла в свой обшарпанный барабан.

Слухи о новом фокуснике мигом заполонили ярмарку. Толпа ревела от восторга. Человек из палатки с кокосовыми орехами предложил ему объединить их предприятия; владелец тира пообещал ему жилье и стол за долю в его номере; энергичная полная леди в платье из черного шелка и фиалковой шляпе налетела на него с призывом принять участие в ближайшем благотворительном базаре.

Все это время его брат и сестра, затесавшись в толпу, изо всех сил глазели на него — на них, само собой, никто не обращал внимания, поскольку все взоры были прикованы к фокуснику. Было уже очень поздно, время чая давно миновало, и Джеральд, безумно уставший и более чем удовлетворенный своей выручкой, решил, что пора выбираться отсюда — но вот только как?

— Как же нам теперь удрать? — шепнул он Мейбл, которая как раз занялась его кепкой — стоило стянуть ее с головы Джеральда и спрятать в карман, как она, само собой, стала невидимой.

— Дай подумать! — ответила Мейбл и секунду спустя зашептала ему прямо в ухо: —

Надо разделить с ней выручку и дать ей что-нибудь за шаль. Потом положи деньги на шаль и скажи...— И она подсказала ему нужные волшебные слова.

Джеральд все время укрывался в тени палатки, чтобы никто не мог разглядеть черную тень, отбрасываемую Мейбл, когда она выходила из-за ограждения передвинуть очередной предмет или помочь ему исчезнуть.

Джеральд предложил женщине разделить деньги поровну, что она и исполнила почти честно.

— А теперь,— сказал он, видя, как все ближе придвигается нетерпеливая толпа,— я готов заплатить вам пять шиллингов за эту шаль.

— Семь с половиной,— заученно произнесла женщина.

— Порядок! — воскликнул Джеральд, сгружая свою долю монет в карман.

— А теперь исчезнет эта шаль,— сказал он, приподнимая ее и протягивая в невидимые руки Мейбл. Само собой разумеется, шаль тут же исчезла. Зрители восторженно зааплодировали.

— Так,— продолжал он.— А теперь самый последний трюк. Я делаю три шага назад и исчезаю.

Он отступил назад, и Мейбл набросила на него шаль-невидимку. Да только он вовсе не исчез.— напротив, невидимая шаль даже отчасти не смогла укрыть его от глаз публики.

— Ага! — завопил мальчишеский голос.— Глядите на него! Задавака-хвостун! Ничего не вышло!

— Тебя-то я не сумею спрятать в карман,— огорченно прошептала Мейбл.

Толпа надвинулась и сомкнулась вокруг них. Еще немного, и кто-нибудь наткнется на Мейбл, и тогда одному Богу известно, что из всего этого выйдет. Джеральд запустил обе руки в волосы — он всегда поступал так, если был чем-то озадачен или встревожен. Мейбл, как говорится в книгах, ломала руки — попросту говоря, она сильно сжала одну руку другой и попыталась ее вывернуть. Хорошо еще, что этого никто не видел.

— Ой! — шепотом воскликнула она.— Оно слезает. Я могу его снять!

— Что?

— Кольцо... Кольцо! Оно подается!

— Давай, давай, парень! Покажи нам хоть что-нибудь за наши денежки,— орал какой-то фермер.

— Сейчас,— ответил Джеральд.— Одну минуту! Сейчас я и вправду исчезну. Забирайся в палатку,— шепотом велел он Мейбл,— и просунь мне кольцо под пологом. А потом выходи с той стороны и отыщи ребят. Как только я увижу, что ты уже с ними, я надену кольцо. Сразу после этого уходите — только не очень быстро. Я присоединюсь к вам позднее.

— Это я,— раздался голос над ухом Кэт, и та, обернувшись, отчетливо увидела побледневшее лицо Мейбл.— Кольцо у Джеральда. Нам надо удирать, потому что сейчас толпа начнет очень громко орать.

Дойдя до ворот, они и вправду услышали вопли — сперва изумленные, затем негодую-

щие — и поняли, что на этот раз Джеральд и в самом деле исчез.

Они успели пройти с милю, пока наконец не услышали за спиной шаги. Однако, оглянувшись, они никого не увидели.

Через минуту из пустоты раздался печальный голос:

— Всем привет! — сказал Джеральд.

— Какой ужас! — взвизгнула Мейбл. — Прямо мурашки бегут по спине! Скорее снимай кольцо! Помереть можно от ужаса, когда вот так из ничего — и вдруг чей-то голос!

— Будто нам с тобой было легче, — заворчал Джимми.

— погоди, не снимай! — остановила его Кэтлин, отличавшаяся редким благоразумием. — Ты же, наверное, все еще черный, а если тебя узнают, то уж точно украдут какие-нибудь цыгане, чтобы ты все время делал для них разные фокусы.

— Все равно снимай! — настаивал Джимми. — А то прямо чепуха какая-то получается. Ты тут расхаживаешь, как невидимка, а кто-нибудь увидит нас с Мейбл, и скажет, что мы увели ее из дому.

— Конечно, чепуха, — подтвердила Мейбл. — И, кстати, верни мне мое кольцо!

— Оно столько же твое, сколько и наше, — огрызнулся Джимми.

— Нет, мое!

— Да заткнитесь вы все! — устало потребовал Джеральд. — Какого черта вы препираетесь?!

— Кольцо отдай! — тупо твердила Мейбл.

— Кольцо! Кольцо! — прозвенел в тихом вечернем голосе разъяренный голос. — Чтоб ты подавилась своим кольцом! Как я тебе его отдам, если оно не снимается?!

Глава четвертая

Плохо было не только то, что Джеральд не мог избавиться от кольца и, стало быть, надолго превратился в невидимку. Плохо было и то, что Мейбл-невидимка стала вполне видимой, а значит, ее никак невозможно было тайком провести в дом.

Как теперь объяснить, куда подевался Джеральд и откуда взялась эта чужая девочка?

— Я не могу вернуться к тетке! — решительно заявила Мейбл. — Не могу и не хочу! И не пойду, будь я хоть сто раз видимой!

— Да, — согласился Джеральд, ощупывая проклятое кольцо. — Все это очень дурно пахнет. Как ты теперь объяснишь ей насчет леди в автомобиле? А что мы скажем мадемуазель?

— Попробуй сказать правду! — съехидничала Мейбл.

— Она не поверит, — вздохнула Кэтти. — А если поверит, то с ума сойдет, бедняжка!

— Нет, — откликнулся Джеральд. — Мы просто не имеем права рассказывать ей такое. Но ведь она вообще-то добрая. Попроси у нее, чтобы тебя оставили ночевать, поскольку уже очень поздно возвращаться домой.

— Допустим, — проворчал Джимми. — А с тобой-то как быть?

— Я сразу лягу спать,— решил Джеральд.— У меня страшно болит голова. Никакого вранья! Башка у меня и вправду трещит. Должно быть, от солнца — вакса притягивает солнечные лучи.

— Особенно их притягивают груши и сидро,— не упустил своего Джимми.— Ладно, вперед. Лучше бы я был невидимкой. Я бы уж нашел себе занятие получше, чем ложиться в постель с дурацкой головной болью.

— Что бы ты сделал? — раздался у него за спиной голос Джеральда.

— Что ты носишься с места на место! — завопил Джимми, так и подскочив от испуга.— Вот напугал! Иди ровненько — вот здесь, между Кэтлин и мной.

— Так что бы ты сделал? — повторил голос, доносившийся из пустого пространства между Кэтлин и Джимми.

— Я бы стал взломщиком! — заявил Джимми.

Кэтти и Мейбл в один голос заверили его, что быть взломщиком очень дурно, и тогда Джимми, ничуть не смутившись, перерешил:

— Тогда детективом.

— Для того, чтобы ты мог работать сыщиком, надо чтобы сперва что-нибудь случилось,— напомнила ему Мейбл.

— Может, мне и не удастся никого выследить,— уступил Джимми,— но на худой конец я согласен быть и детективом-неудачником. От этого тоже можно получить массу удовольствия. Почему бы тебе все-таки не попробовать, а, Джерри?

— Именно это я и хочу сделать,— отклик-

нулся Джеральд.— Вот дойдем до полицейского управления и посмотрим, какие там найдутся для нас преступления.

Они внимательно изучили объявления на доске перед зданием полиции. Пропали две собаки, кошелек и бумажник с документами, представлявшими интерес только для владельца. В поместье Хьютон-Грейндж вломились грабители и унесли серебряный сервиз. Двадцать фунтов вознаграждения любому, кто предоставит информацию, могущую поспособствовать раскрытию этого преступления и возвращению украденного.

— Этот грабеж нам подходит,— решил Джеральд.— Я им займусь. Вот и Джонсон,— зашептал он.— Как раз с дежурства возвращается. Поговори с ним, Джимми. Несчастный детектив, став невидимкой, не мог уже учинить подробный допрос констеблю, но младший брат нашего героя, искусно задавая вопросы, сумел выудить необходимую информацию у ничего не заподозрившего служаки.

Джимми окликнул полицейского.

— Эгей, Джонсон! — крикнул он.

— Привет, молокосос,— ответил Джонсон.

— Сам молокосос! — рявкнул Джимми, но эти двое никогда не обижались друг на друга.

— Что это вы тут делаете так поздно? — весело спросил констебль.— Маленьким пташкам давно пора на жердочку.

— Мы были на ярмарке,— отозвалась Кэтлин.— Там был такой замечательный волшебник — жалко, что вы его не видели.

— Слышал я о нем,— сказал Джонсон.—

Сплошное надувательство! Ловкость рук — вот и весь секрет.

О слава, слава! Джеральд, притаившись в тени, побренчал своими монетками, чтоб хоть как-то утешиться.

— А это что такое? — насторожился полисмен.

— Это звенят наши денежки, — ответил правдивый Джимми.

— Хорошо некоторым,—приуныл Джонсон.— Хотел бы я, чтобы и у меня в карманах так звенело.

— А чего вы сидите? — вмешалась Мейбл.— Вы бы могли получить эти двадцать фунтов вознаграждения!

— Могу тебе объяснить, почему я никогда их не получу. Мы, знаете ли, живем в свободной стране — «Правь, Британия, морями!» и все такое прочее,— так что тут нельзя арестовать парня просто по подозрению, будь ты хоть на все сто уверен, что это его рук дело!

— Позор да и только! — горячо откликнулся Джимми.— Так кто же, вы думаете, сделал это?

— Я не думаю. Я точно знаю,— голос Джонсона был столь же уверенным, как и его крепкая походка.— За этим парнем уже много всего числится, но мы ничего не можем против него доказать. Каждый раз у нас не хватает улик, чтобы припаять ему дело.

— Вот что,— сказал Джимми,— когда я кончу школу, я приду к вам и поступлю в ученики, а потом стану сыщиком. А сейчас, я полагаю, нам лучше отправиться домой и расследовать, как обстоит дело с нашим ужином. Доброй ночи!

Широкая спина констебля скрылась за тяжелой дверью полицейского управления, и в наступившей тишине язвительно зазвенел голос Джеральда:

— У тебя мозгов не больше, чем у булочки за полпенса,— горько жаловался он.— Ты даже не спросил его, как и когда украли это серебро.

— Но ведь он сказал, что все это знает! — строптиво возразил Джимми.

— Да — а ты-ты что узнал? У дурака-полицейского есть дурацкая идея — неизвестно даже, какая. Конечно, иди домой и разыскивай свой драгоценный ужин — на что еще способен наш великий сыщик!

— А как же твой ужин? — нахмурилась Мейбл.

— Булочки! — свирепо произнес Джеральд. — Булочки по полпенса. Хорошо, что мои братишка с сестренкой так вовремя мне о них напомнили. Надеюсь, вы справитесь хотя бы с покупкой булочек? Я ведь не могу появиться в магазине в таком виде.

— Не злись, пожалуйста, — осадила его Мейбл. — Мы старались. Будь я на месте Кэт, долго бы ты дожидался этих булочек.

— Будь ты на месте Кэт, отважный юный детектив давно бы покинул свой дом. Да я каюту тонущего корабля предпочту семейному особняку, где притаилась столь капризная сестра, — продекламировал Джеральд. — Ты еще не привыкла к нашим обычаям, моя малютка. Кэт и Джимми отлично знают, когда их отважный предводитель гневается, а когда он только подначивает их.

— Нет, когда я не вижу твоего лица, я ничего не могу понять, — с облегчением в голосе молвила Кэт. — Я и вправду думала, ты страх как злишься, и Джимми тоже так думал, верно?

— Все чушы! — воскликнул Джеральд. — Пошли добывать булочки!

Они двинулись вперед, и пока Кэтти и Джимми выполняли возложенное на них поручение, двое оставшихся заглядывали в витрину, созерцая торты и пончики, булочки и сэндвичи, разложенные на желтом муслине, причем Джеральд одновременно нашептывал на ухо Мейбл свой замечательный план детективных приключений.

— Я буду держать ухо востро всю ночь, уверяю тебя,— так начал он.— Я буду смотреть в оба и не попадусь на крючок. Сыщик-невидимка может найти не только какой-нибудь там кошелек или серебряный сервиз, но и такое преступление расследовать, которое еще и не совершилось. Я буду ходить тут кругами, пока не замечу каких-нибудь подозрительных типов, которые потихоньку пытаются скрыться из города, и тогда я невидимо последую за ними и схвачу их прямо на месте преступления — с драгоценными сокровищами в руках. А потом...

Но тут Мейбл завопила так внезапно и пронзительно, что Джеральд забыл о своих замечательных планах и всерьез обеспокоился.

— У тебя, наверное, корчи? — дружески спросил он.— Все-таки яблоки были еще недоспелые.

— Ничего подобного! — трагическим голосом отвечала Мейбл.— Какой ужас, какой ужас! А мне до сих пор и в голову не приходило!

— Да в чем дело? — нетерпеливо потребовал Джеральд.

— Окно!

— Какое еще окно?

— Окно в комнате с драгоценностями. Там, дома, в замке. Решено — я немедленно отправляюсь домой. Мы оставили окно открытым, и все-все драгоценности лежат на виду, страшно подумать! Тетка и не заглянет туда, она никогда не заходит в эту комнату. Решено, решено! Я немедленно бегу домой!

В эту минуту в дверях магазина появились отягощенные булочками Джимми и Кэтлин. Оба были поспешно посвящены в очередную проблему.

— Сами видите — я должна идти, — заключила Мейбл.

Кэтлин признала, что идти необходимо.

Джимми, однако, полагал, что в этом нет никакого проку, поскольку ключ так и так остался снаружи.

— Ох, как она обозлится! — простонала Мейбл. — Придется звать садовника, чтобы принес лестницу и чтобы...

— Ага! — сказал Джеральд. — А я на что? Всех садовников с их лестницами превосходил отвагой и скромностью благородный Джерри. Приставлю лестницу и влезу в окошко — какие пустяки! Потом закрою наглухо и ставни, и окно, повешу ключ на гвоздик и невредимо ускользну, пролагая путь среди засад. Надеюсь, воры не придут за драгоценностями раньше полуночи.

— Неужели ты не боишься? — всполошилась Мейбл. — А если тебя поймают?

— Разве меня можно поймать? — ухмыльнулся Джеральд, чуть-чуть удивившись, что

этот вопрос задала Мейбл, а не Кэт, которая обычно устраивала досадную суматоху по поводу малейшей опасности и не слишком-то жаловала приключения — особенно «глупые».

Но Кэтлин всего-навсего сказала:

— Тогда спокойной ночи! Завтра мы придем навестить тебя, Мейбл. В Храме Флоры, в пол-одиннадцатого. Надеюсь, тебе не очень властит за ту леди в автомобиле.

— Пойдем ужинать! — повторил Джимми.

— Полный порядок! — произнес Джеральд, но на сердце у него было пасмурно. Не так-то легко отправляться в опасное приключение, когда твои собственные родные вдруг забывают хотя бы посочувствовать тебе, как это бывало прежде. Разве все внимание не должно было сейчас обратиться на него? А они заняты только своим ужином. Ну и ладно — наплевать! Четко и строго он дал им последние указания:

— Оставьте окно на веранду открытым, чтобы я смог вернуться, когда детектив завершит свой труд. Вперед, Мейбл! — Он ухватил ее за руку, но в последнюю минуту вспомнил о булочках и, приняв из рук Кэтлин пакет, поручил его Мейбл. Вскоре быстрые шаги двух пар башмаков зазвучали на опустевшей Хай-стрит, и маленькая фигурка Мейбл быстро растворилась в вечернем сумраке.

Мадемуазель ждала их в гостиной. Она устроилась у окна, перечитывая какие-то письма в гаснущем свете дня.

— Наконец-то! — рассеяно пробормотала она. — Опять вы в опоздании. А где же мой маленький Джеральд?

Момент был тяжелый — Джимми, хотя и готовился в детективы, на минутку растерялся. Наконец он прервал затянувшееся молчание:

— Он сказал, что ему надо бы лечь в постель, потому что у него болит голова,— сказал Джимми, стараясь не уклоняться от истины.

— Ах, бедняжка! — откликнулась мадемуазель.— Я сейчас же отнесу ему ужин.

— Когда у него болит голова, он совсем не может есть,— остановила ее Кэтлин, которой тем самым тоже удалось избежать вранья.

После чего Джимми и Кэт отправились спать, почему-то совсем не тревожась за брата, а мадемуазель вновь развязала стопку писем и принялась перечитывать их, забыв об остывающих остатках ужина.

— Как здорово — вроде ночной разведки,— ликовал тем временем Джеральд, впитывая в себя запахи теплых ночных сумерков.

— Ага,— сказала Мейбл (все-таки она была почти одна посреди большой дороги).— Хорошо бы только тетка не очень злилась.

— Там еще остались булочки,— попытался утешить ее Джеральд, после чего вновь слышалось дружное чавканье.

Бледная и дрожащая Мейбл постучала в дверь, предназначенную для проживающей в Ядлинг-Тауэрсе прислуги. Тетка отворила им самолично. Сперва она уставилась куда-то поверх головы Мейбл, словно ожидая увидеть человека ростом повыше, но тут тоненький голосок пропищал:

— Тетя!

И тетя, вздрогнув, бросилась к девочке.

— Ах ты скверная, непослушная девчонка! — вскричала она. — Как ты смела так обойтись со мной? Вот запрю тебя в комнату на всю неделю! Ах, Мейбл, Мейбл, слава Богу, ты вернулась! — тетя крепко схватила руками свою девочку, и они обнялись так нежно, как им, должно быть, еще не доводилось.

— Да ведь тебе еще утром и дела до меня не было, — изумилась Мейбл, поняв внезапно, что тетя и впрямь волновалась за нее и радовалась ее возвращению.

— Откуда ты знаешь?

— Я была тут и все слышала. Не сердись на меня, тетя!

— Кажется, я уже никогда не смогу на тебя сердиться — слава Богу, что ты вернулась! — прошептала тетя, сама изумляясь своим словам.

— Но все-таки? — настаивала Мейбл.

— Дорогая моя, — растерянно произнесла тетя, — у меня был — я даже не знаю как это назвать — транс, припадок. Должно быть, я заболела. Ведь я всегда тебя любила — только боялась избаловать. А вчера я разговаривала с мистером Льюсоном. Дело было на ярмарке около половины четвертого. Так вот, он спрашивал о тебе, а мне вдруг стало как-то не по себе — как будто мне и дела до тебя не было. То же самое было и в тот раз, когда я читала твое письмо и когда приходили эти ребята. И только когда я сегодня села пить чай, я вроде как очнулась и поняла, что ты пропала. Как ужасно это было! Конечно же, я теперь заболею. О, Мейбл, Мейбл, как ты могла так со мной поступить?

— Это была только шутка,— жалобно протянула Мейбл. После чего обе вошли в дом, и дверь затворилась.

— До чего же странно,— бормотал в это время Джеральд.— То, что она рассказала, еще больше смахивает на колдовство. Вряд ли я сумею сейчас разобраться со всем этим — во всяком случае, разобраться до конца. Очень уж непростое место этот замок!

Конечно, непростое. Ведь этот замок был...— но тс-с! Будет нечестно по отношению к Джеральду, если я так сразу и расскажу вам больше, чем он сам узнал в ту ночь, бродя одиноким невидимкой по сумрачно-серому саду в поисках открытого окна — лаза в комнату с драгоценностями. В ту ночь он знал не больше, чем вы знаете сейчас. Только пока он пробирался по росистым лужайкам, сквозь купы деревьев, заросли кустарников, мимо гигантских озерных зеркал, безмятежно отражавших звездное мерцание, и присматривался к статуям, смутно белевшим в сумрачных чащах, он почувствовал — нет, не испуг, не удивление и не тревогу! Он почувствовал нечто необычайное.

Приключение с невидимой Принцессой было удивительным, попытка превратиться в фокусника причинила ему немало хлопот и тревог, а внезапное решение стать детективом оставило его наедине с ночными страхами — но все эти события, чудесные и необычайные, все же оставались, во всяком случае, на его взгляд, в кругу возможного, хоть они и были внезапны, словно тот химический опыт, в

котором две жидкости, сливаясь, порождают огонь. Они были заняты, как трюки ловкого фокусника, от них перехватывало дыхание, как от опасного номера акробата — но и только. И лишь сейчас он почувствовал какую-то перемену, сейчас, когда шел через огромный сад, который и днем-то казался призраком, а сейчас превратился в настоящий фантом. Он не видел своих собственных ног, он видел только, как колеблется под ними высокая, окропленная росой трава. И по-прежнему его не отпускало это странное чувство, которое и передать-то невозможно, но которое было пугающе реальным, настолько реальным, что он не мог от него отмахнуться. Он понимал, что оказался в ином мире, и прежний его мир был укрыт от него, как дощатый пол бывает укрыт плотным ковром. Прежний мир по-прежнему был здесь — так и пол остается на месте, чем бы мы его ни застелили, — но его ноги ощущали уже не привычную землю, а этот ковер, имя которому было волшебство.

Не каждому удастся пережить такое. Но не огорчайтесь, быть может, и с вами это когда-нибудь произойдет: на земле еще остались заколдованные места, правда, с каждым днем их становится все меньше и меньше.

А сад и вправду казался заколдованным.

— Еще рано забираться в дом, — шептал Джеральд про себя. — Может быть, я никогда уже не смогу побывать тут ночью. В этом, наверное, все дело — ночью все кажется совсем другим.

Что-то белое зашевелилось под склоненной ивой, белые руки раздвинули ее тонкие

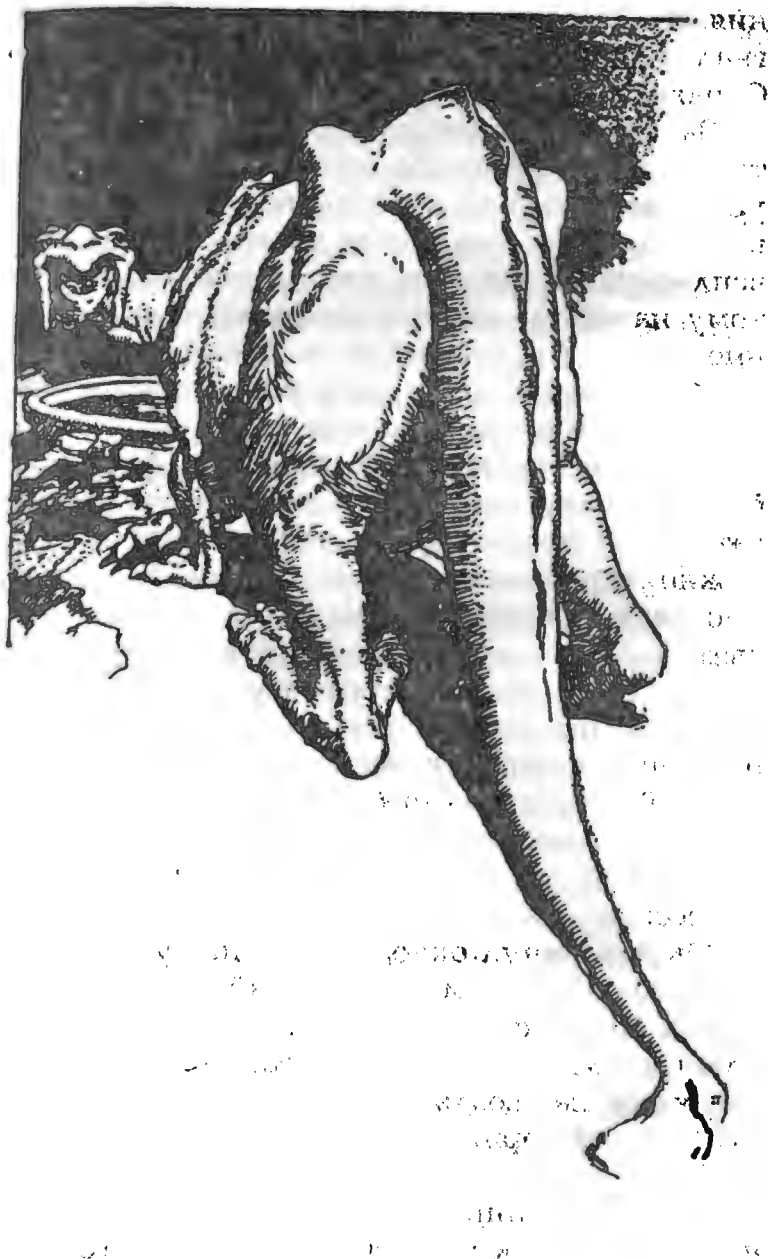
продолговатые листы. На поляну вышла белая фигура — существо с козлиными рогами и копытцами, с мальчишеским лицом и подобающей статью. Джеральд ничуть не испугался. Конечно, это было удивительно, это было волшебю, но Джеральд даже не сознавал, до какой степени все это было странно. Существо потянулось, бросилось на траву, немного покаталось по ней, а потом поднялось и ушло куда-то вглубь лужайки. Но под ивами что-то по-прежнему белело. Джеральд сделал шаг вперед и разглядел опустевший пьедестал.

— Они ожили,— пробормотал он, и тут другая белая фигура вышла из Храма Флоры, прошла мимо него и скрылась в зарослях лавра.— Статуи ожили!

Послышался скрип гравия, в воздух взлетели легкие камушки. Что-то огромное, длинное, темное и почти бесформенное тяжелоюсно напоззало на него. Вышла луна и осветила чудовищного каменного ящера — точную копию тех, что жили на земле миллионы лет назад, задолго до появления человека.

— Он не видит меня,— прошептал Джеральд.— И я не боюсь. Просто он тоже ожил.

Он протянул руку и погладил кончик гигантского хвоста, медленно проползавшего мимо. Рука его прикоснулась к камню — существо не стало плотью, как он думал, но оставалось камнем — живым камнем. Прикосновение заставило чудовище обернуться, но в ту же секунду повернулся и сам Джеральд — повернулся и со всех ног бросился бежать к дому. Не чудовище ожило от его прикоснове-

ния, но Ужас, древний Ужас наполнил сад и гнался теперь за ним. Он бежал от своего Страху, а не от каменного зверя.

Задыхаясь, он прислонился к стене, отсчитывая пятое окно. По изогнутому дереву он успел забраться на галерею под окнами замка и, оглянувшись на серые холмы, увидел, как всплеснулась вода в озере, еще мгновение тому назад так спокойно отражавшем мерцание звезд. Среди лилий и ровных водяных дорожек медленно кружилось огромное каменное туловище чудовища.

Уже перебравшись в комнату, Джеральд бросил последний взгляд через плечо. Озеро затихло и потемнело, и звезды вновь неподвижно отражались в нем. В просвет между листьями поникшей ивы вливался лунный свет, и Джеральд мог разглядеть статую, неподвижно и весьма благоразумно стоявшую на своем пьедестале. Все в саду успокоилось и пришло в порядок. Все было тихо.

— Вот черт! — пробормотал Джеральд. — Подумать только — уснул прямо на прогулке. И надо же только, чтобы приснились такие чудеса!

Он захлопнул окно, зажег спичку и при ее свете задвинул рамы. Чтобы найти дверь, пришлось снова чиркнуть спичкой. Он повернул ключ в замке, вышел, снова запер дверь, повесил ключ на гвоздь и тихо пошел по коридору. В конце коридора он остановился, уверенный в своей невидимости, и подождал, пока глаза, ослепленные вспышками спичек, снова не привыкнут к темноте. Пятна лунного све-

та, проникавшего сквозь решетчатое окно зала, должны были указать ему дорогу.

— Хотел бы я знать, где у них тут кухня,— подумал Джеральд. Желание стать детективом слегка поветрилось у него из головы. Он торопился вернуться домой и всем рассказать об удивительных событиях, случившихся с ним в саду.— Ладно, можно попробовать любую дверь. Я ведь по-прежнему невидимка.— Он поднес руку к лицу.— Все верно, руку свою я не вижу. Вперед!

Он открывал одну дверь за другой, проходя через длинные комнаты с затянутой в коричневые чехлы мебелью, которая казалась белой в призрачном свете луны. Он миновал комнаты, где свечи свисали с потолка изысканной гроздью, комнаты, чьи стены были увешаны оживавшими при лунном свете картинами, комнаты, притихшие под тяжестью шкафов со старинными книгами. Он проходил через спальни, в одной из которых встретил огромное пуховое ложе, на котором, верно, спала королева Елизавета, эта вездесущая правительница, чье ложе, надо думать, можно найти в любом старинном доме Англии. Интересно, много ли времени ей удалось провести у себя дома? Кухню он так и не мог найти. Наконец, очередная дверь вывела его на каменные ступени, те пошли вверх, в узкий коридор, а затем потянулись вниз. В конце концов он наткнулся на дверь, из-под которой пробивался свет. Почему-то на этот раз рука его неохотно поднялась толкнуть эту дверь.

— Что за вздор! — шепнул себе Джеральд. — Не дури! Ты же невидимка!

И он отворил дверь, и тот, кто скрывался за дверью, отозвался глухим бормотанием, похожим скорее на звериный рык.

Джеральд отшатнулся, распластался по стене, пытаясь укрыться. Человек, притаившийся в комнате, выскочил в коридор, и тут же свет мощного фонаря заметался по стенам.

— Все в порядке, — прошептал этот человек, чуть не всхлипнув от облегчения. — Просто дверь распахнулась, просто распахнулась дурацкая дверь — вот и все.

— Черт бы побрал эту дверь! — пророкотал другой голос. — Лопни мои глаза, но я был уверен, что на этот раз мы влипли.

Они снова затворили дверь — ну и пусть себе, подумал Джеральд. Так даже лучше. Эти мужчины ему всерьез не понравились — от них явственно исходила угроза, и оставаться рядом с ними, пусть даже невидимкой, было как-то неуютно. Все, что ему следовало увидеть, он уже видел. Сбылись его предсказания — редкая удача (удача новичка, как сказал бы ему опытный игрок в карты) вывела его прямоком на грабителей в первый же день (вернее, ночь), когда он вздумал заняться сыскным делом. Грабители вынимали серебро из старинных шкафов, заворачивали серебряную посуду в тряпки и укладывали все это в большие мешки. Дверь комнаты была толщиной в шесть дюймов — это было хранилище, почти сейф, и грабители ухитрились взломать его. Их воровские инструменты лежали на

полу, на аккуратной матерчатой подстилке, на какую обычно кладут свои инструменты плотники.

— Живей! — разобрал Джеральд. — Всю ночь, что ли, собираешься возиться?

Тихо позвякивало серебро.

— Не громыхай! — предупредил хриплый голос, и Джеральд, повернувшись, пошел прочь, ступая осторожно и быстро. Как ни странно, именно сейчас, когда его голова была полна мыслями о серебре и грабителях, а также страхом, что кто-то может последовать за ним по этим глухим коридорам, он вышел сразу к той двери, которая вела на половину слуг — к той самой двери, которую он прежде не мог отыскать, несмотря на все свои старания.

Разворачивавшиеся события на ходу превращались у него в голове в стройное повествование.

— Удачливый сыщик, преуспев более, чем смел надеяться, — сами собой складывались слова, — покинул место преступления в надежде найти подмогу.

Но где ему было взять подмогу? В доме, конечно, найдется несколько мужчин, не говоря уже о тете, но ведь он не сумеет их предупредить. Он невидимка, его никто не услышит, а, услышав, не поверит. К словам Мейбл тоже никто прислушиваться не станет. Обратиться в полицию? Пока он вызовет полицию (как еще до нее добраться?), пройдет столько времени, что бандиты успеют скрыться, захватив с собой серебро.

Джеральд остановился и попытался сосредоточиться. Он обхватил голову обеими руками, чтобы как следует подумать. Вам тоже иногда приходится думать, например, когда вы решаете уравнения или пытаетесь вспомнить дату битвы, в которой Кромвель разгромил Короля.

Наконец, он извлек карандаш и блокнот, положил их на подоконник, нахмурился и начал писать:

«Вы знаете комнату, в которой у вас хранится серебро. Сейчас там находятся грабители. Они взломали толстую дверь. Пошлите за полицией. Если бандиты скроются до прихода полиции, я последую за ними».

Он подумал с минуту и приписал:

«Верьте мне — я ваш друг».

Затем он намотал записку на камень, закрепил ее шнурком от ботинка и бросил через окно в комнату, где Мейбл с тетей наслаждались своим примирением и необычайно роскошным ужином, включавшим в себя чернослив со сметаной, кексы, заварной крем, который на этот раз можно было есть ложкой прямо из чашки, и хлебный пудинг.

Хоть Джеральд и стал невидимкой, есть ему по-прежнему хотелось, а потому взгляд его с тоской остановился на столе, когда он, перегнувшись через подоконник, бросал свое послание. Он подождал, пока не смолкли изумленные возгласы, и видел, как они подбирали камень и сняли с него записку.

— Чушь! — произнесла тетка, мгновенно придя в себя. — Какая гадость! Это просто издевательство!

— Пошли за полицией! Сделай, как он говорит! — умоляла Мейбл.

— Кто еще говорит?! — фыркнула тетя.

— Кто бы он ни был! — воскликнула Мейбл.

— Немедленно пошлите за полицией! — сказал Джеральд из-под окна, стараясь говорить самым взрослым своим голосом. — Сами будете виноваты, если не слушаетесь. Больше я вам ничем помочь не могу.

— Я на вас сейчас собак спущу! — завопила тетя.

— Нет, тетя, нет, послушай, пожалуйста! — еще громче вопила Мейбл, взволнованно пританцовывая вокруг нее. — Все правда, я знаю, что это правда. Разбуди Бейтса — пожалуйста, разбуди Бейтса!

— Не верю ни единому слову, — проворчала тетя, и то же самое (примерно то же самое) сказал Бейтс, когда его все-таки разбудили по настоянию Мейбл. Однако, прочитав записку, он должен был либо отправиться в комнату-сейф и убедиться, что никаких бандитов там нет, либо сесть на велосипед и сгонять за полицией. Почему-то он предпочел последнее.

Когда прибыла полиция, дверь комнаты, как и следовало ожидать, была нараспашку, и из нее исчезло столько серебряной посуды, сколько могут унести на себе трое здоровых мужчин.

Блокнот и карандаш еще потребовались Джеральду в ту ночь. Домой он попал только к пяти утра, и еле заполз в постель — вымотанный до полусмерти и до смерти замерзший.

— Мастер Джеральд! — раздался поутру голос Лиз. — Мастер Джеральд, уже семь часов.

Сегодня прекрасный день, а ночью было новое ограбление, и... Боже мой! — завопила она, едва, отдернув занавески, бросила взгляд на постель. — Вся постель черная, а его нет как нет!

Тут случилось кое-что еще, после чего Лиз завизжала так пронзительно, что Кэтлин убежала из своей комнаты, а Джимми наконец проснулся и сел в своей постели, протирая глаза.

— Что случилось? — тревожно спросила Кэт.

— Как я испугалась, как я испугалась! — причитала Лиз, хватаясь рукой за щеку, словно у нее разболелись зубы. — Сперва смотрю — его в постели нет, а постель-то вся черная, ровно ей трубу чистили, а его в ней нет, а потом я опять смотрю — а он лежит в своей постели как ни в чем не бывало. Я с ума сойду, это точно. Я так и подумала, когда услышала вчера голоса. А вы-то, мастер Джеральд, как вам не стыдно! Я все расскажу вашей мадемуазель. Вымазался с ног до головы, ровно черный негр, перепачкал всю постель и даже подушку! Это уж слишком, знаете ли!

— Послушайте, — тихо произнес Джеральд, — я хочу вам кое-что сказать.

Лиз только фыркнула в ответ — не очень-то это вежливо, но ведь она только что пережила такое потрясение!

— Вы тайны хранить умеете? — спросил Джеральд. Этот вопрос прозвучал бы еще значительнее, если бы губы мальчика не были совсем серыми из-за остатков грима.

— Умею, — заверила его Лиз.

— Тогда сохраните все это в тайне, и я дам вам два шиллинга.

— А что это за тайна такая?

— А вот все, что было, и есть тайна. Два шиллинга — и вы сохраните ее. Ни слова ни одной живой душе.

— Мне бы не следовало брать их у вас, — сказала Лиз, поспешно протягивая руку. — Но уж теперь подымайтесь, мастер Джеральд, и постарайтесь как следует умыться!

— Как я рада, что с тобой все обошлось! — сказала Кэтлин, едва за горничной захлопнулась дверь.

— Не очень-то ты беспокоилась прошлой ночью, — сухо ответил Джеральд.

— Я понять не могу, как это я тебя отпустила. Ты прав — прошлой ночью мне было все равно. Но я сразу вспомнила, когда проснулась утром!

— Отпусти, отпусти, — пробормотал Джеральд, пытаясь разомкнуть нежные объятия своей сестренки. — Отпусти, а то вся грязь на тебя перейдет!

— Как это ты стал снова видимым? — поинтересовался Джимми.

— Само собой получилось, когда она окликнула меня... Кольцо просто свалилось у меня с пальца.

— Расскажи все по порядку, — попросила Кэтлин.

— Еще не время, — загадочно произнес Джеральд.

— А где же кольцо? — осведомился Джимми после завтрака... — Теперь моя очередь!

— Совсем забыл,— спохватился Джеральд.— Где-то у меня в постели, должно быть.

Но в постели его не было. Лиз уже сняла простыни.

— Не было тут никакого кольца, могу присягнуть! — заявила она.— Было бы, так уж я бы его заметила, будьте спокойны!

Глава пятая

— Все поиски оказались безуспешными,— пропел Джеральд, понапрасну обшарив все уголки спальни.— Наш герой, отважный сыщик, объявил, что ему пора жарить очередную рыбку, и потому, если вы хотите узнать о событиях прошлой ночи...

— Давай отложим до встречи с Мейбл,— самоотверженно перебила его Кэт.

— Мы договорились на пол-одиннадцатого, верно? — вмешался Джимми.— Почему бы Джерри не рассказать все по дороге? Вряд ли ему так уж много придется рассказывать,— добавил он скептически.

— Это доказывает только, как мало ты знаешь,— нежно прошептал Джеральд.— Понапрасну будет Мейбл встречи ждать. «Рыбка, рыбка, еще одна рыбка, еще одну рыбку зажарю я вам!» — распевал он на мотив «Спелых вишен», и Кэтлин вдруг захотелось его отдубасить.

Джимми отвернулся и мрачно пробормотал:
— Скажи, когда это у тебя пройдет.

Но Джеральд продолжал распевать:

*Джонсон улыбнется нам,
Как большой гиппопотам,
Рыбка, рыбка, жареная рыбка,
Налетай — покупай,
Добрый Джонсон, поспешай!*

— Господи, да что это с тобой делается? — не на шутку встревожилась Кэтлин.

— Сам не знаю, — ответил Джеральд, наконец-то обратившись к прозе. — Не выспался и опьянел... Опьянен успехом, хочу я сказать. Мы должны скрыться, чтобы нас никто не подслушал: «Кто подслушал нас — жалкой смертью умрет, любопытное ухо к замку прирастет!» — зловеще прошептал он и резко распахнул дверь. Лиз поспешно отвернулась и попыталась смахнуть пыль с деревянной панели коридора, но эта уловка не помогла ей.

— Подслушивать нехорошо! — сурово сказал Джимми.

— Ничегошеньки-то я не подслушивала! — всхлипнула Лиз, но ее чуткие уши предательски покраснели. Дети прошли мимо нее, вышли в город, поднялись по Хай-стрит и забрались на стену, окружавшую кладбище, чтобы немного передохнуть, болтая ногами в воздухе. И всю дорогу Джеральд упрямо молчал, плотно сжав губы.

— А теперь, — умоляюще начала Кэтлин, — расскажи, Джеральд, ну пожалуйста! Я просто умру, если ты сейчас же все не расскажешь.

— Так-то лучше! — сжалился Джеральд и начал свое повествование. Он говорил — и белая магия, тайна и волшебство залитого лунным светом сада звучали в его голосе и

вдыхали жизнь в слова, так что когда дело дошло до оживших белых статуй и огромного ящера, каменного и в то же время живого, Кэтлин сочувственно вздохнула, вцепившись в его руку, а Джимми разинул рот и перестал небрежно болтать ногами.

Затем началась повесть о грабителях и о послании, брошенном в мирную комнату, где Мейбл и ее тетя вкушали хлебный пудинг. Джеральд погрузился в этот рассказ с таким удовольствием и с такими подробностями, что церковные часы успели пробить уже половину двенадцатого, а он все еще говорил:

— Свершив все, что было в человеческих силах, и не надеясь на подмогу, наш отважный юный детектив...— эй, да это же Мейбл!

В самом деле, это была Мейбл. Она соскочила с проезжавшей мимо тележки, едва не упав к их ногам.

— Я просто не вытерпела,— поспешно объяснила она.— Вы все не шли и не шли, а тут меня согласились подвезти. Что-нибудь еще произошло? Когда Бейтс пошел в комнату, разбойники уже убежали.

— Так это что, все правда? — поразился Джимми.

— Конечно, правда,— вступилась Кэтлин.— Рассказывай, Джеральд. Он как раз говорил, что бросил камень и попал прямо в ваш хлебный пудинг. Рассказывай, рассказывай, Джеральд.

Мейбл взобралась на стену.

— Ты стал видимым гораздо быстрее, чем я,— заметила она.

Джеральд кивнул и вернулся к своему повествованию.

— Следует как можно скорее завершить наш рассказ, ибо рыбу начнут жарить ровно в двенадцать часов, и у нас осталось меньше получаса. Итак, отправив свое послание, Джеральд де Шерлок Холмс прокрался невидимкой назад, на то самое место, где при свете потайного фонаря взломщики продолжали... продолжали взламывать. Делали они это чрезвычайно расторопно и аккуратно. Не было никакого смысла слепо идти в руки врага, поэтому я притаился в коридоре, там, где начинаются ступеньки...

Мейбл кивнула.

— Вскоре они показались в коридоре — соблюдая всяческую предосторожность, само собой, — и тщательно огляделись. Меня они не видели, и потому, полагая себя в полной безопасности, молча проследовали мимо. Они шли гуськом, словно индейцы на тропе войны. Один из мешков с серебром почти коснулся меня. Минута — и они растворились в темноте!

— Но куда же они пошли?

— Они прошли через маленькую прихожую с зеркалами — помнишь, там ты еще попыталась посмотреться в зеркало, когда была невидимкой? — но наш герой последовал за ними, неслышно ступая в своих спортивных туфлях. Трое злодеев торопились укрыться в роще, огни их фонарей проскользнули по зарослям рододендронов в парке, а потом... — Тут голос его внезапно стих, и он пристально уставился на розовый вьюнок, устроившийся

посреди кучки камней на белой от пыли дороге.— Потом все эти каменные статуи снова ожили. Они так и выглядывали из-за кустов и деревьев. Я хорошо видел их, да только они меня не видели. А вот бандитов они видели — зато бандиты не видели их. Правда, здорово все получается?

— Каменные статуи? — переспросила Мейбл, и детям пришлось торопливо объяснить, о чем идет речь.

— Я никогда не видела, чтобы они оживали,— усомнилась она,— а уж я-то не один раз бывала в этом саду поздно вечером.

— Я это видел,— сердито ответил Джеральд.

— Конечно,— поспешила извиниться Мейбл.— Что я хотела сказать — вполне может быть, что они становятся видимыми, когда сам ты становишься невидимкой... Я хочу сказать, становится видно, что они живые.

Джеральд согласился с ней. Я думаю, вы бы тоже согласились на его месте.

— Вполне возможно, что ты права,— сказал он.— Сад твоего замка и вправду заколдован. Хотел бы я только знать, по каким правилам все это работает? Так — мне пора идти. Надо застать Джонсона прежде, чем пробьет двенадцать. Надо дойти до рынка, а потом придется бежать.

— Но пока мы идем, ты ведь можешь рассказывать,— клянчила Мейбл.— Пожалуйста, рассказывай — это просто сногшибательно!

Джеральд довольно ухмыльнулся.

— Потом я просто пошел по их следу. Знаешь, все это было словно во сне: они вышли через пещеру — тот самый ход, по

которому мы пришли в первый раз. Тут я чуть было не упустил их из виду, ведь мне надо было дожидаться, пока они отойдут достаточно далеко, чтобы они не услышали, как я сдвигаю камни в пещере, а потом мне пришлось бежать во весь дух, чтобы их нагнать. Я снял туфли, и теперь носки, скорее всего, придется выкинуть. Я все бежал и бежал за ними. Они прошли через поселок, где живут бедняки, оттуда к реке, а потом... Ой, нам надо бежать!

На этом рассказ прервался, и все четверо припустили во весь дух.

Они застали Джонсона во дворике у его дома — он умывался, поставив тазик на прочную деревянную скамейку.

— Послушайте, Джонсон, — подступил к нему Джеральд, — что вы нам дадите, если мы поможем вам получить эту награду?

— Половину, — поспешно заявил Джонсон. — И хорошую оплеуху, если вы вздумаете смеяться надо мной.

— Никто не смеется, — самым убедительным своим голосом возразил Джеральд. — Берите нас в дело, и я вам все расскажу. А когда вы поймаете грабителей и вернете серебро, можете дать мне соверен на счастье.

— Заходите, — произнес Джонсон. — Надеюсь, молодые леди извинят меня. И все-таки, зачем я вам понадобился? Если вы вправду знаете, где бандиты, вы могли бы сами обратиться за наградой.

— Мудрость Джонсона велика! Крылатые слова сами выходят из его уст, — сказал Дже-

ральд. Дети последовали за полисменом в коттедж, и дверь за ними захлопнулась.— Я хочу только, чтобы вы никому не рассказывали, откуда все узнали. Это будет исключительно ваша заслуга — плод вашей удачливости и дальновидности.

— Садитесь,— сказал Джонсон.— И помните: если вам вздумалось подшутить надо мной, лучше сразу отправьте этих малюток домой, пока я за вас не принялся всерьез.

— Я не шучу! — заносчиво произнес Джеральд.— Любой человек — кроме полицейско-

го, конечно,—давно бы понял, почему я не хочу, чтобы кто-нибудь прослышал обо мне. Я наткнулся на этих людей среди ночи, в том месте, где мне вовсе не следовало быть, и если дома узнают, как я провел эту ночь, будет страшный скандал. Теперь вы поняли, мой ясноглазый?

Как говорил позже Джимми, к этому времени Джонсон был уже настолько заинтригован, что готов был безропотно проглотить самое нелепое прозвище. Он сказал только, что все понял и хочет поскорее узнать, в чем дело.

— Так слушайте и молчите. Я расскажу все, что вам следует знать. Прошлой ночью около одиннадцати часов я был в Ядлинг-Тауэрсе. Как я туда попал и что там делал — совершенно неважно. Окно замка было открыто. Я вошел в него, прошел несколько шагов и увидел свет. Свет был в комнате, где хранилось серебро, и там было трое мужчин, которые укладывали серебряный сервиз в мешки.

— Значит, это ты послал предупреждение, чтобы слуги вызвали полицию? — спросил Джонсон, резко наклонившись вперед и упираясь руками в колени.

— Да, это был я. Если хотите, можете сказать, что и это сделали вы. Вы ведь не были в то время на дежурстве, верно? Ну так вот, полиция не подоспела вовремя, и был там только я, одинокий сыщик. Я последовал за ними.

— В самом деле?

— В самом деле. Я видел, как они прятали добычу в тайник. Кроме того, я видел, что там

же спрятано и серебро из Хьютон-Корта. И еще я слышал, как они договаривались, когда заберут ее из тайника.

— Идем — ты покажешь мне этот тайник! — воскликнул Джонсон и вскочил так резво, что его легкое кресло с жалобным хрустом повалилось на кирпично-красный пол.

— Нет, — сурово ответил Джеральд. — Если вы явитесь туда раньше условленного часа, вы найдете серебро, но никогда не поймаете воров.

— Верно, — отозвался полисмен, пытаясь поставить кресло на ножки и вновь устраиваясь в нем. — Так как же?

— В час дня на дорожке за пристанью у Сэдлерз-Рентс их будет ждать машина. В полпервого они придут за краденым добром и переправят его на лодке. Вот ваш шанс наполнить карман монетами и покрыть свое имя славой.

— Господи Боже! — простонал Джонсон в тоске и смятении. — Господи Боже! Ведь вы не шутите со мной? Вы бы просто не смогли все это выдумать.

— Еще как смог бы. Но я ничего не выдумал. Слушайте, Джонсон — это ваш шанс, такое бывает один раз в жизни. И я прошу у вас всего лишь один фунт плюс соблюдение тайны. По рукам?

— Согласен, согласен! — подхватил Джонсон. — Но если вы дурачитесь...

— Неужели вы не понимаете, что он не врет! — не утерпела Кэтлин. — Он же не врун. Мы все честные люди.

— Не хотите — не надо, — сказал Джеральд. — Я поищу другого полисмена, у которого в голове будет побольше мозгов.

— А я расскажу, где вы провели ночь! — пригрозил Джонсон.

— Вы неспособны на столь бесчестный поступок, — весело возразила Мейбл. — Будет вам упрямиться, мы ведь вам же добра желаем.

— На вашем месте я бы отправился к тайнику с серебром, прихватив с собой еще двух человек, — начал распоряжаться Джеральд. — Вы можете укрыться в рощице, что расположена неподалеку. А еще двух или трех человек я послал бы к той тропинке, чтобы они забрались на деревья и поджидали машину.

— Да, вы могли бы служить в полиции, — с уважением признал Джонсон. — Но если это подставка!..

— Что ж, тогда вы окажетесь в дураках — надо полагать, не первый раз в жизни, — заявил грубиян Джимми.

— Так по рукам? — нетерпеливо спросил Джеральд. — Джимми, идиот, попридержи язык!

— По рукам! — выдохнул Джонсон.

— Тогда заступайте на дежурство и идите вниз по дороге к той рощице. Когда увидите, что я достаю носовой платок и сморкаюсь, вы узнаете, что это и есть то самое место. Мешки они спрятали под водой, привязав их веревкой к колышкам. От вас требуется только появиться на месте происшествия во всем блеске полицейской формы, и на вас валом повалят почести, и Слава вознесет вас на вершины

сержантского звания. И тогда — о, прошу вас! — не забудьте обо мне.

Джонсон что-то беспомощно пролепетал. Он попытался задать еще какой-то вопрос, но тут же оборвал самого себя и заявил, что на все согласен и отправляется немедленно.

Коттедж Джонсона находился за пределами города, возле кузницы, и по пути к нему детям уже пришлось пройти через лес. А потому они снова шли через лес, потом через город с его узкими улочками, а еще потом по тропе мимо лесопилки, где громоздились еще нераспиленные бревна, — здесь, пока пильщики уходили на обед, можно было вволю поиграть, уложив поперек бревна свежую, сладко пахнущую еловую доску и превратив ее в качели.

— Замечательное место! — запыхавшись выговорила Мейбл. — Это еще лучше, чем играть понарошку, будто я принцесса или в какое-нибудь другое колдовство!

— Мне здесь тоже нравится, — признался Джимми. — Джерри, кончай чихать, у тебя скоро нос отвалится!

— Что ж я могу поделать? — спросил Джерри. — Я не могу достать платок — Джонсон, наверное, уже следит за нами. Лучше б я придумал какой-нибудь другой сигнал. Ап-чи! И удержаться не могу! Вот глупость! Как только мы пришли сюда и я вспомнил, что сказал Джонсону, мне сразу захотелось чихнуть и начался насморк... Слава Богу! Вот он идет!

И все дети, искусно симулируя полную беззаботность, покинули качели и двинулись вперед.

— Следуйте за мной! — крикнул Джеральд и помчался по коренастому стволу недавно срубленного дуба. Все кинулись вслед за ним. Они помчались вперед, повернули, закружились, прячась между деревьями, и когда наконец на тропинке раздались тяжелые шаги полисмена, Джеральд выбежал к крошечной пристани, где томилась пара полусгнивших лодчонок, взмахнул рукой, что-то выкрикнул и яростно начал сморкаться.

— Доброе утро, — с облегчением выговорил он.

— Доброе утро, — откликнулся Джонсон. — Похоже, вы простудились!

— Ах, будь у меня такие башмаки, как у вас, я бы никогда не простудился, — восхищенно произнес Джеральд. — Только посмотрите на них. Да о вашем приближении каждый узнает еще за милю. Как это вам удастся подкрадываться к преступникам, чтобы хоть кого-нибудь арестовать? — с этими словами он покинул причал и проскользнул мимо Джонсона, шепнув напоследок: — Отвага, быстрота, натиск. Они придут сюда, — и помчался вперед, как самый настоящий неугомонный вождь во главе своих неугомонных соплеменников.

— Наша подруга будет сегодня обедать с нами, — пояснила Кэтлин, когда Лиз открыла дверь. — Где мадемуазель?

— Мадемуазель ушла в Ядлинг-Тауэрс. Сегодня там пускают посетителей. Давайте-ка, поторопитесь с обедом. Сегодня после обеда у меня выходной, а мой дружок не очень-то любит ждать.

— Порядок, мы очистим тарелки в одно мгновение,— заверил ее Джеральд.— Будьте умницей, дайте нам еще один прибор.

Они сдержали слово. Обед, состоявший из телятины с картофелем и рисового пудинга (вот тоска-то!), исчез в их желудках меньше чем за четверть часа.

— А теперь,— произнесла Мейбл, когда Лиз скрылась на втором этаже, унося с собой горшок кипятку,— я хочу знать, где мое кольцо. Я должна положить его на место.

— Но сперва я тоже хочу попробовать,— заявил Джимми.— Когда мы найдем его, Кэтлин и я тоже должны попробовать, потому что теперь наша очередь.

— Когда найдете?..— бледноватое личико Мейбл стало совсем бледным на фоне густых темных локонов.

— Мне очень жаль... Правда, нам всем очень неловко...— начала Кэтлин, и дети нехотя рассказали Мейбл историю исчезновения кольца.

— Вы плохо искали! — рассердилась Мейбл.— Оно не могло просто так взять и пропасть.

— Почему ты знаешь, что оно могло, а что нет? Нечего злиться, прекрасная дева. Может быть, такое вот исчезновение ему как раз по вкусу. Я спал, и оно свалилось у меня с пальца. Мы уже все тут обшарили.

— Можно, я сама поищу? — умоляюще спросила Мейбл, глядя на Кэт.— Понимаешь, если оно пропало, мне придется отвечать. Ведь я почти что украла его. Джонсон скажет, что это и есть кража. Я уверена, он именно так и скажет.

— Давайте еще раз все обобщем,— согласился Джеральд, поднимаясь.— С утра мы, может быть, чересчур спешили.

И они снова принялись искать. Они искали в кровати и под кроватью, под ковром и под шкафом. Они трясли шторы, они ползали во всех углах, где, кстати, обнаружилось немало пыли и каких-то забытых мелочей, но кольца нигде не было. Они искали, искали, искали. Они рыскали повсюду. Джимми даже улегся на пол и уставился на потолок, словно рассчитывая, что кольцо каким-то образом взмыло вверх и прилепилось возле люстры. Однако, его и там не оказалось.

— Раз так,— заключила Мейбл,— то его украла ваша горничная. Вот и все. Сейчас я пойду и скажу ей это прямо в глаза.

Так бы она и поступила, но в эту минуту парадная дверь с грохотом захлопнулась и они поняли, что Лиз, нацепив на себя свой лучший наряд, уже отправилась на свидание с таинственным дружкой.

— Ничего не получается! — Мейбл готова была расплакаться.— Послушайте, можно я останусь тут одна? Может быть, я сумею? Я еще раз обшарю каждый дюйм.

— Уважая чувства своей гостьи, милосердные угольщики поспешно удалились,— процитировал Джеральд, после чего дети на цыпочках вышли из комнаты и тихонько прикрыли дверь с другой стороны, чтобы не мешать Мейбл в ее поисках.

Они должны были ждать Мейбл — отчасти из вежливости, а отчасти потому, что кто-то

должен был оставаться дома, чтобы впустить мадемуазель, — хотя им и было обидно торчать взаперти прекрасным летним днем. Особенно томился Джимми — он припомнил, что карманы Джеральда набиты выручкой за ярмарочное представление, и на эти деньги еще не купили ничего, кроме грошовых булочек, да и тех ему не досталось. Так что у всех троих были причины торопиться.

Они прождали целый час (на самом деле, конечно, прошло минут десять). Дверь спальни наконец отворилась, и они услышали на лестнице шаги Мейбл.

— Не нашла, — отметил Джеральд.

— Почему ты знаешь? — спросил Джимми.

— По походке, — пояснил Джеральд. В самом деле, уже по звуку шагов можно догадаться, нашел ли человек ту вещь, которую он искал. Шаги Мейбл отчетливо выговаривали: «Неудача, неудача», а выражение ее лица лишь подтвердило это печальное известие.

В эту минуту яростные удары сотрясли дверь черного хода, так что все сочувственные слова и надежды на то, что кольцо вскоре найдется, пришлось отложить. Никого из прислуги в доме не оставалось, так что все четверо отправились открывать дверь, задумав, что если это окажется булочник, купить у него кекс на сладкое, ибо, как справедливо заметил Джеральд, «к такому обеду требуется сладкое».

Но то был не булочник — распахнув дверь, они обнаружили на заднем дворе между колодцем и ящиком для мусора молодого человека в съехавшей на затылок шляпе и с широко

разинутым от изумления ртом. Глаза его были разинуты не менее широко. Он был одет в костюм горчичного цвета с голубым галстуком. На груди у него красовалась позолоченная цепочка для часов. Откинувшись назад, он пытался ухватиться правой рукой за дверь. Весь вид его явно говорил о том, что его куда-то тащат против воли. Выглядел он так странно, что Кэтлин попыталась захлопнуть перед ним дверь, прошептав: «Это какой-то сумасшедший!», но дверь ей захлопнуть не удалось, поскольку что-то невидимое крепко держало ее.

— Отпусти меня! — вопил молодой человек.

— Как же, как же! Так я тебя и отпустила! — проскрипел голос Лиз. Лиз-невидимки!

— Кто вас держит? — удивилась Кэтлин.

— Она, — простонал незнакомец.

— Кто это «она»? — продолжала Кэтлин, чтобы выиграть время (как она потом объяснила ребятам, ибо она уже хорошо понимала, что дверь ей мешает закрыть нога Лиз — невидимая нога).

— Моя невеста, мисс. Вроде это ее голос, и косточки тоже ее — но я вроде как захворал, мисс, и совсем не могу ее разглядеть.

— Вот что он долбит всю дорогу, — пожаловался голос Лиз. — Вот что он говорит теперь — а ведь он как есть мой жених. Кто же из нас двоих свихнулся — он или я?

— По-моему, оба, — огрызнулся Джимми.

— Ты считаешь себя мужчиной! — окреп голос Лиз. — Так посмотри мне в глаза и посмей повторить, что ты меня не видишь!

— Но, но... Но я не вижу тебя,— залепетал несчастный жених.

— Если бы я украл кольцо,— произнес Джеральд, безмятежно уставившись на синее небо,— я бы сидел тихонько дома, а не выставлял бы себя напоказ у задней двери почтенной школы!

— Про нее не скажешь, чтобы она выставляла себя напоказ,— пробормотал Джимми.— Отлично работает эта побрякушка!

— Ничего я не крал! — рывкнул жених.— А ну, отпусти меня. Считай, что я ослеп. Отпусти, слыхала?

Внезапно его рука, нелепо висевшая в воздухе, упала, и он отлетел к колодцу. Лиз «отпустила» его. Она попыталась прорваться мимо ребят, орудуя невидимыми локтями, но Джеральд успел одной рукой поймать ее за руку, другой нащупал ее ухо и шепнул: «Стойте тихо и молчите. Один только звук — и я пошлю за полицией».

У Лиз были все основания опасаться, что он именно так и поступит, а потому она покорно остановилась, замолчала и вела себя так тихо, как только может вести себя невидимка — если, конечно, не считать сопения, которое она имела обыкновение испускать, когда была раздражена или напугана.

Молодой человек в костюме горчичного цвета восстановил равновесие и снова уставился на детей — против всякого вероятия, глаза его сумели еще чуть-чуть округлиться.

— Что происходит? — прошептал он.— Что происходит? Объясните же мне наконец, что происходит?

С. М. С. 2 9

— Если вы не знаете, то, боюсь, что мы вам ничего не сможем объяснить,— безукоризненно ответил Джеральд.

— Я говорил что-то странное? — спросил молодой человек упавшим голосом, снимая с головы шляпу и заглядывая в нее.

— Да уж, пожалуй,— отрезала Мейбл.

— Надеюсь, я не сказал вам чего-нибудь грубого, мисс,— обеспокоился он.

— Нет-нет,— заверила его Кэтлин.— Вы сказали только, что ваша невеста держит вас за руку, но вы ее не видите.

— Я и вправду ее не вижу.

— Мы тоже ее не видим,— подтвердила Мейбл.

— Неужели мне все это приснилось? И я приперся сюда и выставил себя на потеху, словно осел на ярмарке?

— Вам лучше знать,— мягко ответил Джеральд.

— Но,— бедняга в горчичном костюме уже почти визжал,— неужели вы хотите сказать...

— Я ничего не стану вам говорить,— ответил Джеральд, по-прежнему ухитряясь не погрешить против истины.— Я могу только дать вам совет. Отправляйтесь домой, прилягте и отдохните немного — а на голову вам лучше всего было бы положить мокрую тряпку. Завтра все пройдет.

— Но я...

— С кем угодно может такое случиться,— добавила Мейбл.— Сегодня очень жарко, знаете ли.

— По-моему, у меня уже все прошло,— сказал он.— Но... Во всяком случае, я извиняюсь, вот и все, что я могу сказать. Со мной никогда ничего подобного не было, уж поверьте, мисс. Ничего такого за мной не водится — вы не подумайте чего плохого. Я мог бы поклясться, что Лиз... Разве Лиз не ушла, чтобы со мной повстречаться?

— Лиз дома,— ответила Мейбл,— и сегодня ни с кем встречаться не будет.

— Хорошо, хорошо, только не говорите ей, что я выставил себя таким дураком, пожалуйста, не говорите ей, мисс. Это настроит ее

против меня, если она решит, что у меня бывают какие-то приступы, а у меня никогда ничего подобного не бывало, отродясь не бывало, мисс.

— Мы ничего не скажем о вас Лиз.

— И вы извините меня за грубость?

— Ну конечно! Мы же знаем, что вы ни в чем не виноваты,— утешила его Кэтлин.— Вам надо пойти домой и отдохнуть. Все будет в порядке. Всего доброго.

— Приятного вам дня, мисс,— медленно произнес он.— Я так и чувствую, как ее пальцы ухватили меня за руку. А моему боссу, начальнику то есть, вы не скажете? Знаете ли, когда у человека припадки, это может повредить ему на любой работе.

— Нет, нет, все будет в порядке. До свидания! — произнесли дети хором. Он медленно удалился, осторожно обогнув колодец, после чего воцарилось молчание, вскоре, однако, нарушенное воплями Лиз.

— Сдайте меня полиции! — стонала она.— Посадите меня в тюрьму! Сердце мое разбито!

Плюх! — и здоровенная капля растеклась по камню дверного порога.

— Собирается дождь,— решил Джимми, но то была всего лишь слеза безутешной Лиз.

— Сдайте меня полиции, сдайте меня полиции! — рыдала она (плюх-кап-плюх!) — Только не здесь, не в этом городе, где меня все знают, где я считалась уважаемой девушкой (плюх-кап-плюх!). Я пройду пешком десять миль, и пусть меня заберет чужой полисмен, а не наш Джонсон, ведь он ухаживает за моей кузиной!

(плюх-кап-плюх!). Спасибо, что не сказали Альфу, будто я украла кольцо. Я не украла, не украла, я только одолжила его, ведь у меня сегодня выходной, а жених мой сами видите какой щеголь!

Дети, как замороженные, следили за слезами, которые становились видимыми, едва покинув невидимый нос Лиз. Наконец, Джеральд взял себя в руки и заговорил.

— Поймите же, наконец, что мы вас не видим!

— Он тоже так говорил,— всхлипнула Лиз.

— Вы сами не сможете увидеть себя,— продолжал Джеральд.— Посмотрите на свою руку.

По всей видимости, именно это Лиз и попыталась сделать, потому что в следующую секунду раздался вопль, который вполне мог бы привлечь полисмена, окажись он поблизости, и Лиз бесповоротно впала в истерику. Дети старались, как могли, припоминая все, что они читали в книгах относительно истерик, но вы сами знаете, как трудно помочь горничной, когда она стала невидимкой, да к тому же еще и надела свой лучший наряд. В результате выходная шляпка Лиз оказалась безвозвратно загубленной, а любимое синее платье утратило изрядную долю своей привлекательности. Они попытались жечь перо под носом у Лиз, выбрав для этой цели метелку, которой со шкафов сметали пыль, но внезапно огонь вспыхнул сильнее, вонь резко усилилась и Джеральд едва успел загасить пламя, поняв, что накидка из перьев — гор-

дость Лиз — тоже решила поучаствовать в спасении своей хозяйки.

Это средство оказалось вполне действенным. Лиз очнулась с глубоким вздохом и произнесла: — Не вздумайте жесть мой страусиный палантин — мне уже лучше.

Они помогли ей подняться на ноги, после чего она присела на нижней ступеньке лестницы. Медленно, осторожно и ласково дети объяснили ей, что она и в самом деле стала невидимкой, потому что когда крадешь — или даже одалживаешь — чужое кольцо, то последствия из этого могут выйти самые непредсказуемые.

— Но я же не могу оставаться в таком виде, — простонала Лиз, не обнаружив своего отражения в зеркальце, которое ребята специально принесли ей с кухни. — Неужто я теперь так навсегда и останусь?! Мы же собирались пожениться после Пасхи. Кто же возьмет девушку, если ее и разглядеть-то нельзя?

— Это ненадолго, — принялась утешать ее Мейбл. — Это... Это как корь, это скоро пройдет. Наверное, уже завтра все уладится.

— Может быть, даже сегодня ночью, — подхватил Джеральд.

— Мы будем вам помогать, и никому ничего не скажем, — уверила Кэтлин.

— Даже полиции, — зловеще прошипел Джимми.

— А теперь надо приготовить чай для мадемуазель, — решил Джеральд.

— И для нас тоже, — напомнил Джимми.

— Нет, — возразил Джеральд. — Мы будем

пить чай на свежем воздухе. Мы устроим пикник и возьмем с собой Лиз. Я пойду и куплю кекс.

— Я не стану есть кекс, мастер Джерри,— заявила Лиз.— Даже и не пытайтесь меня уговаривать, я не допущу, чтобы вы видели насквозь, как этот кекс торчит у меня в желудке. Не хватало еще, чтобы я расхаживала по улице, а все могли видеть кекс прямо у меня в середине. Боже мой, Боже мой — и все это только за то, что я на денек одолжила кольцо!

Они заверили ее, что кекс не будет просвечивать, поставили чайник на огонь, поручили Кэтлин отворить мадемуазель дверь (мадемуазель вернулась усталая и отчего-то грустная), дождались Кэтлин и Джеральда со снедью и всей толпой отправились в Ядлинг-Тауэрс.

— Пикник там устраивать не разрешается,— предупредила Мейбл.

— Нас это не касается,— отрезал Джеральд.— Так, Лиз, берите Кэтлин под руку, а я пойду сзади, чтобы ваша тень не бросалась в глаза. Ради Бога, снимите вы эту шапку! Она отбрасывает такую тень, что нас примут за беглецов из сумасшедшего дома!

Шляпа, перейдя в руки Кэт, стала видимой, и тут-то и обнаружилось, сколь малая доля воды, выплеснутой на лицо Лиз, попала по назначению.

— Моя лучшая шляпка! — сказала Лиз и замолчала. Несколько минут было слышно только ее сопение.

— Послушайте,— сказала наконец Мейбл,— не стоит так унывать. Считайте, что это всего лишь сон. Как раз такой сон и приснился бы вам, если бы вам стало стыдно, что вы без спроса взяли кольцо.

— Ага, сон! А когда я проснусь?

— Скоро, скоро. А теперь мы завяжем вам глаза и проведем через потайную дверь. И не вздумайте сопротивляться, а то тут же появится полиция — ее-то как раз и не хватает в вашем сне.

У меня нет ни времени, ни сил, чтобы подробно описать способ, каким Лиз попала в пещеру. Достаточно сказать, что она летела вниз головой — девочки столкнули ее, а мальчики подхватили внизу. Хорошо, что Джеральд предусмотрительно связал ей руки, не то быть бы им расцарапанными в кровь. А так пострадала только Мейбл, ладошка которой попала между камнем и яростно топающим башмаком. Не стоит также передавать и все те слова, которые произнесла Лиз, пока ее тащили вдоль изгороди под арку, ведущую к волшебному итальянскому пейзажу. Ее словарь почти иссяк к тому времени, когда ее опустили на землю под плакучей ивой, что росла возле статуи Дианы, привставшей на цыпочки и натягивающей лук (вот интересно, удастся кому-нибудь попасть в цель из такого положения?).

— Ну вот,— произнес Джеральд, снимая повязку с ее глаз.— Теперь все будет хорошо — настало время чая и кекса.

— Давно пора выпить чаю,— подтвердил Джимми (на этот раз он был прав).

Убедившись, что ее ребра стали только невидимыми, но отнюдь не прозрачными, и что ее сотрапезники не смогут сосчитать число булочек, попавших в ее желудок, Лиз приналегла на еду, как и все остальные. Телятина, картофель и рисовый пудинг на обед, затем несколько часов треволнений — и запоздавший полдник покажется вам на редкость вкусным.

Легкая, прохладная зелень сада постепенно сменялась серыми тенями. Потом в зелени проступила позолота, серые тени почернели, а озеро возле храма Феба, в котором вверх ногами отражались лебеди, залил коралловый отблеск туч, сгрудившихся вокруг закатного солнца.

— Как красиво! — восхитилась Лиз. — Прямо как на открытке, что из самых дорогих.

— Мне пора домой, — вздохнула Мейбл.

— А вот я не пойду домой в таком виде, — заявила Лиз. — Лучше уж я останусь тут и буду жить как дикарь в той белой хибаре без стен и дверей.

— Она говорит о храме Диониса, — фыркнула Мейбл.

Внезапно солнце почти отвесно ушло за черную линию деревьев на гребне холма, и белый храм, только что отливавший розовым, почти почернел.

— Там можно жить и не как дикарю — пусть даже и без стен, — заметила Кэтлин.

— Сплошные сквозняки, — пробурчала Лиз. — Да и со всеми этими ступеньками не намоешься! О чем они только думали, когда пона-

строили столько домов без стен! Кто станет...— Тут она замолчала и, похоже, уставилась куда-то, разинув рот.— Кто это? — спросила она наконец ослабевшим голосом.

— Что ты имеешь в виду?

— Вон ту белую штуку, что спускается по ступенькам. Ой, да это же тот молодой человек, который только что был статуем!

— После захода солнца статуи оживают,— Джеральд попытался произнести эти слова как можно небрежнее.

— Сама вижу, что оживают,— ответила Лиз. Как ни странно, она не испугалась и даже не была удивлена.— А вон еще один. Смотри-ка, у него на ногах крылышки — такие маленькие, ровно у голубя.

— Меркурий, должно быть,— предположил Джеральд.

— Сандалии с крылышками были у Гермеса,— поправила его Мейбл.

— Не вижу я никаких статуй,— не вытерпел Джимми.— Эй, ты чего щиплешься?

— Ты что, не понимаешь? — зашипел Джеральд (мог бы и не шептать, ибо поглощенная быстрыми, изящными движениями невидимых статуй, Лиз не обращала на детей никакого внимания).— Неужто ты не понимаешь, что когда солнце заходит, статуи оживают, но увидеть их можно, только если ты сам невидимка, и я... то есть я хотел сказать, ты их не боишься, разве что если дотронешься до них.

— Вот пусть Лиз и дотронется до какой-нибудь из них! Интересно, испугается она или нет? — предложил Джимми.

— Он прыгнул в воду,— отрывисто доложила Лиз.— Ох, и здорово плавает! А тот, с голубиными крылышками, летит над водой, и дразнит его — ну и забавляется! Красиво, взаправду красиво! Вроде купидончиков на свадебном пироге. А вон еще один мальчишечка — длинноухий такой, а с ним олененок. А та дама! Как она играет со своим малышом — так и подбрасывает его и ловит, ровно мячик! И как это она не боится расшибить его? Но все равно, смотреть на них одно удовольствие!...

Широкий парк простирался вокруг них. Тени становились все глубже, а тишина все сгущалась. Они видели, как сияют в сумерках белые неподвижные статуи, но совсем иные картины открывались глазам Лиз. Она молча созерцала их, и дети тоже притихли — а вечер опускался на них, словно плотный и темный ковер. Наступила ночь, над деревьями поднялась луна.

— Ага! — воскликнула Лиз.— А вот и этот прелестный мальчонок с оленем — он бежит прямо ко мне, ах ты, душечка!

В следующую минуту она уже вопила пронзительным голосом, и вопли ее быстро удалялись, сливаясь с грохотом торопливых шагов.

— Скорее! — крикнул Джеральд.— Скорее! Она притронулась к статуе и испугалась. Так было и со мной. Бежим! Она весь город сведет с ума, если примчится туда. Все услышат только ее вопли да стук башмаков! Бежим! Бежим за ней!

Они помчались вслед, но Лиз успела сильно опередить их. К тому же, пока она бежала по траве, шаги ее становились бесшумными, и им приходилось пережидать, пока грохот разлетавшегося из-под ее башмаков гравия не

указывал им верное направление. Лиз подгонял страх, а за страхом не угонишься!

Она мчалась напрямик, невидимая в призрачном лунном свете, отшатываясь от никому не видимых опасностей, таившихся в зарослях и гротах.

— Я останусь здесь. До завтра! — пропыхтела Мейбл, когда они в пылу преследования выбежали на каменную террасу. — Она пробежала мимо конюшни.

— На задний двор! — скомандовал Джеральд, когда они влетели в ворота школы. Джимми пролетел через двор, предусмотрительно обогнув достославный колодец.

Кто-то невидимый, но очень энергичный уже сотрясал входную дверь. Церковные часы пробили половину десятого.

— Половина десятого, — еле выговорил Джеральд. — Попробуйте потянуть кольцо. Может быть, сейчас оно слезет.

Он обращался к пустым ступенькам, но через секунду Лиз, сама Лиз, растрепанная и запыхавшаяся, в сбившемся набок платье с отстегнувшимся воротничком, протянула им руку — вполне видимую руку, — и на ее ладони замерцало в призрачном свете луны темное магическое кольцо.

— Я на минутку, — извинился поутру жених Лиз, заглядывая с порога в коридор, где она возилась с тряпкой и метлой. — Жаль, что ты не смогла придти вчера.

— Мне тоже жаль, — отвечала Лиз, плюхнув влажную фланелевую дорожку на верхнюю ступеньку. — Чего ты делал?

— У меня вроде голова болела,— неуверенно произнес жених.— Ну, я и решил полежать. А у тебя как?

— Ничего особенного,— отрезала Лиз.

— Стало быть, все это мне приснилось,— уверила она себя, когда ее возлюбленный скрылся за поворотом.— Будет мне, однако, урок — не хватать второпях чужие побрякушки.

— Стало быть, они ничего ей не рассказали,— облегченно вздохнул жених.— Все от солнца — говорят, в Индии с людьми еще и не такое бывает. Надеюсь, это не войдет у меня в привычку.

Глава шестая

Город праздновал успех Джонсона. Это он выследил бандитов, подстроил им ловушку и вернул похищенное серебро. Камень в окно он не бросал — должно быть, это просто привиделось Мейбл и ее тете. Но записка с предупреждением — это уж точно его рук дело. Джеральд после завтрака сходил за газетой и зачитал вслух две колонки бреда, который «Лиддлсби Обсервер» выдавал за чистейшую истину. Пока он читал, рты слушателей открывались все шире и шире, а когда он дошел до заключительного пассажа: «Наш талантливый соотечественник, превосходящий господ Лекока и Холмса в детективных талантах, чье продвижение по службе представляется нам столь же несомненным, сколь и заслуженным», за столом воцарилось растерянное молчание.

— Ладно,— заговорил наконец Джимми.— По крайней мере, он не заложил нас, верно?

— Все-таки неприятно, что он так хвастается,— вздохнула Кэтлин.— Это как будто... как будто мы виноваты, что он столько врет. Ведь если бы не ты, Джерри, то ничего бы и не было. Как он может так похвастаться?

— Н-ну,— протянул Джеральд, пытаясь быть справедливым,— он ведь должен был хоть что-нибудь сказать. Я рад, что...— тут он внезапно замолчал.

— Чему ты рад?

— Это подождет,— отозвался он величественно, словно откладывая на потом дела государственной важности.— Так что мы делаем сегодня? Скоро придет прекрасная Мейбл, которая очень хочет получить назад свое кольцо. Ты и Джимми хотели попробовать надеть его. Кстати — мадемуазель уже много дней не получала никаких знаков внимания от нашего героя!

— Мне надоело, что ты называешь себя «нашим героем»,— заворчал Джимми.— Уж, во всяком случае, ты не мой герой.

— Вы оба мои,— поспешно вступилась Кэтлин.

— Вот хорошая девочка! — насмешливо отозвался Джеральд.— Присмотри за своим маленьким братиком, чтобы он не капризничал, пока не придет няня.

— Ты пойдешь с нами? — перебила его Кэтлин.

В ответ Джеральд пропел:

*«Лежит на ярмарку мой путь,
Там встречу я кого-нибудь!
Милой я куплю букет —
Лучше роз цветочков нет!»*

— Хотите идти вместе — надевайте башмаки да пошевеливайтесь! — добавил он.

— Я не пойду, — сказал Джимми и надулся. Кэтлин в отчаянии взглянула на Джеральда.

— Ах, Джеймс, Джеймс! — укоризненно покачал головой Джеральд. — Ты не даешь мне забыть, что ты всего-навсего мой маленький братец! Будь ты кем-нибудь другим, я бы разделался с тобой, как с Тернером или Моберли — а так что прикажешь с тобой делать?

— Зато ты не называешь их «маленьким братцем», — стоял на своем Джимми.

— Ладно, ладно — больше не буду. Вперед, мой герой и моя героиня! Преданный Месрур склоняется перед вами в нижайшем поклоне.

Как и было условлено, они встретили Мейбл на углу площади, где по пятницам вырастали киоски, палатки и зеленые навесы, а в них продавались свинина и свежая птица, фрукты и овощи, посуда и ткани, игрушки и сладости, инструменты и украшения. Этот и прочий занятный товар раскладывался на столах, тележках (а лошади, доставившие эти тележки, отдыхали неподалеку), деревянных ящиках, а иногда, если товар был достаточно прочным, прямо на гладких каменных плитах рыночной площади.

Солнце весело сияло, и вся природа, по словам Мейбл, казалась веселой и улыбчивой. Среди связок овощей дети обнаружили цветы и заколебались, не зная, что выбрать.

— Как хорошо пахнет резеда! — заметила Мейбл.

— Но розы — это все-таки розы! — изрекла Кэтлин.

— Гвоздики дешевле, — объявил Джимми, и Джеральд, сунувшийся было к чайным розам, тут же согласился с ним.

Итак, они накупили гвоздик — букетик желтых, букетик белых, словно густая сметана, и букетик красных, словно румяные щечки куклы — той самой куклы, с которой Кэтлин ввиду ее неопикуемой красоты не решалась играть. Они принесли гвоздики домой. На самом пороге школы Кэтлин вспомнила, что у нее есть отличная зеленая ленточка, чтобы перевязать их как следует.

Джеральд тихонько постучался в дверь комнаты, где мадемуазель обычно проводила весь день.

— Антре! — раздался голос мадемуазель, и Джеральд вошел в комнату. Против своего обыкновения, мадемуазель не читала — она сидела, склонившись над блокнотом для рисования. На столе возле нее лежала какая-то заграничная коробочка с красками и стояла баночка с разноцветной водой, равно привычная и великим акварелистам, и ребенку, неуклюже разводящему на белом листе краски, впервые в жизни купленные за шесть пенсов.

— Примите в знак нашей любви, — произнес Джеральд, быстро выхватив букет из-за спины и опустив его на стол перед ней.

— Ах, как это мило! Я обязательно должна поцеловать вас. А ну-ка! — И прежде, чем

Джеральд успел объяснить, что для этого он уже чересчур взрослый, она быстро клюнула его на французский манер в каждую щеку.

— Вы рисуете? — поспешно спросил он, чтобы сгладить неловкость оттого, что с ним обошлись, как с младенцем.

— Я пытаюсь нарисовать вчера, — ответила она, но не успел он как следует задуматься над тем, как может выглядеть «вчера» на рисунке, она показала ему изящный и точный набросок Ядлинг-Тауэrsa.

— О, замечательно! — одобрительно произнес он. — Можно остальным тоже посмотреть? — Дети подошли ближе, а с ними и

Мейбл, которая неловко спряталась за спинами остальных, выглядывая через плечо Джимми.

— Здорово у вас получается! — с уважением произнес Джеральд.

— Какой смысл иметь талант, если вся жизнь уходит на обучение малышей? — вздохнула мадемуазель.

— Это действительно скверно, — признал Джеральд.

— Вам тоже видно? — обратилась мадемуазель к Мейбл и добавила: — Эта ваша подруга из города, верно?

— Добрый день, — ответила Мейбл как воспитанная девочка. — Нет, я не из города. Я живу в Ядлинг-Тауэрсе.

Эти слова произвели немалое впечатление на мадемуазель. Джеральд замер, молясь в душе, чтобы мадемуазель не оказалась снобом.

— Ядлинг-Тауэрс, — медленно повторила она. — Это просто поразительно. Вы принадлежите к семье лорда Ядлинга?

— У него нет семьи, — возразила Мейбл. — Он даже не женат.

— Я имела в виду, что вы, наверное, его кузина или сестра, а может быть, племянница?

— Нет, — ответила Мейбл, сильно покраснев. — Я не такая уж важная персона. Я племянница экономки лорда Ядлинга.

— Но вы знакомы с лордом Ядлингом, не правда ли?

— Нет, — сказала Мейбл. — Я вообще его ни разу не видела.

— Значит, он никогда не приезжает в свой шато... в свой замок?

— За все это время он ни разу не приезжал. Говорят, приедет на следующей неделе.

— Почему же он там не живет? — продолжала мадемуазель.

— Тетя говорит, что он слишком бедный, — пояснила Мейбл и принялась рассказывать всю его историю, как ее рассказывали в комнате экономки: дядя лорда Ядлинга оставил все деньги, которыми только мог распорядиться по своей воле, не нынешнему лорду Ядлингу, а его троюродному брату, и теперь у бедного лорда денег едва хватает, чтобы содержать в порядке старый замок, а самому очень скромно жить где-то в другом месте. У него никогда не будет столько денег, чтобы самому жить здесь и принимать гостей, а продать замок он тоже не может, потому что он маератный.

— Что значит «маератный»? — удивилась мадемуазель.

— Эта значит, что завещание придумано так, что он всегда мается, — пояснила Мейбл, гордясь как своими юридическими познаниями, так и вниманием со стороны слушательницы. — И раз уж твой дом попал в эту самую маету, ты уже никому не можешь продать его или даже завещать, кому хочешь, но только своему сыну, даже если тебе этого и не хочется.

— Но почему же его дядя поступил так жестоко — оставил ему замок, а денег не дал? — настаивала мадемуазель, а Кэтлин и Джимми, стоявшие возле нее, все более удивлялись столь острому ее интересу к тому, что им казалось величайшим занудством.

— Я и об этом могу все рассказать,— похвасталась Мейбл.— Лорд Ядлинг хотел жениться на одной девушке, а его дядя не хотел, чтобы он женился, потому что она была не то служанкой в гостинице, не то танцевала в балете—я точно не знаю—да только он сказал, что все равно на ней жениться, и тогда его дядя сказал «Ах, так!» и оставил все его троюродному брату.

— Но ведь вы сказали, что он не женат.

— Нет—потому что эта девушка ушла в монастырь, и ее, наверное, уже замуровали живьем.

— Замуровали?

— Замуровали в стене,—сказала Мейбл, для наглядности ткнув пальцем в бледно-желтые и красные розы на обоях.— Так они всегда делают в монастырях, чтобы человек умирал медленной смертью.

— Ничего подобного! — возмутилась мадемуазель.— В монастыре живут очень добрые и хорошие женщины, и одно лишь там плохо — постоянно заперта дверь. Бывает ведь и так, что девушка хочет уйти оттуда и не может, особенно если ее родные сами отправили ее в монастырь ради своего богатства и благополучия. Но то, что вы говорите — замуровать в кирпиче, чтобы она умерла — нет, так никогда не делается! А этот лорд — он что же, не стал искать свою возлюбленную?

— Нет, нет, он все время искал ее,—заверила Мейбл.— Но, знаете ли, монастырей, наверное, целая тысяча, и он понятия не имел, куда ему сунуться, а все письма возвращались назад, и...

— Боже мой! — не утерпела мадемуазель. — Похоже, что в комнате экономки обсуждают решительно все!

— Конечно, мы там почти все знаем, — скромно подтвердила Мейбл.

— Как вы думаете, он ее найдет? Или нет?

— Найдет, найдет, — проворчала Мейбл. — Когда он совсем состарится, расхворается и будет почти при смерти — вот тут-то та добрая монахиня, что все время поправляет подушку у него под головой, в самый последний момент, когда он уже совсем будет умирать, откроется ему и скажет: «Любовь моя!» И тогда его лицо просияет неземной любовью, и он скончается с ее драгоценным именем на иссохших губах.

Мадемуазель ошеломленно уставилась на Мейбл.

— Это что, пророчество? — наконец пролепетала она.

— Вовсе нет, — возразила Мейбл. — Это из книжки. Если хотите, я расскажу вам еще дюжину историй про самую роковую любовь на свете.

Тут мадемуазель слегка подпрыгнула, словно о чем-то внезапно вспомнила.

— Уже пора обедать, — объявила она. — Ваша подруга Мабель, несомненно, будет сегодня нашей сотрапезницей, и потому в ее честь мы устроим небольшой праздник. Мои прелестные цветы — о, Кэтлин, поставьте их, пожалуйста, в воду! Я побегу за кексом. Всем вымыть руки — и будьте наготове, когда я вернусь.

Улыбнувшись, она кивнула детям и умчалась наверх.

— Скачет, прямо как молодая, — неодобрительно заметила Кэтлин.

— Она и так молодая, — возразила Мейбл. — Множество дам только в этом возрасте и выходят замуж. Да что там, я видела дюжину свадеб, где невеста была гораздо старше. А вы и не говорили мне, какая она красивая.

— Разве она красивая? — удивилась Кэтлин.

— Ну, конечно! И, кроме того, самая настоящая прелесть, потому что хочет купить кекс специально в мою честь, да еще называет меня сотрапезницей.

— Действительно, — отозвался Джеральд. — Ведь она получает совсем маленькое жалование, только-только прожить, а вот теперь тратится на нас. Вот что — давайте останемся дома и как-нибудь развлечем ее. Ей, наверное, ужасно скучно.

— Захочет ли она играть с нами? — усомнилась Кэтлин. — Тетя Эмили говорит, что взрослые совсем не любят играть и делают это, только чтобы доставить нам удовольствие.

— Знали бы они, как часто мы играем с ними только для того, чтобы доставить удовольствие им, — вздохнул Джеральд.

— Мы все равно должны устроить представление с этим платьем принцессы — иначе выйдет, что мы наврали, — заметила Кэтлин. — Давайте вовлечем и ее в это.

— Лучше сделать это поближе к полднику, — намекнул Джимми. — Тогда поневоле придется устроить перерыв, и эта ваша дурацкая игра долго не затянется.

— Надеюсь, из вещей ничего не пропало? — осведомилась Мейбл.

— Все в порядке. Я ведь тебе говорила, куда спрятала платье. Пошли, Джимми — надо накрыть на стол. Я уговорю Лиз выставить нарядные блюда.

С тем они и ушли.

— Хорошо еще, — внезапно спохватился Джеральд, — что разбойники не набрали на бриллианты в сокровищнице.

— Они ничего не знали о них, — шепнула Мейбл. — Я думаю, о них знаем только я и вы, но вы обещали молчать. (Если вы помните, ребята еще в самом начале этой книги поклялись соблюдать тайну). Я точно знаю, что тетя и понятия не имеет о них. Я случайно наткнулась на потайную пружину. Лорд Ядлинг хорошо оберегал свои тайны.

— Будь у меня такая тайна, я бы тоже оберегал ее.

— Если бы грабители забрались туда, все дело выплыло бы наружу на суде, — продолжала Мейбл. — На суде тебя заставляют рассказывать все, да еще и приврать вдобавок.

— Никакого суда не будет, — пробормотал Джеральд, в задумчивости пиная ножку рояля.

— Почему?

— Как сказано в газете, — неторопливо процитировал Джеральд, — злодеи успели получить предупреждение от своего сообщника, и вся предусмотрительность полиции, намеревавшейся схватить их, как только они вернутся за своей воровской добычей, оказалась тщетной. Полиция идет по следу.

— Какая жалость! — воскликнула Мейбл.

— Нет у них никакого следа, — успокоил ее Джеральд, по-прежнему наказывая за что-то ножку рояля.

— Я не о следе! Я говорила об их сообщнике.

— Очень жаль, если тебе это не нравится — потому что на самом деле «сообщником» был я, — Джеральд наконец оставил в покое ножку рояля и выпрямился, глядя вперед, в пустоту, словно юнга на палубе горящего корабля.

— Я ничего не мог с собой поделать, — сказал он. — Можешь считать меня преступником, но я просто не мог. Не знаю, как сыщики справляются с этим, но я как-то был в тюрьме (папа водил меня), и знаешь... В общем, после того, как я навел Джонсона на след, я вспомнил эту тюрьму и... и просто не смог довести все до конца. Я знаю, что я негодяй и недостойн быть британским подданным!

— По-моему, так и надо было сделать, — утешила его Мейбл. — Расскажи, как ты предупредил их?

— Я подсунул бумажку под дверь дома, где живет один из этих людей, и велел им сидеть тихо.

— А что ты написал в записке? Расскажи слово в слово! — неотступно требовала Мейбл.

— Я написал так: «Полиции известно все, за исключением ваших имен. Вернитесь на путь добродетели, и вы в безопасности. Но еще одно ограбление, и я все расскажу полиции, уж можете положиться на мое слово.

Друг». Я сам знаю, что поступил неправильно, но я действительно не мог иначе. Не надо говорить об этом Джимми и Кэт. Они не поймут, зачем я это сделал. Я и сам этого не понимаю.

— Зато я очень хорошо понимаю,— торжественно объявила Мейбл. — Просто у тебя благородное и великодушное сердце!

— Чушь, дитя мое! — взвыл Джеральд, забыв о страдальческой позе юнги на горящей палубе и наконец-то приходя в себя. — Марш отсюда! Да, и вымой хорошенько руки, а то они у тебя все в чернилах!

— Это у тебя руки в чернилах, а у меня вовсе нет,— огрызнулась Мейбл. — Это краска — я помогала утром тете покрасить блузку. В «Домашнем хозяйстве» рассказано, как это надо делать, но только тетя тоже вся стала черная, а блузка все равно пошла пятнами. Жалко, что кольцо не может превратить только часть меня в невидимку — например, руки, если они грязные.

— Может быть, в следующий раз оно даже всю тебя не сумеет сделать невидимой,— зловеще предупредил Джеральд.

— Почему?! — обеспокоилась Мейбл. — Что за фокусы ты проделывал с моим кольцом?

— Никаких фокусов, но посчитай сама: ты оставалась невидимкой двадцать один час; я — четырнадцать, а Лиз — только семь. Значит, каждый раз на семь часов меньше. А теперь...

— Как ты хорошо считаешь! — в ужасе перебила его Мейбл.

— Сама видишь, каждый раз оно действу-

ет на семь часов меньше, а семь минус семь будет ноль, значит, на этот раз все будет по-другому, а в следующий раз — право, не знаю, как оно может действовать минус семь часов, разве что сделает тебя более видимой — толще, например.

— Перестань! — возопила Мейбл. — У меня уже голова идет кругом.

— И еще одна штука с этим кольцом, — продолжал Джеральд. — Когда ты надеваешь его, твои родные перестают тебя любить. Вспомни, как вела себя твоя тетка, и Кэтлин ничуть не встревожилась, когда я ушел ночью искать воров. С этим кольцом еще надо будет как следует разобраться. Ага! Вот и мадемуазель с кексами. Вперед, отважные разбойники — мойте руки, если вам дорога жизнь!

К обеду они получили не только кекс, но и сливы, виноград, тартинки с джемом, содовую воду с сиропом, шоколад в нарядной коробочке и «настоящие густые сливки» в особом горшочке. Еще мадемуазель купила большой букет роз, очень украсивший стол. Для «училки» мадемуазель развеселилась невероятно — она щедро выкладывала на стол кексы с тартинками и плела детям венки. Сама она ела мало, но выпила за здоровье гостей тот прекрасный розовый напиток, который получается, когда содовую воду смешивают с малиновым сиропом. Она даже Джимми уговорила надеть венок — под тем предлогом, что греческие боги и богини всегда увенчивали свои головы цветами, когда садились за праздничный стол.

Ни одна «французенка» от начала времен не устраивала своим подопечным подобного пира. Они шутили, рассказывали друг другу чудесные истории и много смеялись. Джимми показывал фокусы с вилками, пробками, спичками и яблоками — старые, добрые, заслуженно любимые трюки. Мадемуазель рассказала им пару историй из своей школьной жизни, когда она была еще тихой маленькой девочкой с парой тугих «тресе» — а поскольку они не поняли, что такое «тресе», она взяла карандаш и бумагу и нарисовала им прелестную девчушку с двумя короткими и толстыми косичками, которые торчали у нее прямо из головы, словно две спицы, воткнутые в клубок темной шерсти. Она нарисовала им еще множество картинок — она вообще могла нарисовать все, что бы они ни попросили, — но Мейбл вовремя потянула Джеральда за рукав и шепнула ему: «Спектакль!»

— Нарисуйте нам, пожалуйста, французский театр, — дипломатично приступил он.

— Французский театр с виду ничем не отличается от английского, — сказала мадемуазель.

— А вы любите театр — я имею в виду, играть в спектаклях?

— Ну, конечно... Я это очень люблю...

— Тогда все в порядке, — поспешно объявил Джеральд. — Мы устроим для вас спектакль — прямо сейчас, если вы, конечно, хотите.

— Лиз сейчас стирает, — шепотом напомнила ему Кэтлин, — а мы обещали, что она все увидит.

— Хотите, мы устроим для вас спектакль сегодня вечером? — спросил Джеральд. — И, по-

жалуйста, можно, чтобы Лиз тоже пришла посмотреть?

— Ну, конечно,— ответила мадемуазель.— Забавляйтесь в свое удовольствие.

— Но это вам мы хотим доставить удовольствие,— внезапно вступила в разговор Мейбл.— Мы очень любим вас, ведь правда?

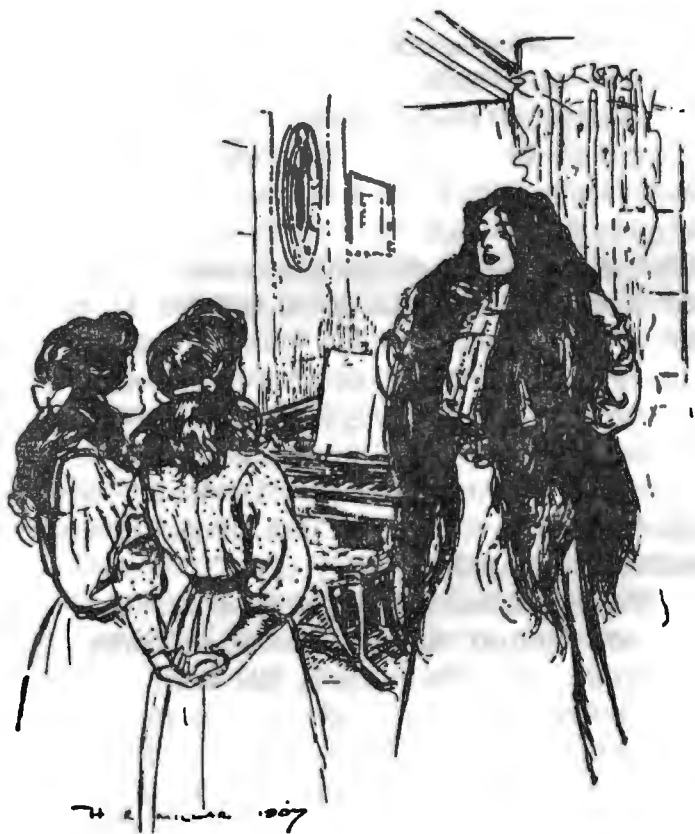
— Правда! — дружно ответили дети (это было правдой, только им никогда в голову бы не пришло произнести такие слова вслух. Но когда они произнесли их, то, к своему изумлению, поняли, что это чистая правда).

— Ага! — насмешливо произнесла мадемуазель.— Вы любите старую «училку»? Так я вам и поверила! — Но при этих словах голос ее ощутимо сорвался.

— Вы вовсе не старая,— гнула свое Мейбл.— По крайней мере, не слишком старая,— весело добавила она.— И вы прекрасны, как самая прекрасная принцесса.

— Ах вы, льстецы! — рассмеялась мадемуазель, и Мейбл побежала вслед за ребятами, которые от смущения уже успели укрыться на лестнице.

Мадемуазель осталась сидеть в гостиной, и всем очень повезло, что на этот раз она не занялась каким-нибудь серьезным делом, потому что дверь гостиной то и дело распахивалась, едва успев закрыться. Им потребовались вышитые занавески и диванные подушки. Им была очень нужна чистая простынка, но Лиз сказала, что ни в коем случае не позволит взять простыню — но, может быть, ее все-таки можно взять? А коврик из овчины, который

лежит у камина, взять можно? А можно сегодня устроить чай в саду, а то в столовой уже все устроено для спектакля, а Лиз настаивает, чтобы они садились пить чай? Может быть, мадемуазель одолжит им какую-нибудь цветную штучку — шарфик или, может быть, шелковую юбку, только чтобы это было по-настоящему красивое? Мадемуазель принесла им целый ворох шелковых вещичек, неожиданно красивых для гардероба учительницы. Но тут

им понадобились румяна — ведь француженки обычно румянятся? Нет, нет, нет, у мадемуазель нет никаких румян — взглядишь они попристальнее в ее лицо, они поняли бы, что косметика ей вовсе не нужна. Может быть, румяна можно купить в аптеке? Может быть, у мадемуазель найдется хотя бы парик? (Тут мадемуазель впиалась проворными пальцами в свою прическу, вырвала полдюжины скреплявших ее заколок, и на колени ей хлынул поток прекраснейших иссиня-черных волос).

— Что вы еще хотите, невозможные дети?! — вскричала она. — Нет у меня румян, нет и фальшивых волос. Может быть, вы хотите выдрать мои зубы?! — и она обнажила их в беззаботной улыбке.

— Говорила же я, что вы сказочная Принцесса, — замороженно молвила Мейбл. — Теперь-то я точно знаю: вы — Рапунцель. Вы всегда должны носить волосы только так! Можно нам взять с камина веер из павлиньих перьев и эти штуки, на которых держатся занавески? И потом, нам нужно как можно больше носовых платков.

Отказу они ни в чем не знали. Они получили и веер, и носовые платки, и большие листы плотной дорогой бумаги из классной комнаты, и самую лучшую кисточку, какая нашлась у мадемуазель, и даже ее коробку с красками.

— Кто бы мог подумать! — пробормотал Джеральд, в задумчивости посасывая кисточку и глядя на только что созданную им маску. — Кто бы мог подумать, что она такой молодец! Почему это розовая краска всегда пахнет, словно лекарство?!

В этот день все шло как нельзя лучше. Сами знаете, бывают такие дни, когда все удается с самого начала. Все, что вам нужно, вы сразу можете найти, все понимают вас, никто не занудствует, и за что бы вы не взялись — все выходит отлично. А бывают ведь и другие дни — об этом мы тоже хорошо помним, — когда шнурки на ботинке ни с того ни с сего рвутся, расческу невозможно отыскать, зубная щетка вырывается из рук, проделывает немыслимый пируэт и скрывается под кроватью — и попробуй-ка извлечь ее оттуда! — мыло падает, пуговицы расстегиваются, какая-то гадость попадает в глаза, а чистого носового платка нет как нет, воротничок у края загибается и режет шею, в последний момент рвутся подтяжки, а под рукой нет даже веревки, чтобы закрепить брюки. К завтраку выходишь с опозданием, и все сердятся, как будто это нарочно, а потом все идет из рук вон плохо: тетрадь с домашним заданием куда-то пропадает, учебник арифметики падает в лужу, а стоит достать нож, чтобы очинить карандаш, как страдает вовсе не карандаш, а палец. Большой палец непременно попадет в дверную щель и потом весь день болит, а если взрослые выдумают вам какое-нибудь поручение, то вы обязательно ухитритесь все перепутать. Перевернув чашку с чаем, обнаруживаете вдобавок, что масло почему-то не хочет намазываться на хлеб — и наконец вы ложитесь в постель, никем не утешенные, и мало радости твердить, что все это произошло сегодня совсем не по вашей вине.

Но день, который мы описываем, был совсем не из таких дней. Даже чаепитие в саду, на кирпичной площадке возле кустарника, где было достаточно ровное место, чтобы расставить стол — даже оно вышло вполне удачным, хотя четверо из пяти сотрапезников думали гораздо больше о своем спектакле, чем о чае, а мадемуазель думала о чем-то, что казалось ей более важным, чем чай и спектакль вместе взятые.

Затем еще какое-то время таинственно хлопали двери, кто-то с кем-то перешептывался, и то в коридоре, то в комнатах, то на лестнице раздавались торопливые шаги.

Было еще светло, когда наконец прозвенел обеденный колокол (об этом условном сигнале они договорились за чаем и вовремя предупредили Лиз). Мадемуазель отложила книгу и проследовала из освещенной закатным солнцем гостиной в столовую, где уже зажгли газовую лампу. Лиз, хихикая, отворила ей дверь и вошла следом. Окна были закрыты, и узкие полосы света пробивались над и под рамами. Черно-зеленая скатерть из ученической столовой, подвешенная на бельевой веревке с заднего двора, служила занавесом, и хотя бельевая веревка глубоко проседала под этой тяжестью, занавес все же вполне исполнял свое предназначение, отделяя от зрителей ту часть комнаты, которая превратилась в сцену.

В другом конце комнаты были расставлены ряды стульев — похоже, ребята приволокли все стулья, какие нашлись в доме, — и мадему-

пелась содрогнулась, разглядев, какая странная публика заняла места в импровизированном зале. Здесь были старуха в высоком капоре, при помощи красного платка завязанном под у нее под подбородком; дама в большой соломенной шляпе с невероятно длинными руками, которые перевешивались через спинку стоявшего перед ней стула; несколько неуклюжих мужских фигур — все они тоже были в шляпах.

— Вы пригласили друзей? — подавленно обратилась мадемуазель к тем, кто скрывался за складками занавеса. — Вы должны были попросить у меня разрешения.

Послышался смех и что-то очень похожее на «Ура!».

— Все в порядке, мадемуазель Рапунцель! — весело окликнула ее Мейбл из-за превратившейся в занавес скатерти. — Включайте свет. Это только начало представления.

Лиз, все еще хихикая, протиснулась между рядами стульев, сбив при этом шляпу с головы одного из гостей, и зажгла три больших газовых светильника.

Мадемуазель уставилась на ближайшего к ней зрителя, наклонилась поближе, чтобы рассмотреть его, и тут же с нервным смехом опустила на стул.

— Они неживые! — воскликнула она.

В ту же минуту то же самое обнаружила и Лиз — только она известила об этом громким воплем и совсем иными словами.

— Нутра у них нет! — объявила она.

Семеро зрителей, смиренно устроившиеся среди множества стульев, и впрямь не имели

ничего, заслуживающего упоминания «нутра». Тела их были сделаны из скатанных одеял и подушек, вместо позвоночника каждому вставили палку от метлы, а клюшки и зонтики превратились в руки и ноги. Плечики, на которые мадемуазель вешала свои блузки и платья, так и остались плечами, перчатки, набитые носовыми платками, отлично замени-

ли кисти рук, а лицами послужили картонные маски, нарисованные после обеда отважной, хотя и неумелой кистью Джеральда и распяленные на круглые диванные валики. Как Джеральд ни старался, лица вышли страшноватые — по правде говоря, догадаться о том, что это именно лица, можно было только по тому, что маски занимали привычное для лица положение — знаете, между воротничком и шляпой. Брови чучелам Джеральд яростно наваксил сажей, глаза вышли размером (да и формой) с крону, а на губы и щеки ушел весь тюбик розового цвета и почти половина алого.

— Вы добыли себе зрителей, а? Молодцы! — воскликнула мадемуазель, успокаиваясь и хлопая в ладоши. Под ее аплодисменты занавес пошел вверх — вернее, разъехался в стороны. Чей-то голос, задыхаясь, пролепетал: «Красавица и Зверь», и перед глазами зрителей предстала сцена.

То была настоящая сцена — все столы были сдвинуты вместе и накрыты розовыми и белыми занавесками. Сцена вышла слегка шаткая, скрипучая, но смотреть на нее было одно удовольствие. Большой, сложенный пополам лист картона с прорезями, через которые просвечивал огонь спрятанный за этим экраном свечки, вполне наглядно являл собою домашний очаг; болванка для шляп (собственность Лиз), установленная на стуле и подсвеченная фонариком, не могла быть ничем иным (разве что вам вздумается спорить назло, из чистого упрямства), как медным котлом. Кар-

тину довершала корзина для мусора, в которой почему-то оказалась верхняя одежда, и голубая пижама, раскинувшаяся на спинке стула. Едва ли к этому требовалась еще и ремарка из-за кулис: «Прачечная в доме Красавицы». Всякому и так было ясно, что это, конечно же, прачечная. Чем же еще это могло быть?

За кулисами проистекал следующий диалог:

— Они сидят совсем как настоящие зрители, верно? — шептала Мейбл.

— Давай, Джимми! Не забудь, Купец должен важничать и говорить длинными словами...

Джимми, напялив на себя лучшую куртку Джеральда (которая и самому Джеральду была предназначена навыворот с расчетом примерно на два года), подложив для важности подушки, обмотав голову махровым полотенцем и прикрывшись зонтиком от жаркого южного солнца, открыл пьесу коротким и ясным монологом:

— Я самый несчастный купец из всех, что бывали на свете. Был я когда-то купцом, богатейшим в Багдаде, но потерял все свои корабли и теперь живу в бедном домике, который уже совсем развалился. Сами видите, дождь так и хлещет сквозь крышу, а дочери мои вынуждены стирать за деньги белье. И...

Тут он замолчал. Пауза грозила затянуться надолго, если бы тут не прошуршали поспешные шаги Джеральда, который был прелесть как хорош в роли старшей дочери, носившей розовое платье из гардероба мадемуазель.

— Отличный день! — весело воскликнул он. — Папочка, дорогой, переверни зонтик, и тогда нам не надо будет специально выходить под дождь за водой. Сюда, сюда, девочки, папочка принес нам новый таз. Вот здорово!

Зонтик перевернули «вверх ногами», и три сестры столпились вокруг него, бодро стирая невидимое белье. Кэтлин напялила на себя лиловую юбку Лиз, свою собственную голубую блузку и шапочку из целой связки носовых платков. Белый кружевной пояс (от ночной рубашки), белый фартучек и две красные гвоздики в черных волосах безошибочно выделяли Красавицу — Мейбл.

Спектакль шел очень бойко. Заключительный танец с развевающимися полотенцами был, по словам мадемуазель, просто прелесть, а Лиз смеялась так, что, по ее словам, ее схватили колики.

Я полагаю, вы догадываетесь, на что бывает похоже представление «Красавицы и Зверя», когда четверо ребятишек проводят весь день в подготовке сцены и своих костюмов, так что на репетицию у них и минутки не остается. Тем не менее, им нравилось играть, а немногочисленной публике нравилось смотреть на них — чего же еще требовать от пьесы, даже если она и была написана самим Шекспиром? Мейбл, надев платье Принцессы, и впрямь оказалась Красавицей, Джеральд, увешанный каминными ковриками, превратился во вполне достойного своего имени Зверя. Джимми в роли Купца был неразговорчив, но зато неподражаемо важен, а Кэтлин сама дивилась быс-

троте и ловкости, с которой она переходила от одного из второстепенных персонажей к другому, объявляясь то колдуньей, то слугой, то вестником. В конце второго акта, когда костюм Мейбл достиг пика изящества и уже никоим образом не мог быть улучшен — а стало быть, его не надо было в очередной раз менять, — Мейбл смогла заняться и другими неотложными проблемами, что она и сделала, прошептав согнувшемуся под роскошной тяжестью «шкур» Джеральду: «Пора бы тебе уже вернуть кольцо».

— Я как раз собирался, — сказал Джеральд, который на самом деле совершенно о нем позабыл. — Я передам его тебе в следующей сцене. Только не потеряй его и не вздумай надевать прямо сейчас. Ты можешь исчезнуть и никогда больше не вернуться, или стать в семь раз более видимой, так что мы все рядом с тобой покажемся тенью, или в семь раз толще, или...

— Готово! — шепнула Кэтлин, в очередной раз выбегая на сцену (сейчас она была злой сестрицей).

Джеральд, извиваясь под прикрывавшими его ковриками, ухитрился попасть рукой в карман и, закатив глаза в переизбытке чувств и пролепетав: «Прощай, моя Красавица! Возвращайся скорей, ибо если ты надолго покинешь преданного тебе Зверя, его ждет безжалостная смерть», сунул кольцо в руку Мейбл и добавил: «Это волшебное кольцо — оно делает для тебя все, чего ты ни пожелаешь. Когда ты захочешь вернуться к своему несча-

стному Зверю, надень кольцо на палец и произнеси желание — и в тот же миг ты окажешься возле меня».

Красавица-Мейбл приняла из его рук кольцо. Кольцо было то самое.

Под пылкие аплодисменты обеих зрительниц занавес опустился.

Следующее действие прошло с блеском — зловредные сестры играли, пожалуй, даже чересчур достоверно, а неудовольствие Красавицы, которое она бурно выразила в тот момент, когда ее лучшее платье забрызгали мыльной водой, едва ли кто-нибудь мог счесть наигранным. Даже Купец обрел внутренние резервы (сверх придававших ему важности подушек), и занавес опустился не раньше, чем он до конца произнес весьма трогательную речь о том, как в отсутствие своей красавицы-дочки он совершенно исчах и превратился в тень. И снова две пары рук захлопали, приветствуя актеров.

— Помоги мне, Мейбл, — проворчал Джеральд, шатаясь под тяжестью вешалки для полотенец, чайника, подноса и зеленого фартука, который надевал мальчишка, приходивший чистить обувь, — все это, в сочетании с четырьмя геранями из прихожей, чаклой зеленью, украшавшей камин в гостиной, и парой кактусов с подоконника той же гостиной должно было превратиться в фонтаны и сад последнего акта. Аплодисменты затихли.

— Хотела бы я, — пробормотала Мейбл, перехватывая тяжелый чайник, — чтобы эти существа, которых мы придумали, были живыми. Тогда нам похлопали бы по-настоящему.

— Очень хорошо, что они не живые,— возразил Джеральд, пристраивая на место вешалку и зеленый фартук.— Какие они вышли противные! Я прямо вздрагиваю, когда вижу эти крохотные глазки!

Занавес раздвинулся. Посреди роскоши экзотического сада, зарослей кактусов, гераней в человеческий рост и огромного фонтана простерся на земле издыхающий Зверь, целомудренно прикрытый каминным ковриком. Красавица готовилась начать свою лучшую сцену — сцену отчаяния и роковой любви. И тут-то все и произошло.

Началось с того, что мадемуазель снова захлопала. Едва увидев замечательные декорации сцены в саду, она принялась аплодировать искусству их устроителей быстрыми и легкими французскими хлопками. Толстые красные руки Лиз сблизились в тяжеловесном приветствии, и тут — тут к их аплодисментам присоединился кое-кто еще. Еще шесть или семь зрителей аплодировали представлению — глуховато и странно неловко. Не два, но девять лиц было теперь обращено к сцене, и семь из этих девяти лиц были раскрашенными чудовищными масками. Но эти маски и эти руки были живыми. Аплодисменты усилились, когда Мейбл выскользнула на сцену — она замерла, глянула в зал, и выражение изумления и ужаса на ее лице (выражение, которое опять же совсем не было отрепетировано заранее) вызвало новую волну аплодисментов. Однако почти тотчас же раздался отчаянный вопль, и мадемуазель с Лиз, отпи-

живая друг друга и опрокидывая на ходу стулья, ринулись прочь из комнаты. Где-то в отдалении захлопнулись двери, укрыв беглянок в своих комнатах.

— Занавес! Занавес! Быстрее! — завопил голос, который, казалось, уже не принадлежал ни Красавице, ни даже просто Мейбл. — Джерри, Джерри, они ожили! Что же нам теперь делать?

Джеральд вскочил, пытаясь освободиться от ковриков, которыми был обвязан. Снова раздались какие-то приглушенные, булькающие аплодисменты. Джимми и Кэтлин лихорадочно сдвигали занавес.

— Что там случилось? — поинтересовались они.

— На этот раз ты по-настоящему влипла! — прошептал Джеральд, уставившись на перепуганную, залившуюся краской Мейбл.

— Сделай же что-нибудь! Как всегда, я во всем виновата! Мне это нравится! — сумела все-таки огрызнуться она.

— А мне это вовсе не нравится, — ответил Джеральд.

— Хорошо, хорошо, — заторопилась Мейбл. — Нам надо... нам надо пойти и разобрать их снова на части — тогда они не будут живыми.

— Ты во всем виновата, — настаивал Джеральд, спрятав в карман хорошие манеры. — Ты что, не понимаешь? Теперь это стало кольцо для желаний. Я же говорил, на этот раз произойдет что-то совсем другое. Достаньте у меня из кармана нож — я никак не могу отвязать эту веревку. Джимми, Кэтти, эти голова-

стики ожили — Мейбл, видите ли, вздумалось этого пожелать. Можете выйти и растащить их на части.

Джимми и Кэтлин выглянули из-под занавеса и, изрядно побледнев, отшатнулись.

— Только не я! — немедленно отреагировал Джимми.

— Пожалуйста, не надо! — прошептала Кэт, и она была права.

Джеральд, выдираясь из ковриков, обрезал себе ноготь на большом пальце (вот обида — и ножик-то был уже совсем тупой!). А в это время в зале раздались какие-то тяжелые, отрывистые шлепки.

— Они хотят уйти! — вскрикнула Кэт. — Уйти на своих ножках, зонтиках и клюшках. Не останавливай их, Джерри, — пусть лучше уйдут. Они такие страшные!

— Если мы их не остановим, завтра в городе не останется ни одного нормального человека! — заорал Джеральд. — Дай мне кольцо — я загадаю, чтобы они превратились обратно в чучела.

Он выхватил кольцо из податливой руки Мейбл, крикнул: «Хочу, чтобы Уродики перестали быть живыми!» и выбежал в прихожую. Он надеялся увидеть, как отменилось поспешное желание Мейбл, надеялся, что вся прихожая забита плечиками и шляпками, зонтиками и валиками, куртками и перчатками — словом, целым ворохом нелепых вещей, из которых ушла незаконная жизнь. Но его встретила толпа весьма странных, уродливых, приземистых (а чего же еще ожидать от метлы и зонтика?), но, тем не менее, абсолютно

живых существ. Вялая рука жестом приветствовала его. Белая разрисованная маска с иарумяненными щеками уставилась на него, и разъехавшиеся красные губы что-то произнесли, но слов он разобрать так и не смог. Голос этот был похож на голос уродливого бродяги, жившего под мостом — того самого, у которого было повреждено верхнее нёбо. Но у этих существ вовсе не было нёба — у них не было даже...

— Оее-ыы-поо-сое-вое-ме-оо-ууу-оии-у? — бормотал голос.

Ему пришлось повторить четыре раза, прежде чем Джеральд пришел в себя и понял, что это чудище — оживший и неподвластный ему ужас — вежливо, настойчиво и пугающе спокойно спрашивает:

— Можете ли вы посоветовать мне хорошую гостиницу?

Глава седьмая

— Можете ли вы посоветовать мне хорошую гостиницу? — У говорившего почти что не было головы, и Джеральд знал об этом лучше, чем кто-нибудь. Под пальто, окутывавшим это существо, не было тела — только вешалка, на которую изящные леди вешают свои платья, да рукоятка метлы. Кисть, протянутая в приветливом жесте, не была настоящей кистью, а всего-навсего перчаткой, кое-как набитой носовыми платками, и рука, к которой крепилась эта кисть, была вовсе не рукой, а старым

зонтиком Кэтлин. И все же эта штука ожила — ожила и задавала вполне определенный и по-человечески разумный вопрос.

Сердце Джеральда куда-то провалилось — он знал, что должен как-то совладать с этой ситуацией. Но сердце его проваливалось все глубже, а он все никак не мог понять, что ему теперь делать.

— Простите,— только и сумел пробормотать он, и раскрашенное, кривоватое картон-

ное лицо вновь медленно повернулось к нему, и красные губы произнесли в пятый раз:

— Оое-ыы-сое-вое-ее-оо-ууу-ои-у?

— Вам нужна гостиница? — беспомощно переспросил Джеральд. — Хорошая гостиница?

— Оо-аа-оии, — подтвердили намалеванные губы.

— Извините, пожалуйста, — произнес Джеральд. (Лучше, все-таки, было оставаться вежливым, что бы ни случилось. Вежливый тон всегда казался ему наиболее естественным). — Извините, но все наши гостиницы закрываются очень рано — часов около восьми.

— Оу-ии! — решительно произнес Головастик, и хотя Джеральд все еще не мог понять, как это чучело, созданное на скорую руку из шляпы, плаща, бумажной маски и перчаток, смогло не только ожить, но и превратиться в почтенного джентльмена лет пятидесяти на вид, явно зажиточного, признанного и уважаемого своими соседями (из тех, кто путешествует первым классом и курит дорогие сигары), он, по крайней мере, начал уже понимать, что он говорит. На это раз Уродец сказал: — Постучитесь!

— Ничего не получится, — пустился в объяснения Джеральд. — Они там все глухие — в нашем городе все хозяева гостиниц глухие. Это... это такой местный закон, — неудержимо неся он. — Только глухим разрешают содержать гостиницы. Это все из-за хмелевых шишечек в пиве, — совсем уже некстати добавил он. — Они очень помогают, когда болят уши.

— Аа-ие-о-не-ои-аю, — возразил достойный Уродец, и Джеральд без труда дога-

дался, что он хотел сказать «Я ничего не понимаю» (да и немудрено!).

— Конечно, это так сразу не поймешь,— вынужден был признать Джеральд. Остальные уродцы столпились вокруг него. Леди в высоком капоре сказала (Джеральд, однако, быстро научился понимать речь этих существ, хоть у них и не было нёба): — Если не гостиницу, так хоть комнату!

— Я знаю, где можно снять комнаты,— медленно произнес Джеральд,— только...

Самый высокий из Головастиков протиснулся вперед. Он был одет в толстый старый плащ и цилиндр, которые обычно висели на вешалке за дверью школы на страх бандитам — авось, они примут это за хозяина дома и разбегутся. Это существо выглядело более энергичным и самоуверенным, чем все остальные — сразу было видно, что его джентльменом не назовешь.

— Ое-яа-ыа,— промычал он, но его тут же перебила дама, чья шляпа была украшена цветами. Она говорила более отчетливо, чем остальные (все дело в том, как позднее понял Джеральд, что ее губы были нарисованы открытыми и у нее была даже прорезь для рта, причем свободные концы картона художник загнул назад, так что у нее было даже нечто вроде нёба).

— А я хотела бы знать, где карета, которую мы вызывали? — объявила она.

— Этого я не знаю,— пытался оправдаться Джеральд.— Но тотчас же пошлю узнать. Однако, нам пора уходить,— добавил он.— Вы же

видите, что представление закончилось и служители, наверное, уже хотят гасить свет, чтобы закрыть театр. Нам пора идти.

— Оа-ии,— подтвердил достопочтенный Уродец, направляясь к двери.

— Ыы-ойешь-ами,— потребовала дама в цветочной шляпе, и (как рассказывал мне потом Джеральд) ее накрашенные губы разошлись в зловещей усмешке.

— Я буду счастлив помочь вам,— учтиво заверил их Джеральд.— Я понимаю, что для вас все это ужасная неожиданность. Я пойду с вами и найду для вас жилье, если только вы подождете несколько минут во дворе. Это незаурядный двор,— поспешил добавить он, заметив презрительные гримасы на белых картонных масках.— Это поистине замечательный, необычный двор. Колодец только что покрасили в зеленый цвет,— брякнул он наугад,— а ящик для мусора прямо так и сверкает.

Уродцы повернулись друг к другу, о чем-то совещаясь, и Джеральд увидел с облегчением, что зеленый цвет колодца и сверкающая сталь мусорного ящика смягчили их высокомерие.

— Я еще раз прошу прощения, что заставляю вас ждать,— вежливо настаивал он,— но у меня тут дядюшка — бедный больной дядюшка! — и в полдесятого его надо покормить. Он не съест ни крошки, если только я сам не подам ему ужин.— Джеральд не чувствовал себя виноватым, бормоча все это. Головастикам можно было лгать сколько угодно, ведь они не были людьми, а всего лишь ворохом

одежки без всякого «нутра», чересчур реальными призраками — а потому ложь, сказанная им, не могла считаться ложью.

Вся компания направилась через заднюю дверь, разукрашенную синими, желтыми, красными и зелеными хвостиками, а там — вниз по железной лестнице. Джеральд возглавлял процессию, Головастики следовали за ним. Некоторые из них были обуты в старые башмаки, но те, у кого вместо стоп были ручки метлы или зонтика, сочли железную лестницу чрезвычайно неудобной.

— Будьте так добры, — произнес Джеральд, — встаньте вот здесь, прямо под балконом. Дядюшка у меня, знаете ли, неистовый. Если он увидит... увидит незнакомых людей, пусть даже самого отменного качества, я не отвечаю за последствия.

— Может быть, нам лучше самим поискать квартиру? — занервничала женщина в цветочной шляпе.

— Не стоит, — мрачно пробурчал Джеральд. — Полиция арестует вас. Это новый закон — его придумали либералы. Вместо приличной комнаты вы окажетесь в тюремной камере. Мне об этом даже думать неприятно! — убеждал он.

Достопочтенный Головастик вновь начал какую-то фразу (Джеральд ее не разобрал, только понял, что в конце прозвучало нечто вроде «постыдные дела», да и то он не был уверен в этом до конца).

Головастики покорно сгрудились под балконом. Джеральд в последний раз окинул их

и взглядом, дивясь, почему он их совсем не боится, и в то же время мысленно восхваляя свою отвагу. Ведь эти существа и вправду были на вид омерзительны. При таком освещении трудно было поверить, что они состоят только из одежды и подложенных подушек, а «путра» у них нет: поднимаясь по ступенькам, он слышал, как они переговариваются на своем странном языке, вытягивая «аа» и «оо», и даже разобрал одну из фраз старшего Головастика: «Какой благовоспитанный мальчик!», за которой последовал ответ леди в украшенной цветами шляпе: «В самом деле, весьма благовоспитанный!»

Раскрашенная дверь затворилась. По ту сторону двери, в саду, осталось семь немислимых существ. Джеральд вошел в дом, где его ожидало пять испуганных насмерть человек. Вы, может быть, полагаете, что особых причин пугаться не было? Вы просто не понимаете, каково это, когда вами же придуманное чучело вдруг оживает. Возьмите, например, старый папин костюм и шляпу, которую он уже не носит, запихайте туда плечики и рукоятку от метлы, добавьте картонную маску и пару башмаков — так, готово! — и попросите у папочки на минуту волшебное кольцо. Оживите чучело (не забудьте вернуть кольцо!) и посмотрите, как это вам понравится.

Джеральд же не боялся не только из-за того, что был очень храбрый, но и потому, что кольцо по-прежнему оставалось у него, а владелец кольца никого не боится, пока не коснется этого «кого-нибудь». Зато он прекрасно

понимал, как страшно другим — и потому остановился на минутку в прихожей, пытаясь понять, какие слова могли бы помочь ему, будь ему так страшно, как сейчас было страшно другим.

— Кэтти! Эгей, Джимми! Мейбл, ты где? — заорал он бодрым голосом, который ему самому показался на редкость противным.

Дверь в столовую осторожно приоткрылась.

— Эй, что еще за штуки! — возмутился Джеральд, налегая на дверь плечом. — Легче, легче! Чего ради вы заперли эту дверь?

— Ты.. ты один? — задыхаясь прошептала Кэт.

— Ну, конечно же. Какая ты дуручка!

Дверь распахнулась — из-за нее выглядывало три бледных лица, а в глубине виднелся разоренный зрительный зал.

— Где они? Ты их расколдовал? Я слышала, как они разговаривают. Какие они ужасные!

— Они во дворе, — продолжал Джеральд, старательно изображая веселый азарт. — Такие забавные! Совсем как обычные люди — приятные и милые. Нет, это действительно здорово! Только ничего не говорите мадемуазель и Лиз. О них я позабочусь. Так, Кэтлин и Джимми отправляются в постель, а я провожу Мейбл домой и заодно присмотрю какой-нибудь дом для Головастиков — нет, правда, они такие милые! Жаль, что вам поздно уже идти со мной.

— Милые? — тихим и весьма неуверенным голосом переспросила Кэт.

— Просто потрясающие! — заверил ее Джеральд. — А теперь слушайте внимательно, что я скажу мадемуазель, и как следует помогайте мне.

— Послушай,— встревожилась Мейбл,— ты что, бросишь меня посреди дороги и пойдешь искать квартиру для этих чудищ? У них такой вид, как будто они вот-вот нас растерзают!

— Погоди, пока не увидишь их поближе. Они абсолютно безобидные. Один из них первым делом спросил меня, где здесь можно найти гостиницу. Я только не сразу разобрал, что он говорит, потому что у него, само собой разумеется, нет нёба!

Вот этого ему говорить не стоило. Мейбл и Кэтлин неразлучно держались за руки — легко было догадаться, что как раз перед его приходом они тесно прижимались друг к другу, будучи вне себя от страха. При последних словах Джеральда они вновь бросились в объятия друг другу, отворачиваясь от него, а Джимми, сидевший на краю сцены и небрежно болтавший ногами, вдруг задрожал.

— Какая разница,— заспешил Джеральд.— Есть нёбо, нет нёба — все равно, очень скоро начинаешь понимать, что они говорят. Я слышал, как они называли меня благовоспитанным мальчиком, как раз когда я возвращался в дом. Если бы они хотели нас, как ты говоришь, растерзать, они бы и внимания не обратили на то, благовоспитан я или нет.

— Конечно, нет — раз ты собираешься бросить меня одну на полдороге! — заявила Мейбл. — Ты проводишь меня или нет?

— Провожу, конечно. Мы здорово повеселимся. Надо только сперва зайти к мадемуазель.

Он накинул пальто и быстро побежал на второй этаж. Остальные, сгрудившись в прихожей, слышали, как он весело стучится в дверь к мадемуазель («Ничего страшного не случилось, отчего же вы так поспешно убежали?»). Они слышали, как он негромко произнес: «Да, это я, Джеральд», и дверь распахнулась. Некоторое время наверху продолжался тихий разговор. Потом мадемуазель вместе с Джеральдом подошли к двери Лиз, из-за которой раздавался отчаянный вой. Но и тут тихий и уверенный голос Джеральда оказал свое действие.

— Интересно, что он им там наврал? — пробурчал Джимми.

— Он совсем не врет, — вступилась Мейбл. — Он просто рассказывает ту часть правды, которая им не может повредить.

— Будь ты мужчиной, ты была бы иезуитом и пряталась в дымовой трубе! — презрительно буркнул Джимми.

— Будь я хотя бы даже мальчиком, я бы не побоялась этой груды старых курток! — не осталась у него в долгу Мейбл.

— Мне так жаль, что мы вас напугали, — разливался Джеральд. — Мы просто не подумали, что вы можете испугаться. А здорово нам удался этот фокус, верно?

— Ну вот! — сказал Джимми. — Он хочет их уверить, будто это мы во всем виноваты.

— Так оно и есть! — стояла на своем Мейбл.

— В самом деле, потрясающий фокус, — признала мадемуазель. — Но как же вам удалось двигать эти... эти манекены?

— Э, мы сотню раз такое проделывали! Обыкновенные веревочки, вот и все,— объяснил Джеральд.

— Это тоже правда,— просияла Кэт.

— Покажите нам еще раз этот ваш замечательный фокус,— произнесла мадемуазель, отважно спускаясь на первый этаж.

— Ох, а я уже их всех убрал! — огорчился Джеральд («Вот именно!» — прошептала Кэт, обернувшись к Джимми). — Мы так расстроились, когда вы испугались, и решили, что вам будет неприятно еще раз их увидеть.

— Раз так,— прощebetала мадемуазель, заглянув в столовую и убедившись, что призраки и впрямь исчезли,— то мы должны славнo поужинать и поболтать о вашем замечательном спектакле.

Джеральд подробно объяснил, с каким удовольствием его брат и сестра примут это приглашение, но что же касается его самого, то долг велит ему проводить Мейбл домой; конечно, мадемуазель очень добра, и Мейбл с радостью осталась бы переночевать, но только ее тетя так любит ее, что будет вне себя от беспокойства. Нет, Лиз не может проводить Мейбл, потому что Лиз сама боится выходить в сумерки — разве что ее провожает жених.

А потому Мейбл надела шляпу, завернулась в плащ, который ей не принадлежал, и вместе с Джеральдом вышла на крыльцо, выслушав все добрые пожелания и приглашения на завтра.

Как только дверь за ними захлопнулась, Джеральд резко ухватил Мейбл повыше лок-

тя и поволок за угол, в боковую улицу, которая упиралась в задний двор школы. Зайдя за угол, он остановился.

— Так,— свирепо произнес он.— А теперь я хочу знать, с кем я имею дело. Тебе обязательно все время быть такой идиоткой?

— Сам ты идиот! — автоматически ответила Мейбл. Она уже поняла, что разговор пошел всерьез.

— Я ведь не боюсь Головастиков — вреда от них не больше, чем от ручного кролика. Но если ты решишь быть идиоткой, ты, конечно же, испугаешься, и вся моя работа пойдет праком. Так что если ты собираешься вести себя как идиотка, то скажи сразу — тогда мы вернемся домой и скажем, что ты боишься темноты и что я сам дойду до замка и предупрежу твою тетю.

— Никакая я не идиотка! — заявила Мейбл. — И ничего я не боюсь! — добавила она, испуганно оглядываясь.

— Ты должна будешь разделить со мной опасности и превратности судьбы,— торжественно произнес Джеральд.— По крайней мере, я на это рассчитываю. Ты знаешь, я бы не доверился в этом деле и родному брату. Но если ты меня подведешь, то в жизни не услышишь от меня ни единого слова. Я и остальным велю с тобой не разговаривать.

— Да ты просто свинья! Нечего меня запугивать! Я и так храбрая!

— Мейбл,— заговорил Джеральд низким взволнованным голосом (он угадал, что пора сменить пластинку).— Мейбл, я знаю, что ты очень храбрая. Потому-то я так все и устроил.

Я уверен, что под твоим черно-белым платьем бьется сердце льва. Могу ли я положиться на тебя? До самой смерти?

Мейбл хорошо понимала, что ответить она может только «да», а иначе лишится репутации отважной и внушающей доверие девочки. А потому она, не задумываясь, так и сказала.

— Жди меня здесь. Ты стоишь у самого фонаря. Когда увидишь, что я возвращаюсь вместе с ними, вспомни о том, что они ручные, как змеи... то есть, я хотел сказать, как голуби. Ты должна разговаривать с ними, как с самыми обычными людьми. Все ясно?

Он уже хотел бежать, но она остановила его неожиданно разумным вопросом:

— А в какой гостинице ты собираешься их поселить?

— Ой-ей-ей! — Джеральд ошеломленно запустил руки в свою шевелюру. — Вот видишь, Мейбл, ты уже выручила меня! — Даже в этот момент хитрость (или деликатность) не покинула его. — Я совершенно забыл! Я хотел тебя спросить — может быть, в Замке найдется какая-нибудь комната или что-то в этом роде, где бы их можно было оставить на ночь? Ведь со временем это колдовство пройдет, как было с невидимостью, и они превратятся просто в груды старых пальто и зонтиков. Потом мы спокойно перенесем все это домой. Так найдется у вас в замке пустая комната?

— Вспомни про потайной коридор, — сказала Мейбл, но тут калитка заднего двора распахнулась, и старший Головастик, высунув голову, недоверчиво отглядел улицу.

— Порядок! — бросил Джеральд и побежал ему навстречу, а Мейбл изо всех сил принялась удерживать себя от того, чтобы не побежать в противоположном направлении. Ей это удалось и, хоть это, может быть, не так уж важно, но она очень гордилась этим и в тот день, и позднее, когда ей на ум приходили события той ночи.

Очень тихо, очень осторожно (чтобы не обеспокоить неистового дядюшку) Головастики выбрались с заднего двора.

— На цыпочках, на цыпочках, дорогая, — наставляла дама в капоре даму в шляпе с цветами, и Джеральд, несмотря на все свои страхи, ухмыльнулся, пытаясь представить, как ей удастся встать на цыпочки — на цыпочки клюшки для гольфа или на цыпочки рукоятки зонтика.

Мейбл сочла, что может без ущерба для своей репутации отступить вплоть до улого фонаря, но уж там-то она заставила себя остановиться, и никто в целом свете, кроме самой Мейбл, не сможет понять, чего ей это стоило. Вы только представьте себе — твердо и недвижимо стоять на свету, в то время как эти немислимые, пустые изнутри чудища на-двигаются на вас, кто постукивая (почти бесшумно) костяными или деревянными стопами, кто едва касаясь земли юбкой (как леди в шляпе с цветами), под которой даже и ног-то никаких нет!

Но она стояла непоколебимо. Ладони у нее замерзли и вспотели одновременно, но она продолжала стоять, твердя про себя: «Они не

настоящие... не настоящие. Это просто сон, а на самом деле они не настоящие. Они не могут быть настоящими...» Но тут к ней подошел Джеральд, а вместе с ним вокруг нее столпились и все Головастики.

— Это наш друг Мейбл,— объявил Джеральд.— Она играла Принцессу в нашем спектакле. («Будь мужчиной!» — шепнул он ей в самое ухо).

Несколько ужасных секунд Мейбл не знала, удастся ли ей «быть мужчиной», как того требовал Джеральд, или же она превратится в вопящую, обезумевшую от ужаса девчонку и бросится в дом. Достопочтенный Головастик неуклюже взял ее за руку («Неправда, неправда!» — зажмурившись повторяла она), а дама в цветочной шляпе ласково похлопала ее по плечу перчаткой, натянутой на зонтик, и пробормотала:

— Хорошенькая, умненькая девочка! Ты пойдешь рядом со мной, не правда ли, дорогая? — произнесла она чрезвычайно задорно и кокетливо, причем отсутствие в ее речи согласных ее ничуть не смутило.

После чего все они, как ни в чем не бывало, вышли на Хай-стрит.

Выглядели они, конечно, странновато, но обитатели Лиддлсби ложатся спать рано, а полиция в Лиддлсби, как и в других местах, носит крепкие башмаки, грохот которых разносится за милю. Если бы где-нибудь поблизости раздался стук знакомых башмаков, Джеральд успел бы перехватить нежелательного свидетеля. Пока что он прямо-таки ло-

пался от гордости за Мейбл, слыша, как вежливо она отвечает на любезные замечания добродушного Головастика. Он не знал, как отчаянно ей хотелось завопить — завопить так, чтобы сбежались и полисмены, и обитатели тихих домов. Одним словом, завопить так, чтобы погубить все дело.

Они встретили только одного человека, который, хоть и удивился процессии чучел, но (в силу особых обстоятельств) не испугался, а когда, проснавшись, рассказал об увиденном жене, она сперва не поверила, а потом истолковала это как Божье наказание (мужу, разумеется), что было не так уж и несправедливо.

Мейбл чувствовала себя участницей какого-то сложного и безвкусно затянутого ночного кошмара. Но ведь рядом с ней шел Дже-

ральд — Джеральд, который спросил ее, будет ли она вести себя как идиотка. Так вот, она не будет вести себя как идиотка. Она продолжала любезно вставлять реплики в светскую, хоть и лишенную согласных болтовню этих немислимых существ. Сколько раз ее тетка называла каких-нибудь знакомых «немислимыми», а еще чаще — «невозможными». Теперь она знала, что эти слова означают на самом деле.

Летние сумерки сменились лунной летней ночью. Тени Головастиков на белой дороге стали гораздо страшнее, чем сами Головастики. На минутку Мейбл пожелала, чтобы стало совсем темно, но тут же с содроганием отказалась от этой мысли.

Джеральд покорно отвечал на вопросы Головастика в цилиндре. Он рассказал уже и о своей учебе, и о занятиях спортом, и о хобби, и о надеждах на будущее, в то же самое время ломая голову над тем, когда же кончится действие кольца. Кольцо, похоже, считало семерками. Что же выйдет на этот раз — семь, четырнадцать или двадцать один час? Он запутался в таблице умножения на семь (ее и среди бела дня неохота повторять) и пришел в себя только у самых ворот Замка Ядлинг.

Ворота, само собой, были заперты.

— Понимаете, — пролепетал он, когда Головастики понапрасну попытались отворить ворота, — сейчас уже очень поздно. Тут есть другой путь. Но вам придется пролезть в дыру.

— Но ведь с нами дамы! — возразил достоинственный Головастик, но дамы запротестовали, уверяя, что они обожают приключения.

— Потрясающе романтично! — воскликнула дама с цветами на шляпе.

Они сделали небольшой крюк и вышли к пещере — не так-то легко было найти ее при свете луны, искажающем привычные пропорции. Джеральд шагал впереди, уверенной рукой сжимая добытый в саду фонарь, Мейбл жалась к нему, а за ними, постукивая неуклюжими деревянными ногами, следовала толпа Головастиков. Гласные переливались у них во рту, выражая то изумление, то женские страхи, то мужскую уверенность. Они прошли через пещеру, миновали узкий проход, изгородь и арку.

Из-под арки они вынырнули в залитый луной волшебный итальянский сад. Из крашенных картонных губ вырвалось дружное: «О!», а достопочтенный Головастик прибавил к этому: «Место просто замечательное — ручаюсь честью!»

Старинным мраморным террасам и змеящимся, усыпанным гравием дорожкам никогда не приходилось откликаться на звук столь странных шагов. Даже сам заколдованный сад не видал, наверное, столь нелепых теней на своих сероватых, ровных, росистых лужайках. Примерно так думал Джеральд (точнее: «У них здесь у всех глаза повылезли бы, если бы они такое увидели»). Но тут он увидел, как соскочил со своего пьедестала Гермес — спрыгнул и устремился к нему и его спутникам с тем же бесцеремонным любопытством, с каким уличный мальчишка устремляется в уличную свару. Он знал, что он один разли-

част движение статуи, знал, что все дело в кольце, которое позволяет ему видеть то, чего не видят другие. На всякий случай он стянул кольцо с пальца — все правильно, Гермес стоял себе на своем пьедестале, столь же неподвижный, как вылепленный под Рождество снеговик. Он снова надел кольцо — вот он, Гермес, так и вьется вокруг честной компании, заглядывая в картонные лица!

— Это отличная гостиница, — произнес Головастик в цилиндре. — Сад здесь устроен, можно сказать, с большим вкусом.

— Нам придется пройти через заднюю дверь, — внезапно вмешалась в разговор Мейбл. — Парадный вход закрывают в полдесятого.

Плотный приземистый Головастик в клетчатой синей с желтым кепочке пробормотал что-то насчет «приключений, напоминающих ему славную молодость».

Они миновали озеро с мраморными берегами, в глубине которого сверкали золотые рыбки и плескалось огромное доисторическое чудовище. При свете луны вода переливалась, словно огромный бриллиант, и только Джеральд смог разглядеть огромного ящера, бултыхавшегося среди водяных лилий.

Они торопливо поднялись по ступеням Храма Флоры. Задняя стена храма (в ней арок не было) примыкала к одному из отвесных холмов (его можно даже назвать скалой), что оживляли пейзаж итальянского сада. Обогнув статую богини, Мейбл что-то нащупала пальцами в стене, и Джеральд, подняв фонарь, нащупал его лучом высокую и узкую дверь —

камень, скрывавший потайной ход, медленно отодвигался под опытной рукой Мейбл.

— Сюда, пожалуйста! — пригласила она, запыхавшись. Где-то около позвоночника кожа ее стала совсем холодной и вся покрылась мурашками.

— Мой мальчик! Вы с фонарем пойдете вперед, — весело потребовал деревенского вида Головастик.

— Я... Я должен остаться здесь и закрыть за вами дверь, — возразил Джеральд.

— Это сделает Принцесса. Мы поможем ей, — подхватила дама в цветочной шляпе (черт бы побрал ее любезность!).

Джеральд продолжал хладнокровно настаивать, чтобы именно ему доверили затворить дверь.

— Вы же не хотите подвести меня, верно? — мягко убеждал он, и Головастики (в последний раз проявившие разум и снисходительность) согласились наконец с его просьбой.

— Возьмите фонарь! — Джеральд протянул свой светильник старшему из Головастиков. — Вы поведете всех, сэр. Идите прямо вперед.

— Там есть ступеньки? — шепотом обратился он к Мейбл.

— Нет, нет — их долго не будет. Сперва будет длинный коридор, а потом надо завернуть за угол.

— Шептаться невежливо! — протрубил приземистый Головастик.

— Сам вы невежливый! — успокаивающе прошептала дама. — Нечего обращать на него

внимание — он просто выскочка. — И она с жутковатой игривостью сжала руку Мейбл.

Достопочтенный Головастик с фонарем в руке возглавил процессию, остальные доверчиво последовали за ним, и наконец последнее чудовище скрылось в проходе, а Мейбл и Джеральд остались у самого входа, едва осмеливаясь дышать, словно одного вздоха могло оказаться достаточно, чтобы вернуть или задержать эту страшную процессию. Оба они готовы были разрыдаться от облегчения, но радость их, как тут же выяснилось, была преждевременной. Внезапно в проходе загремели быстрые, раздраженные шаги, и едва они успели захлопнуть дверь, как Головастики наперли на нее с другой стороны. То ли они увидели в темном коридоре что-то с их точки зрения опасное, то ли в их пустые головы забрела наконец мысль о том, что этот длинный темный коридор не мог быть входом — даже боковым — в сколько-нибудь приличную гостиницу, то ли внезапно пробудившийся инстинкт самосохранения предупредил их о том, что с ними хотят сыграть недобрую шутку — но, как бы то ни было, Головастики, утратив все свое дружелюбие и безобидность, впали в свирепое исступление. Вопли: «Нет!», «Мы не пойдем!» и «Пусть он идет первым!» разорвали дремотную тишину лунной ночи. Пронзительно визжали дамы, хрипло и решительно басили Головастики покрепче, но, что хуже всего, все семеро дружно навалились на узкую каменную дверь, которую ребята хотели было, да не совсем успели затворить за

всей этой жутковатой компанией. Сквозь узкую каменную щель они различали при свете фонаря взвихрившуюся черную толпу, руку в перчатке, пытающуюся ухватиться за дверь, костлявые зонтики, рвавшиеся вперед в попытке удержаться в том мире, из которого они навеки будут изгнаны, если эта дверь захлопнется. Ничего нормального, ничего человеческого не осталось в их лишенной согласных речи — только злоба, только угроза, только невыносимый страх.

Набитая носовыми платками перчатка опустилось на плечо Джеральда; ужас, который он до сих пор лишь воображал себе, теперь проник за магический круг кольца. В одно мгновение (в такое мгновение перед утопающим проходят картины всей его жизни) он увидел то, о чем посмел просить Мейбл — и чем, в свою очередь, пожертвовала она.

— Толкай, толкай изо всех сил! — вскричал он, уткнувшись в пьедестал Флоры и пытаясь сдвинуть его с места.

— Я не могу — не могу больше! — стонала Мейбл, тоже пытаясь упереться пятками в пьедестал, для чего ее ножки оказались слишком коротки.

— Мы не можем их выпустить — просто не можем! — задыхался Джеральд.

— Попробуйте только не выпустить! — раздалось из-за каменной двери. Ярость и отсутствие неба делали эти звуки нечленораздельными, но страх обострил слух Джеральда, и он различал каждое слово.

— Это еще что такое? — прогремел у них

за спиной новый голос, произносивший, слава Богу, согласные полновесно и четко. Еще одна тень упала на мраморный пол Храма Флоры.

— Идите сюда! Помогите удержать дверь! — окликнул незнакомца Джеральд. — Если они выберутся, то всех нас убьют.

Сильное плечо, обтянутое вельветовой курткой, протиснулось между Джеральдом и Мейбл, крепкая мужская пятка уперлась в пьедестал Флоры рядом с пяткой Джеральда — и узкая, тяжелая каменная дверь постепенно начала

подаваться. Вот она наконец захлопнулась, пружина замка щелкнула, и распаленная, бурлящая, яростная толпа чудищ осталась внутри, а Джеральд и Мейбл — наконец-то! — остались снаружи, в безопасности. Мейбл бросилась на пол, рыдая от усталости и облегчения. Даже если бы я оказалась в тот миг в Храме Флоры, я бы постаралась отвернуться. А потому я так и не знаю, позволил ли себе Джеральд подобную разрядку.

Незнакомец, что с виду был похож на лесника, посмотрел на пол (конечно же, только на Мейбл) и тихо сказал:

— Ладно, ладно, не будь дурочкой! Кто вы такие и что здесь, в конце концов, происходит?

— Я не могу вам это рассказать! — вздохнул Джеральд.

— Так или иначе, но мы должны в этом разобраться, верно? — дружески продолжал незнакомец. — Давайте выйдем на свет и обсудим сложившуюся ситуацию.

Несмотря на то, что душа Джеральда по-прежнему висела вверх тормашками, он сразу же понял, что человек, употребляющий такие выражения, должен был иметь неодолимую склонность к романтике. В то же время он вполне отчетливо понимал, что подобного человека не «заткнешь» какой-нибудь выдумкой, как ему это до сих пор удавалось в отношении Лиз, Джонсона и даже мадемуазель. Если же попытаться рассказать ему правду, то это будет еще хуже.

Джеральд поднялся на ноги (если, конечно, он до сих пор почему-либо не стоял) и схва-

тил влажную и горячую ладонь все еще всхлипывавшей Мейбл. В ту же минуту незнакомец ухватил его за другую руку и вывел обоих детей из тени Храма Флоры в полосу нестерпимо белого лунного света, заливавшего мраморные ступени. Там он уселся, пристроив обоих детей по бокам, зажал их ручки локтями, обтянутыми вельветом, как если бы хотел их обогреть, и потребовал: «Ну, валяйте!»

Мейбл только всхлипнула в ответ. Простим ей это — даже Жанна д'Арк и прочие великие героини имеют право разок в месяц хорошенько выплакаться.

Джеральд колебался.

— Ничего не выйдет. Я мог бы сочинить историю, но с вами это не пройдет.

— Я готов воспринять это как комплимент моей проницательности, — заметил незнакомец. — А почему бы тебе не рассказать правду?

— А правде вы не поверите, — безнадежно вздохнул Джеральд.

— А ты все же попробуй! — предложил «лесник». Он был чисто выбрит, и его большие глаза так и сияли при свете луны.

— Не могу, — повторил Джеральд, и это была чистая правда. — Или вы примете нас за сумасшедших и отправите в лечебницу, или же... Нет, ничего хорошего из этого не выйдет. Спасибо, что помогли нам, а теперь нам хотелось бы пойти домой.

— Интересно, — насмешливо сказал незнакомец, — есть ли у вас хоть капелька воображения?

— По крайней мере, мы сумели придумать их! — возмутился Джеральд, на миг позабыв о всяком благоразумии.

— Если ты имеешь в виду тех людей, которых я помог тебе запереть, — произнес незнакомец (он как раз высвобождал ладошку Мейбл из-под своего локтя, чтобы поудобнее обнять ее), — то ведь я видел их и слышал их голоса. И при всем уважении к твоей фантазии, я сомневаюсь, чтобы тебе удалось изобрести что-нибудь хотя бы вполовину столь же реальное.

Джеральд уткнулся локтями в колени, а лицом в ладони.

— Подумай хорошенько! — настаивал человек в вельветовой куртке. — А пока ты думаешь, я постараюсь объяснить тебе мое положение. Ты, по-моему, плохо понимаешь, кто я такой. Я приехал сюда из Лондона, чтобы принять охрану этого имения.

— Так я и думал — вы лесничий! — вставил Джеральд.

Мейбл прислонилась лицом к плечу незнакомца.

— Неузнанный герой, — вздохнула она.

— Ничего подобного! — возразил он. — Вернее всего будет называть меня бейлифом*. И вот, в первый же вечер, едва я вышел подышать воздухом, напоенным светом луны, и приблизился к загадочному белому зданию, как сразу же услышал шум борьбы и крики, призывающие на помощь. Захваченный впол-

---

* Бейлиф — управляющий имением.

но понятным побуждением, я поспешил на помощь и в самом деле помог вам запереть людей, мне совершенно неизвестных — скорее, загнать их за эту каменную дверь. Так вот, могу я теперь спросить, кого я так удачно запер? И кто такие вы сами?

— Конечно, вы вправе об этом спросить, — признал Джеральд.

— Ну же! — потребовал незнакомец.

— Ну ладно, — приступил было Джеральд. — Дело в том, что... Нет! — решил он после недолгого колебания. — Я просто не могу вам это рассказать.

— Ладно, — сказал незнакомец. — Придется тогда выслушать ваших противников. Ну-ка, пустите меня — пойду отворю эту дверь и сам во всем разберусь.

— Расскажи ему, — заговорила Мейбл. — Все равно, поверит он нам или нет. Расскажи ему — только бы он не открывал эту дверь!

— Хорошо, — согласился Джеральд. — Я все расскажу. Только, мистер Бейлиф, вы должны дать нам слово английского джентльмена — ведь я вижу, что вы джентльмен — более того, вы должны дать нам слово чести, что никому не расскажете об этой истории и что не запрете нас в лечебницу для сумасшедших, даже если она и покажется вам полнейшим бредом.

— Идет! — произнес незнакомец. — Я готов обещать вам это. Но только если у вас тут было сражение или что-то в этом роде, и вы заперли своих противников в той норе, то не лучше ли их выпустить, пока они не перепу-

гались до смерти? В конце концов, они ведь, надо полагать, такие же дети, как и вы.

— Сперва выслушайте,— сказал Джеральд.— Никакие они не дети. Мне как, сразу рассказывать о них, или лучше начать с самого начала?

— Конечно, с начала,— потребовал незнакомец.

Тут Мейбл оторвалась на секунду от облаченного в вельвет плеча и сказала:

— Тогда лучше я начну. Я нашла кольцо и сказала, что оно превратит меня в невидимку. Это была игра, но оно и в самом деле превратило меня в невидимку на двадцать один час. Только не спрашивайте, где я взяла это кольцо. А теперь продолжай ты, Джеральд.

Джеральд продолжал — говорил он довольно долго, потому что, как бы там ни было, а такую историю рассказывать было все же занятно.

— И вот,— заключил он,— мы заперли их тут, а через семь, или четырнадцать, или двадцать один час (одному Богу известно, сколько этих часов будет, но все они будут делиться на семь) они снова превратятся в старые плащи и зонтики. Ожили они в половине десятого. Я надеюсь, что все это кончится через семь часов, то есть, в половине пятого. А теперь можно нам пойти домой?

— Я провожу вас,— с неожиданной галантностью предложил незнакомец.— Что ж, пошли!

— Вы не поверили нам,— с горечью произнес Джеральд.— Еще бы, кто такому поверит! Я бы мог предъявить вам доказательства, если бы только захотел.

Все трое уже поднялись на ноги. Незнакомец пристально посмотрел в глаза Джеральду. Он смотрел, пока Джеральд не ответил ему тихо:

— Вы же видите, что я не сумасшедший.

— На сумасшедшего ты не похож. Нет, ты вполне разумный мальчик. Скажи-ка, может быть, у тебя лихорадка или еще что-нибудь в этом роде?

— Как же, лихорадка! И у Кэтти лихорадка, и у Джимми, и у мадемуазель с Лиз тоже лихорадка? А как насчет того человека, который принял их за чучела, да и вас самих тоже — вы ведь видели, как они передвигаются, и слышали, как они кричат. Вас что, тоже лихорадит?

— Разве что от любопытства. Ладно — надо отвести вас домой.

— Мейбл живет в замке, — сказал Джеральд, когда незнакомец свернул на дорогу, выводящую к главным воротам.

— Я не родственница лорда Ядлинга, — поспешила вставить Мейбл. — Я всего лишь племянница экономки. — Все это время она крепко держала незнакомца за руку. Когда он довел ее до задней двери замка, она подняла голову, поцеловала его и скрылась за дверью.

— Бедняжка! — вздохнул бейлиф, возвращаясь на центральную аллею.

Вместе с Джеральдом он дошагал до ворот школы.

— Послушайте, — предупредил Джеральд, когда они прощались. — Я ведь знаю, что вы собираетесь сделать. Вы хотите снова открыть эту дверь!

— Угадал! — усмехнулся бейлиф.

— Не надо. Подождите хотя бы до рассвета, а лучше всего подождите нас. Мы придем туда к десяти.

— Очень хорошо — я жду вас в десять утра, — согласился незнакомец. — Нечего сказать, странный вы народец!

— Странный, — признал Джеральд. — А вы были бы не странный, если бы... Спокойной ночи!

На следующий день все четверо собрались на ровной лужайке у Храма Флоры. С самого раннего утра они продолжали толковать о событиях предыдущей ночи и о немыслимой отваге Мейбл. К сожалению, было уже не десять часов, а почти половина первого. Лиз (при поддержке мадемуазель) заставила их убрать — и убрать очень основательно — тот «погром», который остался после вчерашнего вечера в столовой.

— Тебя надо наградить крестом Виктории! — пылко уверяла Кэт. — Надо поставить статую в честь Мейбл.

— Если ты поставишь ее в этом саду, она оживет, — устало пробормотал Джеральд.

— Я все равно ее не испугаюсь, — нахохлился Джимми.

— Днем все выглядит иначе, — напомнил ему Джеральд.

— Надеюсь, мы его найдем, — сказала Мейбл. — Он такая душечка, Кэт, — самый настоящий бейлиф и джентльмен в душе!

— Тем не менее, его что-то нет, — отметил Джимми. — Наверное, он вам просто приснился, как и все эти живые статуи.

Они поднялись по залитым солнцем мра-

морным ступеням. Трудно было поверить, что на этом самом месте при свете луны еще вчера творились страшные дела, при воспоминании о которых сжимались сердца Мейбл и Джеральда.

— Надо открыть дверь,— предложила Кэтлин.— Мы можем сразу захватить домой часть плащей и зонтиков.

— Сперва надо прислушаться,— возразил Джеральд.— Может быть, они еще не превратились в плащи.

Они приложили ухо к каменной двери, за которой вчера вечером бушевали и выкрикивали угрозы ожившие чучела. По ту сторону двери царила тишина — ясная, как сам этот летний день. И только отвернувшись от двери, они заметили наконец того человека, которого искали. Он находился по ту сторону Храма Флоры, только теперь он не стоял, а без движения лежал на спине, широко раскинув руки.

— Глядите! — вскричала Кэтлин, протягивая руку. Лицо бейлифа было почти зеленым, лоб прорезала рана. Края раны посинели, но кровь еще капала из нее на белые плиты мрамора.

В ту же секунду Мейбл тоже вытянула руку, указывая в другую сторону — но, в отличие от Кэт, она даже не смогла вскрикнуть. Там, куда она указывала, за большим кустом рододендрона, притаилось лицо — неуклюже вырезанная картонная маска, очень белая, с очень красными губами, так и сверкавшими на солнце. Едва все четверо обернулись в ее сторону, маска исчезла, и блестящие на солнце листья сомкнулись.

Глава восьмая

Все было ясно — даже чересчур ясно: несчастный бейлиф отворил дверь прежде, чем кончилось действие кольца и Чучела вновь превратились в плащи, шляпы и зонтики. Естественно, они тут же набросились на него и изранили. Что именно — клюшка для гольфа или ручка от метлы — оставило эту чудовищную рану у него на лице? Девочки уже подбежали к раненому, и Мейбл приподняла его. Кэтлин хотела устроить голову бейлифа у себя на коленях, но Мейбл и тут опередила ее.

Джеральд и Джимми тоже знали, что требуется для спасения раненых, лишившихся сознания, так что Мейбл могла и не вопить во все горло: «Воды! Принесите воды!»

— В чем же я ее принесу? — проворчал Джимми, поглядывая то на свои пустые ладони, то на пруд с мраморными берегами, раскинувшийся у склона холма.

— В чем хочешь — хоть в шляпе! — требовала Мейбл.

Мальчики повиновались.

— А если они погонятся за мной? — неожиданно спросил Джимми.

— Кто еще погонится? — прорычал Джеральд.

— Чучела, — прошептал Джимми.

— Боишься? — уязвил его Джеральд, но тут же сам боязливо огляделся по сторонам и выбрал тропинку, проходившую подальше от подозрительных кустов. Он набрал воды в соломенную шляпу и вернулся к Храму Фло-

ры, обеими руками придерживая свою ношу. Тут он заметил, что вода быстро утекает сквозь плетеные соломинки, и успел зубами извлечь из нагрудного кармана носовой платок, чтобы погрузить его в остатки воды. Влажным платком девочки смыли кровь с лица бейлифа.

— Нам нужна нюхательная соль,— почти плача прошептала Кэтлин.— Просто обязательно!

— Да, с ней было бы лучше,— согласилась Мейбл.

— Но ведь у твоей тети...

— Да, но только...

— Не трусь,— вмешался Джеральд.— Вспомни, как все было прошлой ночью. Они не станут нападать на тебя. Он, наверное, их обидел или что-нибудь в этом роде. Знаешь что? Ты беги, а мы последуем, чтобы за тобой никто не погнался.

Мейбл пришлось уступить голову больного Кэтлин, бросить последний взгляд на страшный куст рододендрона и со всех ног пуститься к замку.

Остальные склонились над раненым, который по-прежнему не приходил в сознание.

— Он ведь не умер? — встревожился Джимми.

— Нет,— ободрила его Кэт.— Сердце бьется. Мы с Мейбл щупали его пульс, как делают доктора. Он просто потрясающе красивый, верно?

— Неплох,— согласился Джеральд.

— Хотел бы я знать, что ты считаешь мужской красотой,— завелся было Джимми,

но в этот миг на мраморный пол упала четвертая тень и новый голос обратился к ним. Это не был голос Мейбл: ее убегающая фигурка была все еще видна, хотя и очень далеко.

— Несомненно, у этого молодого человека весьма приятная внешность,— произнес новый голос.

Ребята обернулись и увидели над собой лицо старшего из Чучел — того самого, которого Джеральд окрестил «достопочтенным». Джимми и Кэтлин завизжали. Мне очень неприятно упоминать об этом, но это факт.

— Цыц! — яростно прошептал Джеральд (кольцо по-прежнему оставалось у него на пальце). Хватит вопить. Я договорюсь с ним,— шепотом добавил он.

— Чрезвычайно прискорбное событие,— гнусил достопочтенный Головастик.

Его произношение было по-прежнему отталкивающе странным: он не выговаривал «р» и «м», а «н» звучало у него так, словно он уже несколько недель был насмерть простужен. Но его речь уже не состояла из одних гласных, как накануне. Кэтлин и Джимми уткнулись лицом в грудь бейлифа. Даже и лишенный сознания, этот человек казался им защитником — зато Джеральд, вооруженный бесстрашием магического кольца, уставился прямо в лицо пришельцу — и вздрогнул от изумления. Это было то же самое лицо, которое он нарисовал накануне на листе плотного картона, и в то же самое время оно было другим. Оно уже не было картонным — это было на-

стоящее лицо, а по-прежнему тощие до прозрачности руки были живыми руками. Чучело сделало шаг, чтобы получше разглядеть лицо бейлифа, и Джеральд понял, что это существо имеет и руки и ноги — настоящие руки и настоящие ноги, с настоящими костями и плотью. Это существо было по-настоящему живым — даже, пожалуй, чересчур живым!

— Как это произошло? — спросил Джеральд, пытаясь сохранить спокойствие (и ему это удалось).

— Чрезвычайно прискорбно, — повторил Головастик, — но мои спутники заблудились вчера ночью в коридоре. Они так и не попали в гостиницу.

— А вы? — беспомощно переспросил Джеральд.

— О, я-то, конечно, нашел гостиницу, — уверенно заявил достопочтенный. — Прекрасная гостиница, в точности как вы и говорили. А утром, когда я возвращался, то решил пройти по тому же коридору, а не через главный вход, поскольку мне хотелось посмотреть на этот пейзаж при свете дня, а служащие гостиницы не смогли указать мне дорогу. Так вот, когда я возвращался по этому коридору, я застал всю компанию у двери. Они были страшно рассержены, ибо провели там всю ночь, безуспешно пытаясь выйти. Тут внезапно отворилась дверь — по всей видимости, этот джентльмен и открыл ее, — и прежде, чем я успел вступить за него, этот дурно воспитанный коротышка в цилиндре — вы знаете, о ком я говорю — ударил его по голове,

и он, как видите, упал и потерял сознание. Остальные разбежались, а я хотел было отправиться за помощью, но тут заметил вас.

Тут достопочтенный джентльмен впервые заметил, что Кэтлин побелела, как полотно, а Джимми ревет, не переставая.

— Что с тобой случилось, дружок? — ласково обратился достопочтенный Головастик к Джимми. В ответ из глотки малыша вместо всхлипываний вырвался пронзительный вопль.

— Держи кольцо! — яростно прошипел Джеральд, нанизывая перстень на горячий, влажный и ускользающий от него палец Джимми. Джимми внезапно перестал вопить — и столь же внезапно Джеральд пережил то, что Мейбл по его воле вынуждена была пережить накануне ночью. Да только сейчас светило солнце, а Джеральд не был трусом.

— Надо найти остальных, — предложил он.

— Полагаю, они отправились купаться, — заметил достопочтенный. — Я наткнулся на их одежду в лесу. — И он неловкой рукой указал направление.

— Вы двое пойдите и посмотрите, — распорядился Джеральд, — а я попробую еще раз промыть ему рану.

В лесу Джимми, ставший благодаря кольцу бесстрашным, как лев, наткнулся на четыре кучки плащей, шляп, метел, клюшек и масок. Все это вместе составляло прежде четырех чучел мужского пола. На каменном сиденье грелись на солнышке две созданные накануне дамы, и Кэтлин с опаской приблизилась к ним. (Все же при свете дня отвага дается

легче, чем ночью — это всем известно). Подойдя вплотную к каменной скамье, они с Джимми обнаружили обыкновенных кукол — манекенов, которых им и прежде случалось делать в детской. Жизнь ушла из них. Джимми растерзал их на куски, и Кэтлин вздохнула с облегчением.

— Вот видишь, колдовство кончилось! — воскликнула она. — А тот старый джентльмен — настоящий. Он просто случайно похож на пугало, которое мы вчера состряпали.

— Плащ-то у него, как-никак, из школьной прихожей, — возразил Джимми.

— Нет, нет — он просто похож. Надо вернуться к нашему незнакомцу.

Они вернулись, и Джеральд попросил достопочтенного джентльмена укрыться за кустами вместе с Джимми, «поскольку бедняга бейлиф, похоже, вот-вот очнется и, чего доброго, испугается, если увидит рядом с собой незнакомые лица».

— Джимми охотно составит вам компанию. Из нас всех он больше всего вам подходит, — добавил он поспешно (и это было правдой, поскольку Джимми, заполучив кольцо, избавился от страха).

Джимми с Головастиком скрылись за рододендроном. Мейбл вернулась с флакончиком нюхательной соли как раз в ту минуту, когда бейлиф открыл глаза.

— Ой, да он ожил! — обрадовалась она. — Знала бы, могла бы и не ходить. Ну, раз уж принесла... — И, опустившись на колени, она подсунула открытый флакончик к самому

носу своего пациента, который, громко чихнув, попытался оттолкнуть милосердную руку и слабым голосом спросил:

— Что здесь произошло?

— Вы ушиблись,— ответил Джеральд.— Ударились головой. Вам надо еще полежать.

— Только без нюхательной соли! — устало попросил он и снова растянулся на траве.

Через несколько минут он вполне пришел в себя, сел и огляделся по сторонам. Дети встревоженно притихли. Взрослый человек проник в их тайну, и никто из них не знал, что скажет закон о людях (пусть даже детях), которые изобретают пугал и наделяют их жизнью — активной, злобной и не вполне законной жизнью. Что скажет бейлиф — как он поступит с ними?

Бейлиф сказал:

— Что за дела! Давно я так валяюсь?

— Целый час! — торжественно уверила его Мейбл.

— Совсем недолго! — поспешила утешить его Кэт.

— Мы не знаем. Когда мы пришли, вы уже были без сознания,— пояснил Джеральд.

— Со мной все в порядке,— заявил бейлиф, скосив глаза на окровавленный носовой платок.— Похоже, я здорово стукнулся головой. Вы спасли меня. Большое вам спасибо. Однако, все это очень странно...

— Что — странно? — из вежливости переспросил Джеральд.

— Может быть, это не так уж и странно — насколько помню, я видел вас как раз перед

том, как потерять сознание,—но пока я тут лежал, мне привиделся удивительнейший сон. Вы тоже участвовали в нем.

— Только мы? — затаив дыхание, пискнула Мейбл.

— Нет, еще много всего... Какие-то совершенно немыслимые создания... Но вы-то были настоящими.

Все присутствовавшие вздохнули с облегчением. Похоже, все обошлось.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — встревожились они, видя, что незнакомец поднимается на ноги.

— Замечательно, благодарю вас.— Договаривая эти слова, он бросил быстрый взгляд на статую Флоры.— Знаете, мне привиделось, что там, позади, есть дверца, которой, конечно же, на самом деле нет и быть не может. Не знаю, как и благодарить вас,— продолжал он, глядя на них прекрасными добрыми глазами (так о них позднее отзывались девочки).— Мне повезло, что вы забрели в сад. Отныне можете приходить сюда в любое время. Для вас вход свободен.

— Вы новый бейлиф, да? — осведомилась Мейбл.

— Да. Но... откуда ты знаешь? — спохватился он, но дети не стали объяснять ему, откуда они это знают, и как только он ушел, повернулись и пошли в другую сторону, вспоминая горячее рукопожатие незнакомца и его предложение заглядывать почаще.

— Вот что я вам скажу,— начал Джеральд, когда они, обернувшись на миг, провожали

взглядом высокую крепкую фигуру незнакомца, исчезающую за зеленым холмом.— У кого-нибудь есть предложения, как нам сегодня провести время? У меня-то есть идея.

У остальных подходящих идей не было.

— Надо избавиться от достопочтенного чучела — да не бойтесь, мы что-нибудь придумаем! Как только мы с этим покончим, вернемся домой и запечатаем кольцо в конверт, чтобы оно не сыграло с нами еще какую-нибудь шуточку. А потом заберемся на крышу и проведем денек мирно — почитаем книжку, погрызем яблок. Я по горло сыт приключениями, а вы как?

Остальные подтвердили, что и с них приключений достаточно.

— А теперь думайте — думайте, как на контрольной не думали! — как нам избавиться от этого Головастика.

Все принялись ломать себе голову, но головы у всех были уже утомлены и переполнены волнениями и страхом, а потому все их мысли не стоили даже того, чтобы их додумать (как заметила Мейбл), не говоря уж о том, чтобы высказать вслух.

— Надеюсь, с Джимми все в порядке, — внезапно вспомнила Кэтлин.

— С ним все в порядке — я отдал ему кольцо, — успокоил ее Джеральд.

— Надеюсь, он не вздумает что-нибудь пожелать, — в свою очередь встревожилась Мейбл, но и ей Джеральд велел заткнуться и не мешать думать.

— Кажется, лучше всего я думаю, когда сижу,— объявил он, опускаясь на землю.— Иногда мне лучше думается вслух. Так вот, Головастик вполне живой — тут уж лучше не обманывать себя. И живым он стал в том коридоре. Если нам удастся снова заманить его туда, может быть, он еще раз заколдуется — то есть, расколдуется,— и тогда мы, наконец, соберем и унесем домой плащи и все прочее.

— Как-нибудь иначе нельзя? — осторожно спросила Кэтлин, а Мейбл, слишком отважная, чтобы стесняться выставлять себя трусихой, заявила откровенно: — Я туда не пойду, и не надейтесь!

— Струсили! И это среди белого дня! — расфыркался Джеральд.

— Там-то, в коридоре, темно! — заметила Мейбл, а Кэтлин вздрогнула.

— Лучше подойти к нему и внезапно сорвать с него пальто,— начала она.— Он ведь состоит только из пальто и того, что туда понапихано. Не мог же он и вправду стать настоящим.

— Не мог! — рассердился Джеральд.— Ты что, не видела, какой он теперь под этим пальто?

Кэтлин задрожала сильнее. Солнце по-прежнему весело играло на белом мраморе статуй и темной зелени рощи, а фонтаны и террасы итальянского сада по-прежнему сияли романтической красой, словно декорации любовной комедии.

— Как бы то ни было,— заключил Джеральд,— но надо загнать его в коридор и

запереть за ним дверь. Больше нам надеяться не на что. А потом к нашим услугам яблоки и «Робинзон Крузо» (или «Семья в Швейцарии», или любая книга, какую только захотите, лишь бы в ней не было волшебства). Видите ли, мы обязаны это сделать. К тому же, он теперь совсем не страшный. Он ведь стал совсем как живой человек.

— Это совсем другое дело,— согласилась Мейбл (и попыталась уговорить себя, что ожившее чучело и чучело, превратившееся в человека, и в самом деле большая разница).

— И потом, сейчас ведь день — вы только взгляните, какое яркое солнце! — уговаривал Джеральд. — Ну же, смелей!

Он подхватил обеих девочек под руки, и они отважно направились к кустам рододендрона, за которыми их ждали Джимми и «до-стопочтенный». И всю дорогу — а дорога была длиной шагов в сто — Джеральд повторял: «Он же совсем как человек!», «Смотрите, как солнышко светит!» и «Одна только минутка, и все будет в порядке!». Будем надеяться, что он их успел убедить.

Они подошли к кустам. Сверкающие листья зашуршали, зашевелились, раздвинулись, и прежде чем девочки успели отшатнуться и завизжать, из кустов, прищурившись от яркого солнца, вышел Джимми. Ветки сомкнулись за его спиной и больше не шевелились. Кроме Джимми, в кустах никого не было.

— Где оно? — вскрикнули девочки.

— А, гуляет там по дорожке, — махнул рукой Джимми. — Что-то подсчитывает в запис-

ной книжке. Он говорит, что страсть как богат, и собирается ехать в город к маклерам или брокерам — не понял точно, — в общем, туда, где умные люди меняют бумаги на золото. Вот что — я бы тоже не прочь отправиться к этим брокерам, а вы?

— Меня не интересуют ни бумаги, ни золото, — сурово ответил Джеральд. — С меня достаточно, ясно? Покажи мне, куда он девался. Должны же мы наконец от него избавиться!

— У него и автомобиль есть, — вздохнул Джимми, вновь раздвигая теплые полированные листья рододендрона, — и сад с теннисным кортом, и озеро, и карета, и пара лошадей, и еще он ездит в отпуск в Афины, вроде как обычные люди в Маргейт.

— Раз так, — осенило Джеральда, пока они пробирались сквозь кусты, — то надо сказать ему, что самый короткий путь к воротам — это снова пройти через коридор гостиницы. А как только он войдет в этот коридор, мы подтолкнем его сзади, выскочим и захлопнем дверь.

— Он умрет с голоду, — вступилась Кэтлин. — Если, конечно, он по-настоящему настоящий.

— Я думаю, это продлится недолго — я имею в виду колдовство этого кольца. И вообще, я больше ничего предложить не могу.

— Он страшно богат, — заливался Джимми, продираясь сквозь заросли. — Сейчас он строит общественную библиотеку в тех местах, где живет, и один художник уже рисует его портрет, чтобы повесить там в главном зале — он говорит, что людям такое нравится.

Они наконец прорвались сквозь заросли рододендрона и выбрались на ровную, поросшую травой тропинку, замкнутую высокими соснами и другими, менее привычными породами хвойных деревьев.

— Он там, за углом,— махнул рукой Джимми.— Он прямо-таки купается в деньгах, так и сказал! Не знает, куда их девать. Он построил конюшню и устроил фонтан с питьевой водой, а сверху поставил свой бюст. Чего бы ему еще не устроить бассейн прямо у себя возле кровати? Проснулся утром — хлоп! — и уже плывешь. Вот бы мне такое богатство — уж я бы. . .

— Вполне разумное желание,— согласился Джеральд.— Мы бы могли и раньше пожелать себе что-нибудь в этом роде. Ой, нет! — завопил он, но было уже поздно. На их глазах, в лесной тишине, нарушаемой лишь их собственным взволнованным дыханием, на темно-зеленой, покрытой тенью сосен траве, Джимми получил то, чего хотел. Почти мгновенно — хотя перед ними и прошли все стадии этого превращения — Джимми превратился в богача. Ужас охватил детей: они видели, что происходит с Джимми, но не понимали, как это происходит и, главное, не могли этому помешать. Они видели только, как Джимми, малыш Джимми, с которым они играли и устраивали всяческие проделки, ссорились и мирились, — их маленький Джимми мгновенно и уродливо стареет. Все свершилось за несколько мгновений, но они успели увидеть, как он становится юношей, потом молодым челове-

мом, еще потом человеком лет сорока, и наконец — о, как страшна, как безнадежна была эта окончательность! — солидным пожилым джентльменом, добротнo, но абсолютно безвкусно одетым. Пожилой джентльмен взглянул на них поверх очков и попросил указать ему дорогу к железнодорожной станции. Если бы они не видели своими глазами, как произошла эта перемена, то и не догадались бы, что этот полнотелый, преуспевающий пожилой джентльмен в цилиндре и старомодном пальто, в нарядной, натянувшейся на животе жилетке, украшенной огромным красным бременом, когда-то был Джимми. Но они видели все своими глазами и знали страшную истину.

— Джимми, Джимми, не надо! — зарыдала Мейбл.

— О, черт! — не утерпев, произнес Джеральд, после чего Кэтлин тоже разрыдалась.

— Не вижу причин плакать, мальшка! — приветливо произнес Тот-Кто-Прежде-Был-Джимми. — А вы, молодой человек, можете вы как следует ответить, когда вас спрашивают?!

— Он нас не узнает! — рыдала Кэтти.

— Кто это вас не узнает? — рассердился Тот-Кто-Прежде-Был-Джимми.

— Т-т-т-ты! — всхлипывала Кэт.

— Несомненно, я не узнаю вас, потому что никогда и не знал! — возразил Тот-Кто. — Но по моему, это вовсе не повод, чтобы так себя вести.

— Джимми, Джимми, Джимми! — горестно причитала Кэт.

— Он не узнает нас, — подтвердил Джеральд. — Разве только... Послушай, Джимми,

ты, часом, не прикидываешься, а? Потому что, если ты прикидываешься, я тебя так вздую...

— Меня зовут мистер...— Тот-Кто-Прежде-Был-Джимми совершенно отчетливо произнес общую для Джимми, Джеральда и Кэтлин фамилию, но поскольку мне не велено ее разглашать, а «Тот-Кто-Прежде и так далее» кажется мне уж очень длинным, я предлагаю называть пожилого толстого джентльмена, в которого превратился пожелавший стать богачом Джимми, просто «Тот».

— Что же нам теперь делать!— в ужасе прошептала Мейбл. Вслух же она сказала:— О, мистер Джеймс (простите, я забыла вашу фамилию), мистер Джеймс, пожалуйста, дайте мне это кольцо (ведь роковое кольцо по-прежнему оставалась на пальце у Джимми).

— Ни в коем случае,— отрезал Тот.— Вот ведь наглая девочка!

— Что же вы собираетесь делать?— тусклым, безнадежным голосом спросил Джеральд.

— Мне льстит ваш интерес!— фыркнул Тот.— Вы укажете мне наконец дорогу к ближайшей железнодорожной станции или нет?!

— Нет,— ответил Джеральд.— Ни в коем случае.

— Очень хорошо,— вежливо продолжал Тот, хотя было видно, что он сильно злится.— Тогда, может быть, вы будете так добры и покажете мне дорогу к ближайшему сумасшедшему дому?

— Ой, нет!— вскрикнула Кэтлин.— Ты же вовсе не сумасшедший!

— Очень может быть. Но вот вам врачи очень пригодились бы,— проревел Тот.— Если мы не сумасшедшие, то уж точно слабоумные. Всего доброго! Тот джентльмен, что гуляет там, впереди, больше похож на разумного человека. Кстати, я, кажется, его знаю.

В самом деле, во время этого разговора к ним приблизился какой-то джентльмен. Это был не кто иной, как «достопочтенный».

— Неужели ты не помнишь нас, Джимми?! — в отчаянии завопила Кэт.— Не помнишь меня, Кэтти, твою Кэтти, Кошечку Кэт? Джимми, ой, Джимми, милый, брось дурачиться!

— Послушай, девочка,— Тот снова сердито глянул на нее поверх очков.— Мне очень жаль, что вы все трое так дурно воспитаны.— С этими словами он отвернулся и на негнущихся ногах направился навстречу Головастику. Оба вежливо приподняли шляпы, обменялись парой слов и пошли бок о бок по зеленой лесной тропинке, а за ними следовали испуганные, озадаченные и почти отчаявшиеся дети.

— Он загадал быть богатым, стало быть, теперь он богат, это уж точно,— вздохнул Джеральд.— Теперь у него есть деньги на билет и на все то, что бы он там еще ни захотел.

— А когда колдовство кончится — ведь правда же, оно кончится? — он очнется в какой-нибудь дорогой гостинице, и даже не будет знать, как он туда попал.

— Хотела бы я знать, сколько продержались Головастики,— заметила Мейбл.

— Так,— отозвался Джеральд.— Хорошо, что напомнила. Вы должны собрать плащи и все прочее. Спрячьте их где-нибудь. Завтра все отнесем домой. Если у нас, конечно, будет завтра,— мрачно добавил он.

— Ой, не надо! — попросила Кэтлин, тяжело дыша и явно собираясь разразиться рыданиями.— Ты же не хочешь сказать, что может случиться что-нибудь ужасное в день, когда солнце так весело светит на небе!

— Вот что,— сердито сказал Джеральд.—

И, само собой разумеется, не должен выпускать Джимми из виду. Вы обе вернетесь домой и скажете мадемуазель, что я уехал на поезде с очень почтенным джентльменом. Скажете, что он приходится нам дядюшкой или еще каким-нибудь родственником. В конце концов, он и вправду наш родственник. Потом мадемуазель, конечно, подымет страшный шум, но до этого еще надо дожить.

— Сколько вранья! — вздохнула Кэтлин. — Скоро мы уже и словечка по правде сказать не сможем.

— Не волнуйся, — утешил ее брат. — Это не совсем неправда. Во всей этой проклятой магии, в которую мы влипли, неправда вроде как становится правдой. Это все равно, как если бы тебе приснилось, что ты соврала — ты ведь не была бы в этом виновата.

— Как бы я хотела, чтобы все это поскорей кончилось!

— Много нам проку от такого желания, — рявкнул Джеральд. — Ну ладно, привет! Мне пора идти, а вы отправляйтесь домой. Если тебе этого так хочется, то я вообще не верю, что все это происходит на самом деле. Это уже перебор, знаешь ли. Так что скажи мадемуазель, что мы с Джимми вернемся к чаю. Если мы не вернемся — что поделаешь. Я вам помочь не могу, но попытаюсь хотя бы выручить Джимми. — И он рванул вперед, поскольку опечаленные девочки все больше замедляли шаг, а «достопочтенный» и Тот (то есть Джимми), напротив, все ускоряли свои шаги.

Девочки остановились, глядя ему вслед.

— Мы должны найти эти плащи,— твердо сказала Мейбл.— Ничего не поделаешь, должны. Когда-то я мечтала быть настоящей героиней. Но настоящей героиней быть не так-то весело, правда?

— Правда! — ответила Кэт.— А где мы спрячем всю эту одежду? Ведь... ведь мы не пойдем в тот коридор?

— Ни в коем случае! — с прежней решимостью подтвердила Мейбл.— Мы спрячем ее вон в том большом каменном динозавре. Он пустой изнутри.

— Но ведь он оживет! — встревожилась Кэтлин.

— Он не оживет, пока светит солнце,— напомнила ей Мейбл.— И, к тому же, он оживет, только если у нас будет кольцо.

— Значит, и сегодня мы не будем листать книжки и есть яблоки,— вздохнула Кэтлин.

— Нет, но зато... Зато мы поиграем, как самые маленькие, вот только придем домой. Устроим для кукол чаепитие с гостями. И тогда нам покажется, что никакого колдовства на свете нет и быть не может!

— Хорошо бы! — безнадежно вздохнула Кэт.

В белой, прогретой солнцем пыли большой дороги двигалась маленькая, решительно нахохлившаяся фигурка — Джеральд, преследующий двух пожилых джентльменов. Запустив руку в карман, он для собственного успокоения перебирал тяжелую пригоршню монет — свою долю от выступления на ярмарке. Бесшумно ступая в своих спортивных туфлях, он вышел на перрон и подслушал у кассы, что

Тот-Кто-Был-Джимми купил один билет первого класса до Лондона. Дождавшись, пока Тот и «достопочтенный», приятно беседуя о состоянии экономики и политики, не вышли на платформу, Джеральд купил один билет третьего класса до Лондона и обратно. Через некоторое время, гудя и отфыркиваясь, прибыл поезд. Поднадзорные Джеральда заняли места в синем вагоне. Джеральд взобрался в желтый вагон с деревянными сиденьями. Поезд собрался с духом, пару раз дернулся и отправился в путь.

— Хотел бы я знать,— бормотал себе под нос Джеральд (сидевший наедине с самим собой в купе третьего класса),— как это поезд и колдовство уживаются друг с другом?

Тем временем Мейбл и Кэтлин, боязливо пробираясь среди кустов рододендрона, зарослей кустарника и хвойных деревьев необычного вида, подбирали сваленные в кучи плащи, шляпы, юбки, перчатки, клюшки, метлы и зонтики. Задыхаясь и обливаясь потом (день выдался жаркий, и солнце пекло беспощадно), они сносили все это добро на вершину холма, где на фоне леса красовался огромный каменный ящер. В животе динозавра зияла дыра. Кэтлин попросила Мейбл подставить ей спину и после того, как та встала на четвереньки, забралась в холодное каменное нутро чудища. Затем Мейбл подала ей палки, пальто и прочие вещи.

— Здесь так много места,— удивилась Кэтлин.— Хвост изнутри совсем пустой и уходит куда-то в землю. Наверное, это секретный проход.

— Сейчас что-нибудь вылезет оттуда и бросится на тебя,— обдала ее холодным душем Мейбл, и Кэтлин поспешно выбралась из каменного желудка ящера.

Они понимали, что им будет нелегко успокоить мадемуазель, но, как отметила Кэтлин, любая малость может вовремя отвлечь внимание взрослых. Как раз когда они в третий раз повторяли, что джентльмен, вместе с которым мальчики отправились в Лондон, был с виду очень похож на дядю — на самого что ни на есть достопочтенного дядюшку, — какая-то фигура мелькнула у окна, на миг заслонив свет.

— А это еще кто?! — вскричала мадемуазель, вытягивая указательный палец (надо же, а еще учительница!).

Это был бейлиф — он возвращался от врача, который заклеил антисептическим пластырем ту самую рану, с которой дети два часа тому назад смыли кровь. Мадемуазель они, конечно, ответили, что это всего лишь бейлиф из Ядлинг-Тауэрсса, но она почему-то прошептала «Съель!» (что по-французски означает примерно: «О, небо!»), и на этом все ее расспросы о судьбе мальчиков кончились. Обед был подан очень поздно и съеден в молчании. После обеда мадемуазель надела шляпку, украшенную целым ворохом нежно-розовых розочек, подхватила розовый шелковый зонтик и куда-то испарилась. Девочки в мрачном молчании принялись поить кукол чаем из настоящих и оттого чересчур больших для кукол чашек. Наливая вторую чашку,

Кэтлин разрыдалась. Мейбл, всхлипывая, обняла ее.

— Как бы я хотела, как бы я хотела...— пыталась выговорить Кэтлин.— Как бы я хотела знать, где сейчас наши мальчики! Какое это было бы облегчение!

Джеральд знал, где сейчас находятся мальчики, но никакого облегчения от этого не испытывал. Он был, вообще-то говоря, единственным человеком, который знал, где они находятся, поскольку Джимми не знал даже того, что он Джимми (да сейчас он и не был им!), а «достопочтенный», каким бы настоящим он ни был, по-прежнему не способен был заметить что-нибудь стоящее или настоящее — не говоря уже о каких-то там мальчиках. В тот самый момент, когда слезы Кэтлин упали в чашку с чаем — они заварили очень хороший, крепкий чай, но так и не смогли утопить в нем свои тревоги, — Джеральд околачивался (тут уж другого слова не подберешь) на лестничной площадке Олдерменбери-Билдингс, что на Бридж-стрит. Этажом ниже находилась дверь с табличкой: «мр. Г. Л. Вастик. Маклер, брокер, обмен ценных бумаг», а этажом выше — еще одна, то и дело распахивавшаяся дверь, на которой значилось имя младшего брата Джеральда, который так внезапно и нелицеприятно стал богатым и старым. Под фамилией Джимми никаких пояснений не было, и Джеральд понапрасну ломал себе голову над тем, каким образом Тот раздобыл свое богатство и великолепие. Когда дверь открывалась, он различал в комнате столы

красного дерева и целые полчища клерков. Похоже, Тот и его бизнес вовсю процветали.

Что же теперь было делать Джеральду? Что он вообще мог сделать?

Было немыслимо, в принципе немыслимо, а тем более для маленького мальчика, войти в помещение процветающей лондонской фирмы и попытаться объяснить присутствующим, что пожилой, всеми уважаемый руководитель фирмы на самом деле является его младшим братом, внезапно состарившимся и разбогатевшим благодаря коварному колдовскому кольцу. А если вам кажется, что именно это он должен был сделать, то как-нибудь возьмите да испытайте подобную ситуацию на себе. Точно так же не мог он постучаться в дверь брокерской конторы мистера Г. Л. Вастика и объявить клеркам, что их шеф на самом деле был просто охапкой старой одежды, которая сперва ожила благодаря волшебному кольцу, а затем, в силу еще одного чуда, которое он и вовсе не мог объяснить, окончательно превратилась в человека, проведя ночь в «по-настоящему хорошей гостинице», которой по-настоящему вовсе не существует в природе.

Как видите, ситуация была не из легких. К тому же, время обеда давно миновало, и голод, мучивший Джеральда, показался ему наконец самой главной и неотложной из всех проблем. Кстати, нет ничего проще помереть с голоду на лестничной площадке одного из наиболее респектабельных лондонских зданий, особенно если люди, за которыми ты обязан следить, просидят в своих конторах

достаточно долго. Эта мысль все больше разрасталась в голове (и желудке) Джеральда, пока окончательно не затмила ему белый свет.

В это время по лестнице вприпрыжку спулся мальчик, волосы которого устойчиво напоминали половик, изрядное время пролежавший у входной двери. Под мышкой он нес объемистый темно-синий мешок.

— Принесешь мне булочек на шесть пенсов, и вторая половина шиллинга твоя! — командовал Джеральд, мгновенно, как все великие люди, приняв решение.

— Сначала покажи свои шестипенсовики, — так же быстро отреагировал парень. Джеральд сунул ему под нос монеты. — Порядок! Давай сюда! — потребовал парень.

— Плата по доставке! — возразил Джеральд, небрежно (хотя и впервые в жизни) используя этот коммерческий оборот.

Малый весело ухмыльнулся.

— А ты не из дураков, — признал он. — Знаешь что почему!

— Еще бы, — скромно согласился Джеральд. — Давай быстрее. Мне так и так придется тут ждать. Можешь оставить свой мешок — я за ним присмотрю.

— Ну, я тоже не дурак, — отвечал парень, закидывая мешок на плечо. — Я вдоволь наигрался в игры типа «Ах, я вам доверяю!», еще когда был только самую малость постарше тебя!

Добив Джеральда этим намеком, он вышел и в скором времени явился с булочками. Джеральд выдал ему второй шестипенсовик и

принял булочки. Мальчик скрылся за дверью мистера Г. Л. Вастика («Маклер, брокер и обмен ценных бумаг»), а когда минутой позже он появился снова, Джеральд опять перехватил его.

— Что это за человек? — спросил он, в виде пояснения указав большим пальцем на таинственную дверь.

— Большая шишка. У него денег полно. Автомобиль и все прочее.

— А тот — этажом выше?

— А тот еще поважнее. Старинная фирма — особый подвал в самом Английском банке, где он хранит свои медяки. Целые закрома, словно это не деньги, а зерно или что-нибудь в этом роде. Хотел бы я очутиться там на полчаса — и чтобы дверь была открыта, а полисмен отлучился. Эй, тебе не жирно будет? Если ты сожрешь все эти булки, ты просто лопнешь!

— Держи! — ответил Джеральд, протягивая ему бумажный пакет.

— У нас в конторе говорят, — продолжал мальчишка, догадываясь, что за булку следует платить информацией, — что эти двое того и гляди перережут друг другу глотки — то есть, не по-настоящему, конечно, а в бизнесе. Они — как это? — кон-ку-ренты уже добрый десяток лет, если не больше.

Джеральд изумился, пытаясь вообразить, какая сила, какое колдовство могло создать целую историю, реальное многолетнее прошлое для этих двух существ, только нынче появившихся на свет, — Головастика и Богача

Джимми. А если он сумеет убрать их отсюда, то померкнет ли память о них? Забудут ли обо всем этот мальчишка и все те люди, которые связаны с ними в Сити? Исчезнет ли сама контора со столами красного дерева? А ее служащие? И вообще, существовали ли эти служащие на самом деле? А столы? А этот мальчишка? А он сам?

— Ты тайны хранить умеешь? — спросил он мальчишку. — Есть дело!

— Мне пора возвращаться в контору, — заметил тот.

— Ну и вали! — рассвирепел Джеральд.

— Не лезь в бутылку, — предупредил его мальчик. — Я как раз хотел сказать, что это не беда. Я знаю, как устроить себе небольшое кровотечение из носа, чтобы не придирались, если я опоздаю.

Джеральд восхитился этой его способностью, обличавшей и ум, и отвагу ее обладателя. Повосхищавшись как следует, он завел деловой разговор:

— Вот что, я дам тебе крону — абсолютно серьезно.

— А за что? — естественно, пожелал знать вербуемый.

— За помощь.

— Выкладывай!

— Дело в том, что я — частный детектив.

— Не очень-то ты на него похож, — присвистнул мальчишка.

— Много толку быть сыщиком, если ты и выглядишь как сыщик, — раздраженно сказал Джеральд, впиваясь зубами в предпоследнюю

булку.— Этот старикан, что этажом выше... Его разыскивают.

— Полиция? — весело поинтересовался его сообщник.

— Нет. Горюющие родственники.

— Ага! — догадался парень.— Вернись к нам — все прощено и забыто.

— Я должен увести его отсюда и вернуть домой. Если бы ты пошел к нему и сказал, что его кто-то ожидает снаружи, по делу — по очень выгодному делу...

— погоди! — перебил его мальчишка.— Я лучше знаю, как это устроить. Тебе надо повидать старину Г. Л. Вастика. Он себе нос отрежет, лишь бы второй старикан хоть недельку не болтался у него под ногами. Я как раз сегодня слышал разговор об этом у нас в конторе.

— Дай подумать! — остановил его Джеральд и, усевшись на корточки, положил последнюю булку на колено, высвободив таким образом руки, чтобы запустить их по привычке себе в волосы.

— Про мои пять шиллингов не забудь, — зудел парнишка.

На минуту воцарилось молчание — только сухой кашель старого клерка доносился из конторы, которой правил Тот, а снизу, из офиса мистера Г. Л. Вастика, слышалось клацанье машинки.

Джеральд поднялся и одним махом прикончил булку.

— Ты прав, — заявил он. — Я рискну. Вот твои пять шиллингов.

Страхнув с одежды крошки, пригладив волосы и откашлявшись, он постучался в дверь мистера Г. Л. Вастика.

Растрепанный мальчишка остался снаружи, всецело полагаясь на свою способность вызывать кровотечение из носа и тем самым оправдаться за сколь угодно долгое отсутствие, и его ожидание было вознаграждено. Спустившись на несколько ступенек, он притаился за углом и прислушался к голосу мистера Г. Л. Вастика (голос этот издавна был знаком всем обитателям этого здания и прочим людям, имевшим дело с ценными бумагами). Медленно и осторожно выговаривая слова, голос этот произнес:

— И тогда я попрошу его показать мне кольцо и как бы случайно уроню это кольцо на пол. Вы поднимете кольцо. Но помните — все это произойдет совершенно случайно, и уж, конечно, мы с вами не знакомы. Я не могу допустить, чтобы мое имя упоминали в связи с подобной историей. Вы уверены, что он и в самом деле... э-э-э... нездоров?

— Безусловно,— подтвердил Джеральд.— Он совершенно помешался на этом кольце. Он отправится за ним куда угодно. И потом, подумайте о его несчастных родственниках!

— Я только о них и думаю, разумеется,— кратко заверил его мистер Вастик.

Он поднялся по лестнице и постучал в дверь конторы своего кон-ку-рента. Джеральд услышал, как Тот говорит клеркам, что пришло время обеда. Достопочтенное Чучело и Джимми, вид которого пугал Джеральда едва

ли не больше, чем лицо ожившего чучела, бок о бок спустились по лестнице, пройдя мимо обоих мальчишек, постаравшихся не привлекать к себе внимание джентльменов, беседовавших о ценных бумагах, дивидендах и колебании курса акций. Затем мальчики зашагали вслед за достопочтенными джентльменами.

— Послушай-ка,— в полном восторге зашептал лохматый мальчишка.— Что ты на самом деле затеял?

— Увидишь,— небрежно бросил Джеральд.— Пошли!

— Расскажи сейчас. Мне уже пора в контору.

— Ладно, расскажу, но ты все равно не поверишь. Этот старикан вовсе не такой старый: это мой младший брат, только он вдруг превратился вот в это. А тот другой и вовсе не настоящий. Это просто охапка одежды с тряпками внутри.

— Именно так он и выглядит,— признал мальчишка.— Погоди! Ты ведь все это выдумал?

— Говорю тебе, мой брат превратился в старика из-за волшебного перстня.

— Волшебства не бывает,— заявил мальчишка.— Мы это еще в школе проходили.

— Ну и ладно,— обиделся Джеральд.— Всего доброго!

— Давай, давай! — потребовал мальчик.— Продолжай! Наплевать, что все это выдумки — все равно интересно!

— Так вот, это кольцо — волшебное. Если мне удастся завладеть им, я пожелаю, чтобы мы все втроем отправились в одно известное

нам место. И мы тут же отправимся туда. А уж там-то я сумею с ними справиться.

— Как это?

— Видишь ли, это кольцо не может отменить желание. То, что ты пожелал, расколдуется само собой, но для этого нужно время. Это вроде как распрямляется сжатая пружина. Но оно может выполнить какое-нибудь другое желание — свеженькое. Во всяком случае, я попытаюсь.

— Свихнулся, да? — с уважением оглядел его мальчик.

— погоди — сам увидишь, — отрезал Джеральд.

— Ты что, собираешься войти в это роскошное заведение? Да разве нас пустят? — И его спутник замер, потрясенный величием прославленного столичного ресторана, к дверям которого их привели Джимми с Головастиком.

— Конечно, войду. Нас никто не прогонит, если мы будем как следует себя вести. Пойдем со мной. На обед у меня денег хватит.

Трудно сказать, зачем Джеральд потащил мальчишку с собой. Это был не самый благовоспитанный мальчишка в Лондоне, но все же это был единственный человек, которого он там знал и с которым мог поговорить — ведь разговаривать с Г. Л. Вастиком и с Тем-Кто-Был-Когда-то-Джимми ему вовсе не хотелось.

Дальнейшие события разворачивались необычайно быстро — «словно по волшебству» (как объяснял позже сам Джеральд, а уж ему ли было не знать, как быстро происходит

что-то «по волшебству»). Ресторан был битком набит народом. Деловые люди с деловым видом прожевывали пищу, которую подносили столь же деловые и озабоченные официанты. Вилки так и стучали по тарелкам, пиво булькало, переливаясь из бутылки в кружку, негромкая, но чрезвычайно деловая беседа наполняла ресторан смутным гулом, и еда, с которой обращались здесь так торопливо-небрежно, весьма заманчиво пахла.

— Две отбивные, пожалуйста! — заказал Джеральд, как бы нечаянно доставая из кармана пригоршню мелочи и беззаботно перебирая медяки и серебро — пусть видят, что он платежеспособен. В ту же минуту за соседним столом раздался знакомый голос: «Да, это фамильный перстень», и кольцо, соскользнув с пальца Того-Кто-Прежде-Был-Джимми, перекочевало в руки мистера Г. Л. Вастика (все-таки невозможно поверить, что у него были обычные человеческие руки), а Г. Л. Вастик, в свою очередь пробормотав что-то о редком и ценном ювелирном изделии, выпустил кольцо из рук, и оно покатилося на пол. Растрепанный мальчишка жадно вытянул шею.

— Кольцо у него и вправду есть — тут ты не соврал! — прошептал он, но кольцо уже вывалилось из рук мистера Г. Л. Вастика и катилось по полу, а за ним, точно гончий пес, стремился Джеральд. Он подхватил темный желтый кружок, продел в него палец и крикнул так, что его слышали все, обедавшие в тот час в ресторане «Пим»:

— Я хочу вместе с Джимми оказаться за той дверью позади статуи Флоры!

Более безопасного места он в тот момент придумать не смог.

Огни, шум и запахи ресторана померкли и растаяли в одно мгновение, как капля воска в огне, или, если вам будет угодно, растворились, как дождевая капля в ведре с водой. Я не знаю — поскольку сам Джеральд не знал этого и не мог мне рассказать, — что произошло в ту секунду в ресторане. В газетах об этом ничего не было, хотя весь следующий день

Джеральд с трепетом переворачивал страницы столичных изданий, опасаясь наткнуться на заголовок типа «Загадочное исчезновение известного маклера». Не знаю я и о том, что подумал и что сделал мальчик с плохо причесанными волосами. Джеральд тоже этого не знает — правда, он ломает себе порой над этим голову, но меня это ни на грош не волнует. Что бы там ни подумал и ни сделал этот мальчишка, земля от этого вращаться не перестала. Итак, огни, шум и запахи ресторана «Пим» померкли, и свет сменила тьма. Звуки застыли, а запахи баранины, свинины, говядины, рыбы, капусты, лука, моркови, табака и пива больше не дразнили воображение Джеральда. Теперь вокруг пахло сыростью, затхлостью и давно не проветривавшимся подвалом.

Джеральда подташнивало, голова у него слегка кружилась. У него в мыслях застряло нечто такое, от чего тошнота и головокружение постоянно усиливались — только как раз сейчас у него не было сил вспомнить, отчего ему так тревожно. Главное было нащупать правильные слова и заговорить этого новоявленного делового человека из Сити, чтобы тот не начал беспокоиться и вопить во всю глотку — одним словом, продержаться до того момента, когда распрямится пружина, колдовство исчерпается, и все вернется на свои места. Но он напрасно шарил у себя в голове в поисках нужных слов. Подходящих слов не было — но они и не понадобились. Из глубокой тьмы к нему воззвал голос. То был голос не Того-Кто-

Прежде-Был-Джимми, а самого Джимми — братишки, который имел глупость пожелать себе богатства и превратился из маленького и небогатого мальчика в богатого старика. Голос звал Джеральда.

— Джерри! Джерри, послушай! Ты не спишь? Знаешь, что мне приснилось?

На миг воцарилось молчание.

Джеральд сел и нащупал посреди крошечной тьмы, тишины и несвежего запаха залежавшейся земли ручонку брата.

— Все в порядке, старина Джимми,— сказал он.— Это не сон. Это снова то проклятое кольцо. Это я пожелал, чтобы мы оказались здесь — иначе я бы вовсе не смог утащить тебя из твоего «сна».

— Ты пожелал, чтобы мы оказались здесь... А это где? — тихо спросил Джимми, хватаясь за протянутую ему руку, «словно дитя», как он сам бы выразился, будь в тот момент не так темно.

— Внутри коридора, что позади статуи Флоры,— пояснил Джеральд, поспешно добавив: — Все в порядке! Не бойся, это вовсе не страшно!

— Не страшно! — фыркнул в темноте Джимми. Но как бы он ни злился на то, что его посчитали трусом, руку брата он выпускать не собирался.— Не страшно! А как мы отсюда выберемся?

Вот тут-то Джеральд и вспомнил ту неясную мысль, которая все время беспокоила его и из-за которой его подташнивало сильнее, чем от воспоминания о стремительном пере-

лете из Лондона в Ядлинг-Тауэрс. Тем не менее, он решительно произнес:

— Я желаю, чтобы мы оказались в каком-нибудь другом месте.

Но ведь он знал, что кольцо не отменяет исполненные желания.

Конечно же, у него ничего не вышло.

Джеральд еще раз произнес желание. Подождал. Снял кольцо и аккуратно вложил его в руку Джимми. Джимми слово в слово повторил желание Джеральда.

Но они по-прежнему оставались там, где были — в темном коридоре позади Храма Флоры. В коридоре, который вел (во всяком случае, одного Головастика он привел) в таинственную «хорошую гостиницу». Каменная дверь позади них была наглухо закрыта. Они даже не смогли бы отыскать ее в темноте.

— Если бы у меня хотя бы были спички! — пробормотал Джеральд.

— Зачем ты не оставил меня там, во сне? — захныкал Джимми. — Я только собирался поесть лососины.

— Мне тоже должны были принести отбивную с жареной картошкой! — сумрачно отозвался Джеральд.

Молчание, тьма, запах сырой земли.

— Я всегда думал, каково это быть погребенным заживо? — спокойно, почти безжизненно произнес Джимми. — Теперь-то я знаю. Нет! — завопил он внезапно. — Нет и нет! Неправда, этого не может быть! Это сон, Джеральд, скажи, что это сон!

Тишина. Нужно было медленно досчитать до десяти, а затем...

— Конечно,— ласково сказал Джеральд, напроочь отметаая тьму, тишину и запах плесени.— Конечно, Джимми, это всего лишь сон. Будем сохранять спокойствие и иногда звать на помощь — просто так, раз уж такой сон приснился! Но на самом деле это всего-навсего сон, уж поверь мне.

— Я верю,— прошептал Джимми, и тьма, тишина и запах затхлой земли сомкнулись над ними.

Глава девятая

Занавес — тонкий, как шелк, прозрачный, словно стекло, и прочный, как железо, занавес отделяет волшебный мир от того мира, который мы считаем нашим. Но когда людям в руки попадает нечто, способное найти «слабое место» в этом занавесе — будь то колдовской перстень или амулет,— тогда может произойти все, что угодно. А потому нет ничего удивительного в том, что Мейбл и Кэтлин, заботливо поившие своих кукол чаем (такого скучного кукольного чаепития у них в жизни еще не было), внезапно почувствовали столь сильное желание вернуться в Храм Флоры, что и чашки, из которых куклы пили чай, остались невымытыми, и даже печенье было брошено недоеденным. Вопреки собственному разуму и даже как бы вопреки собственной воле они поспешили в Храм Флоры, куда призывала их магия волшебного мира.

И чем ближе подходили они к мраморному храму, залитому золотом солнечных лучей, тем сильнее крепла в них уверенность, что иначе они поступить не могли.

Вот так и вышло, что едва Джеральд и Джимми, сидевшие рука об руку в угольно-черном коридоре, испустили первый крик о помощи (просто так, чтобы позабавиться, как вы помните), как кто-то ответил им снаружи.

В той части коридора, где они меньше всего рассчитывали обнаружить дверь, появилась щель, в которую хлынул солнечный свет. Каменная заслонка медленно повернулась, и они прошли сквозь открывшийся проем в Храм Флоры, беспрестанно мигая и щурясь от солнечного света, чтобы тут же стать беспомощными жертвами слезливых объятий Кэтлин и жадных расспросов Мейбл.

— Так, значит, ты оставил Головастика на воле, в Лондоне,— нахмурилась Мейбл.— Ты ведь мог бы пожелать, чтобы он тоже отправился с вами.

— Пусть уж лучше остается там,— буркнул Джеральд.— Тогда я просто ни о чем не успел подумать. И вообще, спасибо большое! Очень он нам был бы здесь нужен. Пойдем наконец домой, и запечатаем это треклятое кольцо в конверт.

— До меня еще очередь с кольцом не дошла,— напомнила ему Кэтлин.

— Вряд ли тебе захочется иметь с ним дело после того, как оно на твоих глазах выкидывало такие штуки,— возразил Джеральд.

— У меня оно не будет выкидывать никаких штук. Я пожелаю что-нибудь хорошее,— настаивала Кэтлин.

— Послушайте! — вмешалась Мейбл. — Давайте положим его обратно в сокровищницу и раз и навсегда покончим со всем этим. Мне вообще не следовало выносить его оттуда. Это же почти воровство. Честное слово, это так же скверно, как и то, что Лиз «позаимствовала» кольцо, чтобы ошарашить своего дружка.

— Если ты так хочешь, я согласен положить его на место,— сказал Джеральд. — Но если кому-нибудь из нас придет в голову по-настоящему разумное желание, ты ведь разрешишь нам воспользоваться им?

— Конечно, конечно,— ответила Мейбл.

И они зашагали к замку, а там Мейбл снова привела в движение потайную пружину, которая открывала скрытые в стенах полки, и их взору снова предстали сверкающие драгоценности. Наконец кольцо легло на свое место посреди странных, тускловатых вещей, которые Мейбл в разгар игры назвала волшебными.

— Каким безобидным оно кажется, когда лежит на полке! — пробормотал Джеральд. — Даже и не подумаешь, что в нем есть что-то волшебное. Просто старое, никому не нужное кольцо. Интересно, а правда ли все то, что Мейбл говорила о других вещах? Надо попробовать!

— Нет! — в ужасе воскликнула Кэтлин. — Все эти колдовские штучки — самая настоящая гадость. Они только заведут нас в новую беду!

— Я бы с удовольствием попробовала,— мечтательно отозвалась Мейбл,— да в тот раз со мной такое случилось, что я совершенно позабыла, что я про что говорила.

Другие тоже все перепутали. Именно поэтому, хотя Джеральд и утверждал, что медную пряжку надо прицепить к ботинку, после чего зашагаешь, как в семимильных сапогах, у него ничего не вышло; а Джимми, который еще не вполне избавился от ухваток делового человека из Сити и выбрал себе металлический воротник, у обладателя которого не должны были переводиться деньги в карманах, тоже потерпел неудачу (сколько он не украшал свою шею этим амулетом, в карманах у него по-прежнему оставалось пусто). И какие бы расчудесные свойства девочки не изобретали для прочих колец, цепочек и брошек, ничего волшебного с ними не происходило.

— Значит, волшебное у нас только кольцо,— заключила Мейбл.— Ой! — тут же вскрикнула она, и в голосе ее вновь прозвучало нетерпеливое любопытство.

— Что такое?

— А что если и кольцо не волшебное?

— Но мы ведь знаем, что оно волшебное.

— Я этого не знаю,— отрезала Мейбл.— Я лично полагаю, что сегодня — вообще не сегодня. Сегодня — это вчера... то есть позавчера, и все наши приключения нам просто приснились. Сегодня и есть тот самый день, когда я выдумала, что это кольцо волшебное.

— Ничего подобного! — остановил ее Джеральд,— Тогда на тебе было платье принцессы.

— Какое еще платье принцессы? — удивилась Мейбл, широко раскрыв свои темно-серые глаза.

— Кончай ломаться! — устало попросил Джеральд.

— Я не ломаюсь, — проворчала Мейбл. — По-моему, вам уже пора уходить. Джимми, наверное, проголодался.

— Еще бы! — подтвердил Джимми. — Но все-таки в тот раз ты была одета как Принцесса. Так что положи кольцо на место, задвинь ставни — и пошли отсюда.

— О каком кольце ты говоришь? — спросила Мейбл.

— Не обращайтесь на нее внимания, — посоветовал Джеральд. — Она просто забавляется.

— Ничего подобного! — воскликнула Мейбл. — Я... я одержима вдохновением, точь-в-точь как тот питон и — ой, как же звали ту леди? — ага, Сибиллина! О каком кольце вы говорите?

— О кольце желаний, — уступила ей Кэтлин. — О кольце, которое делает тебя невидимкой.

— Да неужели ты не понимаешь, — упивалась Мейбл, и глаза ее сверкали все ярче, — что кольцо становится тем, чем ты его назовешь. Поэтому оно и сделало нас невидимками — просто потому, что я так сказала. Нет-нет, мы не должны оставлять его здесь. Это не будет воровством — просто оно слишком ценное, чтобы оставлять его без присмотра. Вот скажи — что это за кольцо?

— Кольцо желаний! — повторил Джимми.

— Это уже было — ты уже загадал свое идиотское желание, — все больше возбуждалась Мейбл. — А теперь это вовсе не кольцо желаний. Это кольцо сделает того, кто его наденет, великаном в двенадцать футов росту!

Произнеся эти слова, она подхватила кольцо и надела его на палец. Не успели дети и глазом моргнуть, как кольцо вознеслось на недостижимую высоту, унося вместе с собой руку Мейбл — немыслимой Мейбл ростом в двенадцать футов.

— Ну и угораздило же тебя! — сказал Джеральд, и он был прав. Понапрасну Мейбл теперь уверяла, что это кольцо — всего-навсего кольцо желаний. Оно уже не было кольцом желаний. Оно было именно тем, чем она его назвала.

— А мы даже не знаем, сколько продлится это волшебство, — упрекнул ее Джеральд. — Вспомни, как было с невидимостью.

— Это может продлиться несколько дней, — вздохнула Кэтлин. — Ах, Мейбл, Мейбл, это и вправду было глупо с твоей стороны.

— Давай, давай, сыпь соль на раны! — пригорюнилась Мейбл. — Нет бы вам поверить мне, когда я сказала, что это за кольцо. Тогда мне не пришлось бы это доказывать, и я не была бы теперь такого несуразного роста. Хотела бы я знать, что же мне теперь делать?

— Надо спрятать тебя, пока ты снова не станешь нормальной, — ответил ко всему уже привычный Джеральд.

— Где же вы меня спрячете? — расхныкалась Мейбл, топая полуметровым башмачком.

— В какой-нибудь пустой комнате. Не боишься?

— Ничего я не побоюсь,— вздохнула Мейбл.— Да только зря мы в тот самый первый день не положили кольцо на место.

— Это вовсе не мы, кто не положил,— проворчал Джимми (предпочитая скорее пренебречь грамматикой, чем истиной).

— Я сейчас же положу его на место,— заявила Мейбл, стягивая кольцо с руки.

— На твоём месте я бы не стал этого делать,— задумчиво отозвался Джеральд.— Ты ведь не хочешь навсегда остаться такой верзилой? А если у тебя не будет кольца в тот момент, когда наступит магический час, может быть, ты и не расколдуешься.

Испуганно взмахнув рукой, Мейбл задела

секретную пружину. Деревянные панели, скрывавшие сокровища, медленно заскользили в пазах, и через полминуты все драгоценности исчезли. Они снова очутились в восьмиугольной, пустоватой, залитой солнечным светом и ничем не примечательной комнате.

— Так,— сказала Мейбл.— Где же теперь мне прятаться? Хорошо еще, что тетя разрешила мне сегодня переночевать у вас. Только пусть кто-нибудь останется со мной на ночь. Я не хочу оставаться одна, хоть я теперь и высоченная.

Вот именно, высоченная. Мейбл сказала «высотой в двенадцать футов», и именно двенадцать футов роста в ней теперь и было. Однако при этом она не потолстела ни на дюйм по сравнению с той порой, когда в ней было всего четыре с половиной фута. Ввиду этого обстоятельства она теперь больше всего на свете походила (так, во всяком случае, утверждал Джеральд) «на здорового червяка». Одежда выросла вместе с ней, и оттого Мейбл выглядела точь-в-точь как отражение в тех забавных вытянутых зеркалах, в которых тучные люди кажутся себе (к их великой радости) грациозными, а вот худые выходят совсем заморышами. Внезапно Мейбл уселась на пол и уткнулась головой себе в коленки — ни дать ни взять складной метр, вроде того, какой носят с собой подрядчики.

— Что толку сидеть здесь? — потормошил ее Джеральд.

— Я вовсе не сижу,— парировала Мейбл,— а складываюсь, чтобы пролезть в дверь. Похо-

же, мне теперь придется передвигаться на четвереньках.

— Ты не проголодалась? — внезапно встретился Джимми.

— Откуда я знаю, — безутешно вздохнула Мейбл. — Мой желудок теперь так далеко!

— Я пошел на разведку, — объявил Джеральд. — Если на горизонте чисто, то...

— Послушай! — окликнула его Мейбл. — Я бы предпочла до вечера побыть на улице.

— Как же можно? Тебя непременно кто-нибудь заметит.

— Я заберусь в заросли тиса, — возразила Мейбл. — Здесь есть целая тисовая роща, а внутри нее — длинная аллея, где деревья сходятся сводом. Точно такая была в «Фортуна Вейлсов».

— Чего?

— «Фортуна Вейлсов» — это такая отличная книжка! Это из-за нее я начала искать всякие потайные дверцы и все такое прочее. Так вот, если я поползу на брюхе, словно удав, мы сможем пробраться через кусты рододендрона мимо каменного динозавра и разбить там лагерь.

— А как же чай? — спохватился Джеральд, который сегодня не обедал.

— Вот именно! — подхватил Джимми, так и не успевший распробовать лососину.

— Но вы же меня не бросите! — завопила Мейбл. — Вот что, я напишу тете записку. Она выдаст вам провиант для пикника — если только она дома и не спит. А если ее нет, обратитесь к горничной.

И на листочке, вырванном из бесценного блокнота Джеральда, она нацарапала:

«Дорогая тетя,

Пожалуйста, можно нам взять кое-что для пикника? Джеральд может все захватить с собой. Я бы и сама пришла, но я что-то устала. Наверное, слишком быстро расту. Твоя любящая племянница Мейбл.

Постскриптум:

Пожалуйста, побольше всего, а то среди нас есть голодающие.»

Хотя и с трудом, но все же Мейбл ухитрилась проползти по туннелю. Ползла она осторожно, медленно, так что все трое едва успели забраться в чашу и обругать Джеральда, который где-то слишком долго болтался, как появился сам Джеральд, кряхтя под тяжестью плотно набитой и закрытой крышкой корзины. Он опустил корзину на зеленое покрывало травы, еще чуть-чуть покряхтел, и признал, что дело того стоило.

— А где же Мейбл? — поинтересовался он.

В ту же минуту кусты рододендрона раздвинулись и показалось лицо Мейбл — бледное и очень вытянувшееся.

— По моему лицу ни о чем не догадаешься, верно? — обеспокоенно спросила она. — А все остальное где-то там, далеко, под совсем другим кустом.

— Мы присыпали те кусочки тебя, которые выступали из кустов, листьями и веточками, — заверила ее Кэтлин. — Ты только не извивайся так, Мейбл, иначе стряхнешь всю маскировку.

Тем временем Джимми вплотную занялся корзиной. Тетя собрала им щедрый полдник: среди всего прочего наличествовали завернутый в капустный лист кусок масла, бутылка молока, бутылка воды, пирог, а также крупные, желтые и прохладные ягоды крыжовника, уложенные в большую банку из-под какого-то несравненного средства для ухода за несравненными усами и бакенбардами. Руки Мейбл потихоньку выползли из-за кустов рододендрона, а голова приподнялась, подпираемая тонким, но длинным локтем; пока Джеральд нарезал хлеб, намазывая ломтики маслом, Кэтлин, по просьбе Мейбл, еще раз сбегала посмотреть, не лишились ли маскировки какие-нибудь отдаленные части тела новоявленной великанши. Наступило счастливое, исполненное животного урчания молчание, прерываемое лишь краткими, словно в операционной, репликами:

- Еще пирога!
- Передайте молоко!
- Крыжовник!

Все понемногу успокоились и вполне примирились с судьбой. Блаженная усталость охватила четверых детей. Даже злосчастная Мейбл почувствовала, как обмякли ее натруженные стопы, покоившиеся где-то там, за третьим к северо-западу от головы кустом рододендрона. Джеральд в одной фразе выразил чувства всех, сказав с удовольствием, но не без сожаления:

— Ох, кажется, я не смог бы съесть еще одну ягодку, даже если бы мне за это заплатили.

— А я бы смогла,— заявила Мейбл.— Нет, конечно, я знаю, что мы все съели поровну и что моя порция была не хуже остальных. И все-таки, я бы еще съела. Наверное, это оттого, что я такая большая.

Это было прекрасно — лето, теплое солнышко, блаженный отдых на сытое брюхо. Недалеко от них просвечивал сквозь кусты грязновато-серо-зеленый камень — огромная статуя динозавра. Даже ящер казался спокойным и умиротворенным. Сквозь просвет в листве Джеральд поймал взгляд его каменных глаз. Похоже, динозавр смотрел на них с одобрением и сочувствием.

— В свое время он, небось, тоже любил покушать,— развалившись, пробормотал Джеральд.

— Ты о ком?

— Об этом — как его? — «какомтозавре», — пояснил Джеральд.

— Сегодня он тоже наелся до отвала,— захихикала Кэтлин.

— Это уж точно! — в свою очередь рассмеялась Мейбл.

— Не хохочи так! — встревожилась Кэт.— Того и гляди, с тебя вся листва осыпется.

— Что это вы говорили насчет завтрака этого динно-завра? — прицепился Джимми.— Чего это вы так хохочете?

— Он пообедал. Набил себе брюхо! — заливалась смехом Кэтлин.

— Ну и хихикайте на здоровье,— тут же обозлился Джимми.— Нам и знать не интересно — правда, Джерри?

— Нет, я хочу знать,— лениво отозвался Джеральд.— Я прямо-таки лопаюсь от любопытства. Когда вы кончите притворяться, буд-то не хотите рассказывать, разбудите меня, милые девочки!

Он надвинул себе на глаза шляпу и откинулся, словно и вправду собирался соснуть.

— Не притворяйся! — поспешно заговорила Кэтлин.— Сейчас все расскажу. Мы с Мейбл напихали ему в живот (через дырку там, внизу) все эти вещи, из которых мы сделали Чучела.

— Значит, можно прихватить их с собой, когда пойдем домой,— соображал Джеральд, жуя сорванную травинку.

— Ух ты! — Внезапно Кэт обернулась к Мейбл.— По-моему, меня осенила прекрасная идея. Дай-ка мне ненадолго кольцо. Я не стану тебе рассказывать, какая идея меня осенила, а то вдруг не получится, и все будут надо мной смеяться. Я отдам тебе кольцо прежде, чем мы уйдем.

— Но вы ведь еще не уходите! — взмолилась Мейбл.— Конечно же, я дам тебе кольцо,— поспешно продолжала она.— Я буду только рада, если ты попробуешь какую-нибудь штуку, пусть даже самую дурацкую.

Идея, осенившая Кэтлин, была не только хороша, но и проста. Наверное, кольцо и вправду изменяет свои чары, если кто-нибудь дает ему новое название — кто-нибудь из тех, кто сам в эту минуту не зачарован им. Поэтому как только кольцо соскользнуло с бледной, длинной ладони Мейбл во влажную, теп-

лую и розовую ладошку Кэтлин, она вскочила на ноги и с криком «Пошли скорее, почистим брюхо динно-завру!» побежала впереди всех к каменному доисторическому чудовищу. Она так далеко оторвалась от остальных, потому что хотела сказать свое желание вслух, но так, чтобы другие не слышали.

— Это кольцо желаний. Оно выполнит любое желание, какое ты ни задумаешь.— Когда Кэтлин произнесла эти слова, ее слышали только птицы да пара белок плюс каменный фавн, повернувший к ней свою ухмыляющуюся физиономию в тот момент, когда она пробегала мимо.

Бежать пришлось в горку, день был жаркий, а Кэтлин очень торопилась — и все же братьям удалось нагнать ее еще прежде, чем она вошла в большую черную тень чудовища. Когда же она добралась до огромного каменного брюха, ей было уже так жарко, что она не могла придумать хоть сколько-нибудь разумное желание.

— Я поднимусь и достану оттуда вещи. Я помню, где их сложила,— крикнула она братьям.

Джеральд подставил спину, Джимми помог ей вскарабкаться наверх, и она пролезла сквозь круглое отверстие в темное нутро чудовища. Вскоре из отверстия на мальчиков обрушился град жилеток, брюк с нелепо развешивающимися штанинами, плащей, вольготно размахивающих пустыми — слава Богу! — рукавами.

— Берегите голову! — крикнула Кэт, и из недр динозавра посыпались трости, клюшки,

зонтики и ручки от метел, грохотавшие и подпрыгивавшие, когда им случалось сталкиваться друг с другом.

— Давай, давай! — поощрил ее Джимми.

— Погоди минутку, — попросил Джеральд. — Я поднимусь к тебе. Он ухватился за края отверстия и подпрыгнул. Едва он успел протиснуть в большую дыру колени и плечи, как над ним раздались шаги Кэтлин, разгуливавшей в чреве динозавра, и послышался ее ясный голосок:

— Как тут приятно и прохладно! Наверно, статуям не бывает жарко. Как бы я сейчас хотела быть статуей!

Затем раздался короткий вскрик, в котором смешались ужас и мука. Крик оборвался молчанием — каменным молчанием.

— Что случилось? — спросил Джеральд. Но он уже знал, что случилось. Он поспешно пролез в каменную пещеру. В тесное отверстие проникало достаточно света, чтобы разглядеть какую-то белую фигурку, прислонившуюся к серому камню. Все еще стоя на коленях, Джеральд нащупал в кармане спички, и когда яркая вспышка превратилась в устойчивое пламя, поднял голову и увидел то, что и должен был увидеть — застывшее, белое, каменное, безжизненное личико Кэт. Волосы ее тоже стали белыми. Руки, одежда и башмаки сияли безразличной, неживой белизной мрамора. Желание Кэтлин исполнилось: она стала статуей. На миг — очень долгий миг! — внутри динозавра воцарилось полное молчание. Джеральд словно лишился дара речи —

слишком внезапно, слишком страшно все произошло. То, что случилось с Кэтлин, показалось ему хуже всего того, что было с ними до сих пор. Очнувшись наконец от транса, он высунул голову из немого каменного мира в залитый солнечным светом зеленый простор и обратился к Джимми.

— Джимми,— сказал он размеренно, спокойно и обыденно,— Кэтлин решила, что это кольцо исполняет желания. Она заказала желание, и оно исполнилось. Теперь я понимаю, зачем она удрала от нас. И надо же, эта идиотка не нашла ничего лучше, как пожелать превратиться в статую.

— И что, превратилась? — спросил снизу Джимми.

— Поднимись и посмотри сам.— И Джимми, отчасти карабкаясь сам, отчасти с помощью Джеральда, забрался внутрь динозавра.

— Действительно, статуя,— молвил он с изумлением и страхом.— Какой ужас!

— Никакого ужаса! — отрезал Джеральд.— Пошли! Надо все рассказать Мейбл.

Они вернулись к Мейбл, из всех сил старавшейся лежать без движения, чтобы не потревожить траву и кусты, скрывавшие ее немыслимый рост. Они враз объявили ей новости, словно откупорили бутылку новогодне-го шампанского.

— Ой-ей-ей! — завопила Мейбл и принялась извиваться так, что покрывавшие ее листья и хворост в один миг рассыпались, так что она почувствовала, как солнце пригревает ей ноги.— Ой-ей-ей! Как же теперь быть?

— С ней все обойдется,— попытался успокоить ее и себя Джеральд.

— Конечно, а как же я? — не унималась Мейбл.— Кольца-то у меня теперь нет. А мое время кончится раньше, чем ее. Неужели вы не можете принести мне кольцо? Вы должны снять его у нее с пальца. Как только я стану нормального роста, я тут же надену кольцо ей на палец — вот честное слово!

— Нечего булькать,— заворчал Джимми (всхлипывания заменяли Мейбл в этом монологе запятые и точки).— С тобой-то ничего страшного не произошло.

— Ты не знаешь, ты просто не представляешь, каково быть такого вот роста! — жаловалась Мейбл.— Ну, пожалуйста, постарайтесь добыть мне кольцо. В конце концов, это мое кольцо — больше мое, чем кого-нибудь из вас, потому что это я нашла его и я сказала, что оно волшебное.

Джеральд не мог остаться равнодушным, когда зывали к справедливости и закону.

— Боюсь, что кольцо превратилось в камень,— заметил он.— Во всяком случае, обувь у нее стала каменной и вся одежда тоже. Но я пойду, посмотрю. Может быть, что-нибудь и получится... Ну, а если это невозможно — значит, невозможно, и нечего понапрасну разводить панику.

Забравшись внутрь динозавра и снова чиркнув спичкой, Джеральд разглядел темный ободок кольца на белой руке статуи Кэтлин.

Пальцы ее были вытянуты вперед. Джеральд ухватился за кольцо. Неожиданно для

него оно легко соскользнуло с холодного и гладкого мраморного пальца.

— Извини, старушка! — ласково сказал он, пожимая каменные пальцы. Тут ему пришло в голову, что Кэтлин, пожалуй, может его слышать. Поэтому он рассказал статуе, что собирается теперь делать, — рассказал во всех подробностях, так что, когда, похлопав мраморную сестренку по плечу, он вернулся в заросли рододендронов, он смог уже отдавать приказы с решимостью прирожденного вождя (так он назвался в этот раз). И поскольку другим пока еще не удалось сочинить никакого плана, то они приняли план Джеральда (попробовали бы они не согласиться с идеями прирожденного вождя!).

— Держи свое ненаглядное колечко, — сунул он талисман Мейбл. — Теперь ты уже ничего не будешь бояться, верно?

— Ага, — с удивлением подтвердила Мейбл. — Я уже и забыла, чего я боялась. Послушай-ка, я могу остаться здесь или забраться подальше в лес, только вы укройте меня всеми этими плащами, чтобы я ночью не замерзла. И тогда я буду дежурить на случай, если Кэтлин вдруг перестанет быть статуей.

— Вот именно, — подтвердил Джеральд. — Таков и был план прирожденного вождя.

— А вы оба отправляйтесь домой и скажите мадемуазель, что Кэтлин осталась на ночь в Ядлинг-Тауэрсе. Тут уж никакого вранья нет.

— Никакого вранья! — усмехнулся Джимми.

— Колдовство действует семь часов или несколько раз по семь часов, — напомнил Дже-

рпльд.— Ты была невидимкой двадцать один час, я — четырнадцать, Лиз — семь. Когда оно стало кольцом желаний, оно начало с семи, но сколько часов оно будет работать сейчас, совершенно непонятно. Так что еще неизвестно, кто из вас придет в норму раньше. Во всяком случае, после того как мы пожелаем мадемуазель спокойной ночи, мы вылезем в окно и проберемся сюда, чтобы еще разок на вас взглянуть. По-моему, тебе лучше устроиться поблизости от динно-завра, а мы укроем тебя плащами.

Мейбл переползла под прикрытие высоких деревьев и там поднялась на ноги. Она была высокая, словно тополь, и нелепая, как неправильный ответ, выданный после того, как лучший ученик сорок минут ломал себе голову над зануднейшим уравнением. Усевшись на корточки возле динозавра, она без труда просунула слишком длинное, но по-прежнему худое лицо в расщелину, чтобы посмотреть на белую фигурку Кэт.

— Все будет в порядке, милочка! — заверила она каменную статую.— Я буду совсем близко. Если ты почувствуешь, что оживаешь, сразу позови меня.

Статуя стояла неподвижно, как обычно это делают статуи, и Мейбл, выдернув голову из брюха ящера, улеглась на землю, а мальчики укрыли ее плащами и пожелали спокойной ночи. После этого они ушли домой. Другого выхода не было. Нельзя же было допустить, чтобы мадемуазель встревожилась и послала полицию разыскивать их. Было совершенно

ясно, что любой констебль свихнется, как только обнаружит всеми разыскиваемую Кэт в желудке динозавра, да еще в виде статуи; что же касается мадемуазель, то она, будучи француженкой, заведомо легко расстраивается, а потому может совершенно потерять контроль над собой. Мейбл же...

— Если кто-нибудь встретит ее в ее теперешнем виде, то тут же сбрендит,— рассуждал Джеральд.— Это только мы можем все выдержать.

— Мы же не взрослые,— отозвался Джимми.— И потом, мы уже вроде как привыкли к таким штучкам. Нас теперь так легко не пронять.

— Бедная Кэтти! — вздохнул Джеральд.

— Ну, конечно, бедная,— не совсем искренне согласился Джимми.

Солнце скрылось за черными верхушками деревьев, и ему на смену медленно выплыла луна. Мейбл, укрыв свое немислимо длинное тело множеством плащей, жилеток и шерстяных брюк, заснула, убаюканная мягкой прохладой сумерек. Внутри динозавра спала Кэтлин — живая девочка внутри мраморной статуи. Она слышала слова Джеральда и видела, как он зажигал спичку. В своей мраморной оболочке она оставалась прежней Кэтлин, но камень не позволял ей ни пошевелиться, ни кричать. Правда, кричать ей и не хотелось — мрамор, облепивший ее, вовсе не казался ей холодным и жестким. Камень был пронизан теплом, уютом и надежностью — спина не уставала, а вытянутые вперед неподвижные руки

не сгибались. Словом, все было хорошо — лучше не бывает. Нужно было просто спокойно и тихо ждать того момента, когда она выйдет из каменного панциря, чтобы вновь стать той Кэтлин, которой она всегда была. Вот она и ждала — спокойно и тихо, а потом и ожиданию наступил конец, и все растворилось в призрачной дымке. В уютной замкнутости мрамора Кэтлин заснула мирно и сладко, словно в своей постели.

Проснувшись она словно от толчка, осознав, что вовсе не лежит в своей кроватке, и даже вообще не лежит, а стоит, и что по ее затекшим ногам уже бегут мурашки. Руки ее, застывшие в жесте ужаса и изумления, тоже почувствовали усталость от неудобного положения. Она протерла глаза, зевнула и тут же все припомнила. Она была мраморной статуей, заключенной в брюхе каменного динозавра.

— Теперь я снова ожила, — подумала она. — Теперь я могу выйти отсюда.

Она села и свесила ноги в отверстие, призрачно сиявшее серым светом, но в ту же секунду медленный, плавный рывок швырнул ее куда-то вбок, на каменную стенку. Динозавр тронулся с места.

— Ох! — вздохнула Кэтлин. — Какой ужас! Должно быть, уже взошла луна, и это чудовище ожило — точь-в-точь как рассказывал Джеральд.

Динозавр двигался медленно. Сквозь отверстие в его брюхе Кэтлин различала бегущую мимо поверхность травы, ветки, мох,

разлетавшиеся от его тяжелой поступи. Пока он бежал, она не решалась спрыгнуть — ведь она могла попасть под огромные неуклюжие стопы чудовища. Затем другая мысль встревожила ее: «Где сейчас прячется Мейбл? Что если огромная стопа заденет какую-нибудь часть опасно вытянувшейся великанши? При том росте, которого достигла Мейбл за вечер, трудно не наступить на нее, если она вдруг окажется на пути — ее даже обойти невозможно. А динно-завр вряд ли будет очень стараться не наступить на нее. С чего бы ему проявлять такую осторожность?» И Кэтлин все с большой тревогой смотрела сквозь круглое отверстие под ноги динозавру. Огромный ящер раскачивался из стороны в сторону. Он бежал все быстрее и быстрее, и Кэтлин по-прежнему не решалась прыгать на ходу. Во всяком случае, они должны были уже отбежать достаточно далеко от того места, где оставалась Мейбл. Быстрее, все быстрее мчалось чудовище. Пол под ногами Кэтлин накренился, и она не сразу догадалась, что динозавр бежит под горку. Он продирался сквозь рощу вечнозеленых дубов — ветви вокруг трещали и разлетались в стороны, гравий с хрустом вжимался в землю. Затем каменная лапа ударила по каменному покрытию. Одно мгновение тишины — и Кэтлин услышала плеск воды. Они подошли уже вплотную к тому бассейну, где при свете луны купались динозавр и каменный Янус, а Гермес летал над ними, забавляясь и дразня своих товарищей. Кэтлин одним толчком вывалилась из

нутра динозавра, откатилась в сторону по скользкому мрамору, окольцевавшему бассейн, и, задышавшись, поднялась на ноги, прислонившись к чьему-то пьедесталу. Очень даже вовремя — она еще катилась по мраморному берегу, а чудовищная ящерица уже тяжело и неуклюже соскользнула в воду. Огромная волна накрыла белый ковер кувшинок, и динозавр, отфыркиваясь, поплыл к центральному острову.

— Осторожнее, моя прекрасная леди, я прыгаю! — раздался голос с высоты пьедестала,

и в ту же секунду прекрасный Феб соскочил с пьедестала, установленного в его маленьком храме, лихо заскользил по ступенькам и приземлился в каком-нибудь метре от нее.

— Ты новенькая,— произнес Феб, обернув к ней голову через точеное плечо.— Если бы мы хоть раз встречались, я бы тебя вспомнил.

— Да,— подтвердила Кэт.— Я совсем, совсем новенькая. А я и не знала, что вы умеете разговаривать.

— Почему бы и нет? — улыбнулся мраморный бог.— Ты же разговариваешь.

— Но я-то живая.

— А я нет? — удивился он.

— Конечно, да,— подтвердила Кэтлин, чуть удивленная, но вовсе не испуганная.— Только я думала, что сперва нужно надеть кольцо, и только потом можно увидеть, кто как двигается.

Феб понял ее — вот молодец! — хотя она, надо признаться, выражалась довольно туманно.

— Ну, это только для смертных,— проворчал он.— Мы-то можем спокойно видеть и слышать друг друга в те часы, когда жизнь принадлежит нам. Это часть чудесного волшебства.

— Но ведь я, как вы говорите, смертная.

— Вы столь же скромны, сколь и прекрасны,— небрежно отозвался Феб, он же Аполлон.— Белые волны зовут меня! Я иду! — И круги текучего серебра разошлись по озеру, снова и снова расходясь от проворных рук солнечного бога, умело рассекавшего гладь озера.

Кэтлин повернулась и пошла наверх, к зарослям рододендрона. Нужно было найти Мейбл и поскорее вернуться. Хорошо бы Мейбл была уже такого роста, чтобы с ней можно было показаться на глаза людям. Может быть, в этот колдовской час свершилось и ее превращение. Эта мысль ободрила Кэтлин, и она поспешила вперед. Она миновала заросли рододендрона, припомнила, как выглядывало здесь из-за гладких листьев размалеванное картонное лицо, и уже совсем собралась испугаться, но почему-то так и не испугалась. Мейбл она нашла без труда — ей бы не удалось так легко найти ее, если бы к ней уже вернулся обычный рост. Еще издали при свете луны она разглядела вытянувшуюся, словно огромный червяк, фигуру в двенадцать футов длиной. Мейбл спала, укрывшись плащами, брюками и жилетками. Больше всего она сейчас напоминала водопроводную трубу, которую в лютый холод укутывают разным тряпьем. Кэтлин ласково коснулась щеки Мейбл, и та проснулась.

— Что такое? — сонно пробормотала она.

— Это я, — ответила Кэт.

— Ой, какие у тебя холодные руки! — удивилась Мейбл.

— Просыпайся! — попросила Кэтлин. — Надо обсудить наше положение.

— Не могли бы мы вернуться домой? Я так устала, и вообще, нам давно уже пора выпить чаю, — пожаловалась Мейбл.

— Ты слишком длинная, тебе нельзя идти домой, — вздохнула Кэтлин, и тут Мейбл все вспомнила.

Она еще немного полежала, не открывая глаз, а потом вдруг беспокойно зашевелилась и вскрикнула:

— Ой! Кэтти! Что это такое со мной происходит? Я вроде игрушечной змейки, когда ее сворачивают, чтобы спрятать в коробку. Я — ой, я!..

Кэтлин, глядя на нее, не могла не признать, что это и в самом деле было похоже на то, как сворачивается, почти совсем исчезая в руках у детей, игрушечная змейка. Заблудившиеся где-то ноги Мейбл внезапно оказались прямо у нее перед носом, нелепые длинные руки враз укоротились, а длинное, казавшееся неимоверно изможденным лицо приобрело нормальные очертания.

— Ты уже в порядке, в полном порядке! Ой, как я рада! — вопила Кэтлин.

— Я знаю, что я в порядке, — пробурчала Мейбл, вновь ставшая самой собой — не только по внутренней сути, которая оставалась неизменной, но и с виду.

— Ты в порядке! Ура! Ура! Вот здорово! — весело твердила Кэтлин. — А теперь мы можем бежать домой!

— Домой? — повторила Мейбл, усаживаясь и глядя своими темными глазами на Кэтлин. — Домой? В таком виде?

— В каком виде? — почти рассердилась Кэтлин.

— Посмотри на себя! — велела Мейбл.

— А что я? — удивилась Кэтлин. — Почему ты не хочешь идти домой?

— Ты что, правда забыла? — спросила

Мейбл.— Посмотри на себя — на руки посмотри — посмотри на свое платье!

Кэтлин поднесла руки к лицу. Они были мраморно-белыми, как и ее платье, и обувь, и носочки, и даже — насколько она могла разглядеть — кончики волос. Она была белой как снег — только что выпавший, нетронутый снег.

— Что это такое? — с дрожью в голосе спросила она.— Почему... почему я вся такого ужасного цвета?

— Ты не помнишь? Кэт, неужели ты не помнишь? Ты ведь еще не стала самой собой. Ты — статуя!

— Как же так? Я ведь живая! Я же говорю с тобой.

— Конечно, ты говоришь со мной, лапочка, — сказала Мейбл, пытаясь утешить ее, словно больного ребенка.— Конечно, говоришь — но тут все дело в лунном свете.

— Но ты же видишь, что я живая.

— Я-то вижу — потому что у меня кольцо.

— Да я в полном порядке! Я чувствую, что я живая!

— Пойми же наконец, — мягко настаивала Мейбл, пожимая мраморную руку, — что ты еще не стала обычной Кэтлин. Ты — статуя. Просто сейчас светит луна, и ты ожила вместе с другими статуями. А потом луна зайдет, и ты снова застынешь. Вот в чем беда, Кэтти, и потому-то мы и не можем пойти домой. Ты пока еще статуя, просто ты ожила вместе с другими. А где динно-завр?

— Он купается, — ответила Кэт. — Там, вместе с остальными.

— Ну вот,— заключила Мейбл, вновь сумевшая отыскать хоть что-то хорошее в безнадежной почти ситуации.— Хоть это хорошо — и слава Богу!

Глава десятая

— Если я статуя,— продолжала Кэтлин, съездившись под плотным мраморным покровом,— если я просто-напросто ожившая статуя, почему же ты меня не боишься?

— Потому что у меня кольцо,— ответила Мейбл.— Веселей, Кэтти! Скоро и тебе будет лучше. Постарайся думать о чем-нибудь другом.

Она говорила так, как обычно говорят с малышом, порезавшим себе палец или поскользнувшимся на посыпанной гравием дорожке и вопящим над своей разбитой, облепленной мелкими камушками коленкой.

— Конечно,— с отсутствующим видом подтвердила Кэт.

— Вот о чем я подумала,— бойко заговорила Мейбл.— Мы могли бы много чего узнать об этом заколдованном месте, если другие статуи не загордятся и согласятся поговорить с нами.

— Они совсем не гордые,— заверила ее Кэтлин.— По крайней мере, Феб совсем не гордый. Он был со мной просто ужас до чего любезен!

— А где он? — поинтересовалась Мейбл.

— В озере — во всяком случае, только что был там,— ответила Кэтлин.

— Тогда пошли,— вскочила Мейбл.— Ой, Кэтти! Как здорово, что я уже не такая отвратительно тощая!— Она вскочила, энергично отряхнув с себя листья и ветки, которыми было замаскировано ее чересчур длинное тело, но мраморно-белая Кэт даже не пошевелилась.

Они сидели рядом на серой, лунной траве, накрытые тишиной ночи. Огромный парк был тих и неподвижен, словно старинная картина, только плеск фонтана да дальний свисток паровоза нарушали это молчание. Но от этого тишина казалась еще более тихой.

— Как дела, сестренка? — окликнул их серебряный голос. Они оглянулись, завертев головой, как испуганные птички. Перед ними, отряхивая в лунном свете влагу озера, стоял Феб — веселый, дружелюбный, изысканно-вежливый Феб.

— Ах, это вы! — обрадовалась Кэтлин.

— Кто же еще! — бодро откликнулся Феб.— А кто эта твоя подружка, это дитя земли?

— Это Мейбл,— сказал Кэт.

Мейбл поднялась, присела в реверансе, подумала с минутку и решительно протянула ему руку.

— Я ваш слуга, прекрасная леди,— произнес Феб, удерживая ее руки изящными мраморными пальцами.— Но я хотел бы знать, каким образом вам удастся нас видеть и почему вы нас не боитесь.

Мейбл вытянула левую руку, на которой тускло мерцало кольцо.

— Вполне удовлетворительное объяснение,— согласился Феб.— Но, раз вы обладаете

таким талисманом, зачем вы сохраняете ще-душный земной облик? Станьте статуей, и мы пойдем вместе купаться в озере.

— Я не умею плавать,— попыталась отговориться Мейбл.

— Я тоже,— добавила Кэтлин.

— Уж ты-то умеешь,— возразил Феб.— Все статуи становятся замечательными спортсменами, когда оживают. И ты, дитя с темными глазами и волосами, подобными ночи, пожелай превратиться в статую и присоединяйся к нашим забавам.

— Лучше не надо, вы уж меня извините,— замялась Мейбл.— Понимаете ли... Это кольцо... Стоит чего-нибудь пожелать, а потом не знаешь, как долго это продлится. Я бы ничего не имела против того, чтобы некоторое время побыть статуей — это даже здорово! — но утром-то мне уже расхочется быть статуей.

— Да, с землерожденными так часто бывает,— задумчиво произнес Феб.— Но ты, дитя, по-моему, не знаешь всех способностей своего кольца. Загадывай свое желание точно, и кольцо в точности исполнит его. Если ты не указываешь срок, начинают действовать колдовские козни изгнанного нами бога Аритмоса, правителя чисел, и они все портят. Ты должна сказать: «Я хочу до рассвета быть статуей из живого мрамора, как и моя подруга, а с рассветом я хочу снова стать Мейбл с темными глазами и волосами цвета ночи».

— Давай, давай, это будет так здорово! — вскричала Кэт.— Давай же, Мейбл! А если мы

обе станем статуями, нам не надо будет бояться динно-завра?

— В мире живых статуй нет места страху,— торжественно прозвучал голос Феба.— Мы же братья — мы и ящер,— братья, созданные из наделенного жизнью камня!

— А я смогу плавать, если стану статуей?

— Плавать, нырять, и праздновать ночное празднество вместе с богинями Олимпа, вкушать пищу богов, пить из их чаши, внимать бессмертному пению и ловить улыбку бессмертных уст!

— Празднество! — воскликнула Кэтлин.— Ой, Мейбл, давай же! Ты просто не представляешь, как я проголодалась!

— Это же будет не настоящая еда,— упрямилась Мейбл.

— Для тебя она будет такой же настоящей, как и для нас,— успокоил ее Феб.— Даже в твоём пестром мире реальность всегда реальна.

Мейбл все еще колебалась. Наконец, бросив быстрый взгляд на ножки Кэт, она решила:

— Ладно, я стану статуей. Только сперва я разуюсь и сниму носки. Мраморные башмаки выглядят просто ужасно — особенно шнурки. И мраморные носки тоже никуда не годятся, если они сползают — а мои всегда сползают!

Она стянула с себя башмачки, носки и заодно сняла передник.

— У Мейбл есть вкус к прекрасному,— одобрил ее Феб.— Произноси заклинание, дитя мое, и я представляю тебя олимпийским богиням!

Мейбл робко произнесла заклинание, и в следующее мгновение в лунном свете уже стояли две ожившие белые статуи. Феб подхватил их под руки.

— Побежали! — воскликнул он, и они пустились во всю прыть.

— Ой, как здорово! — еле дыша, бормотала Мейбл. — Ты только посмотри на мою ногу — какая она белая! Я думала, что быть статуей очень неловко, а на самом деле это совсем легко!

— Бессмертные не знают, что такое «неловко», — засмеялся солнечный бог. — А сегодня ты одна из нас!

И они помчались под горку — вниз, к озеру.

— Прыгайте! — приказал он. Они прыгнули, и серебристые волны, всколыхнувшись, приняли три белые, светящиеся в ночи фигурки.

— Ой! Я плыву! — изумилась Кэт.

— И у меня получается! — ликовала Мейбл.

— Конечно, получается! — отозвался Феб. — А теперь давайте сделаем три круга вдоль берега, и махнем на главный остров.

Все трое плыли бок о бок. Феб не торопился, стараясь держаться возле детей. Мраморная одежда ничуть не мешала плыть — а вот попробуйте как-нибудь прыгнуть в обычном платье в фонтан на Трафальгар-Сквер и там поплавать! Они плыли так красиво, так легко, так беззаботно и неумоимо, как может быть, довелось плавать кому-нибудь из вас лишь во сне. И где еще можно было бы купаться так чудесно, как в этом озере, где

даже кувшинки, поднимающиеся на длинных стеблях, ничуть не мешают пловцу, даже если этот пловец — мраморный? Высоко на чистом небосклоне поднялась луна. Плакучие ивы и кипарисы, храмы, террасы, купы деревьев, заросли кустарника и большой, темный старинный дом — все это соединилось в единую прекрасную картину.

— Это самое лучшее, что сделало до сих пор кольцо, — объявила Мейбл, лениво рассекая воду рукой.

— Я так и думал, что тебе понравится, — ласково заметил Феб. — Еще один кружок — и на остров!

На острове они сразу же очутились посреди тростника и тысячелистника, иван-чая, вербейника и белых сладко пахнущих цветов. Остров оказался гораздо больше, чем выглядел с берега. По краям его плотно росли деревья и кустарник. Возглавлявший процессию Феб провел их сквозь ряды деревьев, и вскоре совсем близко от них замерцал свет. Еще несколько шагов — и они вышли на опушку леса к источнику света. Деревья, под которыми они только что прошли, образовали темное кольцо вокруг большой расчищенной площадки — они, по выражению Кэт, столпились вокруг светлой поляны, словно зрители на футбольном матче.

Сперва начиналось широкое ровное кольцо травы, затем мраморные ступени, уводившие в округлый бассейн, где не было кувшинок, и лишь золотые и серебряные рыбки мелькали в глубине, как искорки ртути и темного пла-

мени. Вода, мрамор и темно-зеленая трава сияли ясным, белым, лучистым светом, в семь раз более сильным и светлым, чем самая яркая луна. В тихой воде озера и впрямь отражалось семь лун. Легко было понять, что эти луны были всего-навсего отражением: их очертания дробились и расплывались, когда золотые и серебряные рыбки проносились сквозь них, хвостом и перьями разбрызгивая воду.

Девочки подняли глаза к небу, словно ожидая и там увидеть семь лун,—но нет, там по-прежнему светила одна лишь привычная их миру луна.

— Там семь лун! — тревожно сказала Мейбл, вытягивая палец (и как всегда забывая о хороших манерах).

— Конечно,— ласково ответил Феб.— В нашем мире все в семь раз превосходит то, что есть в вашем мире.

— Но вы же один, вас же не семеро! — возразила Мейбл.

— Зато я в семь раз существенней! — ответил солнечный бог.— Понимаете, бывает количество, а бывает качество. Все ясно, не правда ли?

— Не совсем,— призналась Кэт.

— Значит, я плохо объясняю,— махнул рукой Феб.— Дамы уже ждут нас.

На дальней стороне озера собралась толпа — такая белая, что в совокупности казалась просто белым просветом среди деревьев. Там собралось двадцать или тридцать оживших мраморных статуй. Некоторые из них не-

брежно окунали мраморные ноги в воду, распугивая золотых и серебряных рыбок и нагоняя рябь на семь отражений луны. Другие плели друг другу венки из роз, которые пахли так сильно, что девочки уже издали уловили их аромат. Несколько фигур, взявшись за руки, кружились в хороводе, а двое сидели рядом на мраморных ступеньках и играли в «кошачью колыбельку» (это ведь одна из древнейших игр), причем даже веревочка у них была из мрамора.

Радостные крики и общий смех приветствовали их.

— Феб, ты как всегда опоздал! — закричал кто-то. Другой добавил: — Одна из твоих лошадок, верно, сбила подкову? — А еще один голос, перебивая других, что-то выкрикнул о лаврах.

— Я привел гостей, — объявил Феб, и в ту же минуту вся толпа собралась вокруг девочек. Их поглаживали по волосам, по щечкам и наперебой осыпали самыми ласковыми прозвищами.

— Готовы ли у вас венки, Геба? — спросила самая высокая и важная среди дам. — Надо сплести еще два!

Геба легкими шагами уже спускалась по ступенькам, и на ее округлых руках висело множество венков из роз. Для каждой из мраморных голов нашелся венок по размеру.

Теперь каждая статуя казалась еще в семь раз прекраснее, чем прежде — а ведь все они были богами и богинями. Дети припомнили, как мадемуазель на их праздничном обеде

говорила, что боги и богини всегда увенчивали головы цветами, когда собирались пировать.

Своими руками Геба надела венки на головы Кэтлин и Мейбл, а Афродита Урания, прекраснейшая из богинь, чей голос был так похож на голос мамы в те минуты, когда вы особенно ее любите, обняв обеих девочек, промолвила:

— Идем, мы должны приготовить пир. Эрос, Психея, Геба, Ганимед — соберите фрукты, молодежь!

— А где же фрукты? — удивилась Кэт, видя, как четыре стройные фигуры, отделившись от толпы, направляются к ним.

— Сейчас увидишь! — пообещал Эрос («Какой прелестный мальчик!» — успели шепнуть друг другу Кэт и Мейбл). — Только поспевай собирать.

— Вот так! — показала Психея, вытянув руку и ухватившись за ветку ивы. Затем она продемонстрировала свою добычу девочкам — в руке у нее лежал спелый большой гранат.

— Я поняла! — воскликнула Мейбл. Она тоже коснулась ивы, и в руку ей упала мягкая и сочная груша.

— Вот именно, — улыбнулась Психея (какая она была душечка!).

Геба сняла с ольхи несколько серебряных корзиночек, и все собравшиеся принялись усердно собирать фрукты. Статуи постарше снимали с ветвей дуба золотые кубки, кружки и блюда, наполняя их всевозможными яствами и напитками и красиво расставляя приборы на мраморных ступенях. Таков был пир

бессмертных — одни уселись на землю, другие вольготно разлеглись на траве и все вместе приступили к трапезе. О, эта пища, лежавшая на золотых тарелках, о, сладостное чудо

напитков, струившихся из золотых чаш в беломраморные уста! Ничего равного этому не было и нет на земле, как нет плодов, подобных плодам ивы, нет смеха, подобного смеху, сиявшему на мраморных губах, и нет песен, подобных песням, что раздавались в тиши той волшебной ночи.

— Ах! — воскликнула Кэтлин, и сок большой груши (третьей по счету) закапал на мраморные ступени, словно золотистые слезы. — Если бы и мальчики были сейчас с нами.

— Что-то они сейчас делают? — вздохнула Мейбл.

— В настоящий момент, — произнес Гермес, только что поднимавшийся в воздух и совершивший огромный круг, словно отпущенный на волю голубь, — они безутешно бродят возле жилища динозавра. Они ускользнули из дома через окно, ищут вас и, отчаяваясь вас найти, плачут — то есть, они бы заплакали, если бы это подобало мужчинам, пусть даже очень юным.

Кэтлин проворно поднялась на ноги, отряхивая крошки амброзии с мраморных губ.

— Большое вам всем спасибо, — вежливо сказала она. — Вы были так добры к нам, и нам было очень хорошо и весело с вами, но теперь нам пора уходить.

— Если вы торопитесь из-за братьев, — ласково сказал Феб, — то проще всего устроить так, чтобы они присоединились к вам. Одолжите-ка мне на минутку ваше кольцо.

Кэт почти с опаской протянула ему кольцо. Он обмакнул его в одну из семи отражен-

ных лун и снова вернул Кэт. Она крепко сжала его.

— Теперь,— подсказал ей солнечный бог,— ты должна пожелать для них того же, чего пожелала себе Мейбл. Повторяй за мной.

— Я знаю,— перебила его Кэт.— Я хочу, чтобы мальчики стали статуями из живого мрамора, точно так же, как я и Мейбл — до рассвета,— а потом снова стали такими, какие они сейчас.

— Эх, если бы ты еще не так торопилась! — заметил Феб.— Ну да ладно, к молодым плечам старую голову не приставишь. Надо было пожелать, чтобы они оказались здесь, и еще... Впрочем, не важно! Гермес, старина, слетай туда и приведи их к нам, да объясни им по дороге, как обстоят дела.

Он снова обмакнул кольцо в отраженную луну, и вновь кольцо вернулось к Кэт.

— Теперь, когда я сполоснул его, оно опять годится для новых чудес,— пояснил он.

— Мы не имеем привычки допрашивать гостей,— произнесла царица Гера, обратив на детей взгляд огромных серых глаз,— но все же всем нам любопытно узнать про это кольцо.

— Это то самое кольцо,— откликнулся Феб.

— Об этом нам прежде всего и хотелось узнать,— продолжала Гера.— Но хотелось бы также спросить — если бы, конечно, расспросы не противоречили законам гостеприимства — как это кольцо попало в руки рожденных земель?

— Это длинная история,— отмахнулся Феб.— Время рассказов наступит после пира, а после рассказов придет черед песни.

Похоже, что Гермес сумел обстоятельно объяснить мальчикам, «как обстоят дела»,— когда они появились над поляной, держась за крылатые ноги бога и вместе с ним паря в воздухе, они, похоже, не испытывали ни страха, ни смущения. Опустившись на землю, они изящно раскланялись с богинями и заняли свое место на пиру так спокойно, словно им каждый вечер доводилось участвовать в божественной трапезе. Геба уже приготовила им венки из роз, и Кэтлин, глядя на то, как они уплетают за обе щеки здешние яства, порадовалась, что бессмертный грушевый сок, коснувшийся ее губ, не смог заставить ее даже на миг забыть о братьях.

— А теперь,— объявила Гера, когда мальчики получили все, чего только могли пожелать (и даже несколько больше, чем они в состоянии были съесть),— мы все ждем рассказа.

— Да! — подтвердила Мейбл, и Кэтлин тоже сказала: — Пожалуйста, пожалуйста, расскажите нам что-нибудь!

— Нет,— возразил внезапно Феб.— Сегодня историю будут рассказывать наши гости.

— Ой, нет! — ужаснулась Кэт.

— Может быть, мальчики окажутся храбрее,— предположил Зевс, снимая с головы тесноватый розовый венок и наостряя уши.

— Нет, нет, я не смогу,— отказался Джеральд.— Да я и не знаю никаких историй.

— А я тем более,— остался верен себе Джимми.

— Они хотят услышать историю о том, как мы нашли кольцо,— заторопилась Мейбл.—

Я расскажу вам, раз вы так хотите. Жила-была маленькая девочка по имени Мейбл...—Поспешно вытолкнув из себя эти слова, она начала рассказывать сказку о заколдованном замке, в сокращенном виде излагавшую все то, что вы уже прочли на этих страницах. Мраморные боги слушали ее, словно зачарованные — столь же зачарованные, как и сам замок. Лунные мгновения тихо утекали, растворялись, как жемчужные капли в глубоком бассейне.

— И тут,— резко подвела к концу Мейбл,— Кэтлин загадала желание о мальчиках, и мистер Гермес принес их сюда, и мы снова оказались вместе.

Едва Мейбл закончила свой рассказ, как на нее градом посыпались взволнованные вопросы.

— А теперь,— произнесла она, когда вопросов поубавилось,— мы бы хотели, чтобы вы что-нибудь рассказали нам.

— Что же вам рассказать?

— Как вы оживаете и откуда вы знаете о кольце — и вообще все, что вы знаете.

— Все, что я знаю? — рассмеялся Феб (это ему Мейбл адресовала свой вопрос), и губы остальных богов изогнулись в веселой усмешке.— Вашей жизни, о дитя земли, не хватит, чтобы вместить рассказ обо всем, что я знаю.

— Тогда хотя бы о кольце и о том, как вы оживаете,— попросил Джеральд.— Вы же видите, как нам хочется об этом узнать.

— Расскажи им, Феб,— молвила прекраснейшая Афродита.— Стыдно мучить детей.

И Феб, раскинувшись на шкурах барса, которые Дионис добыл на ели, повел рассказ.

— Все статуи могут оживать, когда взойдет луна.. Если, конечно, они захотят этого,— говорил он.— Но те статуи, которые люди заточили в уродливых городах, не хотят оживать. Стоит ли утомлять свое зрение созерцанием уродства?

— Совершенно верно,— вставил Джеральд, когда Феб на минутку умолк.

— В прекрасных храмах, которые вы построили,— продолжал солнечный бог,— оживают статуи ваших святых и ваших героев — они разгуливают по храму и уходят ночью в леса и поля. Есть одна только ночь во всем году, когда вы можете воочию повстречать их. Сегодня вы видите нас, потому что раздобыли кольцо и, став мраморными, вошли в наше братство. Но в ту особую ночь каждый житель земли может увидеть нас.

— А когда наступит эта ночь? — вежливо, но быстро спросил Джеральд.

— В день праздника урожая,— ответил Феб.— В эту ночь от луны исходит один луч совершенного света, что касается алтарей, спрятанных в самых главных храмах: один из этих храмов схоронен в Элладе, под струей водопада, который обрушил на него разгневанный Зевс, другой — здесь, в вашей стране, в этом великом саду.

— Значит,— взволнованно подхватил Джеральд,— если в эту ночь мы придем к вашему храму, мы увидим вас, даже не будучи статуями — и без всякого кольца?

— Вот именно,— подтвердил Феб.— Более того, в эту ночь мы обязаны отвечать на все вопросы, какие зададут нам смертные.

— Но когда же наступит эта ночь?

— Ага! — рассмеялся Феб. — Так вот что вам хотелось бы знать!

Царь богов, чья мраморная статуя была на голову выше всех остальных, потянулся, зевнул, расправил свою пышную бороду и сказал повеселевшим голосом: — Довольно рассказов, Феб. Берись за лиру!

— Кольцо, — шепотом напомнила Мейбл, когда солнечный бог принялся настраивать белые струны мраморной арфы, лежавшей у его ног. — Вы обещали рассказать, откуда вы знаете про кольцо.

— Подожди, — шепнул в ответ Аполлон. — Сейчас я должен исполнить приказ Зевса, но ты можешь еще раз спросить меня об этом, прежде чем наступит рассвет, и я расскажу тебе все, что знаю.

Мейбл откинулась назад, прислонившись к мягким коленям Деметры; Джеральд и Джими вытянулись во всю длину, подперев подбородки руками и уставившись на солнечного бога. Он взял в руки лиру, и едва он коснулся струн, как дух музыки осенил всех — дух колдовской, покоряющий, заставляющий оставить всякую мысль, кроме мысли о музыке, и всякое желание, кроме желания внимать этим звукам.

Феб коснулся пальцами струн, и тихая музыка потекла из-под его пальцев. Прекраснейшие в мире сны слетели к ним на голубиных крыльях, прекраснейшие мысли, которые порой выются возле нас, не даваясь в руки, теперь просились в сердца тех, кто слышал.

эту музыку. И все, кто слушал ее, забыли о времени и о пространстве, о дурном настроении и непослушании, и весь мир обратился в волшебное яблоко, которое можно сжать в ладони, стал прекрасен и добр.

И тут внезапно чары распались. Феб задел порванную струну, воцарилась тишина, и вот уже солнечный бог вскочил на ноги, восклицая: — Рассвет, рассвет! Возвращайтесь на ваши пьедесталы, о боги!

В одно мгновение все множество прекрасных мраморных созданий поднялось на ноги и помчалось сквозь заросли деревьев — только ветки трещали, разлетаясь, когда они пробегали мимо. Через минуту дети услышали, как мраморные статуи с плеском обрушились в воду. Услышали они и булькающее дыхание огромной твари и поняли, что динозавр тоже возвращается домой с ночной прогулки.

Только Гермес улучил минутку (он, крылатый, мог добраться домой быстрее тех, кто пустился вплавь). Взлетев в воздух и кружась над ними, он шепнул Мейбл:

— Через две недели от сего дня, в храме Станных Камней!

— А секрет кольца? — крикнула ему Мейбл.

— Кольцо — средоточие всего колдовства, — ответил Гермес. — Повтори этот вопрос, когда луна взойдет на четырнадцатый день, и ты узнаешь все!

С этими словами он взмахнул своим кадуцеем и поднялся над землей, раздвигая воздух мощными движением окрыленных стоп. Семь отраженных в озере лун померкли, и тут же

поднялся пронзительный ветер. Все отчетливее надвигался серый рассвет, растревожились, зачирикали ранние птицы, и мрамор сполз с детей, сморщившись, словно брошенная в огонь шкура. Поглядев друг на друга, они видели уже не статуи, но людей из плоти и крови, какими они были всегда. Они стояли по колено в высокой жесткой траве. Мягкая лужайка, мраморные ступени, озеро с семью лунами и золотыми рыбками — все исчезло. Тяжелая роса легла на травы, и им стало холодно.

— Надо было нам бежать вместе с ними, — клацая зубами, выговорила Мейбл. — Теперь, когда мы перестали быть мраморными, я разучилась плавать. А ведь мы на острове!

Да, они были на острове — а плавать не умели.

Они хорошо знали об этом. Такие вещи знаешь о себе без всяких экспериментов. Вы же, например, знаете, что не умеете летать.

Рассвет становился все ярче, а грядущий день казался им все мрачнее.

— Лодки тут, разумеется, нет? — оптимистично предположил Джимми.

— На этой стороне озера нет, — ответила Мейбл. — Конечно, на той стороне есть целый домик с лодками. Если ты сможешь туда доплыть...

— Ты же знаешь, что не смогу! — огрызнулся Джимми.

— Никто ничего не хочет предложить? — поинтересовался Джеральд, дрожа от холода.

— Когда обнаружится, что мы пропали, начнут откачивать воду в реке и во всех

озерах,— бодро начал Джимми.— Люди наверняка решат, что мы где-то утонули. И когда они придут к нашему озеру, чтобы спустить и его, мы как завопим — и за нами сразу же приплывут.

— Да уж, замечательная идея! — злобно буркнул Джеральд.

— Не надо ссориться,— голос Мейбл прозвучал так ясно и бодро, что все они изумленно уставились на нее.

— Кольцо,— напомнила она.— Мы должны просто-напросто пожелать, чтобы оно перенесло нас домой. Феб вымыл его в озере, и теперь оно снова может творить чудеса.

— Нет бы раньше сказать,— добродушно проворчал Джеральд.— Ладно, пустяки. Где это кольцо?

— Оно у тебя,— обернулась Мейбл к Кэт.

— Да, оно было у меня,— запинаясь выговорила Кэт,— но я дала его Психее. Ей хотелось посмотреть на него, и оно так и осталось у нее на пальце!

Дети изо всех сил постарались не сердиться на Кэт, и им это почти удалось.

— Когда мы наконец выберемся с этого острова,— начал Джеральд,— надо будет найти статую Психеи и заполучить обратно кольцо!

— Но я же не знаю, где стоит эта статуя,— простила Мейбл.— Здесь я ни разу ее не видела. Может быть, она вообще в Элладе (если бы я еще знала, что такое Эллада!) или каком-нибудь другом месте.

Они не знали, что сказать ей в утешение — к чести их, они просто сумели промолчать.

Серый свет дня уже заливал остров, небо к северу отсвечивало розовым и бледно-лиловым.

Мальчишки угрюмо засунули руки в карманы; Мейбл и Кэт, как обычно, тесно прижались друг другу, дрожа от прикосновения льдистой мокрой травы.

Слабый вздох, подавленное всхлипывание то и дело прерывали тишину.

— Ну вот что,— решительно сказал Джеральд.— Этого я не потерплю. Ясно вам? Нечего распускать сопли. Нет, это вовсе не свинство с моей стороны. Я же о вас забочусь. Пойдем, надо осмотреть остров. Может быть, тут где-нибудь под кустами спрятана лодка.

— Откуда здесь взяться лодке? — всхлипнула Мейбл.

— Кто-нибудь мог забыть ее здесь,— ответил Джеральд.

— И как же этот «кто-нибудь» уплыл с острова?

— В другой лодке, а как же еще? — с готовностью пояснил Джеральд.— Пошли же наконец!

С тяжелым сердцем и с полной уверенностью, что никакой лодки здесь нет и быть не может, все четверо отправились обследовать остров. Как часто они мечтали об островах и таинственных приключениях, которые ждут их на покинутом всеми клочке земли! И вот они попали на необитаемый остров. Действительность порой сильно отличается от снов — причем не в лучшую сторону. Хуже всего пришлось Мейбл, сбросившей на суше свои башмаки и носочки. Грубая трава и сухие ветки больно царапали ее голые ноги.

Они продрались сквозь лес к кромке воды, но оказалось, что идти по берегу невозможно, поскольку деревья росли слишком близко друг к другу, и их ветки переплелись. Узкая, поросшая травой тропа петляла среди деревьев, и они уныло побрели по ней. С каждой минутой убывала возможность незамеченными вернуться домой. А если их отсутствие заметят, если догадаются, что постели их всю ночь оставались нетронутыми, поднимется сильный шум, и тогда, как сказал Джеральд, прощай, свободная жизнь!

— Конечно, выбраться отсюда нетрудно,— бормотал Джеральд.— Мы можем высмотреть с берега садовника или лесничего и позвать его на помощь. Но тогда все откроется — и с привольем нашим будет покончено.

Все угрюмо согласилось.

— Вперед — и веселее! — воскликнул Джеральд, в котором ожил дух прирожденного полководца.— Мы выберемся из этой заварушки — выбрались же мы из всех остальных. Вперед, солнце светит! Скоро вам снова будет тепло и весело, верно?

— Ага! — горестно отвечали они.

Солнце поднялось у них над головой, и сквозь большую расселину в горе сильный поток света устремился прямо к острову. Желтый, почти горизонтально идущий луч прорвался между мощных стволов и ударил детям в глаза. Это явление (а также то, что Джеральд плохо смотрел себе под ноги, как утверждал потом Джимми) и стало причиной неожиданной неприятности, которая про-

июшла с возглавлявшим маленькую печальную процессию Джеральдом. Он споткнулся, ухватился за дерево, но не смог удержаться на ногах и с воплем провалился куда-то под землю. Шедшая за ним след в след Мейбл тоже едва удержалась на ногах, когда прямо перед ней разверзся подземный ход с отвесно уходящими вниз ступенями, давно поросшими мхом.

— Ой, Джеральд! — окликнула она рожденного предводителя. — Ты не ушибся?

— Ничуть, — сердито отвечал из темноты Джеральд, который на самом деле ушибся, и достаточно сильно. — Тут ступеньки, а потом какой-то проход.

— Как всегда! — заметил Джимми.

— Я знаю, что здесь есть подземный коридор, — заявила Мейбл. — Он идет под озером прямо в Храм Флоры. О нем даже садовники знают, но они боятся спускаться туда, потому что там, как говорят, водятся змеи.

— Значит, этим путем мы и выберемся. Ты могла бы и раньше об этом подумать, — донесся голос Джеральда.

— Я не хотела об этом думать, — возразила Мейбл. — Этот проход идет туда, где Головастик нашел свою замечательную гостиницу.

— Я не пойду, — решительно отказалась Кэт. — Сразу же предупреждаю, что в темноту я не пойду!

— Очень хорошо, крошка, — ответил ей Джеральд строго, и в то же мгновение его голова внезапно вынырнула из отверстия в земле. — Никто и не просит тебя спускаться в

темноту. Мы оставим тебя здесь — придется тебе подождать, пока мы вернемся на лодке и спасем тебя! Джимми, фонары! — и он протянул руку.

Джимми вынул из-за пазухи (где герои всех сказок, начиная с Аладдина, хранят свои волшебные светильники) велосипедный фонарь.

— Мы прихватили его, чтобы не свернуть себе шею, наткнувшись под кустом рододендрона на длиннющую Мейбл, — объяснил он.

— А теперь... — сурово произнес Джеральд, зажигая спичку и открывая толстое круглое стекло фонаря, — не знаю, что собираетесь делать вы, но лично я сейчас спущусь по этим ступенькам и отправлюсь по коридору. Даже если мы и найдем знаменитую «гостиницу» Головастика, я не вижу в этом большой беды.

— А что толку? — слабо сопротивлялся Джимми. — Ты ведь все равно не сможешь отворить дверь Храма Флоры, даже если до нее доберешься.

— Посмотрим! — возразил Джеральд звучным командирским голосом. — С внутренней стороны двери, быть может, найдется секретная пружина. В прошлый раз у нас не было с собой фонаря, чтобы хорошенько оглядеться.

— Если я чего-нибудь и боюсь, так это подземелий, — заявила Мейбл.

— Ты-то ведь не трусиха! — польстил ей Джеральд, будучи не только воином, но и дипломатом. — Ты-то ведь у нас умница, правда, Мейбл? Мне ли этого не знать! Возьми, пожалуйста, Джимми за руку, а я буду держать за руку Кэт. Пошли!

— Я не хочу, чтобы меня держали за руку,— не растерялся Джимми.— Я вам не младенец.

— Но Кэтти ведь хочет, чтобы ее держали за руку? Бедняжка Кэт! Добрый братик Джерри будет держать свою маленькую сестричку Кэт за руку!

Но тут и притупилось отточенное острие сарказма — ибо, когда Джеральд в насмешку протянул сестре руку, она с благодарностью ухватила за нее. Она была слишком несчастна и растеряна, чтобы распознать его настроение, как ей это обычно удавалось. «Спасибо, Джерри, милый,— пролепетала она,— ты и в самом деле очень хороший, и я изо всех сил постараюсь не пугаться». Пожалуй, не меньше чем на минуту Джерри хватило стыда от мысли, что на самом деле он был «не очень хорошим».

Так или иначе, но, повернувшись спиной к золотым лучам восхода, все четверо спустились по каменным ступенькам в подземелье, представлявшее из себя сухопутный тоннель под водой. Тьма вокруг них постепенно сгущалась и показалась особенно беспросветной в тот миг, когда вместо блистательного расцвета путь им осветил почти бессильный свет фонарика. Ступеньки привели их в начало подземного коридора, где им пришлось разгребать засохшие листья — наследие не одной осени. Затем коридор резко повернул, и снова показались ступени — вниз, вниз, вниз,— а дальше коридор был совершенно пустой и прямой. Снизу, сверху и по бокам он был

выложен плитами мрамора, на редкость чистого и даже как будто светящегося. Джеральд сжимал руку Кэт, чувствуя, против ожидания, одну только нежность к сестренке и ни капли досады.

А Кэтлин, в свою очередь, удивлялась тому, что она почти — ну почти совсем не боится!

Огонь пузатого фонаря отбрасывал на мраморный пол теплый круг желтоватого, смутного света, и все четверо в молчании следовали за этим пятном. Внезапно в полной тишине пламя фонарика резко поднялось вверх, как поднимается огонек свечи, если вынести его на улицу, скажем, для того, чтобы поджечь хлопушку, или взорвать начиненный порохом вагончик, или с какой-либо иной благовидной целью. С изумлением, любопытством и даже трепетом, но без всякого страха все четверо озирались по сторонам. Они стояли в огромном каменном зале, свод которого опирался на два ряда круглых колонн. Каждый уголок этого зала был наполнен светом — нежным, ласковым, словно льнущим к тебе светом, который заполняет твоё существо подобно тому, как морская вода наполняет самые глубокие, самые тайные подводные пещеры.

— Какая красота! — прошептала Кэтлин, и ее учащенное дыхание коснулось уха Джеральда. Мейбл ухватила Джимми за руку, бормоча: — Я буду держать тебя за руку — я должна держаться за что-нибудь глупое, иначе я не поверю, что все это правда!

Зал, посреди которого они стояли, был самым прекрасным местом на земле — во вся-

ком случае, ничего более красивого они в жизни не видывали! Я не стану описывать его, ибо каждый из детей видел его по-своему, а вы бы не поняли меня, даже если бы я по отдельности рассказала вам о впечатлениях всех четверых. Достаточно сказать, что весь зал опоясывали арки — так вот, эти арки показались Кэтлин мавританскими, Мейбл увидела в них стиль Тюдор, Джеральд счел их норманскими, а Джимми они напомнили готические своды старой церкви, что была расположена неподалеку от их дома. (А если вы совершенно не разбираетесь в архитектуре и арках, спросите своего дядюшку, который коллекционирует древности, и он наверняка сумеет все объяснить). Сквозь эти арки можно было увидеть многое — о, очень многое! Под одной аркой открывался выход в сад, поросший маслинами, и там, держась за руки, стояли двое влюбленных под огромной итальянской луной; за другой аркой бушевало море, швыряя во все стороны корабль — хрупкую добычу волн. А за третьей они увидели короля, восседавшего на троне, а вокруг него всю придворную свиту. А за четвертой аркой... За четвертой аркой и вправду виднелась отличная гостиница, на крыльце которой стоял достопочтенный Головастик — похоже, он только-только вышел погреться на солнышке. Еще они видели мать, склонившуюся над деревянной колыбелью, художника, созерцающего картину, которую только что довершила его еще не просохшая кисть, полководца, вернувшего своим знаменам победу и теперь уми-

рающего на поле битвы, и все это были не картинки, но самая подлинная жизнь — подлинная и, со всей очевидностью, бессмертная.

Было там и множество других картин, которые представляли перед зрителями в рамках сводчатых арок, и все они являли собой те минуты, когда жизнь наполняется пламенем или тихим светом — минуты, которые без устали ищет душа человека и которые судьба непременно подарит ему. Потому и отличная гостиница была среди этих картин — ведь на свете есть немало людей, которым не нужно от жизни ничего сверх «вполне приличной гостиницы».

— Как я рада, что мы пришли сюда, как я рада! — бормотала Кэт, крепко держа брата за руку.

Они медленно шли по залу. Джимми, державший в руке фонарик, совсем забыл про него — его желтый огонек казался просто нелепым в лучах этого мощного, блистательного света.

Они дошли почти до противоположного конца зала, когда поняли, откуда идет этот свет. Он рождался и исходил во все стороны из одного строго определенного места, и в этом месте стояла та статуя, которую Мейбл «понятия не имела где искать», — статуя Психеи. Медленно, изумленно и радостно приближались они к ней, а подойдя совсем близко, увидели на ее высоко поднятой светящейся руке темный обруч кольца.

Джеральд выпустил руку Кэт, поставил ногу на приступку и оперся коленом на пье-

дсстал статуи. Темная фигура человека на миг прильнула к белоснежному мрамору, осененному почти прозрачными крыльями.

— Я надеюсь, вы ничего не имеете против,— шепнул он, тихонько снимая с ее пальца кольцо. Спрыгнув на пол, он сказал:— Только не здесь! Сам не знаю почему, но только не здесь!

Дети гуськом прошли мимо беломраморной Психеи, и вскоре свет фонарика ожил вновь, высветив перед державшим его Джеральдом длинный темный проход, уводивший из зала, имени которого они тогда еще не знали.

Когда очередной поворот окончательно увел их из этого зала славы и тьма вновь сгустилась вокруг крохотного огонька их фонарика, Кэтлин попросила:

— Дай мне кольцо. Я точно знаю, что сейчас надо сказать!

Джеральд отдал ей кольцо, хотя у него были некоторые сомнения.

— Я хочу,— медленно начала Кэтлин,— чтобы никто не узнал, что ночью нас не было дома и чтобы мы сию же минуту оказались каждый в своей кровати, совсем раздетые, в ночных рубашках — и чтобы мы крепко спали!

И, не успели они понять, что произошло, как их сомкнувшихся век коснулся свет — простой, обычный, старый добрый свет земного дня. Свет не раннего утра, но того утреннего часа, когда Лиз обычно приходила их будить. Потягиваясь, они сели каждый в своей кровати. Кэтлин сумела наконец сформулиро-

вать вполне разумное желание. Одно только плохо — она пожелала, чтобы каждый оказался в своей собственной постели, но ведь постель Мейбл была, разумеется, в Ядлинг-Тауэрсе, и потому тетя Мейбл и по сей день ломает себе голову (увенчанную пучком подкрашенных волос) над тем, каким это образом Мейбл, оставшаяся переночевать у девочки из города, с которой она так подружилась, в то утро оказалась в своей постели — и это после того, как в одиннадцать часов вечера тетя, по обязанности домоправительницы, своими руками заперла входную дверь! Пусть она и не самая умная женщина на свете, но все же вовсе не так глупа, чтобы поверить в какую-либо из одиннадцати немыслимых историй, которые истощившаяся фантазия Мейбл предложила ей в промежуток времени от завтрака до обеда. До этих одиннадцати объяснений Мейбл попыталась изложить ей еще одно (так что всего вышло двенадцать), которое и было правдой, — но, само собой разумеется, тетя была слишком взрослой, чтобы поверить в такое!

Глава одиннадцатая

Вновь наступил день, когда посетителей пускали в Ядлинг-Корт. Было решено, что это самый подходящий случай пойти навестить Мейбл, и, как предложил Джеральд, «смешаться с толпой»; ходить и перебирать в памяти все то, что знали только они и никто

другой — волшебный замок и скользящие в стене панели, колдовское кольцо и оживающие статуи. Может быть, самое приятное в волшебных событиях — это мысль о том, что другие люди не только не знают, что на самом деле произошло, но и не поверят в это, если даже и узнают.

На белой дорожке, ведущей к воротам замка, темнело скопление повозок, колясок и тележек. Три или четыре автомобиля пыhtели в нетерпеливом ожидании, там и сям виднелись велосипеды, пристроившиеся у толстой кирпичной стены. Люди, доставленные к замку тележками и повозками, на велосипеде и на автомобиле, а также явившиеся сюда на своих двоих, разбрелись по парку или же осматривали те покои замка, которые в этот день открывались для визитеров.

В тот день посетителей собралось больше обыкновенного, поскольку пронесся слух о том, что лорд Ядлинг вернулся домой и что сегодня с мебели снимут чехлы, дабы богатый американец, который хочет арендовать замок, мог увидеть Ядлинг-Тауэрс во всей его красе и славе.

Замок и вправду был великолепен. Расшитый шелк, позолоченная кожа и ковровое покрытие кресел, скрывавшиеся до сих пор под чехлами коричневого голландского холста, вернули комнатам обжитой вид. На столах и окнах появились плющ и розы в больших горшках. Тетушка Мейбл гордилась своим умением придавать дому уют и по всем правилам расставлять цветы по дому. Нужно сказать,

что эти правила она почерпнула в журнале «Домоводство» («Как оборудовать дом по высшему разряду всего за девять пенни в неделю»).

Огромные хрустальные люстры, освободившись от укрывавшей их мешковины, засияли пурпуром и седым серебром. С нарядных кроватей сняли коричневый холст, и красные канаты, долженствующие оградить внутреннее покои от вторжения публики, в этот день отсутствовали.

— Можно подумать, мы забежали в гости к родственникам,— шепнула дочь зеленщика из Солсбери своей подруге-белошвейке.

— Если янки не купит это местечко, то, может, нам стоит здесь осесть, когда нас окрутят? — ухмыльнулся подмастерье портного, заглядывая в глазки своей любезной, и та отвечала: — Ой, Реджи, ты такой забавник!

Весь этот день в сумрачной зале и просторных гостиных, изящных будуарах и роскошной картинной галерее толпился народ в нарядных одеждах, приличествующих выходному дню. Там и сям мелькали розовые кофточки и костюмы светлых, сердечных тонов, шляпки, увенчанные цветами, и платочки, которые уж и вовсе невозможно описать. Только в спальне толпа чуть примолкла — в спокойной, горделивой спальне, где рождались и умирали герои, где царственные гости отдыхали летними ночами много веков тому назад и где ради них возле камина ставили большой кувшин с ветками бузины, отгонявшими лихорадку и дурные сны. Терраса, на которой в былые времена дамы в плоеных воротничках

дышали сладостным ветерком, долетавшим из расположенного на южных границах владений леса, и где медленно прогуливались красавицы, искусно приводившие свои лица в порядок с помощью пудры и румян и носившие парчовые платья, плавно покачивающиеся на обруче кринолина, теперь была наполнена стуком крепких коричневых башмаков и высоких каблучков, по дешевке купленных на последней распродаже. Теперь здесь раздавался пронзительный смех и возбужденные голоса, но так и не прозвучало ни одного слова, которое порадовало бы наших четырех друзей. Эти голоса нарушили тишину заколдованного замка и спугнули волшебство таинственного сада.

— Не так уж это забавно,— вздохнул Джеральд, забираясь в каменную беседку в углу террасы. Кричащие платья и не менее кричащие голоса вновь приближались к ним.— Просто противно, что все эти люди забрались в наш сад.

— Я говорила об этом утром с тем симпатичным бейлифом,— начала Мейбл, усаживаясь на прохладном каменном полу.— Он сказал, что пускать сюда людей раз в неделю — не такое уж и большое дело. Еще он сказал, что лорд Ядлинг должен был бы пускать их сюда каждый день и что он так и делал бы, если бы жил здесь.

— Много он понимает! — рассердился Джимми.— Что он еще сказал?

— Много чего,— ответила Мейбл.— Как он мне нравится! Я рассказала ему...

— Ты рассказала?!

— Да! Я рассказала ему много чего о наших приключениях. Этот бедняга бейлиф — самый лучший слушатель, какой только может быть на свете!

— Нас с тобой запрут, как «самых лучших сумасшедших», если ты, детка, будешь и дальше распускать свой язык!

— Ничего подобного! — возразила Мейбл. — Я рассказывала это... Ну, ты знаешь как — все чистая правда, но никто ничему не верит. Когда я кончила, он сказал, что у меня настоящий талант, вроде как у писателей, а я за это обещала ему, что упомяну его имя в начале первой же книги, которую я напишу, когда вырасту.

— А разве ты знаешь его имя? — удивилась Кэтлин. — Давайте наколдуем что-нибудь с нашим кольцом!

— Нельзя! — остановил ее Джеральд. — Я забыл сказать, но когда мы уходили из дому, я вернулся за носовым платком и встретил мамеуазель. Так вот, она сказала, что зайдет за нами и мы все вместе вернемся домой.

— А ты что сказал?

— Я сказал ей, — произнес Джеральд, взвешивая каждое слово, — что это очень любезно с ее стороны. И это, между прочим, чистая правда. Оттого, что нам это не по душе, ее предложение зайти за нами вовсе не перестает быть любезным.

— Любезное-то оно любезное, да только уж очень досадное! — пожаловалась Мейбл. — Теперь нам придется торчать тут и поджи-

дать ее, а я обещала нашему бейлифу встретиться с ним. Он обещал принести целую корзинку еды и собирался устроить для всех нас пикник.

— А где?

— Возле динно-завра. Он обещал рассказать мне все об искомых... нет, об ископаемых... В общем, о тех, что жили до Ноева ковчега. Он говорит, что их была целая тысяча самых разных — не только одни динно-завры. Он говорит, что расскажет мне это в обмен на мои симпатичные выдумки. Да, он именно так и сказал — «симпатичные выдумки».

— А когда вы встречаетесь?

— Когда закроют ворота. В пять.

— Мы бы могли прихватить с собой и мадемуазель,— предложил Джеральд.

— Она слишком гордая и не станет пить чай с каким-то там бейлифом. Взрослые страшно серьезно относятся к таким пустякам,— напомнила Кэтлин.

— Вот что я вам скажу! — произнес Джеральд, уютно устраиваясь на каменной скамейке. — Вы все отправитесь на встречу с бейлифом. Пикник так пикник. А я останусь здесь и подожду мадемуазель.

Мейбл радостно объявила, что Джеральд поступил как настоящий мужчина, на что настоящий мужчина застенчиво возразил: — Вот чушь-то!

Джимми заметил, что Джеральд обожает подлизываться к взрослым.

— Малыши ничего не понимают в дипломатии,— хладнокровно осадил его Джеральд. —

Льстить просто глупо. Но вежливым быть надо, и это даже важнее, чем быть красавчиком и...

— Больно ты умный! — окрысился Джимми.

— И потом,— спокойно продолжал старший брат,— взрослые ведь могут когда-нибудь и пригодиться. С другой стороны, им нравится, когда с ними разговариваешь вежливо. Надо же иногда доставлять им хоть капельку удовольствия. Ты только подумай о том, как ужасно быть старым!

— Надеюсь, я никогда не буду старой девой! — встревожилась Кэтлин.

— А я так ни за что ей не стану! — взяла судьбу в свои руки Мейбл.— Уж лучше выйду замуж за какого-нибудь бродягу.

— А что, это не так плохо,— размечталась Кэт.— Выйти замуж за Цыганского Короля, кочевать с целым табором цыган, предсказывать всем счастье и продавать метлы с корзинками!

— Или нет,— вдохновенно продолжала Мейбл.— Я бы лучше вышла замуж за разбойника и жила бы с ним в горной пещере. Я бы ласково обращалась с его пленниками и помогала им убежать, когда он отвернется, и...

— Да уж, много пользы было бы от тебя такому мужу! — засмеялся Джеральд.

— Да,— подхватила Кэтлин,— а еще я бы вышла замуж за моряка. Представляешь — ты ждешь, пока он вернется с моря, и выставлешь фонарь в окне, чтобы в бурную ночь его свет привел корабль в гавань, а потом он утонет в море, и ты станешь ужас как печаль-

ни и будешь каждый день возлагать цветы на его поросшую маргаритками могилу!

— Да-да,— поспешила вставить свое Мейбл.— А еще хорошо пожениться с солдатом, и пойти на войну в коротенькой юбочке и такой смешной шляпке. А на шею повесить бочонок с ромом, все равно как у сенбернара. Я видела у тети балладу про солдатскую жену, и там была такая картинка.

— Когда я женюсь...— перебила ее Кэтлин.

— Когда я женюсь,— успел вставить Джеральд,— я выберу себе немую девчонку или попрошу кольцо, чтобы она разговаривала только тогда, когда ее об этом попросят. Ну-ка, посмотрим! — И он притянул глазами к щели в каменной решетке.

— Уходят! — объявил он.— Розовые и алые шляпки колеблются вдали. А тот смешной маленький человечек с козлиной бородой идет совсем не в ту сторону, и теперь садовникам придется его выпроваживать. А где же мадемуазель? Так, вам уже пора отправляться. Когда речь идет о пикнике, опаздывать рискованно. Покинутый всеми герой нашей истории, в одиночестве и без всякой поддержки, предложил своим отважным товарищам пересест в вагон главного штаба, а сам остался на своем смертельно опасном и тяжком посту, поскольку был рожден стоять на горящей палубе, когда все остальные бегут, чтобы хранить надежду безнадежную, когда все человечество уже отчаялось!

— Я думаю, мне тоже следует выбрать себе немного мужа,— решила Мейбл.— И уж

когда я буду писать книжки, там совсем не будет героев, а будут одни только героини. Пойдем, Кэтлин!

Выйдя из прохладного сумрака каменной беседки на солнце, они словно попали в раскаленную печь. Нагретый каменный пол обжигал им ноги даже сквозь подметки башмаков.

— Теперь я знаю, как чувствует себя «кошка на горячих кирпичках», — пробормотал Джимми.

Допотопные животные обитали в березовой роще на склоне холма, примерно в полумиле от замка. Дедушка лорда Ядлинга строил их там в середине прошлого века в славные времена покойного Принца-консорта, выставки 1852 года, сэра Джозефа Пэкстона и строительства Хрустального Дворца. Их обтекаемые каменные формы, огромные, неуклюжие крылья и по-крокодильи изогнутые спины уже издали приманивали ребят своим серым мерцанием.

Большинство людей думает, что летом жарче всего бывает в полдень. Ничего подобного: ясное, безоблачное небо с каждым часом раскаляется все сильнее, и особенно жарко становится в пять часов. Вам никогда не случалось отправиться в жаркий день к кому-нибудь на полдник и в самом нарядном накрахмаленном платье пройти полмили по открытому месту?

Кэтлин, Мейбл и Джимми все сильнее потели и все больше замедляли шаги. К тому времени, когда они заметили на краю леса призывно развевающийся белый носовой пла-

ток бейлифа, они уже почти достигли той стадии дурного настроения, когда начинают раздаваться замечания вроде «лучше было бы никуда не ходить».

Но маленькое знамя, сулившее им сладкий чай, укрытие в тени и возможность удобно расположиться на травке, вселило в них новые силы. Они ускорили шаги. Последний отчаянный рывок привел их к груде медных прошлогодних листьев, укрывавших нагие серо-зеленые корни берез.

— Ох, вот здорово! — крикнул Джимми, с размаху бросаясь на землю. — Как поживаете? — спохватился он.

Бейлиф сегодня на взгляд девочек смотрелся просто замечательно: он избавился от грубоватой вельветовой формы и надел серый фланелевый костюм, которого сам граф не постыдился бы, а его соломенная шляпа украсила бы самого герцога, а что до его изящного зеленого галстука, так не каждый князь нашел бы в своем гардеробе что-либо подобное. Он радостно приветствовал своих гостей, чьи жадные взоры уже различали среди брезентового цвета листьев две тяжелые и весьма многообещающие корзины.

Бейлиф был человеком тактичным. Он даже и не вспомнил о своем предложении провести экскурсию среди каменных изображений допотопных животных — экскурсию, которую жара сделала бы столь непривлекательной.

— Вы, должно быть, умираете от жажды, — начал он, — да и есть вам захочется, как

только напьетесь. Я поставил чайник на огонь, едва зашел издали фигурку моей дорогой выдумщицы.

Чайник, пристроившийся на спиртовке в расщелине между двух крепких березовых корней, свистом и фырканием напомнил о себе.

— Снимите, пожалуйста, башмаки и туфли,— светским тоном продолжал он, словно пожилая дама, предлагающая своим гостям снять их почтенные чепчики.— Тут неподалеку, за мостиком, есть маленький ручеек.

Ах, как это было здорово — ступить распаренными ногами в холодную, живо бегущую воду. Я могла бы извести немало страниц, описывая это удовольствие. Когда я была маленькой, неподалеку от моего дома тоже протекал ручей, в котором плавали рыбки и кружили опавшие листья и над которым низко нависали ивы и ольха, сохраняя таким образом прохладу в самый жаркий день. Однако я веду рассказ вовсе не о себе.

Когда дети вернулись, бодро ступая розовыми, влажными, освеженными стопами, бейлиф уже разливал в чашки чай. Это был замечательный чай, и к нему полагалось сколько угодно молока (что хранилось в бутылке из-под пива с плотно пригнанной пробкой), пирожков, имбирных пряников, груш и кусков огромной дыни, в сердцевине которой притаился кусочек льда. Поистине, то был чай богов!

Именно это сравнение и пришло в голову Джимми. На секунду оторвав свою рожицу от овального полумесяца дыни, он произнес:

— У вас тут почти так же здорово, как на пиру у бессмертных — честное слово!

— Изъясните мне эту аллюзию,— попросил облаченный в серую фланель хозяин пира, и Джимми, догадываясь, что эти слова в переводе означали примерно «Что вы хотите этим сказать?», охотно пересказал ему все события только что пережитой детьми ночи — ночи, во время которой статуи оживали и собирали с деревь-

ев озерного острова плоды и яства для прекраснейшего неземного пиршества.

— Вы все это прочли в книжке? — с надеждой спросил бейлиф.

— Нет, — обиделся Джимми. — Все так и было.

— Я так понимаю, что вы все наделены изрядной толикой живого воображения, — продолжал бейлиф, протягивая Кэтлин груши. Кэтлин натянута улыбалась. И зачем это Джимми понадобилось болтать?

— Ничего подобного! — продолжал сей неосмотрительный и упрямый как мул юнец. — Все, что я вам рассказал, происходило на самом деле — как и то, что рассказала вам Мейбл.

Бейлифу, похоже, стало слегка неудобно.

— Ладно, ладно, старина! — пробормотал он. Воцарилось неловкое молчание.

— Послушайте! — взорвался наконец Джимми (ох, доведет его упрямство до беды). — Вы верите мне или нет?

— Кончай дурить! — шепнула ему Кэтлин.

— Если вы мне не верите, я вам докажу!

— Хватит! — в один голос завопили Кэтлин и Мейбл.

— Верите или нет?! — настаивал Джимми, растянувшись на животе и подперев подбородок руками, причем его локти глубоко ушли в подушечки из мха, а голые ноги превесело болтались в воздухе.

— По-моему, вы замечательно умеете рассказывать о своих приключениях, — попытался увильнуть от ответа бейлиф.

— Очень хорошо! — объявил Джимми и резко сел. — Значит, вы мне не верите. Заткнись,

Кэт. Он ведь джентльмен, будь он хоть сто раз бейлифом!

— Благодарю вас! — поклонился бейлиф, и лукавая искорка промелькнула у него в глазах.

— Вы никому не расскажете, честно? — потребовал Джимми.

— Не расскажу о чем?

— О чем бы то ни было.

— Конечно, нет. Я ведь, как вы сами только что сказали, являю собой наглядное воплощение чести.

— Очень хорошо. Кэтлин, дай мне кольцо!

— Нет, нет! — хором запротестовали девочки.

Кэтлин не хотела отдавать кольцо, и Мейбл, как могла, помогала ей в этом. Как истинный джентльмен, Джимми, конечно же, не мог пустить в ход силу — тем не менее, кольцо довольно быстро оказалась у него в руках. Настал его звездный час. Бывают же такие минуты, когда все происходит так, как мы того хотим.

— Вот! — произнес Джимми. — Вы видите перед собой то самое кольцо, о котором вам рассказывала Мейбл. Сейчас это будет кольцо желаний. Если вы наденете его себе на палец и пожелаете, то, чего бы вы там ни пожелали, все исполнится.

— Я должен желать вслух?

— Да. Я думаю, да.

— Только не придумывайте никаких глупостей, — заторопилась Кэтлин, надеясь еще исправить ситуацию. — Не надо желать, чтобы во вторник была хорошая погода или чтобы к

обеду подали ваш любимый пудинг. Попросите о том, чего вам по-настоящему хочется.

— Хорошо,— ответил бейлиф,— я попрошу. Я загадаю единственное желание, которое мне и в самом деле дорого. Я хочу, чтобы мой друг сейчас оказался здесь!

Трое ребят, давно убедившихся в магической власти кольца, завертели головами, ожидая внезапного появления бейлифова друга — растерянного и наверняка до смерти испуганного перелетом. Они заранее поднялись на ноги, чтобы принять и успокоить нового гостя. Но, вопреки их ожиданию, перепуганный джентльмен не обрушился на них с неба — зато на тропинке, под березами, где солнечные пятна перемежались с пятнами тени, показалась мадемуазель, вышагивающая под руку с Джеральдом. Мадемуазель в белом платье выглядела красивой, словно на картинке, а Джеральд, усталый и запыхавшийся, все же не утратил своей любезности.

— Добрый день! — приветствовал их безукоризненный вождь, не дающий умереть надежде, даже когда все его спутники уже отчаялись. — Я уговорил мадемуазель...

Эта фраза так и осталась незавершенной — глаза бейлифа и гувернантки-француженки встретились. Они неотрывно глядели друг на друга, словно усталые путешественники, пришедшие наконец (когда у них уже не оставалось никакой надежды) к концу своего изнурительно долгого пути. И дети поняли, что любые их слова останутся в эту минуту неслышанными.

— Вы! — прошептал бейлиф.

— Да... Да, а это — вы! — странным, задышающимся голосом промолвила мадемуазель.

И они замерли, вновь неотрывно глядя в глаза друг другу, «словно пришибленные» (так спустя некоторое время описывал эту сцену Джимми).

— Она... Она и есть ваш друг? — отважился наконец Джимми.

— Да, да, — подтвердил бейлиф. — Ведь вы все еще мой друг, правда же, друг?

— Ну конечно же, — тихо ответила мадемуазель.

— Ага! Вот видите, — завопил Джимми. — Это сделало кольцо!

— Не будем спорить,—отмахнулся бейлиф.— Пусть по-вашему это будет кольцо. Помоему, это совпадение — самое прекрасное и самое счастливое совпадение в моей жизни!

— Значит, вы?..— как-то странно спросила его француженка, и он ответил:

— Всегда! Всегда!

Потом он обернулся к ребятам:

— Джимми, налей своему брату чаю. Мадемуазель, мы с вами можем углубиться в лес. Нам надо серьезно поговорить.

— Поешь хорошенько, милый Джеральд,— велела мадемуазель, внезапно обернувшая юной девушкой, прекрасной, словно сказочная Принцесса.— Я вернусь в один час, и мы все вместе пойдем назад обратно. Это дело в том, что нам надо поговорить друг другу. Мы уже очень долгое время не видели нас, я и лорд Ядлинг!

— Стало быть, это лорд Ядлинг! — нарушил изумленное молчание Джимми, когда белое платье и серый фланелевый костюм скрылись за стволами берез.— Надо же, какой дешевый розыгрыш — а мы-то и попались! Подумать только, она и есть его друг, и он пожелал, чтобы она оказалась тут. У них-то все получилось легче, чем у нас, верно? Ура старому доброму кольцу!

— Друг! — презрительно фыркнула Мейбл.— Ты так ничего и не понял! Она его возлюбленная. Та самая леди, которую замуровали в монастыре, потому что он был очень беден и не мог ее найти. А теперь благодаря кольцу они будут жить счастливо с этого

самого дня и до скончания веков. Как я рада! Кэтлин, ты ведь тоже рада, правда?

— Ну, конечно! — пылко подтвердила Кэтлин. — Это почти так же хорошо, как выйти замуж за моряка или солдата!

— Это все сделало кольцо! — торжествовал Джимми. — Если американцу понравится этот дом, он будет платить им огромные деньги, и они прекрасно заживут!

— Интересно, поженятся ли они уже завтра? — заинтересовалась Мейбл.

— Вот бы нас пригласили подружками невесты! — подхватила Кэтлин.

— Будьте так добры, передайте дыню, — попросил Джеральд. — Вы очень любезны! Как же мы не распознали, что он и есть лорд Ядлинг? Какие же мы ослы!

— Я-то знала об этом еще вчера, — похвасталась Мейбл. — Да только я обещала, что никому не скажу. Как видите, я умею хранить тайну!

— Да уж, — слегка обиделась Кэт.

— Он замаскировался под бейлифа, — пояснил Джимми, — поэтому мы и не догадались.

— Замаскировался! — фыркнул Джеральд. — Я скажу вам кое-что, о чем Шерлок Холмс и не догадывался, не говоря уже об этом тупице Ватсоне. Если вы хотите замаскироваться так, чтобы вас никто никогда не распознал, оставайтесь самим собой. Я это запомню на всю жизнь.

— Это вроде того, что делает Мейбл — рассказывает правду так, чтобы ей никто не поверил! — догадалась Кэт.

— Как повезло мадемуазель! — вздохнула Мейбл.

— Она славная. Ваш «бейлиф» мог бы наткнуться на что-нибудь похуже, — утешил ее Джеральд. — Кто-нибудь наконец передаст мне груши?

И все же колдовство со всей очевидностью продолжало действовать. На следующее утро мадемуазель словно подменили. Щеки ее залила розовая краска, губы словно ожили — так они покраснели, глаза широко раскрылись и засияли. К тому же, и волосы она уложила как-то по-новому — чрезвычайно легкомысленно. Но, надо сказать, ей это очень шло.

— Мамзель наша на свиданку собралась! — отметила Лиз.

После завтрака за ними приехал лорд Ядлинг в колясочке, отделанной прелестным синим покрывалом и запряженной двумя лошадками в коричневых блестящих пополах, которые украшали их даже больше, чем синее покрывало украшало коляску. Все четверо в красе и славе отправились к башням Ядлинга.

Едва прибыв туда, дети выпросили разрешение полностью обследовать замок — в прежние дни это оставалось для них недоступным. Слегка рассеянный, но неизменно дружелюбный лорд Ядлинг кивнул, и Мейбл продемонстрировала своим друзьям все потайные ходы, неизвестно куда ведущие коридоры и странные лестницы, которые она успела отыскать в одиночестве. То было утро, полное вдохновенных открытий! Лорд Ядлинг и мадемуазель тоже бродили по замку, но как-то равнодушно (ох уж

эти взрослые!). Вскоре они устали и, выйдя через двустворчатое окно гостиной в розовый сад, устроились на изогнутом камне посреди лабиринта — в том самом месте, где, когда началась эта книга, Кэтлин, Джеральд и Джимми обнаружили Спящую Красавицу в розовом шелковом платье и с алмазной короной на голове.

Покинув детей, взрослые предоставили им еще большую свободу в исследовании замка, а уж энтузиазма у них было не меньше, чем у исследователей Арктики. Выбираясь с шаткой потайной лестницы, которая вела из большой туалетной комнаты на примыкавшую к залу галерею, ребята внезапно наткнулись на странного маленького человечка с козлиной бородой (это он вчера отделился от толпы и, выходит, вернулся в замок).

— Эта часть замка закрыта для посетителей! — решительно объявила Мейбл, пытаясь захлопнуть дверь.

— Мне это известно, — возразил козлородый. — Однако я осматриваю этот замок по особому разрешению лорда Ядлинга!

— Прошу прощения, — ответила Мейбл. — Мы все просим у вас прощения. Мы об этом не знали.

— Я полагаю, вы родственники лорда Ядлинга? — продолжал козлородый.

— Не совсем, — ответил Джеральд. — Мы его друзья.

Повстречавшийся им джентльмен был тощ, но одет чрезвычайно изысканно; глазки у него были маленькие, веселые, а кожа на лице — почти коричневая, словно дубленая.

— Я полагаю, вы играете в какую-то игру?

— Мы просто обследуем замок,— пояснил Джеральд.

— Позволено ли будет незнакомцу присоединиться к вашей исследовательской экспедиции? — поинтересовался незнакомец (улыбка у него вышла несколько натужная, но приятная).

Дети переглянулись.

— Видите ли,— начал Джеральд,— не так-то просто это объяснить, но... Вы ведь понимаете, о чем я говорю, не правда ли?

— Он хочет сказать,— вмешался отважный Джимми,— что мы не можем взять вас в экспедицию, поскольку не знаем, что вы собираетесь здесь делать.

— Вы фотограф? — задала вопрос Мейбл.— Или, может быть, какая-нибудь газета поручила вам написать о Ядлинг-Тауэрсе?

— Я понял вашу мысль,— отозвался незнакомый джентльмен.— Нет, я не фотограф и не журналист. Я путешествую по этой стране, располагая моими собственными средствами, и имею намерение арендовать этот замок. Мое имя — Джефферсон Д. Конвей.

— А! — воскликнула Мейбл.— Так это вы тот самый миллионер из Америки!

— При всем моем уважении к вам, юная леди, мне не очень нравится это определение,— возразил мистер Джефферсон Д. Конвей.— Я в самом деле являюсь гражданином Америки и я обладаю независимым состоянием. Это владение кажется мне подходящим — в высшей степени подходящим. Если б оно продавалось...

— Оно не продается. Его нельзя продавать,— поспешила поделиться информацией Мейбл.— Юристы составили такую бумагу, согласно которой лорд Ядлинг не может его продать. Но вы могли бы снять этот замок и жить в нем. И если бы вы стали платить лорду Ядлингу, как настоящий миллионер, он смог бы жениться на нашей мадемуазель.

— Ш-ш-ш! — в один голос сказали Кэтлин и мистер Джефферсон Д. Конвей.

— Будьте так добры возглавить нашу экспедицию,— обратился джентльмен к всезнающей Мейбл.— Я бы предпочел, чтобы это исследование было всеохватывающим и исчерпывающим.

Польщенная этим предложением, Мейбл провела миллионера по всему замку. Казалось, он был доволен, но чего-то ему не доставало.

— Прекрасный особняк,— прокомментировал он, когда все вернулись в ту точку, с которой началось их путешествие.— Однако я полагал, что в доме такой величины найдется потайная лестница, или комнатка, в которой когда-то скрывался папистский священник, или хотя бы привидение.

— Их тут полно! — отважно заявила Мейбл.— Только я думала, что американцы ни во что не верят — разве что в машины и газеты.

С этими словами она дотронулась до скрытой в стене пружины, и маленькая ненадежная лесенка предстала взору американца. Это зрелище внезапно преобразило его. Он превратился в энергичного, веселого и почти молодого человека.

— Подумать только! — завопил он, просовывая голову в дверь, соединившую туалетную комнату с большой спальней. — Это же здорово — просто здорово!

Ребята приободрились. Похоже на то, что он все-таки снимет замок (и будет платить, как миллионер), и тогда лорд Ядлинг наконец-то женится на мадемуазель.

— Если бы в этой комнате нашелся еще и призрак, я бы ударил по рукам с лордом Ядлингом прямо сейчас, не сходя с места! — провозгласил мистер Джефферсон Д. Конвей.

— Оставайтесь здесь до утра! Переночуйте в этой комнате, и, скорее всего, вы повстречаете привидение, — предложила ему Мейбл.

— Так здесь есть привидение? — радостно вскрикнул американец.

— Говорят, — продолжала Мейбл, — что старый сэр Руперт, обезглавленный в царствование Генриха Восьмого, прогуливается по ночам в этом замке, держа свою голову под мышкой. Сами мы этого не видели. Мы видели только даму в розовом платье с бриллиантами в волосах, в руке которой была свечка, — лихорадочно нагромождала вранье на вранье Мейбл, а все остальные, прекрасно понимая ее замысел, поспешили искренне уверить миллионера, что тоже видели даму в розовом платье.

Он внимательно посмотрел на них, прищурился, и в глазах у него промелькнула какая-то искорка.

— Ну что ж! — сказал он. — Я рассчитываю на то, что лорд Ядлинг позволит мне провести

ночь в лучшей спальномй комнате его замка. И если я услышу хотя бы шаги призрака, хотя бы один потусторонний вздох, я возьму этот замок в аренду.

— Как хорошо! — обрадовалась Кэтти.

— Вы, похоже, очень полагаетесь на ваше привидение, — продолжал американец (причем глазки его так и сияли). — Так вот, позвольте мне предупредить вас, молодые люди, что я всегда ношу с собой огнестрельное оружие, и как только увижу ваше привидение...

Он выхватил из набедренного кармана револьвер и любовно осмотрел его.

— Я не такой уж плохой стрелок, — промолвил он и, пройдя по начищенному до блеска полу спальни, выглянул в окно. — Видите вон ту большую яркую розу размером с блюдце?

Розу все видели.

В следующую минуту грохот выстрела разорвал напряженную тишину, и красные лепестки розы посыпались на наружную террасу.

Американец снова оглядел своих маленьких знакомцев. Все они почему-то очень побледнели.

— Джефферсон Д. Конвей нажил свои денежки, поскольку всегда был усерден в делах и держал глаза открытыми, — сказал он. — Благодарю вас за приятную компанию.

— Представляешь, что было бы, если бы ты явилась к нему как привидение, а он бы тебя застрелил? — вдохновился Джимми. — Вот это и вправду было бы приключение!

— Все равно я что-нибудь придумаю,— не сдавалась побледневшая Мейбл.— Надо отыскать лорда Ядлинга и забрать у него кольцо.

Лорд Ядлинг успел договориться с тетужкой Мейбл, и в большом темном зале их уже поджидал ленч, сервированный на серебряных блюдах в самом тесном соседстве с рыцарскими доспехами и старинной дубовой мебелью. Мадемуазель, с каждой минутой становившаяся все моложе и прекраснее, едва не расплакалась, когда Джеральд поднялся со стаканом лимонада в руке и провозгласил: — За здоровье лорда и леди Ядлинг!

Лорд Ядлинг поблагодарил его длинной, полной веселых намеков речью, и тогда, улучив подходящий момент, Джеральд попросил:

— Это кольцо... Вы же не верите в него, а мы верим. Не могли бы вы нам его вернуть?

Конечно, они получили свое кольцо обратно.

После торопливого совещания в сокровищнице Мейбл решила:

— Это кольцо желаний, и я хочу, чтобы здесь появилось все оружие, какое только есть у этого американца.

В ту же секунду комната наполнилась оружием — на шесть футов от пола громоздились кучи сабель, дротиков, стрел, томагавков, лассо, бумерангов, пистолетов, револьверов, боевых топоров и кинжалов. Тут были все виды оружия, какие только можно было припомнить, и четверо детей, съезжившись в уголке, не осмеливались пошевелиться среди этих зловещих посланников смерти.

— Должно быть, он коллекционирует оружие,— заметил Джеральд.— А стрелы, между прочим, вполне могут оказаться отравленными. Ради всего святого, Мейбл, отправь их туда, откуда они взялись, и давай попробуем сначала.

Мейбл отослала оружие назад, и дети вновь оказались в пустой комнате с отделанными резными панелями стенами.

— Нет,— произнесла Мейбл.— Сама я на это не решусь. Мы создадим ему призрак совсем другим способом. Хочу, чтобы когда американец ляжет в постель, ему показалось бы, будто он видит привидение. Сэр Руперт с головой под мышкой вполне подойдет.

— Он будет сегодня ночевать здесь?

— Не знаю, сегодня ли. Я хочу, чтобы он видел сэра Руперта каждую ночь! Ну вот, теперь все улажено.

— Как глупо,— проворчал Джеральд.— Мы-то ведь так и не узнаем, видел он сэра Руперта или нет.

— Мы обо всем узнаем утром — когда он прибежит снимать замок.

Едва решение было принято, как тетушке Мейбл вдруг срочно понадобилась любимая племянница, а остальные трое превесело отправились домой.

Но прежде чем они покончили с ужином, лорд Ядлинг вновь зашел за ними и объявил:

— Мистер Джефферсон Конвей просил, чтобы мальчики составили ему компанию — он хочет сегодня переночевать в парадной спальне. Постели уже приготовлены. Вы ниче-

го не имеете против? Он, кажется, подозревает, что вы хотите разыграть его, изображая привидение.

Отказаться было невозможно.

В десять часов мальчики улеглись в маленькие белые кровати, казавшиеся совершенно крошечными в большой темной комнате с высоким потолком. Рядом громоздилось гигантское ложе на четырех ножках и с балдахином, отделанным темным плюмажем. Его занял американский миллионер.

— Хорошо бы призрак был ненастоящий,— прошептал Джимми.

— Он и будет ненастоящий,— шепотом ответил Джеральд.

— И вообще, я не хочу, чтобы мне явился сэр Руперт с головой под мышкой,— гнул свое Джимми.

— Никто тебе и не явится. В лучшем случае ты увидишь, как его увидит наш миллионер. Мейбл загадала, чтобы его увидел мистер Джефферсон, а про нас она ничего не говорила. Скорее всего, ты проспишь всю ночь и ничего даже не заметишь. А сейчас закрой глаза, считай до миллиона и не глупи!

Однако, успокаивая младшего брата, Джеральд не забывал о некоторых особенностях кольца и его обладательницы. Едва Мейбл узнала от своей свежеподкрашенной тетушки, что мистер Джефферсон Д. Конвей проведет в парадной спальне эту ночь, она тут же схватилась за кольцо и пожелала, чтобы сэр Руперт с его головой появился именно в парадной спальне.

Джимми закрыл глаза и начал считать до миллиона. Но он так и не успел досчитать до миллиона, потому что заснул. Брат его заснул тоже.

Их разбудил грохот револьвера и, прежде чем они открыли глаза, им приснилась залитая солнцем терраса и розовые лепестки, разлетевшиеся по прогретым на солнце белым плитам.

Они открыли глаза и увидели темную парадную спальню, шесть высоких свечей и американца, успевшего натянуть на себя рубашку и брюки и сжимавшего в руке еще дымящийся револьвер. Из двери туалетной комнаты выходила фигура в жилете и старинных панталонах, с плоеным воротничком вокруг шеи — но над этим воротничком не было головы! Голова выглядывала из-под мышки — правой рукой в нарядном бархатном рукаве призрак бережно прижимал ее к себе. Голова изысканно-вежливо улыбалась. Мальчики, как это ни прискорбно, пронзительно завопили. Американец выстрелил снова. Пуля пробила сэра Руперта насквозь, но тот, не обращая на это ни малейшего внимания, продолжал плавно продвигаться вперед.

Внезапно все померкло у них перед глазами. Очнулись мальчики только утром. Серый утренний свет заглядывал в высокое окно, сильный дождь стучал по оконному стеклу. Американец исчез.

— Где мы?! — вскрикнул Джимми, резко сядя в кровати и запуская пальцы во всклокоченные волосы. — Ой, я все вспомнил! Как

это было страшно! Знаешь, я по горло сыт этими чудесами с кольцом.

— Чепуха! — распушил хвост Джеральд. — Мне это даже понравилось. Я ни капельки не испугался. А ты?

— Конечно, нет! — ответил Джимми.

— Наш фокус удался, — решил Джеральд, услышав от прислуги, что американец позавтракал спозаранку и первым же поездом отбыл в Лондон. — Он поехал продавать другие свои

дома, чтобы переселиться сюда. Наконец-то от этого кольца будет хоть какая-то польза.

— Теперь-то вы поверите в наше кольцо,— заговорил Джимми, повстречав лорда Ядлинга в картинной галерее.— Это мы устроили так, что мистеру Джефферсону явилось привидение. Он сказал, что поселится в этом замке, если только увидит привидение, так что, само собой разумеется, мы позаботились об этом.

— Вот как? — переспросил лорд Ядлинг, и голос его прозвучал как-то странно.— Будьте уверены, я чрезвычайно вам обязан.

— Не стоит благодарности,— вежливо возразил Джимми.— Я так и думал, что вы обрадуетесь, да и он тоже.

— Быть может, вам интересно будет узнать,— проговорил лорд Ядлинг, поглубже засунув руки в карманы и глядя на Джимми сверху вниз,— что мистеру Джефферсону Д. Конвею ваш призрак понравился до такой степени, что он разбудил меня сегодня в шесть часов утра, дабы обсудить эту ситуацию.

— Замечательно! — воскликнул Джимми.— Что же он вам сказал?

— Насколько я могу припомнить, он сказал следующее,— все тем же странноватым голосом продолжал лорд Ядлинг: — «Милорд, этот ваш родительский домик просто первый класс. Честно говоря, это то, что я называю «удачным капиталовложением». Роскошь прямо-таки княжеская, а сад и вообще не хуже райского. Полагаю, ваши предки не жалели

никаких затрат. Правильные были люди. Они все устроили как надо — каждая мелочь на своем месте и все такое прочее. Мне нравятся ваши ковры, и дубовые панели мне нравятся, а особенно потайная лестница. Но я полагаю, что ваши предки должны были подумать хорошенько и остановиться вовремя». На это я возразил, что, насколько мне известно, они как раз и остановились вовремя. «Нет уж, сэр, — гнул свое наш гость. — Ваши предки взяли себе моду разгуливать по ночам, причем голова у них находится под мышкой, а не в подобающем ей месте. Будь здесь привидение, которое только вздыхает, или шуршит, или даже потихоньку крадется мимо, я бы выдержал это, и даже поблагодарил бы вас за него, и учел бы это в договоре об арендной плате. Но призрак, которого никакая пуля не берет! Я в него палю, а он знай себе ухмыляется, стоя передо мной с одной шеей — голова-то у него под мышкой, — а мальчишки вопят от страха и падают в обморок прямо в своих кроватках — нет уж, увольте! Я что хочу сказать — если в английской графской семье за высший тон считают иметь такие вот семейные призраки, то, благодарю вас, мне это не подходит!» После чего он уехал в Лондон с первым же поездом.

— Послушайте, — заикаясь, выговорил Джими. — Мне, правда, очень жаль, и, по-моему, мы вовсе не падали в обморок — во всяком случае, я не падал. И потом, мы думали, что все это будет как нельзя кстати. Не огорчайтесь —

может быть, кто-нибудь еще и снимет у вас этот замок.

— У меня больше нет богатых знакомых,— сказал лорд Ядлинг.— Мистер Конвей приехал днем раньше, чем собирался. Если бы не это, вы бы никогда не добрались до него. Не знаю, как вам это удалось, да и знать не хочу. Но это была глупая шутка.

Оба помолчали. Дождь бил в высокое окно.

— Послушайте,— произнес Джимми, и его круглая рожица озарилась новым замыслом и новой надеждой.— Послушайте, лорд Ядлинг, если у вас так плохи дела, то отчего бы вам не продать ваши драгоценности?

— Нет у меня никаких драгоценностей, и хватит ко мне приставать! — не выдержал наконец лорд Ядлинг и, повернувшись к Джимми спиной, хотел было уйти.

— Я имею в виду те драгоценности, которые хранятся в комнате с резными панелями и звездами на потолке,— настаивал Джимми, преследуя по пятам лорда Ядлинга.

— Нет там никаких драгоценностей,— оборвал его лорд.— А если вы опять заведете свою песенку начет кольца, то я вас предупреждаю, молодой человек: полегче. Я уже сыт этим по горло.

— И вовсе это не песенка про кольцо,— Джимми решил не обижаться, поскольку все-таки чувствовал себя виноватым.— Там, в этой комнате, сплошные полки, а на них лежат самые прекрасные семейные драгоценности, какие я только видел на свете. Вы продадите их, и...

— О, нет! — воскликнула мадемуазель, появляясь в дверях галереи. Сегодня она была прекрасна и величественна, словно старинный портрет герцогини. — Вы не продадите семейные драгоценности.

— Да нет у меня никаких драгоценностей, — ответил лорд Ядлинг, поспешно подходя к ней. — Как давно я вас жду!

— Как же, нету! — выскочила из-за спины мадемуазель Мейбл. — Пойдемте с нами — сами увидите!

— Давайте посмотрим, что они хотят нам показать, — потребовала мадемуазель, поскольку лорд Ядлинг по-прежнему не двигался с места. — По крайней мере, это будет занятно.

— Еще как занятно! — подтвердил Джимми.

И они пошли — Мейбл и Джимми впереди, а за ними, держась за руки, шли лорд Ядлинг и мадемуазель.

— Лучше нам держаться за руки, — пояснил лорд Ядлинг. — Раз уж этих детей выпустили на волю, то лучше быть готовым к любым неожиданностям.

Глава двенадцатая

Сколь занятно было бы попытаться передать чувства и мысли лорда Ядлинга, когда тот проходил вслед за Мейбл по залам своего старинного замка, но вся беда в том, что я не знаю и не имею никакой возможности узнать, что же он думал в эти минуты. Что-то он,

конечно, думал: наверное, он был слегка озадачен и удивлен, и, наверное, ему порой хотелось ущипнуть самого себя, чтобы проверить, не снится ли ему все это. Может быть, в голове у него поочередно всплывало два вопроса: «Не сошли ли они с ума?» и «Не сошел ли я сам с ума?» — но он не знал, каким вопросом заняться в первую очередь, да и как ответить на каждый из них. Ему было ясно, что дети на самом деле верят во все эти причудливые истории. К тому же его желание относительно мадемуазель и впрямь исполнилось, а тут еще появился этот призрак. Наверное, он думал, что... Нет, бесполезно, я просто не имею понятия, о чем он думал на самом деле, а потому мы с вами никогда не узнаем об этом.

Нет у меня никакого ключика и к мыслям мадемуазель. Мне известно только, что она была очень счастлива — но об этом легко догадался бы каждый, кто заглянул бы ей в глаза. Пожалуй, как раз сейчас можно на минутку прерваться, чтобы пояснить: ее опекун, отправив мадемуазель в монастырь, с тем чтобы нищий лорд не мог овладеть ее состоянием, решил окончательно обезопасить это состояние, удрав с ним в Южную Америку. Поэтому, «оставшись без средств к существованию», мадемуазель вынуждена была искать работу. Она стала гувернанткой и, когда предоставилась такая возможность, выбрала себе место возле Ядлинг-Тауэрса. Она хотела еще раз повстречаться с лордом Ядлингом, хотя и решила, что он разлюбил ее и покинул навсег-

да. И вот теперь они встретились. Наверное, она думала именно об этом, когда они шли по его дому, и ее рука покоилась в его руке. Но окончательно поручиться за это я не могу.

А вот мысли Джимми открыты мне, словно старая, много раз перечитанная книга. Он думал кратко и решительно: «Теперь-то уж он точно поверит!». Как ни странно, для Джимми важнее всего на свете было наконец-то доказать лорду свою правоту. Он жалел только, что Джеральда и Кэтлин не будет рядом с ним в миг его торжества, но Джеральд и Кэтлин помогали тетушке Мейбл вновь упаковывать мебель в чехлы и потому не принимали участия в описываемых событиях. И, пожалуй, лучше пока отложить их приход — потому что когда Мейбл гордо произнесла: «Вот!», и остальные, наступая ей на пятки, ворвались в комнату, отделанную резными панелями, последовала какая-то непонятная заминка — и ничего не произошло!

— Здесь где-то была потайная пружина, — бормотала Мейбл, ощупывая стены внезапно вспотевшими руками.

— Где же? — поинтересовался лорд Ядлинг.

— Здесь! — сорвавшимся голосом прошептала Мейбл. — Но я не могу ее найти.

Она и впрямь не могла найти пружину. Другую пружину — ту, что открывала нечто вроде шкафчика под окном — она нашла с легкостью, но кого это могло заинтересовать? Все хотели увидеть драгоценности, а двое из присутствовавших точно знали, что драгоценности должны быть где-то рядом. Но та пружина

жина, которая раздвигала дубовые панели, являя жадным очам драгоценности, которых, пожалуй, хватило бы на то, чтобы выкупить из плена короля,— эта главная пружина куда-то подевалась. Ее просто не было там, где она должна была быть. Сомневаться не приходилось — они обследовали всю стену, дюйм за дюймом. Пылкие уверения Мейбл и Джимми замерли, наткнувшись на враждебное молчание. Уши у детей горели, они прятали глаза, боясь повстречаться взглядом со взрослыми. Как нечестно, прямо-таки неспортивно обошлась с ними эта пружина!

— Вот так! — сурово произнес лорд Ядлинг. — А теперь, когда мы покончили с вашей шуткой — если это у вас называется шуткой, — мы можем уйти? С меня достаточно. Верните мне кольцо — я полагаю, оно принадлежит мне, ибо, по вашим же словам, вы нашли его где-то в замке. И чтобы я больше от вас ни одного слова не слышал о колдовстве, кольцах и прочей чепухе!

— Кольцо у Джеральда, — жалобно протянула Мейбл.

— Приведите его сюда, — потребовал лорд Ядлинг. — Отправляйтесь — оба!

Они понуро удалились, а лорд Ядлинг, воспользовавшись их отсутствием, объяснил мадемуазель, как мало значат для него эти драгоценности по сравнению с гораздо более серьезными вещами.

Вскоре четверо ребят присоединились к ним.

— Нам обоим надоела эта история с кольцом, — обернулся к ним лорд Ядлинг. — Верни-

те его мне, и больше мы об этом говорить не будем.

— Я... я не могу его снять,— извинился Джеральд.— Так бывает... Это кольцо часто ведет себя по-свински.

— Я с ним справлюсь,— заявил лорд Ядлинг, но и ему не удалось совладать с кольцом.— Попробуем мыло! — решил он, но четверо из пяти слушателей, внимавших его распоряжениям, прекрасно знали, что мыло тут не поможет.

— Они не верят в драгоценности,— внезапно разнюнилась Мейбл.— А я не могу найти пружину. Я уже все тут ощупала. Мы вместе искали. Она была вот здесь, и...

Произнося эти слова, она машинально притронулась рукой к стене, и в ту самую минуту, когда голос ее заглушили слезы, резные панели раздвинулись, и полки, устланные синим бархатом и нагруженные драгоценностями, открылись потрясенному взору лорда Ядлинга и его будущей жены.

— О Боже! — воскликнул лорд Ядлинг.

— О Боже! — по-французски повторила мадемуазель.

— Но почему именно сейчас?! — выдохнула Мейбл.— Почему именно сейчас?!

— Это колдовство,— авторитетно пояснил Джеральд.— На самом деле, никакой пружины там нет, и она не работает, когда кольца нет в этой комнате. Ты же помнишь, Феб говорил, что в кольце — средоточие всех чар.

— Давай задвинем панель, уберем кольцо и посмотрим, что получится.

Они тут же провели эксперимент. Джеральд оказался прав («Как всегда!» — заметил позднее он). Когда он вместе с кольцом выходил из комнаты, исчезала и потайная пружина, когда же он возвращался, пружина (к великой радости Мейбл) вновь оказывалась на своем месте.

— Вот видите! — сказала Мейбл лорду Ядлингу.

— Я вижу, что эта пружина устроена чрезвычайно хитроумно, — отвечал негибачей лорд. — Я согласен, что вам было не так-то легко ее найти. И если все эти драгоценности настоящие...

— Разумеется, они настоящие! — негодующее фыркнула Мейбл.

— В любом случае, я чрезвычайно благодарен всем вам, — продолжал лорд. — Похоже, за окном прояснилось. После обеда я отправлю вас всех домой. А сейчас я все-таки хотел бы получить это кольцо, если вы ничего не имеете против.

Полчаса палец Джеральда обрабатывали мылом и теплой водой — он покраснел и даже слегка опух, но толку от этого не было. Наконец, лорд Ядлинг в сердцах буркнул какое-то уж вовсе несправедливое словцо, а Джеральд, не на шутку разозлившись, крикнул:

— Да я сам бы хотел, чтобы это проклятое кольцо слезло с моего пальца! — И, само собой, в ту же секунду оно «как по маслу» съехало с пострадавшего пальца.

— Благодарю вас, — промолвил лорд Ядлинг.

— Ну вот, теперь он думает, что я все это устроил нарочно,— пожаловался Джеральд, когда, вернувшись домой, они обсуждали все происшествия дня, уплетая консервированные ананасы (одна банка на всех) и распивая лимонад (по бутылке на каждого).— Никогда не знаешь, чего ждать от взрослых. Он не так уж спешил закладывать коляску, когда мадемуазель решила вернуться вместе с нами. Но мне он нравился больше, пока был просто бейлифом. Судя по всему, он теперь будет вести себя так, что нам это не слишком придется по душе.

— Он сам не знает, что с ним происходит,— откинувшись назад, произнесла Кэт.— Это колдовство действует — ты же сам говорил, что это вроде кори. Сам вспомни, как злилась Мейбл, когда стала невидимкой.

— Да уж! — подтвердил Джимми.

— С одной стороны, это так,— постарался быть объективным Джеральд,— но, с другой стороны, он влюблен, а влюбленные всегда сильно глупеют. Мне один приятель в школе рассказывал, что его сестра совершенно свихнулась после помолвки — а до того она была вполне своим парнем.

За чаем и ужином председательствовала сияющая мадемуазель — прекрасная, словно девушка на рождественской открытке, проказливая, как мартышка, и ласковая, как кошечка. Вы бы тоже могли быть такими хорошими и ласковыми, если бы только захотели. Настало время завтрака — и снова были улыбки, шутки, прелесть и обаяние.

Затем пришел лорд Ядлинг. Влюбленные устроились в гостиной, ребята же из деликатности ушли в классную комнату, но когда через некоторое время Джеральд, поднимаясь по лестнице в свою комнату (ему понадобился карандаш), спугнул Лиз, чье ухо прямо-таки приросло к замочной скважине, он решил ненадолго задержаться у двери.

Джеральд уселся на лестнице, раскрыв книжку: отсюда он не смог бы разобрать ни слова из разговора в гостиной, но зато ему была отлично видна дверь, возле которой уже не оставалось места для любопытных ушей. Поэтому, когда дверь гостиной внезапно распахнулась, Джеральд отчетливо увидел, как лорд Ядлинг, покачиваясь, вышел из нее. «Наш юный герой (как он сам позднее передавал эти события) деликатно кашлянул, чтобы обозначить свое присутствие», но лорд Ядлинг не услышал его. Ощупью, словно во сне, он добрался до вешалки, запутался в плащах и зонтиках, добыл наконец свою соломенную шляпу, отчужденно посмотрел на нее, надвинул ее себе на лоб, вышел и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Дверь гостиной осталась распахнутой, и Джеральд, выбравший себе такую позицию, чтобы не слышать разговора за закрытой дверью, теперь отчетливо различал все доносившиеся из гостиной звуки — а ими, к его испугу и огорчению, оказались всхлипывания. Мадемуазель плакала.

— Ну и ну! — вздохнул он. — Не много же времени им понадобилось — уже поссорились! Надеюсь, меня никогда не угораздит влюбиться!

Впрочем, времени на то, чтобы поразмыслить о собственном будущем, у него уже не оставалось. В любой момент на лестницу могла ворваться Лиз. Уж она без запинки прошла бы в гостеприимно приоткрытую дверь, лишь бы проникнуть в священную тайну скорби мадемуазель. Джеральд решил, что уж лучше он сам потревожит ее. Осторожно ступая по истрепанному зеленому коврику, покрывавшему ступени лестницы, он дошел до гостиной, вошел внутрь и надежно прикрыл за собой дверь.

— Все кончено! — прошептала мадемуазель, спрятав лицо в подушку дивана (кто-то из прилежных учениц изукрасил эту подушку белыми лилиями на красном фоне). — Он не может жениться на мне.

Не надо у меня спрашивать, как Джеральду удалось войти в такое доверие к горюющей невесте. Как я говорила в самом начале книги, он умел отлично обходиться со взрослыми, если только того хотел. Он держал ее за руку так же нежно, как если бы она была его родной матерью, у которой страшно разболелась голова. Он говорил ей: «Ну, будет!», и «Не надо плакать!», и «Все обойдется, вот увидите!» так ласково, как только умел. Он даже попытался погладить ее по спине, и все это время уговаривал ее поведать ему о своем горе.

Он просил ее «рассказать ему все» вовсе не из любопытства. Джеральд был почти уверен, что если случилась по-настоящему большая беда, то, скорее всего, это произошло из-за кольца. И снова (или, скорее, «как всегда») Джеральд оказался прав.

История, рассказанная мадемуазель, была и вправду необычной. Прошлой ночью лорд Ядлинг вышел в парк — подумать, помечтать о...

— Я понимаю,— сказал Джеральд,— а кольцо по-прежнему было у него на пальце. И он увидел...

— ...Он увидел, как ожили статуи,— рыдала мадемуазель.— Его мозг был потревожен теми нелепыми историями, которых вы ему рассказали. Он видел Аполлон и он видел Афродит живыми в мраморе. Он захотел себе быть статуя. И он стал сумасшедший — он представлять себе ваша история об остров была правда, и он упал в озеро и поплыл с животными из ковчега де Ной и ел с богами на остров. На рассвете его безумие стало меньше. Он думал все боги исчезать. Но он сам — нет. Он думал, он статуя, он прятался от садовников в своем саду до девяти минус четверть. Тогда он думал желать себе не быть статуя и он понял, что он снова плоть и кровь. Это только страшный сон, но вы вскружили ему голова своими сказками. Он говорит, это не был сон, но он глупый... Нет, не глупый — как это? — сумасшедший, а сумасшедший не может жениться, и нет никакой надежды, и я в отчаянии, и нет смысла жить!

— Есть смысл! — торжественно уверил ее Джеральд. — Уверяю вас, и смысл есть, и надежда! Все в порядке, и совсем не надо отчаиваться. Он вовсе не сумасшедший, и ему ничего не приснилось. Это волшебство. Это все было на самом деле.

— Волшебство не существует, — простонала мадемуазель. — Он сумасшедший. Он слишком обрадовался, увидев меня обратно после столько долго!

— А он разговаривал с богами? — мягко спросил Джеральд.

— Это самое плохое сумасшествие из всех его фантаси! Он говорит, Меркюр назначил ему рандеву завтра в каком-то храме, когда поднимается луна!

— Правильно! — вскричал Джеральд. — Все верно! Дорогая моя, милая, добрая, прекрасная мадемуазель Рапунцель, не будьте же такой глупой маленькой плаксой! — Тут он спохватился, вспомнив, что слова, которыми он привык утешать Кэтлин в ее расстроенных чувствах, не вполне годятся в данной ситуации, и поспешно добавил: — Я имею в виду, не плачьте просто так, без всякого повода, как некоторые дамы. Завтра он пойдет в этот храм. Я пойду в этот храм. Вы пойдете в этот храм — все пойдут. Понимаете, он пойдет, и вы пойдете, и все пойдут! И вот увидите, все будет просто замечательно. Он поймет, что он совсем не сумасшедший, и вы поймете все, совершенно все! Возьмите мой платок — он, кстати, совсем чистый, я его еще и не разворачивал. Ох! Да перестаньте же плакать — вы

такая прекрасная, такая добрая, а он вас так долго ждал!

Весь этот поток красноречия пролился не напрасно. Она приняла из его рук платок, всхлипнула в последний раз, вытерла глаза и попыталась улыбнуться:

— Ах, негодник! Это вы сыграли с ним какую-нибудь шутку, как в тот раз с привидением?

— Я не могу вам сейчас все объяснить,— ответил ей Джеральд.— Но я даю вам самое настоящее британское слово чести — пусть вы даже и француженка, но вы ведь знаете, что такое британское слово чести, верно? — что все будет так, как вы хотите. Я еще ни разу не говорил вам неправду. Почему же теперь вы не хотите мне поверить?

— Как это ни странно,— произнесла она, вытирая глаза,— но я верю тебе. И она вновь поцеловала его, как в тот раз, а он снова не успел увернуться. Правда, в этот час скорби он, наверное, счел неджентльменским отказывать ей в столь маленьком удовольствии.

«Ей это нравится, а мне не так уж и противно, разве что самую малость», — примерно так подумал он.

До восхода луны оставалось совсем немного времени. Француженка (впадавшая поочередно то в надежду, то в отчаяние, но в любом случае полная решимости отправиться к лорду Ядлиngu, будь он даже безумен как мартовский заяц) и четверо детей — Мейбл они успели вызвать срочным письмом — медленно шли по влажной траве. Луна еще не взошла,

но предварявший ее свет уже смешался на небесах с пурпуром заката. Запад отяжелел грозowymi облаками, восток, ожидавший появления луны, был ясен, словно гладь озера.

Они пересекли лужайку, прошли березовую рощу, пробрались сквозь низкие заросли кустарника и наконец вышли к одной из ровных площадок, рядом выстроившихся на пологой вершине большого холма. Здесь находилось кольцо, составленное из крупных, странного вида камней, в самом центре которого высился большой плоский камень — одинокий, обособленный от других, полный скрытого значения и наверняка хранящий память о давно забытых верованиях и ритуалах. Что-то темное двигалось в середине круга. Француженка, оторвавшись от своих спутников, бросилась вперед и ухватила темную фигуру за руку. Это был лорд Ядлинг, который тут же попросил ее уйти.

— Нет, нет, ни за что! — закричала она. — Если вы сумасшедший, я тоже сумасшедшая! Я верю в эту историю, которую рассказали дети. Я здесь, чтобы быть с тобой, чтобы увидеть с тобой, чтобы увидеть то, что покажет луна.

Дети остановились у плоского камня. Они молча держались за руки, покоренные тайной и колдовством, прозвучавшими в голосе юной женщины, к которому они прислушивались, хотя и запрещали себе слушать.

— Ты не боишься? — спросил лорд Ядлинг.

— Бояться? С тобой? — рассмеялась она.

Он обнял ее рукой за плечи, и дети услышали, как она вздохнула.

— Все-таки ты боишься, любимая,— повторил он.

Джеральд решительно направился к ним.

— Тот, кто наденет кольцо, не будет бояться,— сказал он.— Извините, но нам тут слышно каждое слово.

Она снова рассмеялась.

— Ну и пусть! — сказала она.— Вы ведь знаете, что мы любим вас.

Лорд надел кольцо ей на палец, и они молча стали ждать. Белый фланелевый рукав его костюма был почти незаметен на фоне ее светлого платья. Они казались единой статуей, вырезанной из мрамора.

Легкий серый свет коснулся круглого отверстия в земле и пошел чуть вбок. Само отверстие превратилось в круг света, и лунный луч пронзил этот круг насквозь, пройдя через серую зелень отмеченного камнями круга, а когда луна поднялась выше, лунный луч ушел глубоко вниз. Дети пятились и отступали, пока не наткнулись на двоих влюбленных. Лунный луч искривлялся все сильнее и сильнее. Вот он коснулся дальнего края камня, затем подполз к его центру — и вдруг вошел в самое средоточие камня, который, в свою очередь, был средоточием круга. Его прикосновение освободило какую-то тайную пружину, и наружу вырвался целый сноп света. Все вокруг переменялось — вернее, обрело свою суть. Тайн не стало. Замысел мироздания стал ясен им, как первое «два плюс

два», которое детская рука выводит неуклюжими каракулями в своей первой глянцевой тетрадке. Единственное, что вызывало недоумение, так это то, как вообще можно было недоумевать в этой жизни. Пространство исчезло, весь мир, все, что вы когда-либо видели во сне или о чем мечтали, было здесь. Времени не было — в этот миг соединилось все, что вы когда-либо делали прежде или только мечтали совершить. Это место стало центром вселенной — оно стало самой вселенной. Неугасимый свет открыл им неизменную суть всех вещей.

Ни один из шести человек, видевших восход луны, не мог бы понять, что при этом происходит со временем. Лишь на один миг лунный луч остановился в самом центре центрального камня. Но за этот миг многое успело произойти.

С той высоты, на которую они забрались, им был виден лежавший вдалеке тихий парк, уснувшие сады и множество фигур, приближавшихся к ним из серой зелени парка и сада.

Впереди двигались огромные животные, те странные создания, которые населяли некогда молодую землю, огромные крылатые ящеры (живущие в наших сказках под именем драконов), мамонты и огромные птицы — все они вскарабкались по склону горы и устроились с внешней стороны кольца. А затем, не из сада, но откуда-то из страшной дали явились каменные боги Ассирии и Египта, бычеголовые и крылатые, с головой ястреба или с профи-

лем кошки, каменные, но живые и полные сил; за ними следовали причудливые фигуры, сошедшие с башен соборов, ангелы, сложившие крылья, животные, широко простирающие крыла, сфинксы, идолы южных морей и — наконец! — изящные мраморные боги и богини, пировавшие на острове и приглашавшие детей и лорда Ядлинга на эту встречу. Все молчали. Каждая каменная фигура радостно и тихо входила в это кольцо разума и света, как наигравшиеся дети тихонько возвращаются через приоткрытую дверь к домашнему очагу.

Дети заготовили к этому дню множество вопросов. Им ведь обещали, что на все вопросы будет отвечено. Но никто не произносил ни слова, потому что все присутствующие вошли в круг подлинного волшебства, где все понятно без слов.

Позже никто из них не мог припомнить, как именно все происходило. Они знали только, что побывали в каком-то месте, где все было прекрасно и все давалось легко. И когда наутро они попытались припомнить события этой ночи, они обнаружили, что в памяти у каждого хоть что-нибудь да осталось.

Каменные существа теснее обступили камень. Изливавшийся из него свет внезапно рассыпался во все стороны, как разлетаются капли водопада, обрушивающегося с большой высоты. Вся толпа оказалась залитой сияющей белизной. Все кругом затихло.

Затем какое-то волнение всколыхнуло толпу. Все лица — птичьи, звериные, мраморные, чудовищные, человеческие, детские, взрослые, полные любви — запрокинулись вверх, и свет ударил им в глаза, и единый вопль вырвался из каждой глотки:

— Свет! Свет! — восклицали они, и их слитный голос был подобен слитному рокоту волн. — Свет!

Свет исчез, и сон, словно легкая морская зыбь, подхватил тех, кто не был бессмертен на земле.

Трава стала влажной и холодной, тучи укрыли луну. Влюбленные и дети стояли, тесно прижавшись друг к другу, — не от страха, но от любви.

— Я хочу пойти в ту пещеру на острове, — тихо сказала девушка.

Тихо ступая в ночной тишине, они спустились к лодочному домику, отомкнули заржавевшую цепь и погрузили весла в полную звезд и кувшинок воду. Они приплыли на остров и нашли те ступени.

— Я захватил с собой свечи, — объявил Джеральд. — Так, на всякий случай.

При свете припасенных Джеральдом свечей они вошли в зал Психеи, а там по-прежнему сиял свет, исходивший от ее лица, и все было точно так же, как в первый раз.

Это был Зал Сбывшихся Желаний.

— Кольцо! — прошептал лорд Ядлинг.

— Это волшебное кольцо, которое много лет тому назад досталось смертным, — ответи-

ла его возлюбленная.— Это кольцо дама из моего рода отдала твоему прародителю, дабы он построил ей точно такой дворец, какой был у нее, и создал сад, подобный французскому саду. Этот замок был создан его любовью и волшебством кольца. Но она умерла, так и не увидев его — такой ценой оплачивается колдовство.

Должно быть, эти слова мадемуазель произнесла по-английски, иначе дети просто не смогли бы понять ее, но на этот раз она говорила совсем не так, как обычно.

— Это кольцо требует платы за колдовство, когда им пользуются взрослые,— продолжала она.— Ты уплатил за мое появление страхом безумия. Но одно желание исполняется безнаказанно.

— И это...

— ...Последнее,— подтвердила она.— Должна ли я произнести его?

— Да. Да, пожалуйста,— в один голос сказали все.

— Я хочу,— начала невеста лорда Ядлинга.— Я хочу, чтобы все волшебство, совершенное с помощью этого кольца, исчезло, а само кольцо отныне и навсегда было только любовью, связующей нас навеки — меня и тебя!

Она замолчала. Волшебный свет померк, картины сбывшихся желаний исчезли, словно картинки в погасшем фонаре. Свеча в руке Джеральда осветила грубый каменный свод, и там, где только что стояла Психея, они увидели камень с какой-то надписью.

Джеральд поднес свечу поближе.

— Это ее могила,— сказала француженка.

Из этих событий они ничего не смогли припомнить на следующий день. Но перемен было немало. Мадемуазель, проснувшись, обнаружила, что в ее руке зажато кольцо — не причудливое темное кольцо, но обычное золотое. Исчезло больше половины сокровищ из комнаты с резными панелями, зато оставшиеся уже не зависели от нажатия секретной пружины, а открыто лежали на усталых синих бархатах полках. Исчез коридор позади Храма Флоры, а вместе с ним еще множество потайных коридоров, комнат и лестниц. Статуй в саду стало гораздо меньше. Исчезли даже некоторые части замка, так что ему потребовался дорогостоящий ремонт. Похоже, что предок лорда Ядлинга без стеснения использовал это кольцо для строительства и украшения своего дома.

Тем не менее, оставшихся сокровищ с лихвой хватило на то, чтобы уплатить за все хлопоты.

Внезапность, с которой отменилось все, созданное волшебным кольцом, повергла всех заинтересованных лиц в сомнение: а происходило ли все вышеописанное на самом деле?

Однако же, лорд Ядлинг женился на французской гувернантке. Во время венчания он надел ей на палец гладкое золотое кольцо. Оно, конечно, не могло быть ничем иным, как тем волшебным кольцом, которое последнее желание мадемуазель превратило в цепь люб-

ви, связавшую навеки лорда Ядлинга и его жену.

И если, по-вашему, вся эта история просто чепуха и выдумка, если вы считаете, что Джеральд, Кэтлин, Мейбл и Джимми просто воспользовались моей доверчивостью, обрушив на меня тьму несообразных историй, то как прикажете объяснить короткую заметку, появившуюся в вечерних газетах на следующий же день после того лунного восхода:

«Внезапное исчезновение известного дельца из Сити!»,— так начиналась эта заметка, а далее сообщалось, что сей джентльмен, известный и уважаемый в кругу банкиров, в одночасье бесследно исчез.

«Мистер Г. Л. Вастик,— сообщала далее газета,— по своей привычке допоздна засиделся в конторе. Дверь конторы, как выяснилось наутро, была заперта, но когда ее взломали, вся одежда несчастного джентльмена оказалась на полу, в одной куче с зонтиком, прогулочной тростью, клюшкой для гольфа и — что довольно странно! — метелкой, какими домашние хозяйки обычно смахивают пыль. Никаких следов тела мистера Вастика обнаружено не было. Полиция ведет расследование».

Но результаты этого расследования полиция предпочла сохранить в тайне. Не думаю, что им, как они похвалялись, удалось «напасть на след», поскольку сей достопочтенный джентльмен и был, конечно же, хорошо знакомым нам Головастиком, который ожил, по-

пав в поисках приличной гостиницы в Зал Сбывшихся Желаний. И если вся эта история вымысел, то как удалось четверем ребятам так подружиться с лордом и леди Ядлинг, что их каждый раз приглашают в Ядлинг-Тауэрс на летние каникулы?

Так что можете не ворчать, будто я навывдумывала чего-то лишнего. Все факты налицо, и попробуйте объяснить их как-нибудь иначе.

ПЯТЕРО ДЕТЕЙ И ЧУДИЩЕ

Глава первая

ПРЕКРАСНЫ, КАК МАЙСКОЕ УТРО

Дача была в трех милях от железной дороги, но едва лишь пыльная наемная карета успела, колыхаясь и дребезжа, отъехать от станции, как дети принялись высовывать головы из окон и спрашивать: «Уже близко? Мы подъезжаем?» И когда по пути изредка попадался одинокий хутор, то все они хором вскрикивали: «О, это наверное здесь!»

Но экипаж катился все дальше и дальше, пока не забрался на самую вершину холма, высившегося сразу же за каменоломнями неподалеку от ям, где копали песок. На холме стоял белый домик, окруженный зеленым садом.

— Вот мы и приехали, — сказала мама.

— Какой чистенький домик! — воскликнул Роберт.

— А посмотрите, какие тут розы! — радостно сказала Антея.

— А сливы! — добавила Джейн.

Даже самый маленький залепетал:

— Хочу гулять ножками!

Карета в последний раз качнулась и осталась.

Толкаясь и наступая друг другу на ноги, но не придавая этому никакого значения, все бросились поскорее вылезать из экипажа. Только одна мама, как это ни странно, совсем не торопилась. И даже выйдя из кареты и неторопливо спустившись по ступенькам, она продолжала наблюдать, как вносили чемоданы, а потом расплатилась с извозчиком — ей, по-видимому, совсем не хотелось тотчас же броситься со всех ног и поскорее обежать сад, двор и дикие заросли шиповника, терновника и бурьяна, наличествующие за сломанными задними воротами. Но дети, конечно, лучше знали, что надо было прежде всего сделать.

По правде говоря, дом был самым заурядным и особой красотой не отличался; мама находила его даже неудобным — ей очень не нравилось, что в нем слишком мало полков и нет почти ни одного чулана. Но дом стоял в глухой местности, никакого жилья вблизи его не было. А так как дети последние два года безвылазно провели в Лондоне и им не удавалось даже на несколько часов съездить на побережье, то «Белый домик» показался им каким-то сказочным дворцом посреди земного рая.

Лондон — это настоящая тюрьма для детей, особенно если их родные небогаты. Конечно, там есть и театры, и магазины с разными интересными вещами, но если у вашей семьи нет лишних денег, то в театрах бывать приходится очень редко, да и в магазинах

многого не купишь. Вообще, большие города устроены совсем не так, как надо: там всюду одни прямые, плоские мощеные улицы с огромными скучными домами по сторонам; в общественных садах и парках по деревьям лазить нельзя и даже по траве ходить не позволяют, да и трава там всегда пыльная, а деревья странным образом похожи друг на друга. Нет там таких полезных вещей, как лес, кустарник, песок и вода, с которыми можно играть, их не портя и себе не вредя. Вот почему в городах дети иногда бывают так несносны. Они сами не понимают, чего им недостает. Очень часто не знают этого и их отцы и матери, тетки и дяди, учителя, гувернантки и няни. А мы с вами теперь это знаем.

Прежде чем детей собрали и заставили умыться к чаю, они уже успели обследовать и сад, и двор, и все постройки. Теперь они были вполне убеждены, что в Белом домике им будет очень хорошо. Собственно говоря, они и раньше на это надеялись, но когда оказалось, что вся задняя сторона дома густо заросла кустами дикого жасмина, когда они нашли лужайку, поросшую мягкой, зеленой и совсем не пыльной травой, когда над конюшней был открыт сеновал с остатками сена, то надежда детей на привольную жизнь в Белом домике почти обратилась в уверенность. Когда же Роберт нашел поломанные качели, свалился с них и набил себе шишку величиной с яйцо, а Сирил прищемил палец в двери старой клетки для кроликов, то всякие сомнения в будущем счастье, если они у кого-нибудь и оставались, исчезли окончательно.

Лучше всего было то, что здесь, на даче, не было никаких правил: туда не ходить, того не делать. В больших городах обыкновенно на всем наклеен ярлык: «Не трогай!» Хотя такой ярлык и невидим, но от этого не легче: вы все равно знаете, что он тут есть, а если не знаете, то вам очень скоро об этом скажут.

Белый домик стоял на вершине холма; позади него был лес, с одной стороны каменоломни, а с другой — ямы, где копали песок. У подножия холма расстилалась долина; там имелись причудливого вида постройки, в которых выжигали известь, за ними — красная кирпичная пивоварня и несколько маленьких домов. Когда высокие трубы дымили, а солнце садилось, то вся долина покрывалась золотистым туманом, а известковые печи и сушилки для хмеля сверкали в лучах солнца, словно какой-то волшебный город из *арабских сказок*.

Начав описывать местность, я могла бы бесконечно продолжать свою повесть в том же духе и рассказать вам подробно о том, как шла обыденная жизнь детей в Белом домике и что они там делали. А делали они там то же самое, что, вероятно, делали бы и вы на их месте. Если бы я рассказала, что дети порой были шаловливы и надоедливы, как и с вами иногда случается, то, пожалуй, кто-нибудь из ваших тетушек черкнул бы карандашом на полях книги: «Как это верно!» или «Так часто бывает!» И такая надпись вам, вероятно, не понравилась бы. Поэтому я уж лучше не стану писать о повседневной жизни детей в Белом домике, а расскажу вам только об

удивительных приключениях, которые с ними здесь случились. И вы можете оставлять книжку, где хотите, не опасаясь, что кто-нибудь из взрослых напишет на ней: «Как это верно!». Взрослые не верят чудесам и всегда требуют так называемых доказательств. А дети почти всему готовы верить, и взрослые это знают. Вот почему они говорят вам, например, что земля круглая, как апельсин, хотя вы сами отлично знаете, что она плоская. Поэтому же они уверяют вас, что земля вертится вокруг солнца, хотя вы собственными глазами каждый день можете видеть, что солнце поднимается утром и уходит спать вечером, как то и полагается порядочному солнцу, а земля знает свое место и лежит смирнехонько, а не вертится, как волчок.

Однако, мне кажется, что вы верите всем этим рассказам взрослых о земле и о солнце, а если так, то вам не трудно будет поверить и мне, когда я скажу, что не успели Антея, Сирил и другие дети пробыть на даче неделю, как уже нашли некое необыкновенное существо: не то зверя, не то волшебника; хотя я должна сказать, оно совсем не было похоже на тех волшебников, о которых вы читали в сказках, или слышали от бабушек, или каких, быть может, сами видали.

Случилось это вот как.

Папа должен был неожиданно уехать по делам, а мама решила навестить бабушку, которая немножко захворала. Оба они собрались очень быстро, и после их отъезда в доме стало как-то пусто и скучно. Дети бродили из

комнаты в комнату, смотрели на обрывки веревок и клочки бумаги на полу, еще не выметенные после упаковки вещей, и не могли придумать, чем бы им заняться. Наконец Сирил сказал:

— Знаете что? Давайте возьмем лопаты и пойдем в песочные ямы — будем играть, будто мы на берегу моря.

— Папа говорил, что здесь когда-то и было море, — сказала Антея. — Я слышала, будто здесь есть раковины, которым по несколько тысяч лет.

Итак, дети пошли к песочной яме. Конечно, они прежде всего подошли к самому краю песочной ямы и посмотрели вниз, но спускаться с обрыва не стали: отец предупреждал их, что место это опасное — так же, как и каменоломни. Песочные ямы сами по себе не опасны, если только вы не будете карабкаться по их краям, а пойдете по дороге, где возят песок.

У каждого из детей было с собой по лопате, а кроме того каждый по очереди должен был нести Ягненка — так звали они своего младшего братца, потому что первое слово, которое он произнес, было «Бэ-э!». Антею они иногда звали Пантерой. Когда читаешь, это кажется немножко глупым, но когда говоришь — получается похоже на ее имя.

Песочная яма была очень широка, глубока и похожа на умывальный таз великана. По верхнему краю ее росла трава с какими-то красными и желтыми колючими цветами, на дне были навалены кучи песка, а по бокам в некоторых местах попадались пещерки. Выше,

на обрыве, виднелись целые ряды маленьких дырочек: то были гнезда стрижей.

Конечно, прежде всего дети выстроили замок из песка. Но постройка замков — не очень веселая забава, если нет надежды, что придет прилив, наполнит ров, смочет подъемный мост и, в довершение удовольствия, вымочит всех по крайней мере по пояс.

Сирил хотел было выкопать пещеру, чтобы играть в ней в разбойников, но другие побоялись, что пещера обвалится и похоронит их всех заживо. Дело кончилось тем, что все усердно принялись копать проход в Австралию. Дети, как видите, верили, что земля шарообразна и что по другую ее сторону австралийские девочки и мальчики ходят вверх ногами, как мухи по потолку, а головы их болтаются в воздухе.

Дети раскраснелись, перемазались в песке, но продолжали копать и копать. Ягненок попытался поесть песку, предположив, что он сахарный, но узнав по собственному опыту, что песок совсем не вкусен, расплакался и заснул от огорчения, улегшись в уютной ямке на дворе недостроенного замка. Это дало возможность его братьям и сестрам работать, не отрываясь от дела. И вскоре проход в Австралию стал уже настолько глубок, что Джейн, которую иногда почему-то звали Киской, предложила наконец прекратить работу.

— А вдруг мы провалимся,— сказала она.— И упадем на голову маленьким австралийцам? Ведь песок может попасть им в глаза!

— Да,— поддержал ее Роберт.— И они на

нас рассердятся, станут бросать в нас камнями и не дадут нам посмотреть на кенгуру, на птиц эму и на другие австралийские чудеса.

Сирил и Антея знали, что Австралия не так уж близко, однако и они согласились бросить лопаты и копать дальше руками. Это было совсем не трудно, так как песок на дне ямы был очень мелкий и сухой. Иногда в нем попадались раковинки.

— Подумайте только,— сказала Джейн,— здесь когда-то было мокрое море с волнами, рыбами, кораллами и морскими царевнами!

— С кораблями и потопленными испанскими сокровищами! — продолжал Сирил. — Я хотел бы найти золотой дублон или что-нибудь в этом роде.

— А как же это вдруг море высушили? — спросил Роберт.

— Уж конечно не ведрами его вычерпали, глупый! — ответил старший брат. — Папа рассказывал, что земле под морем стало слишком жарко, как иногда тебе бывает в постели, вот она и высунула плечо, а море с нее и соскользнуло, как с тебя одеяло. Плечо так и осталось снаружи, а потом стало сушей. Пойдемте лучше искать раковины. Мне кажется, что вон в той пещерке их должно быть много. А кроме того, мне кажется, что там лежит что-то похожее на якорь затонувшего корабля. Здесь же, в австралийском проходе, ужасно жарко.

Другие согласились, но Антея продолжала копать. Она всегда любила заканчивать начатое, и ей казалось стыдным бросить проход, так и не добравшись через него до Австралии.

В пещере не нашлось ничего интересного: раковин там не было, а якорь от разбитого корабля оказался на самом деле сломанной рукояткой старой кирки.

Партия, исследовавшая пещеру, уже рассуждала о том, что песок удивительно возбуждает жажду, особенно если поблизости нет никакого моря. Кто-то даже упомянул, что хорошо бы теперь пойти домой и напиться лимонаду, как вдруг в это время Антея крикнула:

— Сирил, иди сюда! Иди же скорее! Тут что-то живое, оно сейчас уйдет, скорей же!

Все бросились к ней.

— Это наверное крыса,— сказал Роберт.— И тут нет ничего удивительного! Папа говорил, что их много водится в старых местах, а это место должно быть очень старым, если здесь тысячи лет назад уже было море.

— Быть может, это змея? — спросила Джейн, вздрагивая.

— Посмотрим! — сказал Сирил, спрыгивая в яму.— Я змей не боюсь, я их люблю. Если это змея, то я приручу ее и она будет ползать за мной повсюду, а по ночам она будет спать, обернувшись вокруг моей шеи.

— Нет, ты этого не сделаешь! — решительно возразил Роберт, который спал в одной комнате с Сирилом.— Но если это крыса, то тогда, пожалуй...

— Не болтайте пустяков,— крикнула Антея.— Это не крыса, это что-то *гораздо* больше крысы. И совсем не змея. У него есть лапы — я их видела — и шерсть. Нет, не надо лопатой,

Сирил! Мы можем сделать ему больно. Копай руками!

— А тогда оно сделает мне больно,— ответил Сирил, хватая лопату.

— Не надо же, Сирил, не надо! — настаивала Антея.— Быть может, вы станете смеяться, но оно что-то сказало.

— Что?

— Оно сказало: «Оставь меня в покое».

На это Сирил только заметил, что у его сестры, по-видимому, голова не в порядке. Они с Робертом схватили лопаты и принялись разрывать песок, Антея же в сильном волнении сидела на краю ямы. Мальчики копали осторожно и вскоре всем стало видно, что на дне австралийского прохода действительно что-то шевелится.

Антея не выдержала.

— Я не боюсь, пустите меня! — крикнула она.

Спрыгнув в яму и опустившись на колени, она стала разбрасывать песок руками, словно собачка, вспомнившая, где была зарыта кость.

— О, я чувствую мех! — говорила она, не то плача, не то смеясь.— Право же, право, это так.

Вдруг со дна ямы послышался какой-то глухой голос, заставивший всех отскочить прочь.

— Оставьте меня в покое, говорю я вам!

Дети в испуге переглянулись. Однако Роберт довольно быстро оправился и храбро ответил:

— Но нам надо тебя видеть.

— Мы желали бы с вами познакомиться,— сказала Антея, тоже набравшись храбрости.

— О, раз таково ваше желание, то что ж...—
послышалось в ответ.

Вслед за тем песок закрубился, завертелся и рассыпался в стороны; что-то темное, круглое, пушистое появилось на дне ямы, отряхнулось и стало протирать себе глаза.

— Кажется, я вздремнул немного,— сказало это странное существо.

Дети стояли вокруг ямы и с удивлением смотрели на свою находку. Да и было на что посмотреть: глаза у этого невиданного зверька

были словно у улитки — на рожках; они вытягивались и складывались точно подзорные трубы; уши — как у летучей мыши; туловище — круглое, толстое, словно у паука и покрытое темным, мягким, пушистым мехом; ноги и руки как у обезьяны и тоже покрыты мехом.

— Вот так чудище! — сказала Джейн. — Что же нам с ним делать? Возьмем его домой?

Странное существо повернуло свои длинные глаза и, посмотрев на шляпку Джейн, презрительно сказала:

— Она у вас всегда такая глупенькая, или же эти тряпочки так вредно влияют на ее головку?

— Она не хотела вас обидеть, — кротко вступилась за сестру Антея. — И, право же, никто из нас не хочет вас обижать. Вы не бойтесь, мы ничего дурного вам не сделаем.

— Мне говорят «не бойтесь»!.. Меня мило-стиво обещают не обижать!.. Это мне нравится. Да вы что же, меня каким-то ничтожеством считаете?

И вся шерсть у невиданного зверя встала дыбом, словно у рассерженного кота.

— Если бы мы знали, кто вы такой, — ответила Антея мягко, — то, конечно, не стали бы говорить того, что вам не нравится. А до сих пор что мы ни скажем, вам, по-видимому, не придется по душе. Но ведь, право же, мы не знаем, кто вы такой!

— Не знаете? Да, я могу понять, что мир переменился, однако не настолько же! Неужели, увидав Псаммиада, вы не можете его узнать?

— Саммиада?.. Это что за странное имя?

— Так в старину нас называли греки. На вашем языке меня можно назвать, ну, хоть *Диво Песков*, что ли. Так неужели никто из вас четверых не знает меня?

Вид у этого Дива Песков или же Чудища, как его уже назвала Джейн, был такой обиженный и печальный, что Джейн опять поторопилась сказать:

— Ну конечно, мы вас сразу узнали! Ведь мы и пришли сюда, чтобы на вас посмотреть.

— Слышал я сейчас, как ты меня узнала! — проворчало Чудище сердито и стало зарываться в песок.

— О, не уходите от нас, поговорите с нами еще немножко! — воскликнул Роберт. — Я не знал, что вы Саммиад, но я знаю, что никогда в жизни не встречал такого необыкновенного существа, как вы.

Чудище стало как будто немножко добрее.

— Я не прочь поговорить с вами, если вы будете держать себя как люди благовоспитанные, — сказало оно. — Только я не стану заниматься пустой болтовней; если же вы будете предлагать мне разумные вопросы, то я вам на них отвечу, да и то еще не наверняка. Ну что ж, спрашивайте!

Конечно, никто ничего не мог придумать. Наконец, Роберту пришла в голову удачная мысль.

— Давно вы живете на свете? — спросил он.

— О, многие века! Даже целые тысячелетия.

— Расскажите нам об этом.

— Все прошлое записано в книгах.

— Про вас там ничего не написано, — ска-

зала Джейн.—Расскажите нам побольше о самом себе. Мы о вас ничего не знаем, а вы такой хороший.

Чудище разгладило свои баки и улыбнулось.

— Пожалуйста, расскажите! — пристали к нему дети все разом.

Удивительно, как легко привыкаешь даже к самым невероятным вещам: пять минут тому назад дети не имели ни малейшего понятия о том, что на свете существует какой-то Псаммиад, а теперь они уж разговаривали с ним, как со старым знакомым.

Чудище вытянуло свои глаза на рожках и сказало:

— Как солнце-то ярко светит — совсем как в прежние времена! А откуда вы теперь достаете мегатериев?

— Чего? — спросили дети все разом. Нелегко ведь вспомнить, что спрашивать «Чего?» невежливо, особенно когда вы удивлены или взволнованы.

— А птеродактилей теперь много водится? — продолжало Чудище. Дети молчали, не зная, что сказать.

— Что же вам теперь дают на завтрак? — спросило опять Чудище, теряя терпение. — И кто вас теперь кормит?

— Мама дает нам яйца, ветчину, хлеб, молоко и разные разности. А что это такое мег... Или птеро... Как это вы их назвали? И разве их можно есть?

— Еще бы. В мое время у каждого на завтрак был, по крайней мере, один птеродактиль — он немного похож на птицу и немного

на крокодила. Я уверен, что когда его слегка поджаривали на вертеле, получалось очень вкусное блюдо. В старину вот как все это делалось: в те времена наше племя было многочисленно, и вот, обыкновенно ранним утром, люди выходили искать нас, псаммиадов, а когда находили, говорили нам свои желания. Обычно для этого посылали мальчиков, и нередко старшему сыну в семье поручали, чтобы он попросил мегатерия. Это животное было ростом со слона и мяса на нем было, конечно, очень много. Когда хотели рыбы, то просили ихтиозавра. Он был примерно от двадцати до сорока футов в длину, вот его и хватало всем на завтрак. Если нужна была птица, то просили птеродактиля — в нем тоже было, чего поесть. Иные дети высказывали порой и разные другие желания, но когда в семье ожидали гостей, то обыкновенно просили мегатерия или ихтиозавра: у последнего плавники считались очень тонким блюдом, а из хвоста готовилась прекрасная уха.

— Должно быть, после обеда оставались целые кучи холодного мяса? — сказала Антея, у которой уже проявлялись задатки будущей хорошей хозяйки.

— О, нет! — отвечало Чудище. — Этого не могло случиться: ведь после захода солнца все остатки обращались в камень. Мне говорили, что и теперь повсюду находят окаменелые кости.

— Кто же вам это говорил? — спросил Сирил.

Чудище вдруг нахмурилось и начало зарываться в песок.

— Нет, нет, пожалуйста не уходите! — закричали дети. — Расскажите нам, что еще было на свете, когда на завтрак давали мегатериев. Было ли тогда все так же, как теперь?

— Ничего подобного, — отвечало Чудище. — Здесь повсюду был песок, на деревьях рос уголь, а цветы барвинка были величиной с тарелку. Они и теперь тут встречаются — окаменелые, конечно. Наше племя жило на берегу моря. Дети часто приходили к нам со своими кремниевыми лопатками и каменными ведерками и строили для нас песочные замки. Вот уже много тысяч лет прошло с тех пор, а говорят, дети и теперь еще строят замки из песка. Да, трудно отстать от старой привычки!

— Но почему же вы перестали жить в замках? — спросил Роберт.

— Это грустная история, — ответило Чудище печально. — Людям пришла фантазия окружать замки рвом, и противное шумное море стало заливаться в эти рвы. Наше древнее племя, порожденное горячим первобытным солнцем, абсолютно не выносит сырости. Поэтому многие из нас стали простужаться и умирать. Так нас оставалось все меньше и меньше. Пришла, наконец, такая пора, когда люди уже не просили у нас никакой другой дичи, а только одних лишь мегатериев и ели в запас, вдвое больше, чем им хотелось: ведь, могли пройти целые недели, прежде чем удастся встретить другого псаммиада, который исполнит просьбу.

— А вас море ни разу не мочило? — спросил Роберт.

Дрожь пробежала по телу Чудища.

— Один раз в жизни, и то лишь один кончик двенадцатого волоска на моей левой баке — это место и до сих пор дает себя знать в дурную погоду. Но и одного такого случая достаточно для меня. Высушив свою бедную левую баку, я тотчас же ушел подальше от моря и выкопал себе дом в теплом, сухом песке. Там-то я с тех пор и живу. Потом и море отсюда отступило. А теперь я вам расскажу еще кое-что.

— Будьте добры, ответьте еще на один вопрос,— сказал кто-то из детей.— А сейчас вы можете исполнять чужие желания?

— Разумеется,— отвечало Чудище.— Разве я не исполнил вашего желания несколько минут тому назад? Кто-то из вас сказал «мы желали бы с вами познакомиться», и вот — я теперь с вами беседую.

— Пожалуйста, исполните еще что-нибудь другое!

— Хорошо, но только говорите скорее — я уже устал.

Наверное, вы часто думали о том, чего бы вы пожелали, если бы кто-нибудь вдруг пообещал исполнить три ваших желания. Конечно, вы смеялись над стариком и старухой из известной немецкой сказки, которые неосторожно попросили себе у феи блюдо сосисок, и вы были уверены, что если бы вот к вам явилась добрая фея и согласилась исполнить три ваших просьбы, то уж вы-то, конечно, знали бы, чего пожелать. Дети часто обсуждали между собою этот вопрос, но вот теперь, когда представился такой редкий случай, у них все мысли из головы вылетели.

— Скорее же! — торопило их Чудище.

Но никто ничего не мог придумать.

Наконец, Антея кое-как собралась с мыслями и вспомнила, что у нее и Джейн было одно общее заветное желание, о котором они никогда не говорили мальчикам — те вряд ли одобрили бы его. Но теперь уж лучше было сказать хоть что-нибудь, чем совсем ничего. И вот Антея сказала:

— Я хочу, чтобы все мы были прекрасны, как майское утро!

Дети взглянули друг на друга, но никакой перемены не заметили. А в это время Псаммиад выпучил свои длинные глаза, как если бы начал задыхаться, и стал вдвое толще, чем раньше. Вдруг он опять заговорил:

— Боюсь, что мне это не удастся: должно быть, я разучился.

Дети были страшно разочарованы.

— Ну, пожалуйста, попробуйте еще раз, — умоляли они.

— Хорошо, — отвечало им Чудище. — Дело в том, что я немножко приберег свою силу, но нужно, чтобы вы все захотели одного и того же. Если вы сговоритесь и удовольствуетесь одним общим желанием в день, то — так и быть — я буду их исполнять. С последним-то желанием вы все согласны?

— Да, о да! — сказали Джейн и Антея. Мальчики утвердительно кивнули головами.

Они не верили, что Псаммиад совершит такое чудо.

Девочек всегда легче убедить, чем мальчиков.

Чудище еще дальше вытянуло вперед свои глаза и стало все больше и больше раздуваться.

— А он от этого не заболеет? — робко спросила Антея.

— А кожа у него не лопнет? — добавила Джейн.

Все почувствовали большое облегчение, когда Чудище, раздувшееся так, что во всем австралийском проходе почти не осталось места, вдруг выпустило воздух и приняло свои обычные размеры.

— Готово! — сказала оно, тяжело дыша. — Завтра будет легче.

— Вам не очень больно это делать? — спросила Антея.

— Только в простуженной баке немного отзывается, — ответило Чудище. — Благодарю! Ты, я вижу, добрая и чувствительная девочка. Прощайте!

Оно вдруг начало быстро раскапывать песок всеми четырьмя лапами и вскоре скрылось из глаз.

Дети взглянули друг на друга и каждый из них увидел, что он находится в присутствии трех незнакомцев необыкновенной красоты. Несколько мгновений все стояли в глубоком молчании. Каждому казалось, что его братья и сестры вдруг куда-то ушли, а вместо них незаметно подкрались какие-то совсем незнакомые дети.

Антея заговорила первой.

— Простите, — сказала она, очень вежливо обращаясь к Джейн, у которой теперь были огромные голубые глаза и темные, курчавые волосы с красноватым отливом. — Вы не видели где-нибудь поблизости двух мальчиков и маленькую девочку с ними?

— Я только что хотела вас спросить о том же,— отвечала Джейн.

В это время Сирил воскликнул:

— Постой! Да ведь это же ты, Джейн! Я узнал твой разорванный передник. Ты ведь — Джейн, правда? А ты — Пантера! Вот, кстати, твой грязный платок, который ты забыла переменить, после того, как порезала палец. О-хо! Значит, желание все-таки исполнилось! Неужели и я такой же красивый, как и вы все?

— Если ты Сирил, так ты раньше мне гораздо больше нравился,— сказала Антея решительно.— Теперь же ты со своими золотыми кудрями похож на ангела с елки. А если это Роберт, так он стал совсем как итальянский мальчик с шарманкой: волосы у него совсем черные!

— В таком случае и вы, девочки, обе похожи на дурацкие раскрашенные открытки из тех, что присылают на Рождество,— ответил Роберт сердито.— У Джейн волосы точно морковь.

И правда, ее волосы были того красновато-золотистого оттенка, которым так восхищаются художники.

— Ну хорошо! Не будем искать недостатки друг в друге,— сказала Антея.— Лучше возьмем поскорее Ягненка и побежим обедать. Вот прислуга-то на нас подивится!

Когда они подошли к своему меньшому братишке, он только что открыл глаза. По счастью, он не стал прекрасен, как майское утро, а остался таким же, каким и был. И все почему-то были этому очень рады.

— Должно быть, он еще слишком мал и потому у него нет никаких желаний,— сказа-

ла Антея.— В следующий раз о нем надо будет упоминать особо.

Антея побежала вперед, протянув руки к ребенку.

— Иди к своей Пантере, детка! — сказала она.

Но дитя взглянуло на нее отнюдь не ласково и засунуло себе в рот перепачканный в песке кулак. И это при том, что Антея была его любимой сестрой.

— Иди же ко мне, — продолжала она.

— Пошла плочь! — ответил ребенок.

— Пойди к своей Киске, — позвала его Джейн.

— Хочу мою Панти, — объявил малютка мрачно, и губки его задрожали.

— А ну-ка, старый воин, садись на спину к своему Робби и поскачем домой! — сказал Роберт, пытаясь взять его к себе на руки.

— А-а! — закричал мальчик во всю мочь и залился горькими слезами.

Тут дети осознали страшную истину: их маленький брат не узнавал их. Дети в отчаянии глядели друг на друга и, что было хуже всего в этом печальном положении, вместо давно знакомых, обыкновенных, веселых и ласковых глазенок своих братьев и сестер каждый встречал только большие, красивые и совершенно незнакомые глаза каких-то чужих людей.

— Это в самом деле ужасно, — сказал Сирил, тоже сделавший попытку взять к себе на руки Ягненка, причем тот царапался и ревел диким голосом. — Нам надо прежде всего погружиться с ним. Не могу же я нести его домой, когда он так орет. Подумать только —

надо заводить знакомство с нашим собственным братом! Фу, как это глупо!

Однако больше ничего не оставалось делать. А задача была трудна еще и потому, что ребенок был голоден, как лев.

Прошел целый час, прежде чем он кое-как позволил этим незнакомцам взять его на руки и по очереди нести домой.

— Ну, слава Богу, пришли! — сказала Джейн, входя в садовую калитку.

Няня Марта стояла у дверей дома и, прикрывая рукою глаза от солнца, беспокойно глядела вдаль.

— Вот, няня, возьмите его!

— Ну, слава Создателю, хоть один-то цел! — сказала она. — А где же другие-то! Кстати, а вы-то кто такие будете?

— Как кто? Это мы! — ответил Роберт.

— А как этих «мы» называют, когда они дома бывают? — презрительно спросила Марта.

— Говорят вам, это мы, — сказал Сирил. — Я — Сирил, а это — все остальные, и мы очень хотим есть. Пустите же нас и не будьте глупой идиоткой.

Марта не пожелала даже обратить внимания на дерзкие слова Сирила и только загородила перед ними дверь.

— Я знаю, что мы теперь на себя не похожи, но все таки я — Антея. И мы все ужасно устали, а время обеда уже давно прошло.

— Так и ступайте обедать к себе домой. А если это наши дети научили вас такую комедию ломать, так скажите им от меня, что им за это попадет.

С этими словами Марта сердито захлопнула дверь и заперла ее на ключ. Сирил изо всей силы дернул звонок. Ответа не было.

Через некоторое время кухарка высунула голову из окна столовой и крикнула:

— Убирайтесь-ка вы отсюда подобра-поздорову, да поживей, а то я сейчас за полицейским пойду!

— Ой, дело плохо! — сказала Антея. — Уйдем, уйдем скорее, пока нас не посадили в тюрьму.

Мальчики говорили, что все это вздор и что нет таких законов в Англии, по которым можно было бы посадить человека в тюрьму только за то, что он стал прекрасным, как майское утро, однако уверенности в их словах не было, и в конце концов они всем скопом побрели из сада на дорогу.

— Я думаю, когда солнце сядет, мы опять станем такими же, как были прежде, — сказала Джейн.

— А! — вскрикнула Антея. — А вдруг после захода солнца мы обратимся в камни, как те мегатерии, и завтра никого из нас не будет в живых?

Она заплакала, а за ней и Джейн. Даже мальчики побледнели. Никто не мог сказать ни слова.

Это был ужасный вечер. Поблизости не было ни одного дома, где можно было бы достать корку хлеба или стакан воды. В деревню идти боялись, потому что туда пошла Марта с корзинкой, а в деревне был полицейский. Правда, они были прекрасны, как май-

ское утро, но это плохое утешение, когда вам и есть и пить хочется, словно бедуину, заблудившемуся в песчаных холмах пустыни.

Трижды пытались дети добиться, чтобы прислуга впустила их в дом и выслушала их рассказ, но все напрасно. Тогда Роберт пошел один, рассчитывая залезть в одно из задних окон, отпереть дверь и впустить остальных. Но все окна были слишком высоко, и в конце концов Марта вылила на него кувшин холодной воды. «Убирайся прочь, итальянская обезьяна!» — крикнула она при этом.

После всех напрасных хлопот дети уселись рядом под изгородью, спустив ноги в сухую канаву. Они ожидали захода солнца и размышляли, что же с ними будет, когда оно закатится: обратятся ли они в камень, или только вернутся в свой прежний вид. И все чувствовали себя страшно одинокими среди чужих, незнакомых лиц, и каждый старался не смотреть на других, потому что, хотя голоса остались у всех прежние, но лица были так поразительно красивы, что даже и глядеть на них было неприятно.

— Нет, я не верю, что мы окаменею, — сказал Роберт, нарушая долгое и тягостное молчание. — Ведь Чудище обещало завтра исполнить другое наше желание, а как бы оно могло это сделать, если мы будем каменные?

Другие поддержали: «Конечно, не могло бы!» Но все-таки это соображение не совсем их успокоило.

Опять воцарилось молчание, еще более продолжительное и тяжкое. Его нарушил Сирил.

— Я не хочу пугать вас, девочки,— сказал он вдруг.— Но только я чувствую, что со мной уже что-то происходит: моя левая нога совсем омертвела. Наверно, я начинаю каменеть. Через несколько минут и с вами то же будет.

— Ничего! — сказал Роберт ласково.— Быть может, ты только один окаменеешь, тогда мы станем беречь твою статую, ухаживать за ней и украшать ее венками.

Но когда оказалось, что Сирил только отсидел себе ногу, а затем ее начали колоть тысячи иголок и она вновь вернулась к жизни, то все остальные очень рассердились.

— Как тебе не стыдно! Перепугал нас из-за пустяков,— ворчала Антея.

Снова наступило молчание. Его прервала Джейн:

— Если все кончится хорошо, то мы попросим Чудище, чтобы на следующий раз прислуга ничего не замечала.

Остальные только что-то промычали в ответ. Они чувствовали себя такими несчастными, что им и думать ни о чем не хотелось.

В конце концов совокупность таких неприятных чувств, как голод, страх, скука и усталость сказалась в одной очень утешительной вещи, а именно — сне. Дети заснули все рядышком, закрыв свои дивные глазки и открыв свои красивые ротки.

Антея проснулась первая. Солнце уже закатилось, и наступили сумерки. Она сильно ущипнула себя за ногу. Убедившись, что тело ее не каменное, она принялась щипать и других.

— Вставайте! — кричала она, чуть не пла-

ча от радости.— Все кончилось благополучно, мы не окаменели. А ты, Сирил... У, какой ты опять стал хороший. Некрасивый, с веснушками, с маленькими глазенками, и совсем рыжий. И вы все прежние,— прибавила она, чтобы и другим было не завидно.

Когда они пришли домой, Марта сперва долго их бранила, а потом рассказала им о незнакомых детях:

— Такие-то красавчики, что просто загляденье! Но уж и назойливые, да и озорники порядочные.

— Мы их видели,— ответил Роберт, знавший по опыту, что Марту никакими объяснениями все равно ни в чем не убедишь.

— Да вы-то где пропадали весь день-деньской, скажите-ка мне? — допытывалась Марта.

— Мы были на лугу.

— Чего же вы домой не шли?

— Из-за них.

— Из-за кого это?

— А вот из-за этих красивых детей. Они продержали нас до заката солнца. Мы не могли вернуться, пока они не уйдут. Ах, вы не знаете, как мы их ненавидим! Дайте же нам поскорее поужинать. Нам так есть хочется!

— Еще бы есть не хотеть, когда целый день без обеда прошатались! — сказала Марта сердито.— Ну, это вам урок: не связывайтесь с чужими ребятами, а то еще, того и гляди, корь схватите. Если вы их еще раз встретите, то и не разговаривайте с ними и даже не глядите на них, а прямо идите и скажите мне. Я уж с ними разделаюсь!

— Если мы только их когда-нибудь увидим, то непременно скажем тебе,— отвечала Антея. А Роберт, нежно поглядывая на холодное жаркое, принесенное кухаркой, добавил вполголоса, но вполне чистосердечно:

— Уж лучше бы нам никогда их больше не *видать*.

И правда, этих красавцев дети больше никогда не видели.

Глава вторая

ЗОЛОТО

Рано утром, перед тем как проснуться, Антея видела во сне, будто она гуляет в зоологическом саду под проливным дождем без зонта. Все звери, казалось, были очень опечалены сырой погодой и потихоньку ворчали. Когда Антея проснулась, ни дождь, ни ворчание не прекратились: ворчание зверей оказалось тяжелым и мерным дыханием ее сестры Джейн, которая слегка простудилась накануне и теперь еще спала, а капли дождя продолжали падать на лицо Антеи из мокрого полотенца, которое потихоньку выжимал над ее головой Роберт — ему, видите-ли, хотелось поскорее ее разбудить. — Перестань же! — сказала ему Антея довольно сердито, и он тотчас убрал свою дождевую тучу. Роберт вовсе не был злым или надоедливym братом, просто он был очень изобретательным на разные шутки и проделки, от которых дома становилось веселее.

— Какой забавный сон я видела,— начала Антея.

— И я тоже,— сказала Джейн, неожиданно проснувшись.— Мне приснилось, будто мы нашли какое-то чудище в песке и оно сказала, что его зовут Самиадам и обещало каждый день исполнять наши желания, и...

— Постой, да ведь это же самое и я во сне видел,— перебил ее Роберт.— И я только что хотел вам об этом рассказать. Одно желание оно даже исполнило, и вы, девочки, были такие глупые, что пожелали всех нас сделать красавцами, но из этого вышло одно только свинство.

— Но разве могут несколько человек видеть один и тот же сон?— сказала Антея, садясь в кровати.— Ведь, кроме зоологического сада и дождя, и я видела то же самое. И будто Ягненок нас не узнал и прислуга не узнала, потому что...

Из другой комнаты послышался голос старшего брата:

— Иди сюда, Роберт! Ты опоздаешь к завтраку, если только опять, как в прошлый четверг, не станешь умыться.

— Иди лучше сам сюда. А в прошлый четверг я умывался в папиной комнате, потому что у нас воды не было.

Полуодетый Сирил появился в дверях.

— Слушай,— сказала ему Антея.— Мы все трое видели такой странный сон, будто мы нашли в песке какого-то невиданного зверя...

Ее голос умолк под презрительным взглядом Сирила.

— Сон! Малыши вы глупые! Не сон это, а самая настоящая *правда*. Говорю вам, что все это случилось на самом деле. Вот почему я сегодня и встал так рано. Сейчас же после завтрака мы пойдем туда и закажем наше желание. Только нам необходимо заранее решить, чего пожелать. И никто не должен ни о чем просить, если другие будут не согласны. Только уж, пожалуйста, не надо нам больше красоты неписанной — довольно ее с нас было вчера.

Трое других детей одевались, не вполне придя в себя от изумления: если весь этот сон о Чудище был действительностью, то сама действительность — вот, например, это одевание, — казалась каким-то сном. Джейн чувствовала, что Сирил говорит правду, но Антея была не совсем в этом уверена, пока снова не услышала от Марты рассказ об их дурном поведении в предыдущий день. Тогда и Антея убедилась в том, что это правда. Потому что, говорила она, прислуга никогда не видит таких снов, которых нет в «*Толковом Соннике*», а там все только змеи, устрицы да свадьбы: свадьба — к покойнику, змея — неверная подруга, а устрицы — дети.

Кстати вспомнили о детях.

— А где же Ягненок? — спросил Сирил.

— Марта идет в Рочестер к своей двоюродной сестре и возьмет его с собою. Мама позволила ей, — сказала Джейн. — Она теперь его одевает в самое лучшее платье и шляпу. Передай-ка мне хлеб и масло.

— Марте, кажется, доставляет удовольствие брать его с собою,— заметил Роберт с некоторым удивлением.

— Прислуга вообще любит брать с собою детей, когда ходит в гости,— отвечал Сирил.— Я это видел много раз. Особенно, если дети нарядно одеты.

— Вероятно, прислуге кажется,— мечтательно заметила Джейн,— что она вовсе не прислуга, а жена какого-нибудь важного джентльмена и, наверное, она говорит, что ее дети какие-нибудь маленькие князья и княжны. Должно быть, и Марта будет то же самое рассказывать своей двоюродной сестре. Это ей доставит большое удовольствие.

— Ну, если бы я был на ее месте,— сказал Роберт,— то вряд ли бы получил удовольствие тащить нашего юного князя на руках, да еще так далеко.

— Представляю себе, как было бы приятно идти в Рочестер с Ягненком на спине. О-хо! — присоединился к Роберту вполне согласный с ним Сирил.

— Она поедет в экипаже,— сказала Джейн.

— Проводим их за ворота. Это будет вежливо, и к тому же мы будем вполне уверены, что избавились от них на весь день.

Так дети и сделали.

Марта вырядилась в праздничное платье, пурпурное, с переливами, и в голубую шляпку с розовыми васильками и белой лентой. На плечах у нее была кружевная желтая накидка с зеленым бантом. Ягненка она действительно одела в самое лучшее шелковое платье.

ице и шапку. Усевшись в экипаж, оба они представляли собою очень яркую картинку. Когда экипаж исчез в облаках пыли, Сирил скомандовал:

— А теперь — к Чудищу!

Дорогою дети решили, чего им пожелать на сегодняшний день. Хотя они очень торопились, они не стали рисковать и спускаться в большую песочную яму прямо с обрыва, а пошли по безопасной круговой дороге, где раньше ездили телеги с песком. Вокруг того места, где исчезло Чудище, они вчера положили камни, так что найти его было совсем нетрудно.

Солнце начинало сильно припекать, небо было темно-голубое, без единого облачка.

— А представьте себе, вдруг все это был только сон! — сказал Роберт, когда мальчики доставали свои лопаты из песочной кучи, куда их спрятали накануне.

— А представь себе, что ты вдруг стал умным малым, — передразнил его Сирил. — И то и другое одинаково похоже на правду.

— А представь себе, что вдруг у тебя во рту язык окажется вежливый, а не грубый, — отрезал Роберт.

— А представьте себе, что теперь мы примемся копать, а то, мальчики, вам, кажется, стало уж очень жарко, — сказала Джейн со смехом.

— А представь себе, что ты не будешь совать свой нос, куда тебя не просят, — ответил Роберт, который и в самом деле начал горячиться.

— Да я и не стану,— вмешалась Антея.— Роберт, милый, не будь таким брюзгой. Я больше не скажу ни слова. С Чудищем станешь разговаривать ты и передашь ему наше желание. Ты это сделаешь лучше всех нас.

— А представь себе, что ты перестанешь болтать,— ответил ей Роберт, но уже не сердито.— Осторожнее! Давайте копать руками.

Вскоре перед детьми появилось мохнатое тело, длинные руки, ноги, голова, уши и глаза Чудища.

Все вздохнули с облегчением: теперь уже не приходилось сомневаться, что все вчерашнее случилось только во сне.

Чудище село и стряхнуло с себя песок.

— Не беспокоила ли вас сегодня ваша левая бака? — любезно спросила Антея.

— Похвалиться не могу, ночью она давала-таки о себе знать. Но все же благодарю за доброе участие.

— Послушайте,— сказал Роберт.— Вы сегодня согласитесь исполнять желания? Дело в том, что кроме одного, у нас сегодня есть еще и другое, особенное. Правда, оно совсем маленькое,— прибавил он успокоительно.

— Хм! — сказала Чудище.— Знаете, пока я не услышал, как вы тут ссорились над моей головой — и притом громко,— я думал, что вы все мне только приснились. У меня бывают иногда странные сны.

— В самом деле? — поспешно спросила Джейн, чтобы как-нибудь замять разговор на эту неприятную тему.

— Мне очень хотелось бы,— продолжала

она скромно,— чтобы вы рассказали нам о своих снах — они, должно быть, ужасно интересны!

— Это ваше желание на сегодняшний день? — спросило Чудище, зевая.

Сирил пробормотал что-то вроде «Ох, уж эти девчонки!», остальные же стояли молча: если сказать «да», прощай тогда на сегодня все другие желания, если же сказать «нет» — это будет невежливо; их же учили, что надо быть вежливыми, и даже кое-чему выучили, а это не одно и то же. Вздых облегчения вырвался у всех, когда Чудище сказало:

— Если я начну рассказывать о своих снах, то у меня не хватит силы исполнить ваше другое желание. Тогда я даже не смогу вам дать таких необходимых вещей, как хороший характер или здравый смысл, или приличные манеры.

— Мы не хотим, чтобы вы тратили свои силы на такие вещи, с ними мы как-нибудь и сами управимся,— сказал Сирил с жаром. А другие в это время виновато переглядывались и хотели только, чтобы Чудище поскорее перестало говорить о хорошем характере. Пусть бы уж лучше сразу сделало выговор, если это ему так нужно, да и покончило с этим.

— Ну, ладно,— проговорило Чудище неохотно.— Уж так и быть, скажите мне сперва ваше маленькое желание.

— Пусть прислуга не замечает ничего, что вы с нами делаете.

— Что вы будете так добры с нами сделать,— поправила Антея шепотом.

— Я хотел сказать, что вы будете так добры с нами сделать,— громко произнес Роберт.

Чудище немного раздулось, выпустило воздух и сказала:

— Это желание исполнено, в нем нет ничего трудного. Люди обычно очень многого не замечают. Так, что дальше?

— Пусть мы будем богаты так,— с расстановкой проговорил Роберт,— как никому и во сне не снилось.

— Какие мы жадные! — ни с того ни с сего сказала Джейн.

— Вот именно! — отозвалось Чудище.— Одно только меня утешает, что вы этими сокровищами воспользоваться не сумеете. Хорошо, но надо же вам как-нибудь определить пределы вашего богатства! И как вы хотите получить его: золотом или банкнотами?

— Золотом, пожалуйста. И побольше!

— Если я наполню золотом всю эту большую песочную яму, вам будет достаточно?

— О, да!

— Ну, так убегайте отсюда поскорее, пока я не принялся за дело, или вы будете заживо погребены под золотом! — Чудище так далеко вытянуло свои мохнатые руки и стало махать ими так грозно, что дети пустились во всю прыть бежать по дороге, ведущей вон из ямы. Только одна Антея еще настолько владела собой, что могла пробормотать Чудищу на прощание:

— До свидания! Надеюсь, ваша бака завтра не будет вас беспокоить.

Выбежав наверх, они оглянулись, но тотчас вынуждены были закрыть глаза: вся яма до

самых краев была наполнена золотом, и оно ослепительно сверкало на солнце. На последнем повороте, где дорога выходила из ямы, золото лежало кучами, словно обыкновенный щебень. Вся эта масса сияла и переливалась огнями, словно огромная печь.

Дети стояли с открытыми ртами и не могли вымолвить ни слова. Наконец, Роберт нагнулся и взял золотую монету из кучи, лежавшей у дороги, посмотрел на нее с одной стороны, с другой, и вдруг смущенно произнес:

— Она какая-то старинная!

— И все-таки это золото,— отвечал Сирил. Тут все заговорили разом, стали брать золото горстями и пропускать его сквозь пальцы. Звон падающих монет казался детям какой-то удивительной музыкой.

Сперва как будто все забыли, что золото можно тратить на покупки — с ним было так хорошо играть. Джейн уселась между двумя кучами, и Роберт принялся закапывать ее, как вы, может быть, не раз проделывали с вашим отцом, когда он засыпал на песке, прикрыв лицо газетой. Но не успел Роберт закопать сестру до половины, как она закричала:

— Ой, не надо больше! Оно такое тяжелое, мне больно!

— Чепуха! — ответил Роберт и хотел было продолжать свою работу.

— Пусти же меня, говорю тебе! — опять крикнула Джейн.

Ее подняли. Она стояла бледная и слегка дрожала.

— Вы представить себе не можете, что это

такое,—говорила она.— Точно на меня каменной или железных цепей навалили!

— А знаете что? — сказал Сирил.— Если мы хотим сделать с этим золотом что-нибудь хорошее, то нечего нам на него смотреть и терять время попусту. Насыплем его в карманы и пойдем за покупками. Не забывайте, что оно будет у нас только до захода солнца. Жаль, мы не спросили Чудище: вдруг потом все наши покупки тоже окаменеют? Вот что я вам еще скажу: в деревне я как-то раз видел пони с маленькой тележкой.

— Ты хочешь его купить? — спросила Джейн.

— Нет, зачем же! Мы только найдем тележку и поедем в Рочестер, где накупим множество всякой всячины. Берите как можно больше золота.

Нехорошо только, что все это старинные деньги — у них на одной стороне голова, а на другой что-то вроде пикового туза. Накладывайте их в карманы и пойдем скорее! Если уж вам так хочется болтать, то можете болтать и дорогой.

Сирил сел на землю и принялся набивать золотом карманы.

— Вот вы надо мной смеялись, когда я просил папу заказать мне куртку с девятью карманами,— продолжал он.— А теперь, видите, эти карманы мне оченьгодились.

Скоро дети и вправду увидели, как полезны оказались Сирилу его девять карманов. Наполнив их все, а также насыпав золота в носовой платок и за пазуху, он хотел было

встать, но покачнулся и сел на землю.

— Выбрось-ка лучше часть груза, а то твой корабль пойдет ко дну,— поддразнил его Роберт.— Это все твои девять карманов виноваты! — Пришлось-таки Сирилу разгружаться.

Вся компания отправилась в деревню, куда пришлось идти более версты по пыльной дороге. А солнце грело все жарче и жарче, и с каждым шагом золото в карманах детей становилось все тяжелее. Наконец Джейн не выдержала:

— Не знаю, куда мы его истратим,— сказала она.— Ведь у нас целые тысячи. Часть своего я лучше спрячу здесь, за деревом у изгороди. А как только придем в деревню, давайте накупим булок. Я чувствую, что время обеда давно прошло.

Она вынула из карманов горсти две золотых монет и спрятала их между корнями старого дуба.

— Какие они кругленькие и желтенькие! А вам бы не хотелось, чтобы они вдруг стали имбирным печеньем? Мы бы их тогда съели.

— Ну, ладно, размечталась! — отвечал Сирил.— Сейчас все равно их не съешь, лучше уж идем поскорее.

Идти, однако, было очень тяжело. Пока дети добрались до деревни, во многих местах под заборами, плетнями и в корнях старых деревьев осталась большая часть их сокровищ.

Однако, когда они входили на главную улицу, у них все же оставалось около ста фунтов стерлингов. По внешнему виду никто

бы не догадался, что эти ребяташки обладают таким богатством; всякий подумал бы, что если у них и есть деньги, то самое большее по полукроне на каждого.

Пыль и дым из труб расстилались туманом над крышами деревни. Все четверо ребят, добравшись до первой попавшейся скамьи, тотчас же уселись на нее.

Это случилось как раз возле гостиницы «Синий Кабан».

Было решено, что Сирил зайдет в гостиницу и купит там квасу, потому что Антея сказала, что мужчинам не стыдно заходить в трактир, это только детям туда заходить нельзя. А Сирил больше всех походил на мужчину, потому что был самый старший. Итак, Сирил пошел, а остальные сидели и ждали.

— Вот жарища-то! — сказал Роберт. — А знаете что? Когда собакам жарко, они высывают языки. Быть может, им от этого становится прохладнее?

— Попробуем и мы, — предложила Джейн. И все высунули языки.

Но от этого детям только еще больше захотелось пить, а, кроме того, и прохожие на них как-то косо стали посматривать. Пришлось убрать языки на место. Тут, кстати, вернулся и Сирил с кувшином квасу.

— Хорошо, что у меня были свои собственные два шиллинга, — сказал он смущенно. — Пришлось заплатить из них. А я-то собирался купить на них кроликов! Здесь не хотят менять нашего золота. Когда же я показал

целую горсть монет, трактирщик только засмеялся и сказал, что это марки для игры в карты. Я купил еще несколько пирожков и булок с тмином.

Пирожки оказались старые и холодные, булки — черствые. Но квас исправил все эти недостатки.

— Теперь моя очередь купить что-нибудь на наше золото, потому что я вторая по старшинству, — сказала Антея. — Где ты видел пони с тележкой?

Оказалось, что пони содержался при соседней гостинице.

Антея пошла прямо во двор: ведь ей как девочке нехорошо было заходить в трактир.

Вернувшись назад, она объявила, что хвататься она не хочет, а все-таки сделала все, что надо.

— Трактирщик сказал, что запряжет через две минуты, — объяснила она. — Он свезет нас в Рочестер, подождет там, сколько нам нужно, и за все возьмет только один золотой. Ну как, недурно я все устроила?

— И ты, конечно, считаешь себя очень умной по этому поводу, — сказал Сирил недовольно. — Как же ты это сделала?

— По крайней мере, у меня хватило ума не вынимать из кармана сразу целую горсть золота и не показывать, что оно мне ничего не стоит, — отвечала Антея. — Вместо этого я нашла во дворе какого-то молодого человека, что возился с ведром и с тряпкой возле ног лошади, показала ему золотой и спросила, знает ли он, что это такое. Он ответил «нет»

и позвал своего отца. Старик пришел и сказал, что это старинный золотой и спросил еще, мой ли он и могу ли я распоряжаться им, как мне вздумается. Я сказала «да», спросила его о пони с тележкой, предложила ему золотой, если он свезет нас в Рочестер. Он сказал «идет!» А зовут его Криспин.

Какое непередаваемое впечатление испытывали дети, сидя в маленькой тележке, запряженной маленькой лошадкой, которая быстро мчала их по красивым деревенским дорогам! Такая поездка и сама по себе была очень приятна, а, кроме того, каждый в это время чувствовал себя богачом и строил самые блестящие планы насчет того, как ему истратить свои сокровища и что на них купить. Разумеется, каждый воображал про себя, не говоря ни слова: дети чувствовали, что, пожалуй, будет нехорошо, если старик услышит, о чем они мечтают.

По просьбе детей старик высадил их у моста.

— Если бы вам понадобилось купить лошадь и экипаж, к кому бы вы обратились? — спросил его Сирил как бы между прочим.

— К Билли Писмаршу в «Голове Турка», — ответил старик. — По совести говоря, трудно указать хоть одного честного торговца лошадьми — кругом одни плуты. Но если ваш папаша хочет купить лошадку, то все же лучше делать дело с Билли, чем с другими: у него и лошади попадают хорошие, да и сам он человек обходительный.

— Благодарю вас, — ответил Сирил. — Значит, в «Голове Турка»?

Вскоре детям пришлось воочию лицезреть, как один из законов человеческого общества вдруг встал с ног на голову, словно акробат. Всякий взрослый человек скажет вам, что деньги очень трудно добывать и очень легко тратить. С ними же вышло совсем наоборот: деньги, данные Чудищем, достались очень легко, а истратить их не было никакой возможности. Оказалось, что все торговцы Рочестера чуть не бежать готовы от волшебного золота.

Началось с того, что Антея, которая сегодня утром имела несчастье сесть на свою шляпку, захотела купить себе новую. Она зашла в магазин и выбрала очень хорошенькую шляпку с розами и синими перышками. На шляпке был даже привешен ярлык: «Парижская модель. Цена три гиней». Однако, когда Антея вынула из кармана три больших золотых монеты и захотела отдать их молодой даме в черном шелковом платье, та сердито посмотрела на нее, отошла в сторону и шепнула что-то другой даме постарше и потолще. Обе они подошли к Антее и вернули деньги, сказав, что такие монеты теперь не в ходу.

— Но это не фальшивые деньги,— возразила девочка.— И, к тому же, мои собственные.

— Положим, что так,— сказала толстая дама.— Только теперь они не в ходу, и я их не возьму.

— Они, вероятно, думают, что деньги краденые,— сказала Антея, присоединяясь к остальной компании, ждавшей ее на улице.— У меня все руки в песке. Если бы я надела

перчатки, то эти дамы не посмели бы считать меня бесчестной.

Зайдя в какую-то маленькую лавочку, девочки выбрали себе по паре дешевеньких бумажных перчаток, но когда они дали золотой, то приказчица внимательно посмотрела на него через очки и объявила, что у нее нет сдачи. Пришлось заплатить из остатков тех денег Сирила, на которые он мечтал купить кроликов. Из них же было заплачено и за зеленый кошелек из поддельной крокодиловой кожи, который был куплен заодно с перчатками. Дети пробовали заходить еще в несколько лавок, где продавались игрушки, духи, шелковые платки, книжки и открытки. Но в этот день, видимо, никто в городе не хотел разменять ни одной золотой монеты. Бродя из лавки в лавку по пыльным, раскаленным от жары улицам, дети становились все грязнее и грязнее; волосы их растрепались, а кроме того, Джейн споткнулась и упала как раз на том месте, где только что проехала бочка с водой. Но неприятнее всего было то, что дети очень проголодались, а им никто ничего не хотел продать за их золото. Зайдя понапрасну в две кондитерские лавки и только понюхав, как там вкусно пахнет, дети почувствовали такой голод, что, посоветовавшись шепотом, придумали целый план кампании, который с храбростью отчаяния немедленно и был выполнен.

Они пошли в третью кондитерскую и, прежде чем кто-нибудь смог им помешать, схватили по три штуки пирожных, сжали их своими грязными руками и разом откусили по

большому куску. Так с пирожными в руках и с полными ртами стояли они, сбившись в кучку перед прилавком. Удивленный кондитер ринулся к ним со всех ног.

— Вот! — сказал Сирил, протягивая ему золотой и стараясь выговаривать слова как можно яснее. — Получите сколько следует.

Кондитер схватил монету, попробовал ее на зуб и положил в карман.

— Вон отсюда! — крикнул он коротко и грозно.

— А сдачи? — спросила бережливая Антея.

— Я вам покажу сдачи! — ответил кондитер. — Убирайтесь вон и скажите спасибо, что я не зову полицию расследовать, откуда у вас эти деньги!

В саду старого замка наши богачи доели пирожное. И хотя в прохладной тени деревьев к ним опять быстро вернулось хорошее настроение, теперь даже и у самых храбрых не хватало смелости идти к Писмаршу в «Голову Турка» и вести там переговоры о покупке лошадей и экипажа. Но Джейн всегда была полна надежд, Антея же не любила отступать от принятых решений. И в конце концов мнение девочек одержало верх, вследствие чего вся компания, теперь уже невероятно грязная, направилась к «Голове Турка». Способ начинать переговоры со двора сегодня один раз уже оказался успешным, а потому тем же способом решено было воспользоваться и теперь. Дети застали во дворе самого Писмарша, и Роберт начал переговоры с ним такими словами:

— Мне сказали, что у вас есть много лошадей и экипажей на продажу.

(Было условлено, что разговаривать станет Роберт, так как во всех повестях и рассказах лошадей обыкновенно покупают мужчины, а Сирил сегодня уже вел серьезные деловые разговоры в «Синем Кабане»).

— Вам правду сказали, молодой человек,— ответил Писмарш. Это был высокий худощавый человек с голубыми глазами и с тонкими, крепко сжатыми губами.

— Нам хотелось бы купить у вас кое-что,— вежливо продолжал Роберт.

— Очень возможно, что вам хотелось бы.

— Так вот будьте добры показать нам несколько лошадей — мы из них выберем подходящих.

— Да вы что, ребята? Кто вас сюда прислал?

— Я вам говорю, что нам надо купить лошадей и экипаж. О вас же нам сказали, что вы торговец честный и вежливый, но теперь я думаю, что это не так.

— Фу-ты, ну-ты! — воскликнул Писмарш. — Не прикажете ли вывести всю конюшню для вашей милости? А то уж я лучше pošлю депешу в Лондон: не найдется ли там подходящей парочки лошадок?

— Пожалуйста, если вас это не затруднит, — ответил Роберт. — Это будет очень любезно с вашей стороны.

Писмарш засунул руки в карманы и рассмеялся. Детям это совсем не понравилось. Затем он крикнул:

— Уильям!

В дверях конюшни показался сутулый конюх.

— Погляди-ка на этого князька: хочет купить моих лошадей и впридачу все мое заведение до последнего кнута. А у самого, готов об заклад биться, в кармане ни гроша нет.

Глаза Уильяма повернулись по направлению хозяйского указательного пальца и с насмешливым любопытством уставились на Роберта.

— Да неужто?

Но тут опять заговорил Роберт. Хотя девочки и дергали его за куртку, упрашивая уйти отсюда, он все-таки заговорил, и притом очень горячо.

— Я не князь и никогда не называл себя князем. А относительно денег, то вот, взгляните: разве это не деньги?

И не успели другие его остановить, как он уже вытащил из карманов две пригоршни

золота и протянул их к самому носу Писмарша. Тот взглянул на монеты с удивлением, взял один золотой и попробовал его на зуб. Джейн ожидала, что он сейчас скажет: «Самая лучшая лошадь из моей конюшни находится в вашем распоряжении!» Другие были менее оптимистичны, но и они были поражены, когда Писмарш вдруг сказал:

— Уильям, запри-ка ворота!

Уильям засмеялся и, оскалив зубы, пошел к воротам.

— Прощайте! — сказал Роберт поспешно. — Теперь, что бы вы ни говорили, мы у вас ни одной лошади не купим. И пусть это будет для вас уроком!

Он увидел отворенную калитку и двинулся к ней. Но Писмарш загородил ему дорогу.

— Не спеши, друг мой! Уильям, позови-ка полицейского!

Дети стояли, прижавшись друг к другу, как испуганные овечки, и пока не пришел полицейский, Писмарш успел наговорить им много неприятного.

— Хорошие вы ребята, нечего сказать! Ходите тут и искушаете честных людей вашим краденым золотом.

— Но это наше собственное золото, — смело ответил Сирил.

— Еще бы! Как бы не так!.. Известное дело!.. Да еще и девочек с собою запутали! Вот что: девочек я отпущу, если только вы сами смирно пойдете в полицию.

— Мы не хотим, чтобы нас отпускали! — героически воскликнула Джейн. — Без маль-

чиков мы не уйдем. Эти деньги принадлежат нам также как и им. А вы — злой человек!

— Где же вы достали это золото? — спросил Писмарш более мягко, чего уж мальчики совсем не ожидали, особенно после того, как Джейн начала браниться.

Джейн молча и беспомощно взглянула на других.

— Что язык-то потеряла? Как браниться, так живо его нашла! Говори же, откуда взялись деньги?

— Из песочной ямы, — ответила правдивая Джейн.

— Что еще выдумашь?

— Говорю же, что оттуда, — продолжала Джейн. — Там есть Чудище, темное и мохнатое, с ушами как у летучей мыши и с глазами как у улитки. Оно каждый день исполняет наши желания, и все они сбываются.

— Тут не в порядке? — сказал Писмарш, показывая на свою голову и участливо глядя на Джейн. — Вам, мальчишкам, стыдно завлекать помешанного ребенка в свои воровские проделки.

— Она не помешана, она правду говорит, — вступилась Антея. — Там действительно есть Чудище. Когда я его опять увижу, то пожелаю, чтобы оно сделало что-нибудь с вами. По крайней мере, я пожелала бы, если бы мстить не было нехорошо. Вот вам!

— Бедняжка! И эта полоумная!

В это время вернулся Уильям, улыбаясь во весь рот. За ним шел полицейский. Последнему Писмарш стал что-то долго и серьезно объяснять вполголоса.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
 LIBRARY
 540 EAST 58TH STREET
 CHICAGO, ILL. 60637

[illegible]

— Пожалуй, вы правы,—сказал наконец полицейский.— Во всяком случае, я их арестую за незаконное присвоение денег. Потребуется расследование, а там уж суд разберет. Больных-то, может быть, отпустят домой или на излечение отправят, а мальчишек не иначе как в колонию для малолетних преступников поместят. Ну-ка, вы, мелкота, марш за мной! Дорогой не шуметь, все равно из этого толку не будет. Вы, господин Писмарш, приглядите за девочками, а я мальчишек погоню.

От гнева и страха дети не могли вымолвить ни слова и молча шли под конвоем по улицам города. Слезы стыда и негодования застилали им глаза, а потому, наткнувшись на какую-то проходную женщину, Роберт не обратил на нее никакого внимания. Но вдруг у него над ухом раздался хорошо знакомый голос:

— Батюшки! Это что такое? Вы, сударь, что здесь делаете?

А другой голос, не менее знакомый, сказал:

— Панти! Хочу мою Панти!

Дети наткнулись на Марту с Ягненком.

Марта держала себя изумительно. Она не поверила ни единому слову из рассказов полицейского и Писмарша, не поверила даже тогда, когда Роберта заставили показать золото.

— Ничего не вижу. Вы, кажется, оба спятили. Какое золото? Ребячьи руки, грязные, как у трубочиста, вижу, а больше ничего, провалиться мне на этом месте!

Дети думали, что Марта хитрила, но по отношению к ним это было очень благородно. Только потом они вспомнили, что по обеща-

нию Чудища прислуга не могла замечать ни одного из его чудес, а потому, конечно, Марта и не видела золота.

Стало темнеть, когда они пришли в участок. Вечер был уже близок. Полицейский все подробно доложил офицеру. Тот сидел в большой пустой комнате, в одном конце которой была дверь с решеткой, куда отправляли арестованных.

— Где же монеты? — спросил офицер.

— Выверните карманы, — приказал детям полицейский.

Сирил с отчаянием запустил руки в карманы и, постояв так минуту-другую, вдруг засмеялся — в карманах у него было пусто. Солнце закатилось, а вместе с ним исчезло и золото.

— Не шумите и выверните карманы, — приказал офицер.

Сирил поспешно вывернул все девять карманов, украшавших его куртку. То же самое проделали его брат и сестры. И нигде не оказалось ни единой золотой монетки.

— Что это значит? — спросил офицер.

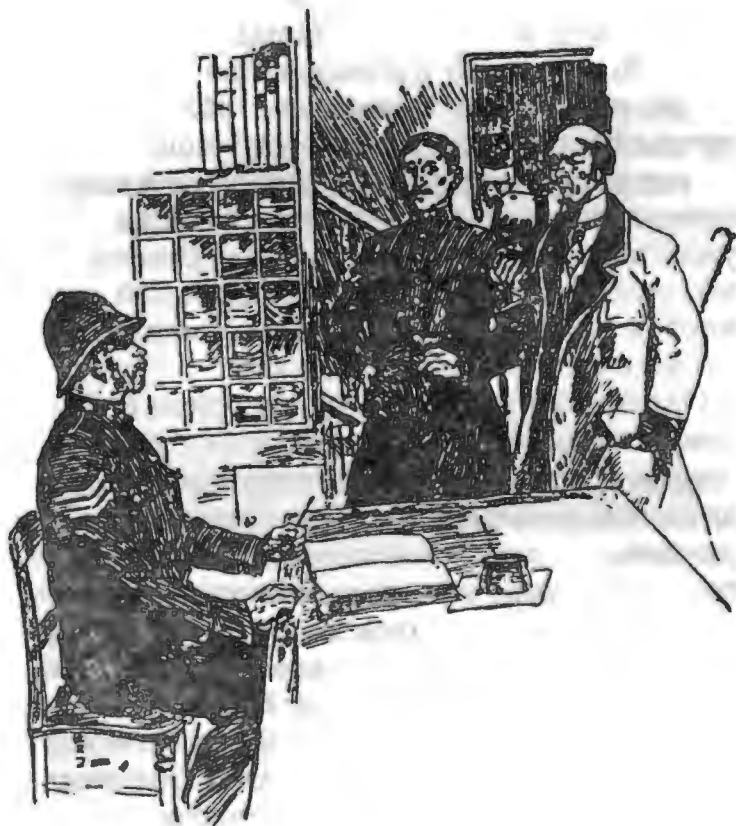
— Ума не могу приложить, как они это сделали, — отвечал полицейский в смущении. — Ловкие, бродяги! Все время шли впереди меня, а останавливаться я не позволял, чтобы не собиралась толпа и не задерживала уличное движение.

— Случай замечательный, — сказал офицер, хмурия брови.

— Ну, если вы кончили стращать ни в чем не повинных ребят, так я возьму извозчика и повезу их домой. А вы, господин полицейский,

еще услышите об этом деле. Говорила я, что нет у них никакого золота, а вы дурака валяли и притворялись, что своими глазами видите золото в их пустых ручонках. Плохо дело, коли при службе состоишь, а своим глазам веры дать не можешь. А о том, другом, и разговаривать нечего: он гостиницу держит, «Голову Турка», так у него за стойкой-то водки сколько хочешь, и посылать за ней не надо.

— Возьмите вы этих ребят поскорее и убирайтесь куда-нибудь, ради Бога! — сердито

сказал Марте офицер. А когда Марта с детьми ушла, он совсем уже грозно крикнул полицейскому и Писмаршу:

— Ну-с, что это все значит?

Марта в точности исполнила свое слово: она отвезла детей домой в хорошем большом экипаже, потому что ее коляска уже уехала. И хотя в полиции она мужественно защищала детей, оставшись с ними наедине она очень сердилась на то, что дети одни-одинешеньки шатаются в городе. При таких обстоятельствах ни у кого из детей не хватило храбрости сказать, что их ждет в городе старик с маленькой лошадкой и тележкой.

Так что, после одного дня обладания несметными сокровищами, дети пошли спать под сердитую воркотню няни, а все их приобретения за этот день состояли из двух пар бумажных перчаток, теперь уже совсем грязных, зеленого кошелька из поддельной крокодиловой кожи да двенадцати пирожных, которые уже давно были съедены.

Однако больше всего их беспокоила мысль о том, что золотой, данный старику за поездку в город, при солнечном закате исчез так же, как и все остальное золото. Поэтому на следующий же день они пошли в деревню под тем предлогом, что им хотелось извиниться перед стариком, что они не вернулись к нему в Рочестере, а на самом деле для того, чтобы разузнать о положении дела. Но старик встретил их очень ласково. Данный ему золотой не исчез — в нем была просверлена дырочка и он теперь висел у старика на часовой цепоч-

ке. О другом золотом, который был взят кондитером, дети совсем не беспокоились: исчез он или нет, им было все равно. Пожалуй, это было не вполне честно, но зато вполне естественно. Однако впоследствии воспоминание об двенадцати пенсах, что они задолжали за пирожное, не давало покоя Антее и в конце концов она потихоньку от остальных послала «в Рочестер, г. Джонсу, кондитеру» на двенадцать пенсов почтовых марок, приложив к ним записку, что эти деньги предназначены «в уплату за съеденное пирожное».

Я лично надеюсь, что этот золотой исчез, потому что, во-первых, кондитер был не совсем хорошим человеком, а, кроме того, во всякой порядочной кондитерской, если вы покупаете сразу на пять пенсов, вам дают за них не пять, а шесть пирожных.

Глава третья

ЖЕЛАННОЕ ДИТЯ

На другое утро после того дня, когда дети были обладателями несметных сокровищ и не смогли купить ничего полезного или интересного, кроме разных пустяков вроде пары бумажных перчаток да никуда не годного зеленого кошелька, они проснулись в довольно мрачном состоянии духа. От той радости, которую они чувствовали накануне утром, убедившись, что не во сне, а наяву нашли Чудище, у них теперь не осталось и следа.

И правда, у них было два желания — красота и богатство; и то, и другое они получили, а что же хорошего из этого вышло?

Однако необычайные приключения, если они даже и не совсем приятны, все-таки гораздо интереснее, чем обыденная жизнь.

Утром до завтрака им некогда было хорошенько поговорить об этом: все почему-то проспало. Во время завтрака были попытки поднять разговор о Чудище, да только разве можно обсуждать что-нибудь, когда вместе с вами завтракает маленький братишка, за которым приходится смотреть? А Ягненок в это утро как-то особенно расшалился: он не только перегибался всем телом через ручки своего высокого кресла, барахтался и болтал ногами, но еще как-то ухитрился схватить большую ложку и ударить ею по голове Сирила, после чего принялся плакать, так как ложку у него отобрали. Потом он засунул свой толстый кулачок в чашку с молоком и потребовал варенья, которое давали только к чаю, а еще потом пел, клал ноги на скатерть и заявлял, что хочет «гулять ножками» по столу.

Разговор детей шел в таком роде:

— Знаете, что Чудище... смотрите же, он молоко опрокинет!

Молоко отставляли на безопасное расстояние.

— Да, так вот это Чудище... Ягненок, милый, отдай Пантере эту грязную ложку!

— Не следует ли нам пожелать... ай, ухитрился-таки, безобразный мальчишка!

В воздухе мелькнула маленькая розовая ручка — и аквариум с золотыми рыбками, сто-

явший посреди стола, опрокинулся на бок. Вода и рыбки оказались на столе и на коленях у Ягненка и его соседей.

Это происшествие всем наделало неприятностей не меньше, чем самим золотым рыбкам. Один Ягненок оставался спокойным. Когда озеро на полу было вытерто и бьющиеся рыбки были подобраны и опять пущены в воду, Ягненка унесли переодевать. Пришлось переодеваться и всем остальным. Мокрые фартуки и куртки развесили сушить, и тут выяснилось, что прежде чем идти гулять, Джейн должна была починить свое платье, разорванное накануне. Правда, был еще один выход из этого неприятного положения — надеть самую лучшую нижнюю юбку вместо верхней, а она была такая беленькая, мягкая, вся в складочках, с кружевами — ну просто прелесть какая хорошенькая, не хуже, чем платье, если не лучше! Но все-таки это была не верхняя юбка, и Марта оказалась непреклонной: когда Роберт предложил, чтобы Джейн надела нижнюю юбку и считала ее верхней, то Марта об этом и слышать не захотела.

— Это неприлично! — сказала она сурово. А уж раз так говорят, не стоит и возражать. Вы в этом когда-нибудь сами убедитесь.

Итак, оставалось только одно: Джейн должна была сесть и чинить свое платье. Она разорвала его накануне, споткнувшись и упав на улице Рочестера. Конечно, другие дети были не настолько малодушны, чтобы покинуть товарища в несчастии. Все уселись на

лужайке возле солнечных часов, и Джейн принялась шить с таким усердием, словно от этого зависело спасение ее жизни. Ягненок все еще оставался у Марты — его переодевали. Значит, теперь можно было поговорить серьезно. Из некоторых слов Роберта и Антеи обнаружилось, что оба они как будто не совсем верят Чудищу. Сирил на них даже рассердился:

— Говорите уж лучше прямо, что вы думаете. Не люблю я всяческих уверток и намеков.

— Мы с Антеей вовсе не увертываемся, — отвечал Роберт запальчиво.

— Только мы никогда не приходили от этого Чудища в такой восторг, как вы двое, а потому мы раньше вас и поняли его хитрости. Если вы спрашиваете меня...

— Ни о чем я тебя не спрашиваю, — отвечала Джейн, откусывая кончик нитки, что ей всегда запрещалось. (Быть может, вам неизвестно, что если вы станете откусывать кончики ниток и глотать их, то они опутаются вокруг сердца и задушат вас, как я слыхала это от моей няни.

Она же говорила мне, что солнце ходит вокруг земли. Вот и разберите тут, кому верить, няне или ученым книгам).

— Мне все равно, кто меня спрашивает, а кто не спрашивает! — продолжал Роберт. — Только мы с Антеей думаем, что это Чудище — презлое животное, и оно постоянно над нами смеется. Ведь если оно может исполнять наши желания, то уж, конечно, может исполнять и свои собственные. И я уверен, что оно всегда

старается сделать так, чтобы из наших желаний не выходило ничего хорошего. Оставим в покое этого скучного зверя — лучше пойдемте туда, где ломают мел, и будем играть в крепости.

Но Сирил и Джейн еще не совсем разочаровались в своем новом знакомце.

— Я не думаю, что Чудище делает это с умыслом, — сказал Сирил. — Ведь, и правда же, было глупо требовать каких-то несметных богатств. Гораздо умнее было бы попросить по 5 фунтов стерлингов на брата, да и то не золотом, а серебром. А желать себе красоты неписанной — это уж прямо ни на что не похоже! Я не хочу никому говорить неприятностей, но, право же, это было невероятно глупо. Давайте придумаем какое-нибудь действительно полезное желание, пойдем и закажем его Чудищу.

Джейн отложила свое шитье.

— Я тоже с этим согласна, — сказала она. — Нам выпал такой удивительный случай — и мы ничего не сделаем! Я только в сказках читала, что такие чудеса бывают на свете. Есть множество разных хороших вещей, которые мы можем пожелать, и они нисколько нам не повредят. Давайте хорошенько подумаем и придумаем что-нибудь очень-очень интересное. Пусть нынешний день — или уж хоть остаток его — пройдет у нас весело.

Джейн опять принялась торопливо шить. Надо было скорее развязаться с починкой платья.

Дети заговорили все разом, и если бы вы слышали их болтовню, то вряд ли бы что-ни-

будь из нее поняли. Но дети к этому привыкли, каждый из них мог в одно и то же время и сам говорить, и слушать свой собственный голос, и, уделив три четверти своего острого слуха, понимать, что говорят другие.

Платье было скоро починено, однако поход к песочным ямам опять задержался: Марта ни с того ни с сего заставила всех вымыть руки. Это уж было совсем нелепо — ведь кроме Джейн никто ничего не делал, а как выпачкаться, ничего не делая? Это очень трудный вопрос, и ответить на него письменно я не могу. Вот в действительной жизни я вам — или, скорее, вы мне — могли бы показать, как это делается.

На общем совете было решено, что на сегодняшний день нужны только пять фунтов стерлингов в серебряной монете и больше ничего желать не надо. Счастливые дети поспешно направились к песочной яме заявить о своем желании Чудищу, но у ворот их догнала Марта и заставила взять с собою Ягненка.

— Не хотите? Вот ничего себе! Да его всякий с радостью возьмет — такого утеночка милого. Кроме того, вы обещали маме каждый день гулять с ним.

— Да, конечно, обещали, — мрачно отвечал Роберт. — Только будь он побольше, тогда было бы гораздо приятнее брать его с собою.

— Подождите, еще успеет вырасти! — утешала Марта. — Ведь маленького таскать-то легче, да он теперь и сам уж на собственных ножках ковыляет. На чистом-то воздухе да на солнышке ему любо посидеть, котеночку!

Поцеловав Ягненка, она передала его Антее, а сама пошла шить на машинке новые передники для девочек.

Ягненок смеялся, хлопал в ладоши, визжал от восторга, катаясь верхом на спине Роберта, пробовал кормить Джейн травкой и вообще вел себя так мило, что вскоре дети вполне примирились с его присутствием.

Пылкая Джейн предложила даже пожертвовать всеми желаниями на целую неделю, чтобы обеспечить будущее Ягненка: она хотела попросить для него у Чудища всех тех даров, какими феи в сказках обыкновенно награждают юных принцев. Но Антея образумила ее, напомнив, что дары Чудища исчезают с закатом солнца и значит для будущности Ягненка совсем не пригодны. Джейн согласилась, что, пожалуй, и правда — лучше будет попросить у Чудища денег и купить Ягненку хорошую деревянную лошадку.

Предполагалось, получив деньги, сейчас же отправиться к Криспину и опять поехать с ним в Рочестер, взяв с собою и Марту, если она не отпустит их одних. Перед отъездом еще надо было составить список всех необходимых покупок.

С радужными надеждами и самыми лучшими намерениями дети спустились в песочную яму. Но там им вдруг пришла на ум такая страшная мысль, что будь они детьми из книжки, то они наверняка даже побледнели бы. Однако дети были не книжные, а настоящие, живые, и потому побледнеть не догадались, а только остановились и расте-

рянно смотрели друг на друга — им вспомнилось, что вчера, торопливо убегая из ямы, они не успели отметить камешками то место, где скрылось Чудище.

— Ничего! — сказала неунывающая Джейн. — Мы его скоро найдем.

Но это было легче сказать, чем сделать. Дети усердно искали по всему дну ямы и вскоре нашли свои лопатки, спрятанные в песке, но Чудища найти никак не могли.

Наконец, им пришлось сесть и отдохнуть, не потому, что они очень устали, а потому лишь, что Ягненок захотел погулять на собственных ножках. А ведь нелегко искать что-нибудь потерянное, если в то же время вам приходится следить за маленьким шаловливым мальчишкой.

Марта была права, говоря, что ребенок очень хорошо чувствует себя на чистом воздухе: он барахтался, бегал, валялся по песку и был очень доволен своей судьбой. Старшим хотелось поговорить о своих важных планах, а Ягненок хотел веселиться по-своему. Улучив удобную минутку, он бросил целую горсть песка прямо в лицо Антее, а сам ткнулся головою в песочную кучу и принялся брыкать толстыми ножками. При таких гимнастических упражнениях, конечно, песок попал ему в глаза и он разревелся.

Предусмотрительный Роберт, зная, что ему непременно захочется пить, захватил с собою из дому бутылку имбирного кваса. Теперь пришлось ее немедленно откупорить, так как достать воды было негде, а надо же было чем-нибудь промыть глаза Ягненку.

Конечно, квас стал щипать глаза, и дитя расплакалось еще громче. Во время этой суматохи бутылка опрокинулась, чудный имбирный квас вылился на песок и пропал навеки.

Роберт обыкновенно был очень терпелив со своим маленьким братишкой, но тут он не выдержал.

— Всякий бы с радостью его взял! Да, как же! — ворчал он сердито. — Марта и та рада от него отделаться, иначе она оставила бы его с собою. Он надоедливый мальчишка, вот и все! Как бы я был рад, если бы в самом деле каждый желал взять его себе! Тогда, по крайней мере, мы могли бы жить спокойно.

Ребенок наконец перестал плакать, потому что Джейн по счастью вспомнила о единственном и простом способе вынимать соринки, попавшие в глаз. Это делается языком и притом очень легко, если вы действительно любите ребенка.

Наступило неловкое молчание: Роберт был не очень доволен собою, дав волю своему гневу, да и другие были не в духе.

Вдруг молчание было нарушено чьим-то глубоким вздохом. Головы детей разом повернулись в одну и ту же сторону, как будто к каждому носу был привязан шнурок и их всех за эти шнурки потянули.

Совсем рядом с детьми сидело Чудище и улыбалось.

— Здравствуйте! — сказала оно. — Мне очень легко было это сделать. Теперь каждый пожелает взять его себе.

— В этом нет никакой пользы, — угрюмо ответил Роберт, ощущая свою вину. — Тут кругом

нет ни одного человека, все равно его никто не возьмет.

— Неблагодарность — большой порок, — заметило Чудище.

— Мы вовсе не хотим быть неблагодарными, — поспешно сказала Джейн. — Только наше желание было совсем не такое. Роберт случайно это сказал. Не можете ли вы отменить это желание и исполнить другую нашу просьбу?

— Нет! — коротко ответило Чудище. — Просить, а потом отказываться — это уж не дело. Надо быть осторожными в своих желаниях. Когда-то давным-давно один мальчик попросил у меня плезиозавра вместо ихтиозавра — он был слишком ленив и не желал запоминать таких простых названий. Конечно, его отец очень рассердился, отправил его спать без ужина и не пустил кататься с другими детьми в красивой каменной лодке — в тот день как раз был школьный праздник. Мальчик на другой день пришел ко мне, колотил по песку своими доисторическими ногами и кричал, что он хочет умереть. И он умер.

— Какой ужас! — воскликнули дети.

— Только до заката солнца, конечно. Но все-таки его отец с матерью очень перепугались и ему за это сильно попало, когда он пришел в себя. В камень он не обратился — почему именно, я теперь не помню, только была тому какая-то причина. Люди обыкновенно не знают, что умереть и заснуть означает одно и то же. Все равно где-нибудь да проснешься: или в том же месте, где заснул,

или в другом, более красивом. Вот мальчика и наказали, чтобы он не беспокоил людей. Целый месяц ему не давали попробовать ни кусочка мегатерия, а кормили только устрицами, морскими ежами, крабами, омарами и другими самыми заурядными вещами.

Дети были подавлены этим страшным рассказом. Со страхом смотрели они на Чудище. Вдруг Ягненок заметил неподалеку от себя что-то маленькое, темное, пушистое и как будто знакомое.

Радостно протянув ручонки, он залепетал:

— Кис-кис-кис!

— Ой, моя левая бака! — крикнуло Чудище. — Не позволяйте ему до меня дотрагиваться: у него руки мокрые!

И правда, большая часть кваса была пролита на голубую рубашечку ребенка.

Вся шерсть на Чудище встала дыбом. Оно принялось работать руками и ногами и быстро исчезло в песке. Дети отметили это место камешками.

— Что же нам теперь делать? — сказал Роберт. — Ладно, пойдемте домой. Вот ведь какой неудачный день у нас выдался. Экая жалость! Однако, если не вышло ничего хорошего, так и особенно дурного тоже не произошло. Кроме того, мы теперь знаем, где найти Чудище, и завтра нам не надо будет его искать.

Остальные были великодушны, никто из них ни одним словом не упрекнул Роберта. Сирил взял на руки Ягненка — тот снова был в отличном настроении, — и дети пошли домой.

Дорога, по которой возили песок, почти у самого края ямы выходила на общую проезжую дорогу. Тут дети остановились, чтобы пересадить Ягненка со спины Сирила на спину Роберта. В это время на дороге показался красивый экипаж. На козлах сидели кучер и лакей, а внутри — какая-то очень важная дама в белом кружевном платье с красными ленточками и с белой лохматой собачкой в красном ошейнике. Дама взглянула на детей, задержалась взглядом на Ягненке и ласково улыбнулась.

Дети привыкли к такому, потому что Ягненок и вправду был, как выражалась прислуга, «очень привлекательным младенцем». Поэтому они приветливо поклонились даме, ожидая, что она проедет мимо. Но вместо этого дама вдруг приказала кучеру остановиться, подозвала к себе Сирила и, когда тот подошел, сказала ему:

— Какое прелестное дитя! Как бы я хотела его усыновить! Может быть, его мама согласится отдать его мне?

— Конечно, никогда не согласится,— сухо ответила Антея.

— О, но я бы воспитала его в роскоши! Вы не знаете меня? Я леди Читтенден. Быть может, вы видели мои портреты в иллюстрированных журналах. Меня считают красавицей, но, конечно, все это пустяки. Однако...

Дама открыла дверку коляски и вышла. Какие у ней были удивительные красные туфли на высоких каблуках и с серебряными пряжками!

— Дайте мне его подержать минутку! — сказала она и, протянув руки, взяла Ягненка, но как-то очень неловко, словно она не привыкла обращаться с младенцами.

Вдруг дама поспешно вскочила назад в коляску, захлопнула дверцу и приказала кучеру:

— Поезжай!

Ягненок закричал, маленькая собачка залаяла. Кучер не знал, что ему делать.

— Поезжай же, говорю я,— строго повторила дама, и кучер пустил лошадей.

Дети переглянулись, все разом бросились за экипажем и схватились за заднюю ось. Коляска катилась по пыльной дороге, а за нею быстро мелькали восемь ног, принадлежавших братьям и сестрам Ягненка. А он сперва кричал во всю мочь, потом начал икать и наконец утих. Наверное, заснул.

Восемь ног уже совсем отказывались двигаться, когда, на их счастье, коляска останови-

лась у ворот большого парка. Дети притаились за экипажем. Дама вышла и взглянула на Ягненка.

— Милый! Он спит, я не буду его беспокоить,— сказала она и пошла в парк. Кучер и лакей соскочили с козел и нагнулись над спящим ребенком.

— Славный парнишка, вот бы мне такого! — сказал кучер.

— Не к лицу тебе, брат! Мальчишка-то вон какой красивый,— насмешливо ответил лакей.

Кучер сделал вид, что не слышит этих слов.

— И что это с нашей леди приключилось? — сказал он.— Своих детей у ней нет, да и чужих она терпеть не может, а тут — на-ко, что выдумала!

Дети, сидя в пыли под коляской, беспокойно переглянулись.

— Знаешь что? — продолжал кучер решительно.— Пусть я лопну, если не спрячу сейчас этого мальчишку в траве. Леди скажу, что его братья утащили, а потом вернусь за ним.

— Ну нет, брат! Мне самому этот мальчонка страсть как нравится. Уж если кто и возьмет его, так это я, а не ты,— отвечал лакей.

— Молчи лучше! — крикнул на него кучер.— На что тебе дети? А если уж так понадобилось, так тебе все равно, кого ни взять. Вот я — человек женатый, толк в ребятах понимаю. Этот малый — первый сорт. Я только глянул на него, так сразу и подумал, вот бы мне такого! А ты лучше не суйся не в свое дело.

— С тебя, кажись, и так довольно,— отвечал лакей, посмеиваясь.— Сколько их там у тебя? Альфред, Альберт, Луиза, Виктор, Анна да еще...

Кучер, не слушая далее, ударил лакея в подбородок, лакей толкнул кучера кулаком в грудь — а дальше пошла такая возня, что и не разберешь, кто кому куда попадал. Беленькая

собачка в красном ошейнике вскочила на козлы и залилась пронзительным лаем.

Сирил, весь перепачканный в пыли, прокрался вдоль экипажа со стороны, противоположной полю битвы. Мужчины так увлеклись своим делом, что не замечали ничего вокруг. Осторожно открыв дверку, Сирил взял спящего Ягненка и, согнувшись, отбежал с ним шагов на двадцать назад по дороге к тому месту, где от нее отходила тропинка в лес, а остальные так же осторожно пробрались вслед за ним. Здесь, спрятавшись в кустах орешника и молодого дубняка, под листьями высоких папоротников, и притаившись, словно мышата, лежали они, пока сердитые голоса мужчин не умолкли перед еще более сердитым окриком красно-белой дамы и пока после долгих и старательных поисков дама со своим кучером и лакеем не уехала, наконец, прочь.

— Вот еще беда-то! — сказал Сирил, глубоко вздыхая, когда шум колес умолк вдали. — Теперь ведь и в самом деле каждый захочет взять его себе. Это Чудище опять нас подцепило — вот хитрое создание! Потащим Ягненка домой поскорее, а то еще Бог знает, что с ним может случиться.

Выйдя на дорогу, дети увидали, что как направо, так и налево она была совершенно пуста. Собравшись с духом, пустились они в путь. Спящего Ягненка несла Антея.

Но приключения детей не кончились. Какой-то мальчик с вязанкой хвороста на спине бросил свою ношу у дороги, долго всматривался в Ягненка, а потом предложил нести

его. Но поймать Антею на эту удочку второй раз уже, конечно, было нельзя. Дети пошли дальше, но мальчик не отставал от них и, чтобы от него отделаться, Сирил с Робертом вынуждены были несколько раз подносить к его носу кулаки. Потом к ним пристала какая-то девочка в синем переднике и шла за ними целые полверсты, упрашивая дать ей поиграть с «милым малюткой»; от нее избавились только тем, что пригрозили привязать ее к дереву носовыми платками. «А когда стемнеет, сюда придут медведи и съедят тебя», — сказал ей Сирил, сделав страшное лицо. Девочка ушла от них с плачем.

Благодаря чарам Чудища, маленький Ягненок вдруг сделался таким желанным, что его братья и сестры решили прятать его от всех прохожих и проезжих. Таким образом им удалось уберечь его от булочника, каменщика и еще какого-то встречного возчика, чья телега была нагружена бочкой с керосином. Дети уже были близко от дома, но тут-то как раз и поджидала их самая большая опасность. За одним из поворотов дороги они вдруг наткнулись на целый табор цыган, остановившихся на ночлег. В стороне от дороги стояли повозки и палатки; двое мужчин лежали на траве и курили трубки, а три женщины стирали белье в какой-то старой жестяной посудине. На самой дороге штук шесть оборванных ребят стряпали пироги из пыли.

В один миг все цыгане — и дети, и женщины, и мужчины — окружили Антею с Ягненком.

— Дайте мне его подержать, леди, — сказа-

ла одна из цыганок. Лицо у нее было словно из черного дерева, а волосы светлые.— Я ничего ему не сделаю.

— Лучше не надо,— ответила Антея.

— Нет, лучше дайте его мне! — сказала другая цыганка, у которой лицо тоже было словно из черного дерева, но и волосы были черные, кудрявые и блестящие.— У меня своих было восемнадцать штук, так уж не мне ли...

— Нет,— храбро ответила Антея, но сердце у нее от страха трепетало, как у пойманной птички.

Тут вышел вперед один из мужчин.

— Провалиться мне на этом месте, если это не он! — воскликнул цыган.— Это ж мой сын, которого я давно ищу. Есть у него родинка на левом ухе? Нет? Ну вот, он самый! Его у меня украли. Давайте его мне скорей! И я уж, так и быть, на этот раз я не стану жаловаться на вас в полицию.

Он силой вырвал ребенка из рук Антеи. Та от гнева покраснела и даже заплакала.

Остальные дети стояли, не говоря ни слова. Никогда еще не бывало с ними такого страшного приключения. Даже когда их вели в участок в Рочестере, и то было лучше. Сирил побледнел, руки его дрожали, но он сделал знак другим, чтобы они молчали. Сам он с минуту о чем-то думал и, наконец, сказал цыгану:

— Если ребенок ваш, то мы не станем держать его у себя. Только, видите ли, он уж очень привык к нам. Впрочем, если хотите, возьмите.

— Конечно, хотим! — отвечала одна из женщин, пытаясь взять ребенка из рук цыгана.

Ягненок громко закричал.

— Ай, вы сделали ему больно! — бросилась к цыганке Антея. Но Сирил вполголоса скомандовал ей: «Молчи!»

— Уж положишься на меня! — добавил он шепотом.

— Послушайте! — обратился он к цыганам. — С чужими людьми этот мальчишка прямо несносен. Мы лучше немножко побудем тут с вами, пока он к вам не привыкнет, а когда придет ему время спать, мы его вам оставим, а сами уйдем. Потом уж вы между собой решите, кто из вас возьмет его себе.

— Что ж, пожалуй, — сказал цыган, державший Ягненка. У этого цыгана шея была обвязана красным платком. Ягненок вцепился в платок обеими ручонками и так его затянул, что цыгану стало тяжело дышать.

Цыгане принялись о чем-то шептаться. Сирил воспользовался этим временем, чтобы тоже шепнуть:

— Закат! Тогда мы уйдем.

Дети пришли в немалое удивление и восторг оттого, что Сирил оказался таким умным и вспомнил о закате.

— Вы пока пустите мальчика к нам, — сказала Джейн. — Мы сядем здесь и будем смотреть за ним, а тем временем он к вам понемножку привыкнет.

— Хорошо бы теперь поесть чего-нибудь! — сказал вдруг Роберт. Остальные посмотрели на него с презрением.

— Как можно думать о еде,— горячо заговорила Джейн,— когда наш бра... я хотела сказать — мальчик...

Роберт усиленно замигал ей глазами и продолжал, обращаясь к цыганам:

— Можно мне пока сбегать домой и принести чего-нибудь поесть?

Его братья и сестры почувствовали к нему глубочайшее презрение; они не догадывались о его тайных намерениях. Зато цыгане мигом поняли, в чем дело.

— Да,— сказали они,— и позвать полицию и наговорить ей всякого вздора, будто этот ребенок ваш, а не наш. Очень уж ты хитер, голубчик!

— Если вы голодны, можете поесть с нами,— сказала довольно ласково одна из цыганок.— Слушай, Сандро, это милое дитя, пожалуй, надорвется от плача. Отдай его пока барышне, и посмотрим, не приучит ли она его немножко к нам.

Ягненок был возвращен Антее. Но цыгане стояли так близко, что плакать он не переставал. Тогда мужчина с красным платком на шее сказал:

— Ну-ка, Фараон, разведи огонь. А вы, женщины, приготовьте похлебку.

Таким образом, цыгане, хотя и неохотно, должны были разойтись и приняться за работу, а дети со своим меньшим братом остались сидеть на траве.

— Когда солнце сядет, то все опять уладится,— сказала Джейн.— А все-таки страшно! Вдруг цыгане рассердятся на нас, когда

придут в себя? Они могут нас прибить, или привяжут нас к деревьям и бросят здесь.

— Нет, они этого не сделают,— сказала Антея. (И добавила шепотом: «Ягненочек, милый, перестань плакать: видишь, твоя Панти здесь, с тобою».) — Они не злые люди, иначе не захотели бы нас накормить.

— Да, как же! — сказал Роберт. — Я и не притронусь к их грязной похлебке, она у меня в горле застрянет.

В эту минуту и другие были с ним согласны. Но когда ужин был готов, то все принялись уплетать его за обе щеки. Цыгане приготовили вареного зайца с луком и каких-то птиц, похожих на цыплят. Ягненку дали сухарей, размоченных в горячей воде и посыпанных мелким сахаром. Ему это кушанье так понравилось, что он, сидя на коленях у Антеи, даже позволил двум цыганкам кормить себя с рук. Бесконечно долгим показался для детей остаток этого дня, так как им все время пришлось забавлять Ягненка. О бегстве нечего было и думать: цыгане зорко следили за ними. Под вечер Ягненок успел привыкнуть к женщине со светлыми волосами, позволяя цыганятам целовать свои лапки и даже становился, положив руку на грудь, и кланялся мужчинам, «как большой». Весь табор был в восторге от него, а братья и сестры в глубине души невольно гордились оттого, что его таланты проявлялись перед такой внимательной и отзывчивой публикой. Однако, вместе с тем, дети нетерпеливо ждали захода солнца.

— Мы уже привыкли ждать заката,— шепнул Сирил.— Когда же наконец мы сумеем пожелать чего-нибудь очень хорошего и будем жалеть, что солнце зашло.

Тени от деревьев становились все длиннее и длиннее, пока наконец не слились в красноватом сумраке. Солнца не было видно — оно скрылось за холмом, но еще не закатилось. Цыгане начали терять терпение.

— Ну, малыши! — сказал человек с красным платком.— Пора уж вашим головам и на подушки. Мальчишка с нами теперь подружился, и вы, стало быть, можете отсюда проваливать.

Цыгане и цыганята столпились вокруг Ягненка, к нему протягивали руки, манили его пальцами, ласково улыбались. Но все эти искушения на него не действовали. Забравшись на руки к Джейн, он крепко обнял ее за шею, прижался к ней всем телом и так жалобно заплакал, как ни разу еще не плакал в этот день.

— Так ничего не выйдет,— сказала одна из женщин.— Дайте-ка мне его, барышня, я его скоро успокою!

А солнце все еще не закатилось.

— Расскажите ей, как надо укладывать его в постель,— тревожно шептал Сирил.— Говорите все, что придет в голову, только бы выиграть время. И будьте готовы удирать сейчас же, как только это глупое солнце надумает наконец сесть.

— Хорошо! — сказала Антея цыганам.— Сейчас мы вам его отдадим, только я должна вам рассказать, что каждый вечер его надо купать в теплой воде, а утром — в холодной.

У него есть фарфоровый зайчик, с которым он купается в теплой ванне, и две утки — с ними он купается в холодной. Не знаю, из чего они сделаны, но только они не тонут, а плавают. Потом, он очень не любит, когда ему моют уши, но все равно это надо делать каждый день. А если ему попадет мыло в глаза...

Женщина засмеялась.

— Будто я сама никогда ребят не купала! — сказала она. — Ну, давайте его мне. Пойди к Мелии, солнышко мое!

— Иди плочь! — крикнул Ягненок решительно.

— Да, но я еще должна сказать, как его надо кормить, — продолжала Антея. — Вы непременно должны знать, что каждое утро ему дают яблоко, а потом молоко с булкой. На завтрак иногда дают яйцо и...

— Я десятерых вырастила, — ответила женщина с черными кудрями. — Давайте-же его, барышня. Нечего больше разглагольствовать. Вот я его сейчас приласкаю, убаюкаю...

— Подожди! Мы ведь еще не решили, чей он будет, — сказал один из мужчин.

— На что он тебе, Аза, когда за твоим хвостом и так семеро ходят?

— Ну, это еще не беда, — отвечал муж Азы.

— А меня-то вы и спрашивать не хотите, что ли? — сказал муж Мелии.

Вмешалась девушка Зилла.

— А про меня вы совсем забыли? Я одинокая девушка, смотреть мне не за кем. Вот мне его и отдайте.

— Молчи уж лучше!

— Сам потише кричи!

— Ты ко мне не лезь, а то я...

Цыгане начинали сильно горячиться. Их темные лица нахмурились, глаза засверкали... Но вдруг на всех лицах произошла какая-то перемена: словно по ним прошла невидимая губка и сразу стерла с них весь гнев и волнение.

Дети поняли, что солнце, наконец, закатилось, но они боялись двинуться с места, ожидая, что цыгане вдруг придут в ярость, сообщив, сколько глупостей они сегодня наделали. Однако цыгане тоже были смущены и не говорили ни слова.

Это была тяжелая минута!

Но вот Антея с невероятной смелостью поднесла Ягненка к мужчине в красном платке:

— Возьмите же его,— сказала она.

Цыган даже попятился от нее шага на два.

— Мне не хотелось бы отнимать его у вас, леди,— ответил он глухим голосом.

— Уступаю свою долю в нем всякому, кто только захочет,— сказал другой цыган.

— С меня и своих довольно,— проворчала Аза, отворачиваясь.

— Все-таки он хороший мальчишка,— сказала Мелия. Теперь только она одна смотрела на хныкающего Ягненка.

Девушка Зилла даже высказала предположение, что у нее сегодня, должно быть, был легкий солнечный удар. Ей-то этот мальчишка, конечно, уж совсем не нужен!

— Так мы можем его унести? — спросила Антея.

— Отчего бы и нет? — ответил ей Фараон ласково. — Уносите его, барышня, и не будем больше об этом разговаривать.

Цыгане стали торопливо устраиваться на ночь, не обращая больше никакого внимания на детей. Только Мелия проводила их до поворота дороги и сказала там:

— Дайте мне еще раз поцеловать его, леди. Не знаю, отчего мы сегодня все так одурели. Мы, цыгане, детей не ворует, хоть вас и пугают нами, когда вы шалите. У нас обыкновенно и своих ребят слишком много. Только я всех своих потеряла...

Она наклонилась к Ягненку. И тот, глядя ей в глаза, почему-то поднял свою ручонку, нежно погладил цыганку по лицу и пробормотал: «Бедная, бедная!» Затем он позволил ей поцеловать себя, и даже более того — сам поцеловал ее смуглую щеку:

Цыганка стала водить пальцами по лбу ребенка, что-то писала на нем, потом по груди, по рукам и ногам, а в то же время говорила: «Пусть будет он смелым, пусть голова его будет сильна мыслью, а сердце любовью, пусть руки его работают неустанно, а ноги пусть носят его через леса и горы и снова приносят его здоровым и невредимым в родную семью». Потом она сказала несколько слов на каком-то непонятном языке и быстро выпрямилась:

— Теперь пора прощаться. Рада была нашей встрече.

И она ушла к себе домой — в палатку на зеленой траве у дороги.

Дети смотрели ей вслед, пока она не скрылась из виду.

— Какая она странная,— задумчиво сказал Роберт.— Даже закат солнца ее не образумил. Что это за вздор она болтала?

— А мне кажется,— возразил Сирил,— что это было очень любезно с ее стороны.

— Любезно! — воскликнула Антея.— Это было удивительно хорошо. Право же, она такая милая!

— Должно быть, она добрая,— согласилась Джейн.— Только очень уж страшная.

Домой дети вернулись, опоздав не только к обеду, но и к вечернему чаю. Марта, конечно, бранилась, но Ягненок был цел.

— Выходит, что сегодня мы, как и все другие, желали иметь у себя Ягненка,— сказал Роберт позже.

— Конечно.

— А теперь, после заката солнца, все переменялось?

— Нет,— ответили трое остальных.

— Значит, чары Чудища действуют на нас и теперь, после заката?

— Нет, — отвечал Сирил.— Чудище тут не при чем. Мы всегда очень любили Ягненка, когда у нас головы были в порядке. Только сегодня утром мы все вели себя по-свински, особенно ты, Роберт.

Роберт не рассердился на этот упрек.

— Правда,— отвечал он.— Сегодня утром я думал, что совсем не люблю Ягненка. Пожалуй, это было свинство. Но когда оказалось, что мы можем его потерять, я стал думать совсем иначе.

Итак, друзья мои, эта глава закончилась нравоучением. Право же, я не хотела писать никаких нравоучений, но они бывают иногда крайне навязчивы и лезут туда, где их совсем не спрашивают. А раз уж одно из них сюда забралось, то пусть оно тут и остается. Быть может, оно и пригодится, на случай, если кому-нибудь вдруг придет желание отделаться от одного из своих братьев или сестер. Надеюсь, это бывает нечасто, а ведь, пожалуй, все-таки бывает — даже и с вами.

Глава четвертая

КРЫЛЬЯ

На другой день пошел дождик. Из дому выйти было нельзя, а тем более нельзя было потревожить Чудище: оно, как вы знаете, так боялось сырости, что, простудившись много тысяч лет тому назад, до сих пор чувствовало боль в своей левой баке. Время тянулось медленно, и после полудня дети задумали написать письма матери.

Но прежде всего Роберт ухитрился опрокинуть чернильницу, а она, как на грех, в этот день была как-то особенно полна. Чернила пролились на столик Антеи и попали в особое приспособление из картонки с резинкой, которое Антея называла своим потайным ящиком. Собственно говоря, Роберт был не очень виноват; так уж случилось, что он брал чернильницу в то же самое время, когда Антея

приподняла крышку стола, а Ягненок, сидя под столом, разломал свою игрушечную птичку, махавшую крылышками, нашел внутри небольшую острую проволоку и попробовал уколоть ею Роберта в ногу. Таким образом, без всякого дурного умысла с чьей-либо стороны, потайной ящик был облит чернилами, а затем струя чернил потекла на незаконченное письмо Антеи. После этого происшествия письмо приняло такой вид:

«Милая моя мамочка, надеюсь, что ты совсем здорова и что бабушке теперь лучше. Недавно мы...» Дальше шел чернильный поток, а внизу было приписано карандашом:

«Это не я пролила чернила, но их пришлось так долго вытирать, что писать больше некогда, пора отправлять.»

Твоя любящая дочь Антея».

Письмо Роберта так и не было начато. Рисуя корабль на промокашке, он все думал, о чем бы ему написать, а тут как раз опрокинулась чернильница и пришлось помогать Антее. Он пообещал ей сделать другой потайной ящик, гораздо лучше прежнего. Антея отвечала: «Хорошо, сделай сейчас». Затем пришлось отправлять письма, а письмо Роберта было не готово. Впрочем, потайной ящик тоже не готов до сего дня.

Сирил очень быстро написал длинное письмо и пошел делать ловушку для улиток, о которой недавно прочитал в «Домашнем садовнике». Когда же надо было отправлять письмо, то оно куда-то исчезло. Должно быть, улитки съели.

Пошло одно письмо Джейн. Она хотела подробно рассказать маме о Чудище и о всех приключениях последних дней — в сущности, все хотели сделать то же самое,— но Джейн так долго думала над письмом, что на подробный рассказ у нее уже не хватило времени и пришлось удовольствоваться следующим:

«Милая моя мамочка, мы все ведем себя так хорошо, как только можем. Ты ведь так нам сказала, когда уезжала. Ягненок немножко простудился, но Марта говорит — это пустяки, только он вчера утром перевернул вазу с золотыми рыбками. Мы были в песочной яме, туда пришли по нестрашной дороге и нашли там удивительную штуку, только пора уж отправлять письмо, а потому до свидания.

Твоя дочка Джейн.

Если бы твое желание исполнилось, ты чего бы пожелала?»

В это время слышался рожок почтальона и Роберт бросился под дождь, чтобы остановить его и передать письмо.

Вот так и случилось, что, несмотря на общее намерение детей рассказать матери о Чудище, она ничего о нем не узнала. Были еще и другие причины, почему ей никогда не пришлось о нем узнать, но о них я расскажу после.

На другой день приехал дядя Ричард, забрал с собою всех детей, кроме Ягненка, и повез их в городок Медстон. Дядя Ричард был хороший. В городе он повел их в магазин игрушек и, не давая советов покупать что-нибудь поучительное, предложил, чтобы каж-

дый выбрал себе игрушку, не думая о цене. Это очень умно — позволять детям выбирать любую игрушку: дети ведь неопытны, а потому иногда, сами того не желая, выбирают полезные и поучительные вещи. Так и случилось с Робертом: он долго колебался, а в конце концов стал торопиться и выбрал коробку, на которой были нарисованы крылатые быки с человеческими головами и крылатые люди с орлиными головами. Роберт думал, что в коробке окажутся такие же звери, как нарисованы на крышке, а там оказалось лото для изучения древней истории.

Другие дети тоже выбрали себе игрушки и были очень довольны. Сирил нашел себе маленькую модель паровой машины, девочки выбрали по кукле, а кроме того, кукольную чайную посуду «для обеих». Мальчики «для обеих» выбрали лук и стрелы.

Дядя Ричард катал детей на лодке, потом все пили чай в красивой кондитерской, а когда приехали домой, то уже было поздно думать о каких-нибудь желаниях.

О Чудище дяде Ричарду ничего не рассказывали. Почему? Мне это неизвестно. Да и дети сами этого хорошенько не знали. Но вы, быть может, догадаетесь?

Следующий день оказался необыкновенно жарким. В газетах ежедневно печаталось, какова должна быть погода. Люди, заведующие этим, писали потом, что уже много лет не было такого жаркого дня. Накануне они отдали приказ погоде: «теплее, местами гроза». Тепло-то, и правда, было. Но погода так хло-

потала о тепле, что на устройство грозы у нее совсем не осталось времени. Потому гроза в тот день так и не состоялась.

Приходилось ли вам когда-нибудь в жаркий летний день вставать в пять часов утра? Хорошо бывает в это время: восток горит розовыми и желтыми огнями, на траве и на деревьях роса сверкает, как разноцветные драгоценные камни, и все тени падают не в том направлении, как вы привыкли их видеть вечером, а как раз в обратном, и от этого кажется, что вы находитесь в каком-то другом, новом мире.

Антея встала в пять часов утра. Она заставила себя проснуться в это время. Я расскажу вам, как это делается, хотя мне и придется на минутку прервать свою повесть.

Ложась спать, надо повернуться на спину, выпрямиться и вытянуть руки вдоль тела. Затем скажите сами себе: «Я должен проснуться в пять часов» (или в шесть, семь — словом, когда вам надо). Говоря это, наклоните подбородок к груди и затем откиньте голову назад, на подушку. Если хотите проснуться в пять, сделайте это пять раз, в шесть, — шесть раз и так далее. Конечно, успех зависит от того, действительно ли вы сильно хотите проснуться в названное время. Если ваше желание не очень крепко, то не стоит и пробовать. Должен еще сказать, что в этом деле, как и во всяком другом, только практика ведет к совершенству.

Антея уже достигла совершенства.

Как только она проснулась, старые часы в столовой пробили ровно одиннадцать; по ко-

личеству ударов Антея определила, что теперь было без трех минут пять. Старые часы били всегда не то, что следует, но это не большая беда: надо было только знать, что именно они хотят сказать. Часы как будто говорили на иностранном языке, и если этот язык вам знаком, то вы все понимаете так же легко, как будто вам говорят на вашем родном. И Антея знала язык часов. Ей очень хотелось спать, но она поскорее вскочила с кровати и окунула лицо в умывальную чашку с холодной водой. Этот способ как будто волшебством отгоняет всякое желание забраться назад в постель. Наскоро одевшись, взяла она башмаки в руки, потихоньку спустилась по лестнице на нижний этаж, открыла окно в столовой и вылезла в сад. Нетрудно было выйти и в двери, но вылезти в окно было как-то интереснее, да и Марта не смогла бы ее заметить.

— Я всегда буду вставать в пять часов,— подумала Антея.— Рано утром так хорошо на воздухе!

Сердце у нее сильно билось, потому что она шла выполнять свое собственное тайное намерение. Она не была вполне уверена, что ее план хорош, но если бы сказать о нем другим, то все равно он лучше не стал бы. Антея чувствовала, что худо ли, хорошо ли, а ей надо было выполнить свой план непременно одной. Забравшись под веранду и надев там башмаки, она пустилась бежать прямо к песочной яме, отыскивала Чудище и выкопала его из песка.

Странное существо было совсем не в духе.

— Это никуда не годится,— говорило оно, вздрагивая от холода.— Температура невозможно низкая, да и теперь едва ли еще не полночь.

— Не сердитесь на меня, пожалуйста,— отвечала смущенная Антея. Она сняла свой передник и прикрыла им Чудище, оставив снаружи только его голову, глаза и уши.

— Благодарю, так немножко лучше,— сказало Чудище.— Каково же ваше желание в нынешнее утро?

— Видите ли, в чем дело,— начала Антея.— До сих пор у нас были постоянные неудачи, я и хотела бы поговорить с вами об этом. Только вы, пожалуйста, не исполняйте никаких моих желаний до завтрака. Ведь так трудно разговаривать, если вдруг исполнится желание, которого совсем не желаешь.

— Так и не надо ни о чем просить, если никаких серьезных желаний нет. В старину люди почти всегда знали, чего им нужно на обед: мегатерия или плезиозавра.

— Я постараюсь ни о чем не просить,— ответила Антея.— Только я хочу...

— Чего? — спросило Чудище предостерегающим тоном и начало раздуваться.

— О нет, нет! Это совсем не то! Для этого желания не нужно никакого волшебства. Я только хотела... пожалуйста, не раздувайтесь так и не делайте ничего для меня сейчас. Подождите, пока придут остальные.

— Ну, хорошо, хорошо! — сказало Чудище снисходительно, хотя и дрожало от холода.

— Быть может... — сказала Антея участли-

во.— Быть может, вы сядете ко мне на колени? Я заверну вас в подол платья, и вам будет теплее. Я буду очень осторожна.

Она совсем не ожидала, что Чудище согласится на это, но оно согласилось.

— Благодарю, ты действительно заботливая девочка.— И, взобравшись на колени к Антею, оно, словно кошка, устроилось там поудобнее. Антея с робкой заботливостью обняла его обеими руками.

— Итак? — спросило Чудище.

— Вот видите, — отвечала Антея, — из всех наших желаний до сих пор выходили одни только большие неприятности. Мне хотелось бы, чтобы вы нам дали совет. Вы ведь такой старый и должны быть очень мудрым.

— С моих молодых лет я всегда был очень щедрым, — ответило Чудище. — Во все часы моей жизни, когда я не спал, я всегда кому-нибудь чего-нибудь давал. Только одного я никогда не даю, а именно советов.

— Послушайте, — продолжала Антея. — С нами случилось что-то удивительное. Мы познакомились с вами, а вы такой добрый и милый, что исполняете все наши желания. И все это пропадает понапрасну, потому что мы глупенькие и сами не знаем, чего нам пожелать.

Антея именно это и хотела сказать, но только не при других. Признаться, что сам глупенький — это одно, а о других так сказать — это уж совсем другое дело.

— Дитя мое, — ответило Чудище сонным голосом. — Одно могу тебе только посоветовать. А именно: думать прежде, чем ты говоришь.

— А мне показалось, что вы никогда не даете советов.

— Этот один не в счет, все равно ты его не слушаешь. А, кроме того, он совсем не новый: давно уже во всех прописях прописан.

— Но, быть может, вы мне только скажете... Как вы думаете: что если бы мы вдруг пожелали иметь крылья—это было бы не слишком глупо?

— Крылья? Хм, это не так уж и плохо. Только будьте осторожны и не летайте слишком высоко перед закатом. Слышал я когда-то об одном мальчике из Ниневии — он был сыном царя Сенахериба и от какого-то путешественника получил в подарок Псаммиада. Мальчик держал его на террасе дворца в ящике с песком. Конечно, то было страшное унижение для одного из членов нашего древнего рода, но все-таки мальчик был не кто-нибудь, а сын царя ассирийского! Однажды этот мальчик пожелал иметь крылья и, конечно, получил их. Только он забыл, что при закате солнца они обратятся в камень. И вот, когда это случилось, он упал с огромной высоты прямо на одного из крылатых львов, украшавших лестницу царского дворца. Ты замечаешь это таинственное совпадение: окаменевшие крылья мальчика и каменные крылья льва? Ну, впрочем, это грустная история! Но я уверен, что пока с мальчиком не случилось несчастье, он был очень доволен своими крыльями.

— Скажите мне,—спросила Антея,—отчего наши желания не каменеют, а только исчезают?

— *Autres temps, autres mœurs**,— ответило Чудище.

— Это по-ниневийски? — спросила Антея, которая не училась никаким иностранным языкам, кроме французского.

— Я хочу сказать, что в старину люди желали себе вещей самых солидных и определенных: мамонтов, мегатериев и тому подобных, которые могли окаменеть. А теперь все желания стали какие-то легкомысленные и фантастические. «Хотим быть прекрасными, как майское утро!», «Хотим, чтобы ребенка каждый хотел взять к себе!» Ну чему тут каменеть? А всякий подарок Псаммиада может существовать только до захода солнца, это закон вечный и непреложный. Поэтому-то теперь все мои дары не каменеют, а только исчезают. Если бы, например, красота могла окаменеть, то она сохранилась бы на очень долгое время. Посмотри хоть на статуи древних греков: в них красота, вложенная в камень, сохранилась на тысячи лет. Однако, прощай! Мне ужасно хочется спать.

Чудище соскочило с колен Антеи, быстро принялось копать песок и исчезло.

К завтраку Антея опоздала. Между прочим, оказалось, что за завтраком Роберт совершенно спокойно вылил на платъице Ягненка целую ложку варенья, так что Ягненок пришлось мыть с ног до головы. Конечно, такой поступок был совсем не красив, но он привел к тому, что, во-первых, доставил очень боль-

---

* О времена, о нравы (лат.).

шое удовольствие Ягненку, который больше всего на свете любил перемазаться в чем-нибудь липком, и, во-вторых, отвлек внимание Марты, так что вся компания смогла удрать к песочным ямам, не взяв с собой Ягненка.

Когда все прибежали в яму, запыхавшаяся Антея поспешила сказать:

— Вот что я вам предложу: давайте придумывать желания по очереди. Только никто не должен говорить своего желания Чудищу, если другим оно не понравится. Согласны?

— А кто первый будет придумывать? — спросил осторожный Роберт.

— Я, если вы ничего не имеете против, — отвечала Антея. — И я уже придумала — крылья!

Наступило молчание. Другим хотелось бы что-нибудь возразить, но трудно было, потому что при слове «крылья» все почувствовали радостное возбуждение.

— Это не такая уж дрянь,— великодушно одобрил Сирил. А Роберт добавил:— Право, Пантера, ты совсем не так глупа, как кажешься.

— Это будет прелесть как хорошо!— воскликнула Джейн.— Мы будем летать, словно во сне.

Чудище скоро нашли, и Антея тотчас же сказала ему:

— Я хочу, чтобы у нас появились крылья, и мы бы могли летать, как птицы!

Чудище надулось, затем выпустило воздух, и в ту же минуту каждый из детей почувствовал какое-то странное ощущение на своих плечах: там стало как-то и тяжело и вместе с тем легко. Чудище склонило голову набок и принялось ворочать глазами, поглядывая на детей.

— Не такая уж дрянь!— сказало оно сонливо.— Хотя, право, Роберт, ты совсем не такой ангел, каким кажешься.

Мальчики едва не покраснели.

Крылья были большие и гораздо более красивые, чем вы можете себе вообразить: гладкие, мягкие, перышко к перышку. Они переливались всеми цветами радуги.

— Ох, как хорошо! А мы можем летать?— сказала Джейн, беспокойно переступая с ноги на ногу.

— Осторожнее, ты мне на крылья наступаешь,— остановил ее Сирил.

— А это больно?— спросила Антея с любопытством. Но никто ей не ответил, так как Роберт в это время распустил крылья, подпрыгнул и стал медленно подниматься на

воздух. Вид у него был не очень красивый — к крыльям плохо шли его курточка и короткие штанишки, а особенно башмаки, которые как-то нелепо болтались в воздухе и казались огромными и неуклюжими. Но остальные не обратили внимания на его внешний вид, да и на свой тоже. Они распустили крылья, вспорхнули и полетели.

Конечно, вы знаете, как приятно летать. Каждый видел во сне, что он летает. И делает это легко и просто. Только вот потом трудно припомнить, как именно это делается.

Все четверо детей отделились от земли и плавно поплыли над нею. Свежий ветерок струился им навстречу, мягко овеивая их лица. Крылья, стоило их расправить, оказались такими большими, что приходилось держаться поодаль друг от друга, чтобы не мешать полету. Но таким пустякам легко обучаешься.

Ни в одном словаре нет таких слов, которыми можно было бы передать, что человек чувствует, когда летает. Я уж лучше не стану и пытаться описать это удивительное ощущение. Скажу только, что когда смотришь на поля и леса не с земли, а сверху, то они становятся похожи на географическую карту, но вместо тех нелепых красок, что бывают на бумаге, вы видите живые краски самой природы: яркую зелень лугов, покрытые зрелым хлебом желтые поля, переливающиеся под ветром, как волны, леса, освещенные солнцем. Из всех приключений этот полет над землею больше всего был похож на какое-то волшебство. Легко помахивая своими радужными

крыльями, дети плавали между зеленью лугов и темно-голубым небом.

Пролетев над железною дорогою, по которой бежали поезда, над широкою рекою, где

скользили парусные суда и пароходы, и над шумным городом Рочестером, дети спустились ниже и вдруг почувствовали, что им очень хочется есть. Странно, что голод у них сказался как раз в то время, когда они пролетали над большим фруктовым садом, где были видны спелые сливы.

— Да, конечно! — сказал вдруг Сирил, хотя до сих пор никто не говорил ему ни слова. — Но кража все равно будет кражей, даже если у тебя и есть крылья.

— Ты и вправду так думаешь? — ответила ему Джейн. — Если у нас есть крылья, значит, мы птицы. А если птицы нарушают законы, на это никто не обращает внимания. Ну, быть может, и обращают, а все-таки никто их не бранит, и в тюрьму их не сажают.

Опуститься и сесть на деревья было не так-то легко — крылья были очень уж велики. Но в конце концов дети кое-как устроились, а сливы и вправду оказались превкусными.

Дети успели уже съесть немало слив, как вдруг в саду показался толстый человек с палкою, бежавший прямо туда, где они сидели. По всем признакам, это был хозяин. Завидев его, дети вспорхнули с деревьев.

Садовник разом остановился и даже рот открыл от удивления. Издали он заметил, что в одном углу сада деревья качаются как-то неестественно. «Опять эти безобразники! Ну, я им задам!» — сказал он сам себе и тотчас же схватился за палку (в прошлом году мальчишки из соседней деревни показали ему, что за спелыми сливами надо смотреть в оба глаза).

Но теперь, увидав радужные крылья, вспорхнувшие с деревьев, садовник подумал, что он сходит с ума, и это ему совсем не понравилось.

Антея, взглянув вниз, заметила, что хозяин слив стоит с открытым ртом и вытаращенными глазами, а лицо его постепенно становится желто-зеленым с красными пятнами.

— Не бойтесь! — крикнула она ему, и, запустив руку в карман, отыскала там монету в три пенса. Монета была с дырочкою — Антея собиралась надеть ее на ленточку и носить у себя на шее «на счастье». Но теперь, спустившись поближе к садовнику и порхая вокруг него, Антея сказала ему:

— Мы ели ваши сливы. Нам казалось, что это не будет кражей, но теперь я в этом не уверена. Так вот вам деньги за них!

С этими словами она подлетела совсем близко к перепуганному владельцу сада, положила монету в карман его куртки, а потом взмахнула крыльями и присоединилась к своей компании.

Толстяк грузно опустился на землю.

— Господи прости! — шептал он. — Это не иначе, как видение мне было. Ну, а три пенса-то? Вот ведь они! — Вытащив из кармана монету, он куснул ее зубом. — Это уж не видение! Нет, с нынешнего дня довольно мне грешить. От такой штуки навек отрезвеешь. Ладно еще, привиделось мне только что-то вроде птиц, хоть они и говорили человеческим голосом, а кабы еще что похуже?

Тяжело и медленно поднялся он с земли, пошел домой и так хорошо весь этот день

обращался со своею женою, что та совсем повеселела и шептала про себя: «Господи, что это с ним приключилось!» Она принарядилась, надела голубую ленточку на шею и стала такой хорошенькой, что садовник сделался еще добрее. Таким образом, быть может, крылатые дети сделали хоть одно хорошее дело в тот день.

Но если так, то это хорошее дело и осталось единственным — ведь с крыльями так легко влететь во всякую неприятность, хотя, с другой стороны, если уж вы попали в скверную историю, то и выбраться из нее всего легче на крыльях.

Так, благодаря крыльям, дети благополучно выпутались из приключения со злой собакой. Подлетев к какому-то хутору, они спустились на землю и, прижав крылья так, чтобы их по возможности было не видно, пошли попросить хлеба и молока (сливы-то оказались не очень сытными). Вдруг во дворе хутора на них бросилась огромная собака. Не будь крыльев, плохо бы кончилось дело. Но при первом же рычании крылья были распушены, дети поднялись в воздух, а собака с яростным лаем принялась метаться и прыгать по двору, как если бы тоже собиралась взлететь.

Пробовали дети заглядывать и на другие хутора. Но даже там, где не было никаких собак, тоже не выходило никакого толку: при виде крыльев за плечами у детей люди так пугались, что могли только кричать от страха и ничего от них добиться было нельзя.

Было уже около четырех часов дня, когда дети, усталые и голодные, взлетели на пло-

скую крышу церковной башни и там устроили военный совет.

— Нельзя нам лететь домой, если мы где-нибудь не пообедаем или хоть не перекусим чего-нибудь,— говорил Роберт мрачно.

— Да, только никто нам ничего не даст,— возражал ему Сирил.

— А может быть, здешний пастор нас покормит,— сказала Антея.— Он нас не испугается: ему ведь известно все про ангелов.

— Он сразу увидит, что мы не ангелы,— печально ответила Джейн.— Посмотри на Робертовы страшные башмаки или на этот мятый галстук у Сирила.

— Вот что! — сказал Сирил решительно.— Если находишься в стране, где нельзя купить провианта, то его берут силой. Так всегда бывает на войне, я это хорошо знаю. Да и ни в одной повести хороший брат не заставит своих маленьких сестер умирать с голоду, когда кругом такое изобилие.

— Изобилие? — удивленно переспросил Роберт. Девочки тоже с недоумением оглядели кругом голую свинцовую крышу церковной башни.

— Да! — отвечал Сирил твердо.— Возле дома пастора я заметил окно кладовой и заглянул в него. Там оказалось много съедобного: пудинг, цыплята жареные, язык, пирожки, варенье. Окно расположено довольно высоко, но ведь мы с крыльями...

— Какой ты умный! — воскликнула с удивлением Джейн.

— Совсем нет,— скромно ответил Сирил.— Всякий хороший главнокомандующий — На-

полеон, например, или герцог Мальборо — заметил бы то же самое.

— Это будет совсем не хорошо, — задумчиво сказала Антея.

— Пустяки! — возразил ей Сирил. — Ну что же нам делать, если мы оказались как будто во вражеской стране?

— По крайней мере, мы сложим все наши деньги и оставим их в уплату, — убеждала Антея чуть не со слезами. Ведь нелегко чувствовать себя и страшно голодной, и великой преступницей в одно и то же время.

— Не все деньги, а часть их, — был осторожный ответ.

И вот каждый вывернул свои карманы и высыпал все их содержимое на свинцовые листы крыши, на которых в течение последних полутора лет посетители вырезывали свои имена. Всех денег оказалось пять шиллингов и семь с половиной пенсов, а потому даже справедливая Антея согласилась, что в уплату за обед для четверых этого, пожалуй, будет слишком много. Роберт полагал, что будет довольно полтора шиллинга. В конце концов решили оставить два.

В кармане Антеи оказался школьный листок с оценками за последнюю четверть. Оторвав название школы и свою фамилию, она написала на нем такое письмо:

«Милый глубокоуважаемый пастор, мы, право, очень голодны, потому что целый день летали по небу, и мы думаем, что когда умираешь с голоду, то это не будет кражей. Мы

боялись попросить у вас, думая, что вы скажете «нет», потому что вы, конечно, все знаете об ангелах, но вы бы не подумали, что мы ангелы. Мы не тронем ни пудинга, ни печения, а возьмем только самое необходимое, чтобы показать вам, что мы опустошили кладовую не из жадности, а только от самого настоящего голода. Но мы совсем не настоящие разбойники».

— Кончай уж скорее! — хором потребовали остальные. И Антея наскоро приписала:

«Наши намерения вполне честны, если бы вы только знали. И вот здесь два шиллинга, чтобы показать вам, что мы вам искренне благодарны. Благодарим за ваше доброе гостеприимство.

От нас четверых».

Когда деньги были завернуты в записку, на душе у детей стало совсем легко: когда пастор записку прочитает, он, конечно, все сразу поймет.

— Все же, — сказал Сирил, — есть некоторая опасность. Поэтому лучше всего, если мы спустимся вниз по ту сторону башни и пробежимся по кустарнику. Окно выходит в сторону кустарника и все обросло плющом. Я заберусь внутрь и буду подавать из окна. Антея с Робертом пусть принимают, а Джейн стоит на страже — глаза у нее острые, — и если заметит какую-нибудь опасность, то пусть свистит что есть мочи. Молчи, Роберт, она достаточно хорошо свистит, и даже лучше, что не очень громко — больше будет похоже на птицу. Ну, а теперь идем!

Я не могу сказать, что таскать чужие вещи хорошо. Но для детей это нападение на чужую кладовую казалось теперь совсем не воровством, а вполне добросовестным деловым предприятием. Они еще не знали, что почти целый копченый язык, полтора цыпленка, большой белый хлеб и сифон содовой воды стоят много дороже двух шиллингов. Но именно таково было то «самое необходимое», которое Сирил, никем не замеченный и без всякой помехи, передал из окна кладовой. Он полагал, что не тронуть ни варенья, ни пирога с яблоками, ни сушеных фруктов было немалым геройством с его стороны. Я с ним согласна. Немало он гордился также и тем, что оставил в покое простоквашу, но тут уж я с ним не могу согласиться, потому что простоквашу можно было взять только вместе с посудой, а ее потом трудно было бы вернуть. Таскать же чужие фарфоровые кувшины с розовыми цветочками даже и голодный не имеет права. Другое дело сифон: без питья нельзя было обойтись, а на сифоне был ярлык того аптекарского магазина, которому он принадлежал, и дети были уверены, что где бы они ни оставили сифон, его кто-нибудь да вернет хозяину. Они даже предполагали, что при первом же удобном случае сами вернут его, так как магазин был недалеко, в Рочестере.

Все продукты были перенесены на крышу башни и разложены на листе оберточной бумаги, которую Сирил нашел на верхней полке в кладовой. Когда он стал разворачивать бумагу, Антея заметила:

— Мне кажется, это не является «самым необходимым».

— Нет, это тоже необходимая вещь,— ответил ей Сирил.— Надо же где-нибудь разложить всю провизию, чтобы разрезать ее. А я читал недавно, что люди где-то заболели,

напившись дождевой воды из лужицы, потому что в той воде живут микробы. На эту крышу часто льет дождик. Потом вода высыхает, а микробы остаются — тут их должно быть великое множество. И если бы мы разложили всю еду прямо на крыше, то микробы попали бы и на хлеб, и на цыплят, и мы все заболели бы и умерли от скарлатины.

— А что это такое микробы?

— Такие маленькие козявки, видимые только в увеличительное стекло,— объяснял Сирил с видом ученого.— От них всякие болезни бывают. Нет, я положительно уверен, что бумага так же необходима, как и все остальное. Ну, будем же есть скорее. Ох, и голоден же я!

Дети не могли не одобрить заботливой предусмотрительности Сирила. Девочки даже с некоторым страхом поглядывали на свинцовые листы крыши, где водилось такое множество ужасных микробов. Но вскоре они совершенно позабыли об этой опасности и усердно принялись за еду.

Не хочу подробно описывать вам пикник на церковной башне. Вы сами можете вообразить, каково было разрезать язык и цыпленка перочинным ножичком, у которого оказалось единственное лезвие, да и то сломанное пополам. Но кое-как разрезали. Есть при помощи пальцев тоже не очень удобно: руки делаются жирные, а клочки бумаги, служащие тарелками, очень быстро покрываются пятнами и приобретают очень уж некрасивый вид. Но вот чего вы, вероятно, не можете себе представить, так это того, как ведет себя содовая

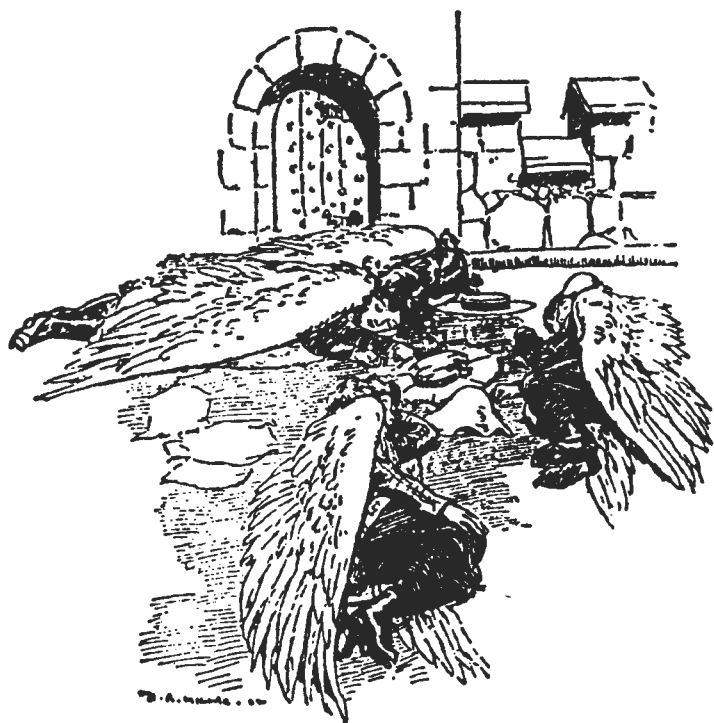
вода, когда ее пьют прямо из сифона — особенно из полного сифона. Впрочем, если воображение вам не поможет, то вы сами можете легко произвести этот опыт, если только взрослые дадут вам сифон. Однако, лучше такой опыт производить где-нибудь снаружи.

Язык, цыплята и свежий хлеб, с какими бы неудобствами их есть ни приходилось, все-таки очень хорошие вещи, а если в жаркий летний день вас немножко забрызгает содовая вода, то это беда небольшая. Итак, обед прошел очень весело, и каждый постарался съесть как можно больше, во-первых, потому что все были очень голодны, а во-вторых, потому что и язык, и цыплята, и хлеб оказались очень вкусными.

Вам, быть может, приходилось замечать, что когда долго ждешь обеда, всегда очень сильно хочешь есть, а потому и съедаешь больше, чем следует. А если после этого еще посидишь под горячими лучами летнего солнца на крыше церковной башни, то вдруг странным образом хочешь спать. Антея и Джейн, Сирил и Роберт во многих отношениях очень похожи на вас, а потому с ними случилось то же самое. Съев и выпив все, что можно, они вдруг захотели спать, особенно Антея, которая в этот день встала очень рано. Один за другим дети умолкали, начинали потягиваться, потирать глаза — и не прошло после обеда и четверти часа, как каждый из них устроился поудобнее на одном из своих мягких крыльев, прикрылся другим крылом и крепко-крепко заснул. А солнце тем временем

потихоньку склонялось к закату. Тень от башни пересекла церковный двор, покрыла дом священника и наконец ушла еще дальше в поле. Хорошо было детям спать: мягкие крылья отлично заменяли и матрасы, и одеяла... Но вот тени больше не стало... Солнце закатилось, и крылья исчезли. А дети все еще спали — но спать им оставалось недолго.

Сумерки обыкновенно бывают красивы, но холодны. А вы сами знаете, что как бы крепко вам ни спалось, вы очень быстро проснетесь, если кто-нибудь из ваших братьев или сестер, встав раньше вас, вдруг сдернет с вас одеяло.

Бескрылые дети содрогнулись от холода и проснулись. И вот каково было их положение: на крыше башни, в сумерках, когда на темном небе, сперва по одной, а потом десятками, сотнями и тысячами, стали появляться звезды, за несколько верст от дома, с тремя шиллингами во всех карманах и с сомнительным поступком по части «самого необходимого» на душе, за который придется дать отчет, если кто-нибудь увидит их с сифоном из-под содовой воды.

Дети переглянулись. Первым заговорил Сирил, поднимая сифон:

— Нам надо скорее спуститься вниз и отделаться от этой противной штуковины. Теперь уже настолько темно, что мы, пожалуй, можем оставить его у пастора на пороге. Идемте!..

На площадке башни, в углу, была маленькая башенка с дверью. Дети заметили ее во время обеда, но не обследовали ближе, как, без сомнения, сделали бы на их месте вы. Ведь когда есть крылья и вам открыта дорога по всему небу, то стоит ли обращать внимание на какую-то дверь.

Теперь, однако, пришлось подойти к ней.

— Тут, конечно, есть лестница, ведущая вниз,— сказал Сирил.

Лестница-то была, но оказалось, что дверь заперта с другой стороны.

А ночь становилась все темнее и темнее. А до дому было далеко-далеко. А тут еще этот сифон из-под содовой воды!

Не стану говорить вам, плакал тут кто-нибудь или нет, и если да, то кто и как.

Подумайте-ка лучше, как бы вы поступили на месте детей.

Глава пятая

БЕЗ КРЫЛЬЕВ

Не знаю, плакал кто-нибудь или нет, но, во всяком случае, были такие полчаса, когда никто из всей компании не смог сохранить присутствия духа. Когда все немножко успокоились, Антея положила платок в карман, обняла Джейн и сказала:

— Подумаешь! Ведь всего-то одна ночь. Завтра утром мы станем махать платками — они как раз к тому времени высохнут. Кто-нибудь нас увидит, придет и выпустит отсюда..

— ..и увидит сифон, и отправит нас в тюрьму за кражу, — продолжил Сирил мрачно.

— Да ведь ты сам говорил, что это совсем не кража! Ты же был в этом уверен!

— А теперь не уверен.

— Бросим эту гадость в кусты, — предложил Роберт. — Тогда никто нам ничего не сделает.

— Да, — ответил Сирил с горьким смехом. — И попадем кому-нибудь в голову и, кроме прочего, станем еще и убийцами.

— Но не можем же мы оставаться здесь всю ночь, — сказала Джейн. — Я чаю хочу.

— Не можешь ты хотеть чаю — ты только что обедала, — ответил ей Роберт.

— А я все-таки хочу, — возразила Джейн. — Особенно, когда вы начинаете говорить, что мы здесь на всю ночь останемся. Пантерочка, милая! Я домой хочу, домо-ой!

— Ш-ш, ш-ш! — успокаивала ее Антея. —

Не надо, детка. Все как-нибудь уладится. Не надо плакать!

— Пусть ее ревет,—сказал Роберт с отчаянием.— Если она будет выть погромче, так, авось, кто-нибудь ее услышит и выпустит нас отсюда.

— И увидит сифон,—поспешно перебила его Антея.— Роберт, не будь таким грубым! Джейн, милая, постарайся же быть мужественной! Ведь мы все в одинаковом положении.

Джейн постаралась «быть мужественной», перестала громко плакать и только хныкала потихоньку.

Наступило молчание.

— Слушайте,—сказал Сирил.— Уж как-нибудь нам надо рискнуть с этим сифоном. Я спрячу его к себе под курточку и застегнусь на все пуговицы — может, никто ничего и не заметит. А вы все старайтесь заслонить меня. У пастора в доме горит огонь — значит, там еще не спят. Давайте попробуем кричать во всю мочь. Как я скажу «три», так вы все разом орите. Роберт, ты умеешь свистать паровозом, а я буду кричать по-охотничьи «ку-и», как папа кричит. Девчонки пусть визжат, как умеют. Ну, раз, два, три!

Четырехголосый крик нарушил мирную тишину летней ночи. У одного из окон в доме священника девушка, закрывавшая ставни, застыла от испуга и удивления.

— Раз, два, три! — Новый резкий крик пронесся в воздухе и разбудил сов и ласточек, спавших внизу на колокольне. Девушка, стоявшая у окна, опрометью бросилась в кухню, сказала сторожу и кухарке, что видела приви-

дение и, сев на первый попавшийся удобный стул, лишилась чувств.

— Раз, два, три! — Пастор приоткрыл дверь и вышел на порог своего дома. На этот раз у него не было никакого сомнения, что он действительно слышал крик.

— Ах, милая моя, — сказал он жене. — Что это такое? Словно в церкви кого-то убивают. Дай-ка мне шляпу и толстую палку да пошли за Эндрю. Быть может, это кричит тот сумасшедший, что стащил язык из кладовой.

Дети увидели луч света, когда пастор открывал дверь, увидели его фигуру на пороге и перестали кричать, чтобы перевести дух и посмотреть, что будет дальше.

Когда пастор ушел за шляпой, Сирил сказал поспешно:

— Он думает, что ему только показалось. Слишком тихо вы кричите. Ну, хорошенько: раз, два, три!

На этот раз крик получился поистине ужасный. Жена пастора обхватила руками шею мужа и тоже закричала, точно слабое эхо тех диких звуков, что доносились из тьмы.

— Ты не должен ходить туда, — кричала она в испуге. — Нет, только не один! Джесси!

Девушка, бывшая в обмороке, пришла в себя и прибежала на зов.

— Пошли скорее за Эндрю. Там в церковь забрался сумасшедший, его надо схватить!

— Слушай, Эндрю, — сказала Джесси, входя в кухню. — Там в церкви какой-то сумасшедший орет. Госпожа говорит, чтобы ты шел и поймал его сейчас же.

— Ну уж один-то я не пойду! — пробормотал Эндрю потихоньку. Своему же господину он сказал только: «Слушаю, сударь».

— Вы слышали эти крики?

— Мне почудилось, будто я что-то слышал.

— Так идемте же скорее! — закричал пастор.

— Милая моя, я и в самом деле должен идти, — сказал он жене, легонько втокнул ее в комнату, запер двери и бросился к церкви, таща за руку Эндрю.

Целый ураган криков понесся к ним навстречу. Когда эти крики умолкли, в свою очередь закричал Эндрю.

— Эй, ты, там! Ты звал, что ли?

— Да! — отвечали откуда-то издали четыре голоса разом.

— Звуки раздаются как будто с неба, — сказал пастор. — Это замечательно!

— Где ты? — опять закричал Эндрю. На этот раз ему отвечал Сирил — медленно, четко и басом.

— Церковь, башня, крыша!

— Слезай, что ли!

— *Нельзя! Дверь заперта!*

— Что это такое? — воскликнул взволнованный пастор. — Эндрю, принесите фонарь из конюшни. Да, может быть, лучше позвать еще кого-нибудь из села?

— Нет, сударь, уж не иначе, как остальная шайка тут где-нибудь поблизости караулит. Убей меня Бог, коли это не ловушка! А вот у нас сейчас на кухне сидит кухаркин брат, что служит в лесничих, сударь, и дичь караулит, он-то уж знает, как с разными мазуриками

обходиться надо. Да при нем и ружье есть.

— Слушайте! — опять крикнул Сирил. — Поднимитесь на башню и выпустите нас отсюда!

— Сейчас идем, — отвечал Эндрю. — Только вот позову полицейского да ружье возьму.

— Эндрю, Эндрю, ведь это же неправда! — остановил его пастор.

— Ничего, сударь, так-то лучше будет!

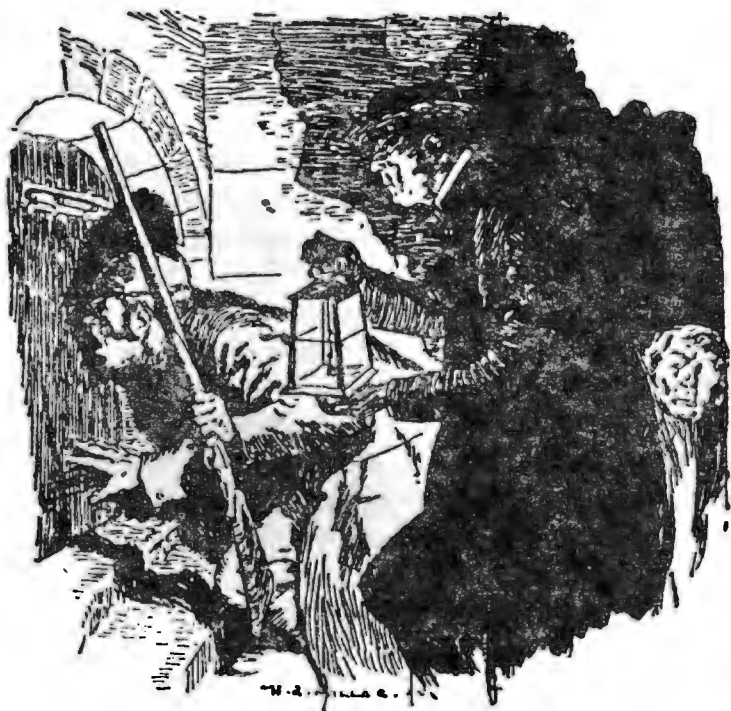
Эндрю вернулся с фонарем и привел с собою кухаркиного брата. Жена пастора просила их быть как можно осторожнее.

Теперь стало совсем темно. Пастор, Эндрю и лесник пошли через двор к церкви, разговаривая по пути. Пастор был уверен, что на башню забрался тот самый помешанный, что залез к нему в кладовую, оставил там дикое письмо и утащил копченый язык. Эндрю полагал, что тут не иначе, как «ловушка». Только один кухаркин брат был совершенно спокоен.

— Много крику — мало шерсти, — сказал он. — Опасный народ так шуметь не станет.

Он как будто совсем не боялся. Но ведь у него было ружье! Поэтому ему дали фонарь и послали вперед по крутым и темным лестницам церковной башни. Следом за ним шел Эндрю — этот хвастался потом, что он все-таки храбрее своего господина, потому что шел впереди него. На самом-то деле Эндрю нарочно пристроился посередке, потому что боялся, как бы кто-нибудь не кинулся на него сзади и не схватил его впотьмах за ноги.

Они поднимались все выше и выше по узкой винтовой лестнице, потом прошли через

площадку, где звонят в колокола и где висят веревки с мягкими пушистыми концами, еще потом поднялись к самым колоколам, затем прошли по лестнице с широкими ступеньками и наконец по еще одной маленькой и узенькой лесенке взобрались на самый верх. Тут была дверка, запертая толстым железным засовом.

Лесник постучал в дверь и окликнул:

— Эй, вы, там!

Дети, сбившись в кучу, стояли по другую сторону двери и дрожали от волнения. От крика они охрипли и едва могли говорить. Наконец, Сирил кое-как собрался с силами и ответил скрипучим голосом:

— Здесь мы.

— Как вы туда попали?

Не стоило, конечно, и говорить «прилетели», поэтому Сирил сказал:

— Мы поднялись, а потом оказалось, что дверь заперта, и спуститься назад было уже никак нельзя. Пожалуйста, отоприте нас.

— А сколько вас?

— Четверо.

— У вас есть оружие?

— У нас есть что?

— Смотрите же! При мне ружье — так вы уж лучше не пускайтесь ни на какие продделки. Если мы откроем дверь, обещаете сойти смирно и без всяких глупостей?

— Да! О, да! — отвечали все четверо разом.

— Там женские голоса слышатся! — сказал с удивлением пастор.

— Прикажите отпереть, сударь? — спросил лесник. Эндрю спустился на несколько ступенек вниз — «чтобы простору больше было», как объяснял он потом.

— Отпирайте, — приказал пастор.

— Помните, вы, там, — сказал он через замочную скважину, — что мы пришли освободить вас. Держите же свое слово и не вздумайте прибегнуть к насилию.

— Что-то засов приржавел: словно его полгода не открывали, — проговорил лесник, старавшийся открыть дверь. Когда засов подался, он строго сказал через замочную скважину:

— Я не отопру, пока вы все не отойдете на другую сторону. И если кто-нибудь из вас попыбует подойти ко мне, я буду стрелять. Ну?

— Мы все ушли на другую сторону,— слышался ответ.

Лесник был очень доволен собою и чувствовал себя очень храбрым человеком, когда, открыв дверь, вышел на свинцовую крышу и осветил конюшенным фонарем группу злодеев, стоявших по другую сторону площадки.

Вдруг он опустил ружье и чуть не выронил из рук фонарь.

— Вот так штука! Да ведь это детишки!

На площадку вышел пастор.

— Как вы сюда попали? — спросил он строго.— Отвечайте сейчас же!

— О, спустите нас вниз! — воскликнула Джейн, хватая его за сюртук.— Там мы вам все расскажем. Вы нам не поверите, но все равно. Только спустите нас с этой башни!

Остальные столпились вокруг пастора с той же просьбой. Все, кроме Сирила: у того было достаточно хлопот с сифоном, который то и дело выскальзывал из-под куртки.

Итак, детей повели вниз. Спускаться впотьмах по узким и крутым лестницам — вовсе не шутка. Лесник старался всем помочь. Только один Сирил должен был охранять свою независимость ради злосчастного сифона. Один раз Сирил едва успел поймать его за кран и при этом сам едва не оступился и не полетел вниз. Когда наконец вся компания спустилась по бесчисленным лестницам и стояла у входа в церковь, Сирил был бледен и весь дрожал. Вдруг лесник схватил его с Робертом за руки.

— Вы, сударь, ведите девочек,— сказал он

пастору.— А я да Эндрю с этими молодцами управляться будем.

— Пустите! — сказал Сирил резко.— Я никуда от вас не убегу.

— Ну, ну, ладно! Иди! — отвечал лесник, и Сирил не посмел сопротивляться ему, потому что в этот время сифон опять начал выскальзывать у него из-под куртки.

Детей проводили в кабинет пастора; туда же вскоре прибежала и его жена.

— О, Уильям! Ты цел? Ничего не случилось? — воскликнула она.

Роберт поспешил ее успокоить.

— О, да! — отвечал он.— Совсем цел. Мы никакого вреда ему не причинили. И теперь уже так поздно, что о нас, наверное, беспокоятся дома. Не будете ли вы добры отправить нас домой в своем экипаже?

— Или нет ли здесь поблизости гостиницы, где бы можно было нанять лошадь? — спросила Антея.— Марта, наверное, ужасно беспокоится.

Пастор от пережитого волнения и удивления опустил в кресло. Сирил тоже сел и оперся локтями на колени, чтобы как-нибудь прикрыть сифон.

— Но как же это случилось, что вы вдруг оказались запертыми на башне? — спросил пастор.

— Мы поднялись туда, — отвечал Роберт, — и почувствовали, что очень устали. А потом заснули. Когда же все проснулись, то оказалось, что дверь заперта. Тогда мы и стали кричать.

— Да уж, действительно, кричали! — сказала жена пастора. — Как вам только не стыдно так пугать людей!

— Нам очень стыдно, — кротко отвечала Джейн.

— Но кто же запер дверь? — продолжал расспрашивать пастор.

— Этого я не знаю, — вполне чистосердечно ответил Роберт. — Будьте добры, отправьте нас домой!

— Пожалуй, это будет самое лучшее, — сказал пастор. — Эндрю, запряги лошадь да отвези их.

— Один-то я с ними не поеду! — пробормотал про себя Эндрю.

— Так вот, пусть этот случай послужит для вас уроком, — продолжал пастор и говорил еще долго-долго. Дети слушали его с виноватым видом. А лесник не слушал — он внимательно смотрел на несчастного Сирила. Привыкнув обращаться с браконьерами, он знал, как держат себя люди, если они что-нибудь прячут. Пастор только начал говорить, что дети должны прилагать все старания, дабы вырасти на радость и утешение своим родителям, а не на позор и несчастье, когда лесник вдруг воскликнул: — А вот этот паренек что-то прячет у себя под курткой!

Сирил почувствовал, что скрывать сифон теперь уже было бесполезно. Он поднял плечи и принял такой вид, какой, по его мнению, обыкновенно бывает у героев повестей: всякий с первого взгляда должен был почувствовать, что имеет дело с юношей честным и

прямым, из храброго и благородного рода. Мужественно вытащив сифон из-под куртки, Сирил поставил его на стол и сказал:

— Вот!

Наступило гнетущее молчание. Так как больше ничего не оставалось делать, то Сирил продолжал:

— Да, мы взяли его из вашей кладовой, а кроме того, взяли и язык, и цыплят, и хлеб. Мы были очень голодны, но мы не тронули пудинга и варенья. Нам нужно было только хлеба, мяса и воды (мы не виноваты, что она оказалась содовая), только все самое-самое необходимое. В уплату за них мы оставили два шиллинга, а также записку. Нам очень жаль, что мы все это сделали, и если нужно заплатить штраф или еще что-нибудь, то наш отец заплатит, только не отправляйте нас в тюрьму: маме это будет так тяжело! Вы только что говорили о позоре, так не позорьте же нас. Ну, вот и все! Нам, право, очень жаль, что все так вышло.

— А как же вы забрались в окно кладовой? — спросила жена пастора.

— Этого я не могу сказать, — ответил Сирил твердо.

— Все остальное, что ты мне рассказал, правда? — спросил его пастор.

— Нет, — вдруг вмешалась Джейн. — Все это правда, только не настоящая. Мы этого не можем вам объяснить и не надо нас спрашивать. Ах, пожалуйста, отправьте нас домой!

Она подбежала к жене пастора и обняла ее. Та, в свою очередь, обняла Джейн, а лесник шепнул пастору:

— Они не виноваты, сударь, должно быть, они выгораживают какого-нибудь товарища. Кто-то затеял все это дело, а они не хотят его выдать. Ребята хорошие!

— Скажите мне,—спросил пастор ласково,—вы кого-то хотите выгородить? Участвовал ли в этом деле еще кто-нибудь?

— Да,—отвечала Антея, думая о Чудище.—Только он в этом не виноват.

— Ну, хорошо, милые мои, не будем больше об этом говорить,—сказал пастор.—Только объясните мне еще, почему вы написали такое странное письмо?

— Не знаю,—отвечал Сирил.—Видите ли, Антея писала его очень поспешно, и в то время нам казалось, что мы совсем не воры, но потом, когда мы не могли спуститься с башни, вышло так, как будто мы украли у вас и провизию, и сифон. Право же, нам очень жаль, что...

— Не поминайте больше об этом,—сказала жена пастора.—Но только в другой раз думайте, прежде чем возьмете чужой язык. А теперь, пока еще вы не уехали домой, я дам вам молока и печенья.

Когда Эндрю пришел сказать, что лошадь готова, и при этом со страхом размышлял о той страшной «ловушке», которую он разгадал с самого начала и в которую ему придется теперь попасть одному, он увидал, что дети пьют молоко, едят печенье и весело болтают с пастором, а Джейн сидит у его жены на коленях.

Как видите, на этот раз дети отделались много легче, чем они заслуживали.

Лесник попросил разрешения ехать вместе

с Эндрю, так как ему было по пути. Эндрю, конечно, был очень рад, что у него нашелся защитник на случай страшной «ловушки».

Когда экипаж подъехал к Белому домику, детям уже сильно хотелось спать, но они чувствовали, что между ними и лесником завязалась дружба навеки.

Эндрю, не говоря ни слова, посадил детей у калитки.

— Ты поезжай домой,— сказал ему лесник.— Тут у меня поблизости есть знакомый, я дальше на его лошади поеду.

Пришлось-таки Эндрю возвращаться ночью одному, что ему было совсем не по душе. Лесник же проводил детей до самого дома. И когда ураган упреков со стороны Марты унес их в кровати, лесник остался на кухне и рассказал кухарке и Марте обо всем, что случилось. Он все так хорошо объяснил, что на следующее утро Марта совсем не сердилась.

После того он часто заходил повидаться с Мартой и в конце концов... но, впрочем, это уже совсем другая история.

На другой день Марта сочла своим долгом свято выполнить свои вчерашние угрозы и в наказание не выпустила детей из дому. Но зато она совсем не ворчала и даже позволила Роберту уйти на полчаса по какому-то очень важному для него делу.

Дело, конечно, заключалось в новом желании на этот день.

Роберт со всех ног пустился бежать к песочной яме, разыскал Чудище и пожелал...

Но это тоже совсем другая история.

Глава шестая

ЗАМОК

В наказание за печальные события предыдущего дня детям пришлось сидеть дома. Марту, конечно, нельзя винить: она была убеждена, что все произошло не ввиду несчастного стечения обстоятельств, а просто от излишних шалостей. Вы знаете, взрослые часто говорят, что им совсем не хочется вас наказывать, и что они делают это только для вашей же пользы, и что им это так же неприятно, как и вам, и очень часто, действительно, так оно и бывает.

Марте хотелось наказывать детей не больше, чем им хотелось быть наказанными: во-первых, она знала, что от этого в доме целый день будет стоять шум, а во-вторых, у нее были и другие причины.

— Это просто стыд — держать ребят дома в такую погоду, — разговаривала она накануне с кухаркой. — Но ничего не поделаешь, уж слишком большие они озорники! Если я их не уйму, так, того и гляди, домой без головы придут. Сделай ты им, пожалуйста, сладкий пирог завтра к чаю. А теперь давай скорее готовить постели: вон, уже десять часов, а мы все еще не управились.

Итак, дети сидели дома — все, кроме Роберта. Ему, как я сказала, было позволено уйти на полчаса по какому-то неотложному делу. Конечно, дело это заключалось в новом желании на нынешний день.

Найти Чудище было нетрудно — жара стояла такая, что сегодня оно едва ли не в первый раз само вылезло на свет Божий. Оно сидело в ямке на мягком песке, потягивалось, расправляло свои баки и ворочало глазами по сторонам.

— А! — воскликнуло оно, увидав Роберта левым глазом. — А я-то вас давно уж поджидаю. Где же остальные? Надеюсь, не разбились вдребезги со своими крыльями?

— Нет, — отвечал Роберт. — Только из-за крыльев у нас опять вышли большие неприятности, и теперь остальные трое сидят взаперти, а меня отпустили только на полчаса. Так вы, пожалуйста, исполните мое желание поскорее!

— Чего же ты хочешь? — спросило Чудище, поворачиваясь в песке.

Но Роберт ничего не мог ему ответить. Все, о чем он думал дорогой, вдруг улетучилось у него из головы и теперь приходили на ум лишь какие-то пустяки, важные только для него самого: новые коньки, альбом для иностранных марок, перочинный ножик с тремя клинками и штопором и тому подобные мелочи. Роберт даже присел, чтобы лучше собраться с мыслями, но из этого толку не вышло. В голове у него все вертелись такие вещи, которые для других были совсем не интересны: футбольный мяч, высокие штиблеты или еще мысль о том, как бы по возвращении в школу перегнать своего соперника по оценкам Симпкинса-младшего.

— Знаешь, — сказала Чудище. — Ты бы все-таки поторопился, время-то уходит.

— Я знаю, что оно уходит,— отвечал Роберт.— Но я не могу придумать, чего бы пожелать. Ну вот, я хочу, чтобы вы исполнили желание кого-нибудь другого из нас, кто теперь сидит дома, и чтобы он сам об этом не знал. Ай, нет! Не надо!

Но уже было слишком поздно. Чудище раздулось втрое, потом выпустило воздух, съежилось, точно резиновый шар, проткнутый булавкой и, видимо, совсем изнемогло от сильного напряжения.

— Ох! — сказала оно.— Было ужасно трудно. А все-таки я сделал это. Беги же скорее домой, а то раньше, чем ты вернешься, они успеют пожелать какую-нибудь глупость.

Ну конечно! Иначе и быть не могло! Роберт и сам это чувствовал. Со всех ног пустился он домой. По дороге его очень занимал вопрос, какое именно желание могло появиться у оставшихся. Они могли пожелать кроликов, или белую мышь, или шоколада, или хорошей погоды на завтра, или же — что было очень вероятно — кто-нибудь мог сказать: «Что это Роберта так долго нет, поскорее бы он возвращался!» И вот, быть может, во исполнение этого желания он, Роберт, теперь и бежит во всю мочь. И тогда весь день пропал понапрасну! Роберт начал утешать себя мыслью о том, что без него могут придумать и что-нибудь интересное. Но это ведь ужасно трудно — какое занятие может быть интересным дома, когда солнце светит так ярко, а уйти куда нельзя?!

Роберт бежал очень быстро, но, добежав до поворота, откуда была видна крыша их дома-

ка, он вдруг широко раскрыл глаза и перешел на шаг — ведь с вытаращенными глазами бежать очень неудобно. Затем он совсем остановился: дачи больше не было. И решетка, и сад — все исчезло. А где раньше была дача, там теперь... Роберт протер глаза и взглянул снова. Так и есть! Сомнений больше не было. Кто-то из оставшихся дома, очевидно, пожелал жить в замке, и вот перед глазами Роберта стоит замок — высокий, гордый и мрачный, с башнями и зубцами, узкими окнами, глубоким рвом и подъемным мостом. А там, где был огород, появились какие-то белые штуки, вроде больших грибов.

Роберт потихоньку подвигался вперед и мало-помалу разглядел, что это были не грибы, а белые шатры, а между шатрами ходили вооруженные люди, да как много!

— Вот скверная история! — с жаром воскликнул Роберт. — Они пожелали оказаться в осажденном замке, а противное Чудище тут же их и поймало. Это как раз на него похоже. Как было бы хорошо, если бы мы никогда не встречались с этим хитрым животным!

Там, где полчаса тому назад был сад, теперь виднелся широкий крепостной ров. Из маленького окна над воротами замка кто-то махал чем-то бурым. Роберт догадался, что это был один из носовых платков Сирила, которые никогда не были белыми с тех пор, как в комод, где они лежали, была опрокинута бутылка с фотографическим фиксажем.

Роберт махнул в ответ своим платком и тотчас же почувствовал, что поступил нера-

зумно: его сигнал, по-видимому, был замечен в осаждающей войске, так как от него тут же отделились два человека в стальных шлемах и направились прямо к Роберту. На ногах у них были длинные желтые сапоги, и шли они такими большими шагами, что Роберт, вспомнив о своих коротких ногах, даже и не попытался бежать. Он знал, что его самого это не спасет, а только раздражит врагов. А потому он стоял, не двигаясь с места, и, кажется, это понравилось подходившим к нему воинам.

— Клянусь спасением души своей! — сказал один из них. — Этот бездельник не из трусливых!

Роберт был доволен, что его называли смелым, и почувствовал, что он и в самом деле стал как-то храбрее. На слово «бездельник» он не обратил внимания: он знал, что в исторических романах для юношества так часто обращаются к детям, а потому и не обиделся. Только у него появилось опасение, что он, пожалуй, плохо поймет этих воинов. По крайней мере в исторических повестях он не всегда понимал, о чем они говорили.

— Странное на нем одеяние, — сказал другой воин. — Не чужеземец ли он? Поведай, отрок, что привело тебя сюда?

Роберт понял, что это означало «скажи мальчик, зачем ты сюда пришел». И он ответил:

— Мне хотелось бы пройти домой.

— Следуй путем своим, — сказал воин, у которого сапоги были длиннее. — Никто не чинит тебе препон.

— Стой, — воскликнул он озабоченно. — Со-

мнение обуяло меня: не принес ли ты вестей к осажденным?

— Где обитаешь ты, юный бродяга? — спросил другой воин, у которого шлем был побольше.

— Вон там, — ответил Роберт, показывая на замок, и подумал, что, пожалуй, правильное было бы сказать «тамо».

— Га! — вмешались длинные сапоги. — Следуй за нами, малый! Надлежит привести тебя пред очи вождя нашего.

И, поймав Роберта за ухо, он повел его в стан осаждающих.

Вождь оказался самым блестящим существом, какое только Роберт видел в своей жизни: при нем были и латы, и шлем, и конь, и герб, и щит, и меч, и копье, и султан. Герб на щите был великолепный: три бегущих красных льва на голубом поле. Все боевое снаряжение было собрано с разных исторических эпох, начиная с Крестовых Походов и до времен Кромвеля. Шатры воинов были сделаны из лучшей парусины, одобренной Военным Министерством Ее Величества для солдатских палаток. Весь внешний вид лагеря, да и самого вождя, пожалуй, мог несказанно удивить какого-нибудь взрослого. Но Роберт ничему не удивился, а только онемел от восторга. Ему казалось, что все именно так и должно быть: ведь с историей и археологией он был знаком не больше тех даровитых художников, которые обыкновенно рисуют картинки для детских исторических романов. Все, что видел Роберт, было «точь-в-точь похоже на картин-

ку». И все это так ему понравилось, что он почувствовал себя еще более храбрым.

— Приблизься, отрок! — сказал великолепный вождь после того, как два воина шепнули ему несколько слов, и снял свой шлем с головы, потому что иначе ему неудобно было смотреть. У него было доброе лицо и длинные светлые волосы. — Не страшись, я не заставляю тебя испить горькую чашу пленника.

Роберт был очень рад этому, хотя ему все-таки очень хотелось бы знать, что это за штука такая — «горькая чаша пленника» — и не была ли она еще противнее настойки александрийского листа, которую ему иногда приходилось принимать.

— Поведай мне без страха, — продолжал вождь ласково. — Откуда ты, и что таишь на сердце?

— Как вы сказали? — переспросил Роберт.

— Что ищешь ты свершить? Почто блуждаешь здесь одинокий средь стана суровых воинов, закованных в железо? Бедное чадо! Мнится мне, что страждет о тебе ныне сердце твоей матери.

— Не думаю. Видите ли, мама уехала, и она не знает, что я ушел из дому.

Вождь смахнул мужественную слезу, выкатившуюся из его глаз, и продолжал:

— Не бойся поведать мне всю правду, отрок. Вульфрик де Тальбот не сделает тебе зла.

У Роберта мелькнула мысль, что если этому доброму вождю рассказать всю правду о Чудище, так он, пожалуй, поймет ее гораздо лучше, чем Марта, или цыгане, или полицейский в Рочестере, или вчерашний пастор. Была только одна трудность: Роберт помнил слишком мало тех старинных слов, которыми обыкновенно разговаривают мальчики в исторических романах. Однако он довольно смело начал прямо с фразы, которую недавно вычитал в «Мальчике-крестоносце».

— Благодарю тебя за ласковое слово, великий и прославленный рыцарь. Дело в том...

как бы это сказать... я надеюсь, вы не торопитесь, потому что повесть моя будет долга и много странного услышишь ты в ней, рыцарь. Папа и мама уехали, а мы,* играя в песке, нашли Чудище...

— Остановись! Какое чудище? — спросил вождь.

— Это мы его так прозвали, а сам себя он называет Псаммиадом. Это что-то такое волшебное, вроде колдуна. Ну да! Он и есть колдун. И он сказал, что будет каждый день исполнять наши желания. И мы прежде всего пожелали быть красивыми...

— Желание твое плохо исполнилось, — пробормотал кто-то из воинов, глядя на Роберта. Тот сделал вид, что ничего не слышал, хотя замечание это и показалось ему очень грубым.

— Потом, — продолжал Роберт, — мы пожелали денег — сокровищ — понимаете? Да только не смогли их потратить. А вчера пожелали крылья и получили их. Сначала все шло хорошо, а потом мы все-таки сели в калошу...

— Речь твоя чудна и непонятна. Что такое калоша? Быть может, темница? Увы, в столь юные года попасть в мрачную темницу...

— Да нет же, совсем не то! Ну, просто с нами случились неприятности, которых мы совсем не заслужили, — объяснял Роберт. — А сегодня нас наказали и не позволили выходить из дому. Я вон там живу, — показал он на замок. — Остальные и теперь там сидят. Это все Чудище, то есть тот волшебник сделал. Я был бы очень рад, если бы мы никогда его не видали.

— И что же, он сильный волшебник?

— О, весьма сильный и могучий!

— Не хочешь ли ты сказать, что только чары разгневанного тобою волшебника дали силу моему войску? — гордо спросил рыцарь. — Так знай же, что Вульффрику де Тальботу не нужна помощь волшебников, чтобы привести дружину свою к победе.

— О, нет! Конечно, нет! — поспешил воскликнуть Роберт. — Но, все-таки, это частью вина Чудища. Хотя и мы тоже виноваты. Только вы ничего не могли бы сделать, если б не мы.

— Что говоришь ты, дерзкий? — спросил Тальбот надменно. — Речь твоя стала опять темна и даже неучтива. Открой мне свои загадки.

— Ах, — сказал Роберт с отчаянием, видя, что даже и этот великолепный рыцарь его не понимает. — Конечно, вы этого не знаете, но ведь вы не настоящий. Вы здесь оказались только потому, что мои сестра или мой брат были такими дурнями, что пожелали жить в осажденном замке. А когда солнце сядет — вы исчезнете и все будет по-прежнему.

Вождь и его воины переглянулись, сперва сострадательно, потом сурово, и человек в самых длинных сапогах сказал:

— Берегись, благородный господин мой! Мальчишка только притворяется помешанным, чтобы ускользнуть из наших рук. Не связать ли нам его?

— Я не больше помешан, чем вы сами, а может быть, даже меньше, — отвечал Роберт

сердито.— Только я был глуп и думал, будто вы что-нибудь сумеете понять. Отстаньте от меня! Я вам ничего дурного не сделал. Пустите меня!

— Куда же отправишь ты путь свой? — спросил рыцарь. Он, кажется, поверил всему рассказу о волшебнике, пока дело не дошло до его собственного участия в этой истории.

— Куда? Домой, конечно! — Роберт указал рукой на замок.

— Передать весть о помощи? Нет!

— Хорошо, — сказал Роберт, которому вдруг пришла в голову новая мысль. — Тогда позвольте мне идти куда-нибудь в другую сторону.

В это время он старательно перебирал у себя в голове страницы из исторических романов.

— Сэр Вульфрик де Тальбот, — сказал Роберт торжественно. — Стыдно тебе держать в плену мальчика, который ничего дурного тебе не сделал и лишь хочет мирно уйти своей дорогой.

— Ты смеешь говорить мне это в лицо? Горе тебе, несчастный! — воскликнул Вульфрик де Тальбот, однако тут же умолк и задумался.

— Ты прав! — прибавил он, успокоившись. — Вульфрик де Тальбот не воюет с младенцами. Иди. Джакин тебя проводит.

— Вот здорово! — воскликнул Роберт в диком восторге от счастливого окончания своих переговоров. — Идем, Джакин! Привет тебе, сэр Вульфрик!

Он откозырял по-военному и пустился бежать к песочной яме. Длинные ноги Джакина легко поспевали за ним.

Откопав Чудище, Роберт разбудил его и стал умолять исполнить еще одно желание.

— Да, ведь я уж сегодня исполнил одно,— ворчал Чудище.— И это было такое трудное дело, каких у меня уже давно не бывало.

— О, сделайте же, сделайте, сделайте! — настойчиво приставал к нему Роберт. А Джакин в это время, раскрыв рот, с ужасом смотрел на говорящего зверя, который уставил на него свои улиточьи глаза.

— Ну, хорошо! В чем дело? — лениво проговорило сонное Чудище.

— Пусть я буду вместе с остальными,— сказал Роберт.

Чудище начало раздуваться. Роберту и в голову не пришло попросить, чтобы и замок и осаждающее его войско разом исчезли. Он знал, конечно, что все это явилось только по желанию кого-то из детей. Но мечи, копья и дротики были так похожи на действительность, что от них вроде бы и нельзя было отделаться.

Роберт на минуту потерял сознание. Открыв глаза, он увидел, что вокруг него стоят сестры и брат.

— А мы и не слышали, когда ты вернулся,— говорили они.— Как хорошо ты придумал, чтобы исполнилось наше желание!

— Конечно, мы догадались, что это все ты сделал.

— Только надо было нас предупредить. А то вдруг мы придумали бы какую-нибудь глупость.

— Глупость! — отвечал Роберт сердито. — Да уж что же можно было глупее-то придумать, хотел бы я знать! Ведь из-за вас я чуть было не погиб.

Он рассказал о своих приключениях, и все согласились, что ему и вправду пришлось плохо. Но дети так расхваливали его смелость и находчивость, что к нему быстро вернулось хорошее настроение, и он почувствовал себя настолько храбрым, что согласился принять командование всем гарнизоном осажденного замка.

— Мы пока еще ничего не сделали, — сказала Антея. — Тебя поджидали. Мы хотим стрелять в них из лука, что подарил дядя, и твой выстрел будет первым.

— Нет, из этого лука я уж лучше вообще стрелять не буду,— сказал Роберт.— Вы не знаете, каковы они вблизи. У них настоящие луки и стрелы. А кроме того мечи, копья, кинжалы и множество всякого другого оружия.

И сами они настоящие — совсем настоящие. Это вам не картинка из учебника и не мираж какой-нибудь. Я не удивлюсь, если они нас побьют или даже убьют. Ухо-то у меня до сих пор болит. Вот что, вы осмотрели замок? Я думаю, нам лучше оставить их в покое, пока они нас не трогают. Джакин говорил, что приступ начнется только перед заходом солнца, а до тех пор мы еще успеем подготовиться. Есть в замке войска для обороны?

— Мы не знаем,— отвечал Сирил.— Видишь ли, как только я пожелал, чтобы мы оказались в осажденном замке, все вокруг нас вдруг завертелось кувырком. А когда все успокоилось, мы выглянули из окна и увидели лагерь и тебя на дороге. И до сих пор мы только осматривались. Взгляни-ка, не правда ли, красивая комната? Совсем, как настоящая.

Это была квадратная комната с каменными стенами толщиной ярда в два и со сводами вместо потолка. Маленькая дверка в углу выходила на площадку, от которой вверх и вниз убегала каменная лестница. Дети спустились вниз. Они оказались под огромной аркой, где были устроены ворота, которые теперь были заперты толстыми железными засовами. В маленькой комнате, что располагалась в нижнем этаже круглой башни, откуда наверх вела винтовая лестница, одно окно

было больше других. Выглянув в него, дети увидели, что подъемный мост поднят и ворота загорожены спускною решеткою. Замок был окружен рвом, который казался очень широким и глубоким. Кроме ворот, выходявших к подъемному мосту, под аркой, на противоположном конце ее, были еще другие ворота и в них — маленькая калитка. Пройдя в эту калитку, дети вышли на широкий двор, вымощенный каменными плитами и окруженный со всех сторон высокими и мрачными стенами замка.

Посреди двора стояла Марта и двигала правою рукою то вправо, то влево, а неподалеку от нее кухарка, склонившись над чем-то невидимым, тоже как-то странно махала в воздухе руками. Но что было всего страннее и ужаснее, так это Ягненок, который сидел в воздухе на высоте ярда полутора от земли и весело смеялся.

Дети бросились к нему, но едва Антея успела потянуть руки, чтобы подхватить его, как Марта сказала ей сердито:

— Нет уж, оставьте его, леди, пока он не плачет!

— Но что же это с ним? — испуганно воскликнула Антея.

— Ничего с ним, слава Богу, сидит себе детка на своем креслице и смотрит, как я белье глажу. Уходите отсюда, пожалуйста, у меня из-за вас только утюг стынет.

Она подошла ближе к кухарке и стала мешать невидимые дрова невидимой кочергою, а вслед за тем кухарка поставила невидимую кастрюлю в невидимую печь.

— Бегите вы отсюда куда-нибудь подальше,— сказала она.— И то уж я запоздала, а коли вы еще мешать будете, так и совсем обеда не дождетесь. Проваливайте, что ли, говорю вам! А то вот сейчас пришпилю кому-нибудь грязную тряпку на спину.

— А правда, Марта, что с Ягненком ничего не случилось? — беспокойно спросила Джейн.

— Что с ним может случиться, если вы его не раздражите? Я думала, что вы от него на сегодняшний день отделаться хотите, а если нет, так и возьмите его с собою, сделайте милость.

— О, нет, нет! — ответили дети и поспешили уйти. Им надо было теперь защищать замок, и уж конечно, для Ягненка лучше было бы висеть в воздухе в невидимой кухне, чем подвергаться всем опасностям осады. Войдя в ближайшую комнату замка, дети уселись на деревянной скамье, стоявшей у одной из стен.

— Какой ужас! — воскликнули хором Антея и Джейн.

— Мне кажется,— прибавила последняя,— что я в сумасшедшем доме.

— Что это все значит? — сказала Антея.— Мне даже страшно становится. Лучше бы мы пожелали что-нибудь простое: маленькую лошадку, ослика или что-нибудь в этом роде.

— Теперь уж поздно желать,— грустно заметил Роберт.

— Перестаньте,— прервал их Сирил.— Мне надо подумать.

Он опустил голову на руки и погрузился в размышления. А остальные в это время смот-

рели по сторонам. Они сидели в длинной и узкой комнате, над головами их были высокие каменные своды. Вдоль комнаты стояли тяжелые дубовые столы, а в конце ее один стол стоял на особом возвышении. Пол был усыпан чем-то вроде сухих веток, от которых неприятно пахло. В комнате было темно и жутко.

Вдруг Сирил поднял голову и сказал:

— Слушайте, мне кажется, тут дело вот в чем. Вы ведь помните, о чем мы как-то раз просили Чудище? Чего бы мы ни пожелали, прислуга не должна замечать никаких чудесных перемен. И с Ягненком ничего не может случиться, если мы о нем отдельно не попросим. Поэтому-то ни Марта, ни кухарка не видят замка и не замечают никаких перемен. А замок стоит как раз на том месте, где был наш дом, то есть, где он и теперь есть. Поэтому-то прислуга и должна видеть только наш дом, иначе она заметила бы перемены. Но нельзя же смешать вместе и дом, и замок, поэтому-то мы должны видеть только замок, а дома видеть не можем, а они видят только дом и не видят замка. И потом...

— Ой, не надо, не надо! — прервала его Джейн. — От твоего объяснения у меня голова закружилась, словно я на карусели катаюсь. Все равно уж — кто видит, кто не видит. Только, я надеюсь, обед-то наш мы все-таки увидим? А то, если и он будет невидимым, так нам его и руками достать нельзя будет, и есть нечего будет. Я знаю, что это так: я попробовала дотронуться руками до кресла, на котором сидел Ягненок, и ничего не почувствова-

ла, как будто там был только воздух. Не можем же мы есть один воздух! Ох, мне кажется, что я уже много-много лет не завтракала.

— Не стоит понапрасну разговаривать об этом,— сказала Антея.— Давайте лучше осмотрим весь замок. Быть может, мы найдем что-нибудь съедобное.

Слова Антеи пробудили некоторую надежду. Дети повеселели и принялись исследовать замок. Но хотя замок этот оказался и очень красивым, и очень интересным, и был в изобилии снабжен разным оружием, однако ничего съедобного в нем не нашлось. Не оказалось в нем и войск для защиты от врага.

— Отчего вы не пожелали такого замка, где были бы и солдаты, и еда?— с упреком сказала Джейн.

— Нельзя же все предусмотреть,— возразила ей Антея.— Мне кажется, что уж пора бы и обедать.

Время обеда еще не пришло, но дети то и дело посматривали на прислугу посреди замкового двора, следя за ее странными движениями: ведь они не знали, где же теперь в их невидимом доме была столовая. Но вот они увидели, что Марта идет по двору и как будто несет в руках невидимый поднос. По счастью оказалось, что столовая в Белом домике и зал пиршеств в замке находятся как раз на одном и том же месте. Но каково же было огорчение детей, когда они обнаружили, что не только поднос, но и все, что на нем стояло, осталось для них совершенно невидимым!

В тяжком молчании они ждали, пока Марта разрезала невидимым ножом невидимую баранину, а потом раскладывала невидимую ложкою такой же невидимый картофель и зелень. Когда она вышла из комнаты, дети посмотрели на пустой стол, а потом друг на друга.

— Нет, это хуже всего, что с нами было до сих пор,— сказал Роберт, хотя он и не отличался особым аппетитом.

— Я еще не очень голодна,— сказала Антея, стараясь по обыкновению смягчить неприятную сторону дела.

Сирил угрюмо стянул потуже свой пояс. Джейн расплакалась.

Глава седьмая

ОБОРОНА

Дети сидели в мрачном зале для пиршеств, сгрудившись в конце одного из темных дубовых столов. Теперь уж не было никакой надежды: Марта принесла обед, но обед этот нельзя было не только увидеть, но и даже пощупать. Проводя руками по столу, дети убедились, что для них тут нет ничего, кроме голой дубовой доски.

Вдруг Сирил запустил руку себе в карман и радостно воскликнул:

— Вот здорово! Смотрите-ка, сухари.

Разумеется, они оказались в довольно непривлекательном виде, но все-таки то были

сухари — три штуки нашлось целых, да еще порядочная куча крошек и обломков.

— Я взял их сегодня утром у кухарки и совсем забыл о них,— пояснил он, стараясь разложить все на четыре равные кучки.

Молча, но с большим удовольствием дети съели сухари, хотя, надо признаться, вкус у них был немножко странный, потому что они целый день провалялись в кармане у Сирила вместе с мотком смоленной бечевки, кусочком восковой свечи и зелеными еловыми шишками.

— Ну-ка, Сирил,— сказал Роберт,— ты вот такой умный, что умеешь объяснять, почему одно видимо, другое невидимо. А как это случилось, что сухари остались, а хлеб, мясо и все остальное исчезло?

— Не знаю,— отвечал Сирил, помолчав.— Разве только потому, что сухари были при нас. Ведь все, что было при нас, ничуть не изменилось — у меня в кармане все как было, так и осталось.

— Значит, если бы и баранина была при нас, так мы тоже могли бы ее съесть,— сказал Роберт.— Ох, как бы мне хотелось ее найти!

— Как же ее найти-то! Мне кажется, она будет при нас только после того, как попадет к нам в рот.

— Или в карман,— добавила Джейн, вспомнив о сухарях.

— Кто же кладет баранину в карман, глупая! — возразил ей Сирил.— А знаете что?.. Я сейчас попробую одну вещь!

Низко нагнувшись над столом, он начал двигаться из стороны в сторону и щелкать зубами, кусая воздух.

— Ничего у тебя не выйдет,— сказал ему Роберт с глубокой грустью.— Ты только... Ага!

Сирил сидел с торжествующей улыбкой: в его зубах был ломтик хлеба — самого настоящего хлеба,— и все его видели. Правда, как только он откусил от него кусочек, остальная часть ломтика исчезла из виду. Но это ничего не значило, так как Сирил знал, что ломтик все равно остался у него в руке, хотя он его и не видел и даже не ощущал в пальцах. И действительно, Сирил второй раз укусил воздух возле своих пальцев — и опять у него во рту оказался кусочек хлеба.

В следующую минуту все остальные последовали его примеру, и, низко нагнувшись над столом, принялись водить над ним головами и щелкать зубами. Роберту попался кусок баранины и... но, пожалуй, я лучше опущу занавес над продолжением этой некрасивой сцены. Довольно будет сказать, что поест баранины удалось всем. Только когда Марта пришла переменять тарелки, она с самым искренним негодованием заявила, что такого беспорядка на столе отродясь не видала. Вторым блюдом, по счастью, оказались блинчики. И когда дети в один голос объявили, что им не нужно к блинчикам ни сахару, ни варенья, то Марта только и могла сказать: «Ну, прости, Господи, час от часу не легче! Что же это дальше-то будет?» — и ушла, разведя руками.

Тут последовала еще одна некрасивая сцена — вы, наверное, можете себе представить, каково есть блинчики, хватая их прямо зубами с блюда.

И все-таки, несмотря ни на что, дети были сыты. Теперь у них появилась даже некоторая храбрость, так необходимая для предстоящей обороны замка от нападения врагов. Роберт в качестве коменданта крепости объявил, что надо немедленно забраться на одну из башен и оттуда произвести осмотр неприятельских позиций. Так и было сделано. С башни были отлично видны все окрестности замка. Оказалось, что сейчас же за крепостным рвом со всех сторон начинались вражеские шатры. Неприятная дрожь пробежала по спинам детей, когда они увидели, что все воины в лагере усердно точат свои мечи и копья, натягивают луки и чистят щиты. По дороге шел большой отряд с лошадьми, тащившими огромное бревно. Увидя это, Сирил побледнел. Он понял, что это бревно должно служить тараном, которым будут разбивать ворота.

— Наше счастье, что вокруг замка есть ров,— сказал он.— И еще хорошо, что мост поднят: я совсем не знаю, как с ним управиться.

— В осажденном замке мост и должен быть поднят.

— Ты говорил, что в нем должны быть солдаты,— возразил Сирил.

— Да. Но почему мы знаем, сколько времени тянется осада? — мрачно отвечал Роберт.— Быть может, большая часть смелых защитников замка была перебита еще в начале осады, а, кроме того, была съедена вся провизия, и теперь осталась только горстка неустрашимых храбрецов — то есть нас, — которые будут защищаться до последней капли крови.

— И как же ты думаешь защищаться? — спросила Антея.

— Нам надо вооружиться и потом, когда они пойдут в атаку, стрелять в них изо всех сил.

— В старину на осаждавших лили расплавленный свинец, когда они подходили слишком близко, — сказала Антея. — Один раз папа мне показывал в старой крепости такие особые дыры, через которые выливали свинец. И у нас в башне над воротами есть точно такие же дыры.

— Я очень рада, что это только игра. Ведь это же игра, не правда ли? — сказала Джейн.

Никто ей на это ничего не ответил.

Дети нашли в замке много странного оружия, но справиться с ним не только младшим, но и даже почти взрослому Сирилу было явно не под силу. Все эти мечи, копья, самострелы были страшно тяжелы, а луки оказались такими упругими, что согнуть их никто не мог. Более удобным оружием оказались кинжалы, но Джейн надеялась, что враги не подойдут настолько близко, что возникнет надобность в кинжалах.

— Ничего, мы будем бросать их вместо дротиков, — сказал Сирил. — Или ронять вниз на головы врагам, если они посмеют переплыть ров. Слушайте-ка, на том конце двора есть множество камней — не принести ли нам их наверх? Мы тоже могли бы бросать их вниз.

И вот, в комнате над воротами замка мало-помалу образовалась куча камней, а рядом с

ней были свалены еще более грозные с виду орудия обороны: ножи и кинжалы.

Когда Антея шла по двору за камнями, ей вдруг пришла в голову очень удачная мысль, которую она тут же поспешила привести в исполнение. Найдя Марту, Антея сказала ей:

— Дайте нам, пожалуйста, сухарей, мы хотим играть в осаду замка, и сухари будут у нас провизией для защитников. Положите мне их, пожалуйста, прямо в карман, а то вон какие у меня руки грязные! Другие за своими сухарями сами придут.

И правда, это была счастливая мысль: теперь с четырьмя полными горстями воздуха, немедленно, как только Марта положила их в Антеины карманы, обратившимися в горсти сухарей, гарнизон замка был снабжен провизией, которой хватило бы до самого вечера.

Так как свинца в замке не нашлось, то вместо него дети притащили несколько кувшинов с холодной водой, и приготовились лить ее на врагов.

Время после обеда пролетело удивительно быстро — хлопот у всех было множество. Однако никто, кроме Роберта, не отдавал себе отчета в том, насколько действительно опасным было положение. Для всех остальных, видевших вражеский лагерь лишь издали, все приключение казалось не то игрой, не то очень занимательным и совершенно безопасным сновидением. Временами и Роберту казалось то же самое, но боль в ухе тотчас же заставляла вспоминать, что грубые пальцы Джакина вовсе не походили на сновидение.

Приблизительно в то время, когда надо было пить чай, сухари были съедены. Холодная вода, добытая из колодца посреди двора и разлитая в рога, заменила им излюбленный напиток. Сирил настоял, чтобы часть сухарей была отложена про запас на тот случай, если кто-нибудь очень ослабеет в пылу битвы. Как раз в ту минуту, когда запас сухарей укладывался во что-то похожее на каменный шкаф в стене замка, раздался громкий и резкий звук трубы.

— Вы слышите? Они по-настоящему! — сказал Роберт. — Теперь они пойдут на приступ.

Все бросились к узким бойницам.

— Да, — продолжал Роберт. — Вон они все выползают из палаток, словно муравьи, а вон этот противный Джакин вертится у рва возле моста. Мне бы хотелось, чтобы он увидал, как я ему покажу язык. Вот тебе! Э-э!

Другие же в это время так побледнели, что им и в голову не пришло показывать языки кому бы то ни было. На Роберта они взглянули с почтительным удивлением.

— Ты, Роберт, и в самом деле храбрый, — сказала Антея.

— Чепуха! — воскликнул Сирил и в один миг из бледного стал пунцовым. — Роберт все утро готовился воевать, а я об этом совсем не думал. Я тотчас же стану храбрее его, вот увидите!

— Ах, Боже мой! — воскликнула Джейн. — Не все ли равно, кто из вас храбрее! Я только думаю, что Сирил был ужасно глуп, когда пожелал жить в осажденном замке, и я больше не хочу так играть.

— Пустяки ты болтаешь...— начал было Роберт твердо, но его перебила Антея:

— Нет, нет! Тут не о чем спорить. Это очень хорошая игра, потому что они все равно не смогут попасть к нам в замок, а если и попадут, то ничего нам не сделают — у всех образованных народов войска никогда не трогают женщин и детей.

— А ты совсем-совсем уверена, что они образованные? — спросила Джейн, тяжело дыша.— Они ведь такие древние!

— Ну, ничего! — отвечала Антея, весело показывая рукою в окно.— Посмотри, какие у них разноцветные маленькие флажки на пиках. А какой красивый у них командир! Смотри, вот он! Не правда ли, Роберт, это он — на серой лошади?

Джейн согласилась выглянуть в окно. И правда, зрелище было очень красивое, и в нем на первый взгляд не было ничего страшного: зеленый луг, белые шатры, развевающиеся флаги, блеск оружия, яркие краски одежды и шарфов — все это было очень похоже на красивую раскрашенную картинку. Раздавались звуки множества труб, а когда они на минуту смолкали, то слышалось бряцание оружия и отдаленный говор голосов.

Вот вперед выступил трубач. Он подошел к самому краю крепостного рва, который теперь почему-то вдруг стал гораздо уже, чем был раньше. Послышался такой громкий и протяжный звук трубы, какого дети до сих пор еще не слышали. Когда звук трубы умолк, и эхо его замерло вдали, человек, вы-

ступивший вперед вместе с трубачом, громко крикнул:

— Внимайте мне, вы, осажденные!

Слова его отчетливо долетели до защитников замка, приютившихся в комнате над воротами.

— Что тебе надо? — тотчас же в ответ ему грозно закричал Роберт.

— Именем нашего повелителя Короля и нашего милостивого господина и вождя Вульффрика де Тальбота я требую, чтобы этот замок был сдан под страхом огня, меча и разорения! Сдаетесь ли вы?

— Нет! — зазвенел голос Роберта. — Мы не сдадимся! Никогда, никогда, никогда!!!

— Да будет же судьба ваша на главах ваших! — прогремел ответ глашатая.

— Покажем им все наше мужество, — командовал Роберт свирепым шепотом. — Пусть знают, что мы их не боимся. Давайте стучать кинжалами и шуметь! Ну, раз, два, три: гип-гип, урра! Гип-гип, урра! Еще раз: гип-гип, урра!

Крики эти прозвучали не очень уж грозно, однако сопровождавший их звон кинжалов придал им нечто воинственное.

За рвом в стане врагов послышался какой-то новый шум, и осажденный гарнизон понял, что приступ и в самом деле начинается.

В комнате над воротами становилось уже темно, и Джейн немножко приободрилась, вспомнив, что теперь и до заката недолго.

— Ров ужасно узкий, — заметила Антея.

— Если они даже переплывут его, им все равно не попасть в замок, — отвечал ей Роберт.

Только он успел вымолвить это, как рядом на лестнице послышались тяжелые шаги и звон стали. Дети затаили дыхание. Шаги и звон оружия удалялись вверх по лестнице, идущей на башню. Тут Роберт вскочил, тихо снял башмаки и прыгнул к двери.

— Ждите здесь,— шепнул он и стал быстро красться вслед за удалявшимися шагами.

Он заглянул в верхнюю комнату — враг был там. Это был Джакин, весь мокрый и грязный. По-видимому, он как-то перебрался через крепостной ров и теперь возился около механизма, который приводил в движение подъемный мост.

Роберт захлопнул дверь и успел повернуть огромный ключ в замке как раз в то время, когда Джакин хотел выскочить назад.

Бросившись по лестнице вниз, Роберт вбежал в маленькую башенку у подножия высокой башни. Там оказалось открытым большое окно.

— Вот что нам надо было защищать! — крикнул он остальным, которые прибежали за ним следом.

Дети попали сюда как раз вовремя: второй вражеский воин тоже перебрался через ров и уже успел уцепиться за нижний край окна. Роберт не мог понять, как этот человек ухитрился вскарабкаться по стене, но увидав пальцы, ухватившиеся за окно, не стал размышлять над этим, а со всей силы ударил по ним железным болтом, валявшимся на полу. Воин грузно свалился в воду. В следующую минуту Роберт выскочил из комнаты, захлопнул дверь

и при помощи Сирила запер ее огромным засовом.

Через некоторое время оба мальчика, тяжело дыша и посматривая друг на друга, снова стояли в комнате над воротами.

Джейн сидела на полу с открытым ртом.

— Приободришься, Дженни! Все это должно скоро кончиться.

Наверху раздался какой-то треск, что-то загремело, и пол под ногами у детей задрожал. Грохот за стеною дал понять, что подъемный мост опустился.

— Это все негодяй Джакки сделал,— сказал Роберт.— Но у нас еще осталась опускаемая решетка.

Тут послышался глухой топот лошадей и пеших воинов, двигавшихся по спущенному мосту.

— Живо наверх! — крикнул Роберт.— Будем в них бросать чем-нибудь!

Теперь даже девочки почувствовали себя совсем храбрыми. Они побежали за Робертом и под его руководством стали бросать камни из узких длинных окон. Внизу послышался беспорядочный ропот и отдельные стоны.

— Ах, Боже мой! — воскликнула Антея и положила на пол камень, который только что хотела бросить в окно.— Я боюсь, что мы кого-нибудь ушибли!

Роберт яростно подхватил камень с пола.

— Надеюсь, что так,— сказал он.— Чего бы только я не дал сейчас за хороший котел с расплавленным свинцом!.. Сдаваться?.. Еще чего!..

В этот момент детям послышалось, что по мосту везут что-то тяжелое. На минуту все затихло, и вдруг раздался глухой удар тарана. А в комнате уже стало совсем темно.

— Мы удержим замок, мы не сдадимся,— говорил Роберт.— Через несколько минут солнце должно закатиться. Вон опять они там, внизу, подняли возню. Жаль, что нет времени натаскать еще камней. Эй, лейте на них воду! Конечно, в этом мало толку, а все-таки мы их хоть вымочим!

— Ой, милые мои!— сказала Джейн жалобно.— А не лучше ли нам сдатьсь?

— Ни за что!— отвечал Роберт.— Мы еще можем вступить в переговоры и затянуть время, но никогда не сдадимся. О, когда я вырасту, то непременно стану военным, вот увидите! В гражданскую службу я никогда не пойду, чего бы мне там ни говорили.

— Давайте махать платком и просить переговоров,— упрашивала Джейн.— Мне кажется, что нынче вечером солнце никогда не сядет.

— Сперва выльем воду на этих скверных животных,— отвечал кровожадный Роберт.

Антея взяла кувшин и вылила его через одну из дыр, предназначенных для обливания врага расплавленным свинцом. Послышался плеск воды, но, по-видимому, ни на кого внизу это не произвело особого впечатления. А таран все продолжал бить в ворота.

— Как это глупо!— сказал Роберт, лежа на полу и глядя одним глазом через дыру в стене.— Эта дыра выходит прямо под арку

перед воротами. Если враг прорвался уже за решетку и подошел к самым воротам, то все пропало. Дай-ка мне сюда кувшин!

Он взобрался на треугольный выступ в средней части стены и, взяв у Антеи кувшин, выплеснул всю воду через узкое окно, предназначенное для стрельбы из луков.

В это самое мгновение и удары тарана, и топот врагов, и крики «сдавайтесь!», «слава Тальботу!» — все разом смолкло. Маленькая

комната как будто завертелась кубарем, и когда дети пришли в себя, то оказалось, что они, целые и невредимые, сидят в большой спальне Белого домика.

Все тут же столпились у окна. Ров, подъемный мост, шатры и вражье войско — все исчезло бесследно. Перед окном был палисадник с георгинами, астрами и розами, а за железной изгородью тянулась мирная пыльная дорога.

Каждый вздохнул с облегчением.

— Ну вот, все и кончилось,— сказал Роберт.— А что я вам говорил? Мы все-таки не сдались, не правда ли?

— Разве вы не рады теперь, что я пожелал оказаться в осажденном замке? — спрашивал Сирил.

— Теперь, пожалуй, я рада,— задумчиво отвечала Антея.— Но знаешь, милый Сирил, попасть в такой замок еще раз я все-таки не хотела бы.

— Ах, это было прелесть как хорошо! — неожиданно воскликнула Джейн.— Я не боялась ни капельки.

— Ну, еще бы!..— начал было Сирил, но Антея помешала ему.

— Слушайте! — сказала она.— Мне вдруг пришло в голову, что это первое наше желание, из которого не вышло ничего дурного. Никто на нас не сердится, все мы живы и здоровы и очень приятно провели целый день — не то, чтобы очень приятно, но вы понимаете, что я хочу сказать. Теперь мы знаем, какой Роберт у нас храбрец.. И Сирил тоже,—

поспешила прибавить она, — и Джейн! И у нас не было никаких неприятностей со взрослыми.

Вдруг дверь с шумом распахнулась.

— Стыда у вас нет, озорники вы такие! — раздался в потемках голос Марты. Было слышно, что она и впрямь очень сердится. — Я так и знала, что не может у вас ни одного дня пройти, чтобы вы чего-нибудь не надурачили! Нельзя человеку выйти на крыльцо вольным воздухом дохнуть, чтобы вы его водой не облили! А ну-ка, проваливайте спать, авось, хоть к утру поумнеете. Ну, живо! Если кто через десять минут не будет в постели, так я ему задам! И новый чепец и платье — всю с головы до пят окатили, бесстыдники!

Она сердито вышла из комнаты, не обращая внимания на целый хор извинений. Дети были очень опечалены такой неприятностью, но, право же, они были ни в чем не виноваты. Что поделать, если вы собрались облить водою атакующего вас врага, а тут как раз замок исчезает и обращается в обыкновенный дом, и все вокруг меняется, кроме воды, которая, как на грех, льется кому-то на новый чепец.

— Я, однако, не понимаю, почему это вода не обратилась в ничто? — сказал Сирил.

— Да как же ей обратиться? — отвечал Роберт. — Вода — везде вода, на всем свете она одна и та же.

— Мне кажется, что и колодец во дворе замка был тот же самый, что у нас на заднем дворе, — заметила Джейн.

Действительно, так оно и было.

— Я так и знал, что когда исполняются наши желания, непременно должна случиться какая-нибудь гадость,— сказал Сирил.— Слишком было бы хорошо, если б было иначе. Ну, Боб, мой герой, пойдем скорее спать. Если мы быстро ляжем в постель, то Марта не станет сильно ворчать и, быть может, принесет нам чего-нибудь поесть. А то я что-то здорово проголодался. Покойной ночи, девочки.

— Покойной ночи. Надеюсь, этот замок не приползет к нам ночью назад,— сказала Джейн.

— Конечно, нет,— поспешно ответила ей Антея.— А вот Марта возвратится, и не ночью, а через несколько минут. Ну-ка, повернись, я поскорее развяжу тебе передник.

— А что, Вульффрик де Тальбот обиделся бы,— сказала Джейн сонливо,— если бы узнал, что половина защитников замка была в передниках?

— А другая — в коротких штанишках. О, конечно, он бы ужасно обиделся! Стой смирно, ты только затягиваешь узел.

Глава восьмая

ВЕЛИКАН

— Слушайте,— сказал Сирил.— Какая хорошая мысль пришла мне в голову!

— И что, твоя бедная головка не разболелась от этого? — участливо спросил его Роберт.

— Не приставай, я говорю серьезно.

— Замолчи, Боб,— вмешалась Антея.

— Внимание! Сирил говорит речь! — торжественно провозгласил Роберт.

Этот разговор происходил на заднем дворе. Сирил взобрался на край бочки с водою и начал:

— Леди и джентльмены! Мы нашли необыкновенное существо, называемое Псаммидом. Мы заказывали ему свои желания, и оно их исполняло. У нас были крылья, мы были прекрасны, как майское утро, и — ох, какая же, с позволения сказать, гадость из этого вышла! Мы владели несметными сокровищами, мы жили в осажденном замке, а кроме того, у нас была еще эта скверная история с цыганами. И все-таки мы не можем быть довольны своей судьбой: ведь до сих пор мы не получили еще ничего такого, чего и в самом деле стоило бы пожелать.

— Зато у нас были необыкновенные приключения, а это уже немало, — перебил его Роберт.

— Конечно, мало! — отвечал Сирил решительно. — Потому что все это было не то, что нужно. И вот я думал...

— Не может быть! — не унимался Роберт.

— ...думал в безмолвии темной ночи и кое-что придумал. Но что именно? Это как будто вас вдруг по истории спросят: в каком году был первый крестовый поход или еще что-нибудь такое. Вы всегда отлично помните этот год, а как спросят, так он куда-то из головы и вылетит. Вы сами отлично знаете, леди и джентльмены, что когда стараешься припомнить что-нибудь важное, как раз в это

время вам и начинает лезть в голову всякая чепуха, а важная мысль может совершенно неожиданно появиться в голове одного из присутствующих...

— Внимание, внимание! — воскликнул опять Роберт.

— ...одного из присутствующих, хотя бы он даже был и глуповат. Вот, например, может случиться, что хорошая мысль залетит в голову Роберта, несмотря на то, что его бедный мозг может пострадать от такого непривычного напряжения... Прочь, Боб, говорят тебе! Ты опрокинешь бочку!

Вообще-то, борьба на краю бочки с водой бывает очень увлекательной, но она связана с некоторыми неудобствами. Когда наконец все кончилось, и мальчики немного обсушились, Антея сказала:

— Ты сам начал, Боб. Теперь твоя честь восстановлена и не мешай Сирилу продолжать. Мы и так почти все утро потеряли даром.

— Хорошо, — сказал Сирил, выжимая воду из своей куртки. — Если Роберт хочет, то я объявляю мир.

— Ну ладно, пусть будет мир, — отвечал Роберт. — Только у меня над глазом вон какая шишка!

Антея дала ему свой носовой платок, и Роберт, намочив его в воде, стал молча залечивать свои боевые раны.

— Говори же, Сирил. Что ты хотел сказать?

— Так вот, давайте пока играть в разбойников, в крепости, в солдат или во что-нибудь другое. Наверное, нам придет в голову какое-

нибудь хорошее желание, если мы не будем о нем думать. Так всегда бывает.

Остальные согласились и выбрали игру в разбойников. «Все равно, во что играть»,— сказала неохотно Джейн. Нужно признаться, что поначалу и Роберт довольно лениво участвовал в игре, но Антея достала у Марты красный платок, в котором лесник принес утром грибов, и обвязала этим платком голову Роберта, да так удачно, что он стал совсем похож на храброго разбойника, спасшего накануне жизнь своему атаману. После этого Роберт сразу развеселился.

Все быстро вооружились. Лук и колчан со стрелами, закинутые за спину, были очень красивы, зонтики и молотки от крокета, за-ткнутые за пояс,— очень похожи на сабли и кинжалы, а шапки из белой материи, которые обычно носят мужчины летом, сами по себе имеют довольно-таки разбойничий вид, особенно если в них понавтыкать перьев от индюшки.

Ручная колясочка, в которой катали Ягненка, покрытая клетчатой скатертью, стала прекрасной повозкой для награбленной добычи. Правда, в коляске спал Ягненок, но это несколько не мешало делу. Снарядившись таким образом, шайка выступила по дороге к песочным ямам.

— Нам нужно быть поближе к Чудищу на тот случай, если мы вдруг что-нибудь придумаем,— сказал Сирил.

Нетрудно решить, во что будешь играть: в разбойников, в крокет или в какую-нибудь

Другую

ею, когда в голове у вас мысль, что стоит вам только придумать хорошее желание — и оно тотчас же будет исполнено. Поэтому игра у детей шла вяло. Некоторым из разбойников уже начало казаться, что их товарищи отнюдь не такой симпатичный народ, как им представлялось раньше, и они даже стали откровенно высказывать это вслух. Но вдруг на дороге показался мальчик-разносчик из булочной с корзинкой хлеба. Такой случай нельзя было упустить.

— Стой, сдавайся! — крикнул Сирил.

— Кошелек или жизни! — присоединился к нему Роберт.

И они встали по бокам булочника. К несчастью, последний почему-то никак не хотел понять отведенной ему роли. Мальчишка он был большой и сильный, а потому сказал только:

— А ну-ка, проваливайте! — и совсем непочтительно оттолкнул разбойников в обе стороны.

В разбойничьем снаряжении у Роберта была скакалка одной из девочек, исполняющая роль аркана, каким Роберт и решил поймать булочника. Но скакалка попала булочнику не на плечи, а на ноги. Он споткнулся, корзинка опрокинулась, и красивые свежие булки покатались по пыльной дороге. Девочки бросились поднимать их, и в ту же минуту Роберт с булочником вступили в жаркую схватку.

Сирил, конечно, не мог вмешиваться — он должен был только следить за правильностью

поединка. Но зато скакалка, не зная правил бокса, усердно вмешалась в дело: она обвивалась и путалась между ногами бойцов, как будто стараясь примирить их. Однако ее старания были совершенно напрасны — напротив, деревянные рукоятки то и дело мелькали в воздухе и колотили бойцов то по колену, то по затылку, то по подбородку и этим еще больше подзадоривали их.

Дело кончилось тем, что Роберт получил изрядную трепку. Такой уж несчастный день для него выдался. Мальчик из булочной посадил ему синяк под глаз, и, не имея никакого понятия о законах бокса, которые должны быть известны всякому порядочному англичанину, оттащал Роберта за волосы и ударил ногой по колену. Роберт говорил потом, что он непременно одолел бы булочника, «если бы не девчонки», но я в этом далеко не уверена. Так или иначе, но исход битвы был именно такой, как я рассказала, и это было крайне тягостно для самолюбивых мальчиков.

Сирил, увидев, что булочник не соблюдает в поединке никаких правил, уже стаскивал с себя куртку, чтобы помочь брату, но Джейн, схватив его за ноги, принялась плакать и упрашивать, чтобы он не вмешивался, потому что булочник, чего доброго, побьет и его. Можете себе представить, как это «тоже» было приятно Роберту! Но еще хуже почувствовал он себя, когда Антея вдруг бросилась между ним и булочником, схватила этого бесчестного и презренного бойца за талию и стала упрашивать, чтобы тот больше не дрался.

— Пожалуйста, не трогай больше моего брата! — говорила она сквозь слезы. — Он не хотел опрокидывать корзинку, мы только играли. И конечно, он теперь очень сожалеет об этом.

Вы понимаете, что это значило для Роберта? Ведь если бы у булочника оказались рыцарские чувства и он уступил просьбам Антеи и принял бы ее извинения, тогда Роберт, по чести, больше никогда в жизни не мог бы расквитаться с ним. Но опасения Роберта, если они у него в ту минуту появились, тотчас же и рассеялись. У мальчишки из булочной рыцарских чувств совсем не оказалось: он очень грубо оттолкнул Антею, погнался за Робертом, награждая его колотушками и разными неприятными именами, и на повороте дороги к песочной яме сбил его с ног на кучу песка.

— Я тебя еще проучу, козявка ты этакая! — сказал он, оставив Роберта.

Затем вернулся на место битвы, подобрал булki и пошел по своим делам.

Сирил ничего не мог поделать — его не выпускала Джейн. Из всех сил она уцепилась ему за ноги, и для того, чтобы от нее избавиться, ему бы пришлось сделать ей больно. Мальчик из булочной прошел мимо с раскрасневшимся и мокрым лицом. Обнаглев до последней степени, он назвал всех их дуралеями и скрылся за поворотом дороги. Только тогда Джейн выпустила ноги Сирила из своих объятий. Молча и с достоинством Сирил повернулся и пошел к Роберту. Девочки, проливая потоки слез, пошли за ним.

Невеселая компания опустилась на песок рядом с Робертом. Сам Роберт рыдал больше всего от оскорбленного самолюбия. Сирил сердился на Джейн, Роберт был в ярости на Антею, и обе девочки чувствовали себя очень несчастными. И уж, конечно, все были весьма недовольны мальчиком из булочной.

Роберт от гнева даже зарылся руками и ногами в песок.

— Пусть только подождет, пока я вырасту. Трусливое животное! Я его ненавижу! Но я с ним еще разделаюсь! Счастье его, что он больше меня.

— Ты сам начал,—неосторожно сказала Джейн.

— Знаю, что сам, глупая! Но я с ним только играл, а он меня ударил. Вот, полюбуйся-ка!

Роберт спустил чулок и показал лиловую полосу с красной царапиной, налицествовавшую у него на ноге ниже колена.

— Я хотел бы только стать больше него, вот и все.

Он снова зарылся пальцами в песок и вдруг вскочил — его пальцы дотронулись до чего-то мохнатого. Конечно же, это было Чудище — «настороже, чтобы одурачить нас, по обыкновению», как потом говорил Сирил. И, разумеется, в следующий миг желание Роберта оказалось исполненным, и он стал больше мальчика из булочной. О, гораздо больше! Смерить его было нечем, но, наверное, он был теперь ярда четыре в вышину, и ширина его плеч вполне соответствовала та-

кому росту. По счастью, его одежда выросла вместе с ним. Он поднялся на ноги.

Один из его огромных чулков был спущен, и на громадной ноге виднелся большущий синяк с красной царапиной. На покрасневшемся и заплаканном лице великана выражалось сильное смущение, и весь он в своей детской курточке имел такой странный вид, что остальные дети не могли удержаться от смеха.

— Чудище опять нас подцепило! — сказал Сирил.

— Не вас, а меня,— отвечал Роберт.— И если бы вы были настоящими друзьями, то попросили бы, чтобы оно и вас такими же сделало. Вы и представить себе не можете, как глупо я себя чувствую.

— Да нет, я вовсе не хочу делаться таким долговязым. Я отлично вижу, как это глупо,— начал было Сирил. Но Антея остановила его:

— Перестань же! Я не понимаю, что с вами, мальчиками, сегодня случилось. Слушай, Сирил, это надо уладить. Ведь бедному Роберту ужасно быть одному там, наверху. Попросим Чудище исполнить еще одно желание, и если оно согласится, то пусть сделает и нас такими же огромными.

Дети согласились, хотя и не очень охотно. Но когда выкопали Чудище, оно наотрез отказалось.

— Нет уж, меня не просите,— сказала оно, сердито потирая свою мордочку лапами.— Это грубый и жестокий мальчишка, и ему будет очень полезно погулять некоторое время в таком необычном виде. С какой стати осмелился он откапывать меня своими противными влажными руками? Ведь он чуть до меня не дотронулся! Это просто дикарь какой-то. У мальчиков каменного века и то было больше рассудительности.

Руки Роберта и в самом деле были влажны от слез.

— Уходите отсюда и оставьте меня в покое,— продолжало Чудище.— Я, право, не по-

нимаю, почему вы не можете высказать ни одного разумного желания: пожелали бы себе чего-нибудь съедобного, или, скажем, хороших манер, хорошего характера. Уходите отсюда, сделайте одолжение!

Оно затрясло своими баками, почти зарычало на детей и сердито повернулось к ним спиною. Дети поняли, что дальнейшие переговоры бесполезны и вернулись к великану Роберту.

— Что же нам теперь делать? — спрашивали они друг друга.

— Прежде всего, — сказал Роберт мрачно, — я должен поговорить с этим малым из булочной. Я его живо догоню.

— Нельзя бить того, кто слабее тебя, — сказал Сирил.

— Ты думаешь, я стану его бить? — презрительно ответил Роберт. — Правда, раньше я готов был убить его, но теперь я только скажу ему кое-что на ушко. Дайте мне только чулок надеть.

Он натянул на ногу свой чулок, в который можно было бы спрятать всю Джейн, и сажеными шагами пошел по дороге. Разумеется, ему не трудно было догнать булочника — тот, весело помахивая пустой корзиной, спускался с холма на большую дорогу, где его ждал хозяин, развозивший хлеб по хуторам. Роберт притаился за стогом сена во дворе одного из домов и, подождав, пока булочник, беззаботно посвистывая, подошел к стогу, вдруг выпрыгнул и поймал его за ворот.

— Ну, мой милый, теперь я покажу тебе, что значит бить мальчиков, которые меньше

тебя,— сказал Роберт грозно, поднял булочника за плечи и посадил его на стог, а сам уселся на крышу коровника и высказал булочнику все, что о нем думает. Правда, булочник вряд ли слышал все эти речи — он просто ошалел от страха. Выложив все, что было у него на сердце, а кое-что повторив дважды, Роберт ушел, оставив булочника на стогу и сказав ему на прощание: «Слезай отсюда, как знаешь!»

Не знаю, как булочник слез на землю, но мне доподлинно известно, что своего хозяина с повозкой он на дороге уже не встретил, а когда пришел домой, то получил здоровый нагоняй. Мне жаль его, но, в конце концов, это было справедливо: должен же он знать, что английский мальчик может драться только руками, а ни в каком случае не ногами. Конечно, ему еще больше попало, когда он попытался рассказать своему хозяину, что был пойман на дороге мальчиком-великаном ростом с колокольню — но кто же мог поверить такой болтовне! Правда, на другой день ему поверили, но — увы! — было уже слишком поздно, и от этого ему не было никакой пользы.

Когда Роберт нашел своих братьев и сестер, они были в саду. Антея предусмотрительно попросила Марту, чтобы та накрыла им обедать на воздухе — столовая была слишком мала и Роберту трудно было бы в ней поместиться. Ягненок, мирно проспавший все это бурное утро, теперь стал чихать, и Марта унесла его в дом.

— И очень хорошо,— обрадовался Сирил.— Я уверен, что он стал бы визжать благим матом, если бы увидел Роберта.

Марта подала на стол жареную телятину с картофелем, саговый пудинг и компот из слив. Она, конечно, не заметила никакой перемены в Роберте и положила ему телятины и картофеля не больше, чем обычно. Но вы представить себе не можете, какую ничтожною оказывается ваша обычная порция, если вы вдруг делаетесь великаном. Роберт застоялся и попросил принести побольше хлеба, однако Марта нашла, что все это одни лишь шалости, и решительно отказалась идти за хлебом. Она очень торопилась: к ним должен был зайти лесник, шедший на ярмарку в соседнее село, и до его прихода Марта хотела прифрантиться.

— Пойдемте и мы на ярмарку,— предложил Роберт.

— Куда же ты пойдешь в таком виде! — ответил ему Сирил.

— А почему бы и нет? — возразил Роберт.— На ярмарках бывают великаны и побольше меня.

— Больше тебя вряд ли...— начал было Сирил, как вдруг Джейн вскрикнула, да так громко, что все принялись бить ее по спине, спрашивая, не подавилась ли она косточкой от сливы.

— Да нет же, какая там косточка! Просто я кое-что придумала. Знаете что: поведем Роберта на ярмарку и будем его там показывать за деньги.

— Поведете меня? Как бы не так! — ответил обиженный Роберт. — Скорее я вас всех поведу.

Так и вышло. Мысль, которую подала Джейн, очень понравилась всем, кроме Роберта, но когда Антея сказала, что он получит двойную долю денег, то и он согласился. В сарае стояла старая двуколка. Разумеется, было желательно попасть на ярмарку как можно скорее, а потому великан Роберт согласился везти всех остальных. Теперь это было для него так же легко, как сегодня утром везти Ягненка в детской колясочке.

Очень странное чувство испытали дети, когда в оглобли двухколесной тележки, пред-

назначенной для пони, запрягся великан и помчал их в село. Эта поездка доставила большое удовольствие всем, кроме Роберта и немногих встречных, попадавших им по дороге,— с ними делалось что-то вроде столбняка. Не доезжая до села, Роберт спрятался в сарай, а остальные пошли пешком на ярмарку.

На ярмарке было все, как следует: наскоро построенные лавочки с разными товарами, веселый шум, писк свистулек, карусели с музыкой, тир для стрельбы, уродина с открытой пастью, в которую надо было попадать кокосовым орехом, и еще много разных удивительных вещей. Удержавшись от искушения выиграть кокосовый орех или, по крайней мере, попытать свое счастье в этом деле, Сирил направился прямо к тиру, где женщина за деревянной стойкой заряжала ружья, а позади нее висели на бечевках пустые бутылки, служившие мишенями.

— Пожалуйте, пожалуйста сюда, юный джентльмен! По одному пенни за выстрел,— заголосила женщина.

— Нет, благодарю вас,— отвечал Сирил.— Мы пришли сюда не ради развлечений, а по делу. Кто здесь хозяин?

— Чего?

— Кто здесь хозяин? Кто владелец этой палатки?

— Вон он,— отвечала женщина, указывая на толстого человека в грязном парусиновом пиджаке, спавшего на солнце.— Только не советую вам будить его сейчас — он страсть какой сердитый, особенно в жару. Вы лучше

подождите, пока он не проснется, а тем временем постреляйте.

— У нас очень важное дело, и оно будет для него выгодно,— продолжал Сирил.— Я думаю, что он очень пожалеет, если мы уйдем.

— А! Коли деньги к нему в карман...— начала было женщина.— Да вы, может, зря болтаете? В чем дело-то?

— Великан!

— Врете!

— Пойдемте с нами — сами увидите,— сказала Антея.

Женщина недоверчиво посмотрела на детей, потом позвала обтрепанную девочку в полосатых чулках и грязной юбке и, вверив ей «стрельбу в цель», повернулась к Антее и сказала:

— Ну, идем, да поживее! Только коли вы дурака валяете, так уж лучше говорите сразу. Сама-то я смирная, а вот мой Билл — ух какой сердитый!

Антея вела ее к сараю.

— Нет, в самом деле великан,— говорила она.— Он еще мальчик, в такой же курточке, как и мой брат, а уже великан. Мы не привели его прямо на ярмарку, потому что на него все с удивлением смотрят и даже пугаются. И мы подумали, что вы, быть может, захотите показывать его и собирать деньги. Если же вы захотите нам что-нибудь заплатить, то пожалуйста, только это будет стоить вам довольно дорого, потому что мы обещали ему двойную долю.

Женщина пробормотала что-то невнятное. Она взяла Антею за руку и держала очень

крепко, так что Антея невольно подумала, что не дай Бог, если Роберт куда-нибудь ушел или опять вдруг стал маленьким. Но она знала, что чары Псаммиада обязательно сохраняют свою силу до вечера, хотя бы это было и вовсе некстати. А того, что Роберт при его нынешнем росте вздумает куда-нибудь уйти, тоже нельзя было ожидать.

Когда они подошли к сараю и Сирил крикнул: «Роберт!», внутри послышался шелест старой соломы, и Роберт начал понемногу вылезать на свет Божий. Сперва показались пальцы и рука, потом башмак и нога. При появлении руки женщина сказала: «Ах, матушки!». Увидав ногу, она закричала: «Ой, батюшки-светы!». А когда мало-помалу все огромное туловище Роберта вылезло из соломы, то посыпались такие восклицания, в которых дети уже ничего разобрать не смогли. Однако немного погодя женщина заговорила более понятным языком.

— Сколько вы за него возьмете? — спросила она, сильно волнуясь. — Только просите по совести. Ведь для него нужно особую палатку ставить. Ладно еще, что я знаю, где можно купить подержанную. Она как раз подойдет — в ней слоненка показывали, да он сдох. Так сколько же возьмете? А на вид-то он простоватый... Великаны всегда такие бывают. Только такого долговязого мне еще видеть не доводилось. Ну, по рукам! Говорите же, сколько? Он у нас будет жить что твой царь. И кормить его будем сколько влезет. Не иначе, как он слабоумный, а то с чего бы позволил

вам, таким малышам, себя водить? Сколько берете-то?

— Ничего они не берут,— отвечал Роберт твердо.— И я не более слабоумный, чем вы, а, может быть, и того меньше. Я приду сам и буду показываться сегодня весь день, если вы мне дадите...— Он поколебался, прежде чем запросить цену, которая казалась ему поистине огромной.— Если вы мне дадите пятнадцать шиллингов.

— Идет! — тотчас воскликнула женщина.

Роберт почувствовал, что дешево оценил себя, и пожалел, что не запросил вдвое больше.

— Идем же скорее,— продолжала женщина.— Увидишь моего Билла и договоримся о цене на год. Думается мне, что тебе можно положить постоянное жалование даже фунта два в неделю. Ну, идем живей! А пока скрой ты как-нибудь свою длинную фигуру, ради Бога.

Но при всем желании сократиться, Роберту это плохо удалось. Вокруг него быстро собралась толпа. Вступив во главе шумной процессии на истоптанный луг, где была расположена ярмарка, он был подведен к самой большой палатке и кое-как пролез в нее. Женщина побежала за своим мужем — тот все еще спал, и, кажется, был страшно недоволен, когда его разбудили. Наблюдая за ним сквозь дыру в палатке, Сирил видел, как он хмурился, качал сонной головой и махал увесистыми кулаками. Женщина что-то быстро ему объясняла. До Сирила долетали слова вроде «диковина»,

«только деньги огребай» и «провалиться мне на этом месте!» И он начал разделять убеждение Роберта в том, что пятнадцать шиллингов было слишком дешево.

Наконец, Билл встал и лениво побрел в палатку. Увидав необычайный рост Роберта, он почти ничего не сказал. «Эх, чтоб мне пусто!..» были единственные его слова, которые дети могли потом припомнить. Зато он тотчас же отсчитал пятнадцать шиллингов — все больше медяками — и передал их Роберту.

— Вечером, после представления, мы с тобой договоримся, сколько ты будешь получать позднее, — сказал он с грубой ласкою в голосе. — Люби тебя Бог! Ты у нас так заживешь, что никогда с нами не расстанешься. Ты какую-нибудь песню знаешь? А может, плясать умеешь?

— Только не сегодня, — ответил Роберт, испугавшись при одной лишь мысли о том, что ему придется петь «То было весной» — любимую песню его матери и единственную, которую он сейчас смог припомнить.

— Позови Леви, пусть сейчас же все уберет из палатки. Повесь тут занавес или что-нибудь такое, — распоряжался хозяин. — Эка жалость, нигде не достать штанов подходящего размера! Ну, мы их закажем на будущей неделе. Так-то, молодой человек! Нашел ты свое счастье. Повезло тебе, что ты попал ко мне, а не к кому-нибудь другому. Много я знавал таких из нашего брата, что своих великанов били да голодом морили. Говорю тебе прямо, что если ты раньше был неудач-

лив, так уж сегодня тебе повезло. Я, брат, кроток, как агнец.

— Я не боюсь, что меня кто-нибудь посмеет бить,— отвечал Роберт, поглядывая сверху вниз на этого «агнца» с пудовыми кулачищами. Роберт сидел, поджав ноги, потому что палатка была недостаточно высока, и он не мог выпрямиться во весь рост, но даже и в этом положении он мог смотреть сверху вниз на очень многих.

— Только я очень голоден и попросил бы вас дать мне чего-нибудь поесть.

— Эй, Бекки! — скомандовал Билл. — Дай ему чего-нибудь пообедать, да тащи все самое лучшее, что у тебя есть.

Дальше последовал шепот, из которого дети уловили только: «Завтра первым делом договор, черным по белому...»

Женщина пошла за едой. Принесла она только хлеба и сыру, но для голодного Роберта и то, и другое показалось необыкновенно вкусным.

Хозяин тем временем расставлял караул вокруг палатки на случай, если бы Роберт вздумал удрать с пятнадцатью шиллингами. «Как будто мы бесчестные люди», — обиженно сказала Антея, когда поняла, для чего расставляется эта стража.

Билл хорошо знал свое дело: через полчаса все лишнее из палатки было убрано, а поперек нее был повешен занавес, или, точнее говоря, старый ковер с черными узорами по красному полю. Роберт был спрятан за ковром, а сам Билл влез на стол перед палаткой

и обратился к почтеннейшей публике с речью. Эта речь была совсем не дурна. Начинаясь она с того, что великан, которого Билл имеет честь сегодня в первый раз представить английской публике, есть не кто иной, как старший сын императора страны Сан-Франциско, вынужденный, благодаря несчастной любви к принцессе островов Фиджи, покинуть свою родину и искать убежища в Англии — стране, управляемой мудрыми законами, где свобода есть священное право всякого человека, какого бы большого роста он ни был. Кончалась речь объявлением того рода, что первые двадцать человек, которые войдут посмотреть великана, заплатят только по три пенса. «После этого,— говорил Билл,— цена будет повышена, и я не могу заранее сказать, до какого размера она дойдет. Так что не теряйте времени, господа!»

Первым выступил молодой парень со своей невестой. Он привел ее повеселиться на ярмарке и чувствовал себя счастливейшим человеком в мире. Расходов считать нечего, деньги нипочем! Девушка хочет увидеть великана? Чудесно! Она его сейчас увидит, хоть тут и надо заплатить по три пенса с головы, а все другие развлечения стоят втрое дешевле.

Одна из пол палатки приподнялась и пропустила счастливую парочку внутрь. В следующий миг громкий визг девушки разнесся по лугу и заставил вздрогнуть всех присутствующих. Билл хлопнул себя по ляжке. «Дело в шляпе!» — шепнул он Бекки. И правда, этот визг был отличной рекламой для великана.

Выйдя из палатки, девушка была бледна и вся дрожала. Ее тотчас же окружила толпа. «Что там такое?», «На кого он похож?» — посыпались расспросы.

— Ах, ужас! Вы просто не поверите! — отвечала она. — Ростом с фабричную трубу. Да какой свирепый! У меня вся кровь в жилах

застыла. Я так рада, что его видела! Такое страшилище посмотреть никаких денег не жалко.

Свирепый вид Роберта можно объяснить только тем, что он всячески старался удержаться от смеха. Но его смешливое настроение скоро прошло, и к вечеру ему уже хотелось не смеяться, а плакать и еще больше — спать. Подумайте только, до самого вечера к нему по одному, по двое, по трое входили люди, и он должен был то пожимать руки всем желающим, то позволять гладить, ощупывать, похлопывать и толкать себя всякому, кому только хотелось убедиться, что он и в самом деле живой человек, а не чучело.

Остальные дети молча сидели на скамье, смотрели, ждали и ужасно скучали. Им казалось, что более тяжелого способа зарабатывать деньги даже и придумать нельзя. И всего только пятнадцать шиллингов! Билл получил уже в четыре раза больше, так как весть о мальчишке-великане распространилась по окрестностям, и теперь торговцы в тележках, а то и господа в колясках съезжались сюда со всех сторон. Какой-то господин с моноклем в глазу и с большой желтой розой в петлице ласковым шепотом предложил Роберту десять фунтов в неделю за то, чтобы показывать его в Лондоне. Роберт должен был сказать «нет».

— Не могу,— печально ответил он на это предложение.— Бесполезно обещать то, чего не можешь исполнить.

— Ах, бедный малыш! Значит, ты уже связал себя контрактом на несколько лет? И

все-таки, вот моя карточка. Когда срок кончится, приходите ко мне.

— Приду, если буду такого же роста,— ответил Роберт.

— Если еще немножко подрастете, так тем лучше.

Когда этот господин ушел, Роберт подозвал к себе Сирила.

— Скажи им, что мне необходимо отдохнуть, и, кроме того, я хочу чаю.

Чай был принесен, а перед палаткой тотчас же появилась надпись:

ПЕРЕРЫВ НА ПОЛЧАСА ВЕЛИКАН ПЬЕТ ЧАЙ

В это время внутри палатки происходило спешное совещание.

— Как мне отсюда выбраться? — говорил Роберт. — Я только об этом и думаю.

— Очень просто: когда солнце сядет и ты станешь опять таким, как был, возьми да и уйди отсюда. Они же нам ничего не смогут сделать.

Роберт растерянно посмотрел на Сирила.

— Ну, нет! Если они увидят, что я стал маленьким, так они прибьют нас. Надо что-нибудь придумать. Перед заходом солнца мы должны быть одни.

— Хорошо,— тотчас ответил Сирил и вышел в дверь, возле которой Билл курил свою глиняную трубку и вполголоса разговаривал с женой. Сирил расслышал, как он сказал: «Словно мы наследство получили».

— Слушайте,— обратился к нему Сирил.— Через минуту можно опять пускать публику —

великан уже кончает пить чай. Только когда солнце будет садиться, вы его непременно оставьте одного. С ним в это время всегда делается что-то странное, и если его тогда станут беспокоить, то, пожалуй, будет худо.

— Как? Что-же такое с ним делается? — озабоченно спросил Билл.

— Я не могу вам толком объяснить, но какая-то перемена с ним бывает, — отвечал Сирил. — Он становится совсем на себя не похож — вы бы его не узнали в это время. И если при закате солнца не оставить его одного, то он может наделать какой-нибудь беды.

— Ну, а потом он опять будет нормальным?

— О да! Через полчаса после заката он опять будет такой же, как всегда.

— Лучше уж его не дразнить, — сказала женщина.

А потому приблизительно за полчаса до захода солнца палатка опять была закрыта под тем предлогом, что «великан ужинает».

Толпа весело подшучивала над тем, что великан так часто ест.

— Что ж поделаешь? — говорил Билл. — Этакой-то фигуре надо же покушать всласть. Разве такого скоро накормишь?

А в палатке дети шепотом составляли план бегства.

— Вы уходите теперь же, — говорил девочкам Сирил. — И как можно скорее идите домой. Тележка? А ну ее! С ней мы как-нибудь завтра разберемся. Мы с Робертом одеты одинаково и этим надо воспользоваться. Только вы, девочки, уходите, а то все испортите. Что

вы ни говорите, а шибко бегать вы все-таки не умеете. Нет, Джейн, если Роберт начнет всех расталкивать и сбивать с ног, из этого толку не выйдет. За ним погонится полиция, а когда он опять станет маленьким, его тотчас же арестуют. Вам обеим надо непременно уйти. Если не уйдете, то я с вами больше никогда разговаривать не буду. А ты, Джейн, сама наделала всю эту кутерьму, потому что сегодня утром держала меня за ноги. Идите же, пожалуйста, поскорее.

Джейн и Антея вышли.

— Мы пойдем домой,—сказали они Биллу.— А великана оставляем у вас. Не обижайте его, пожалуйста!

Это, как Антея говорила потом, был «бессознательный обман», но что же было им делать?

Когда девочки ушли, Сирил направился к Биллу.

— С ним уже начинается, он требует себе колосьев. Тут есть колосья недалеко на поле — я за ними схожу. Да! И еще он говорит, нельзя ли немножко приподнять палатку сзади, а то, говорит, ему очень душно. Я покараулю, чтобы никто не подглядывал и прикрою его чем-нибудь. А он пусть немножко полежит, пока я сбегая за колосьями. Зачем колосья? Да кто же его знает! Только когда на него это находит, лучше с ним не спорить.

Из кучи старых мешков великану устроили постель. Задняя сторона палатки была приподнята и братьев оставили одних. Они шепотом посовещались о последних подробностях своего плана. С площади доносились

звуки шарманки и крики паяцев, старавшихся привлечь публику.

Через минуту после заката мальчик в серой курточке, проходя мимо Билла, сказал: «Я иду за колосьями», и тотчас смешался с толпой.

В то же время мальчик в серой курточке вылез с задней стороны палатки и прошел мимо Бекки, стоявшей на страже. «Я иду за колосьями»,— сказал он и, спокойно отойдя несколько шагов, скрылся в толпе. В дверь палатки вышел Сирил, а с другой стороны — Роберт, принявший после заката свои обычные размеры. Быстро миновав поле, они встретились на дороге и пустились бежать во всю мочь. Домой они попали почти в одно время с девочками. Дорога была длинная, но они все время бежали не останавливаясь. Что дорога и вправду была длинна, в этом они очень хорошо убедились на другой день, когда им пришлось тащить назад тележку.

Что говорили Билл и Бекки, когда обнаружили таинственную пропажу великана, я, право, не знаю.

Глава девятая

ЯГНЕНОК ВЫРОС

Сирил однажды заметил, что хорошие желания приходят на ум совсем не тогда, когда хочешь их придумать, а чаще всего так себе, случайно. Через день после необыкновенных приключений с Робертом эта мысль с раннего

утра не давала ему покоя. Весь предыдущий день был потрачен совсем не интересно: пришлось тащить домой тележку, оставленную у села.

Проснувшись очень рано, Сирил наскоро оделся (купаться в ванну, конечно, не пошел, потому что жестяные ванны страшно шумят, а будить Роберта не хотелось) и, выйдя потихоньку из дому, пустился бежать к песочной яме. Там он осторожно откопал Чудище и прежде всего осведомился, не простудилось ли оно третьего дня, когда Роберт дотронулся до него мокрыми руками. Чудище было в хорошем расположении духа и отвечало Сирилу очень милостиво, впрочем, прежде всего спросив:

— А теперь-то чего ты от меня хочешь? Раз пришел сюда в такую рань, так, вероятно, с какой-нибудь особой просьбой для себя одного, чтобы твои братья и сестры не знали? Подумай же хорошенько да попроси хорошего жирного мегатерия — и делу конец.

— Благодарю вас, но только не сегодня, — отвечал Сирил осторожно. — Я хотел бы сказать... Вы ведь знаете, что во время игры часто являются хорошие мысли...

— Я редко играю, — холодно ответило Чудище.

— Но вы понимаете, что я хочу сказать? — нетерпеливо продолжал Сирил. — Мне нужно вот что: нельзя ли сделать так, чтобы наше желание исполнялось тотчас же, как мы его скажем и на том самом месте, где мы в то время будем? Это и для вас будет удобнее:

нам не придется так часто вас беспокоить,— добавил он лукаво.

— Ну, милый мой, уж я-то знаю, чем это кончится: вы пожелаете какого-нибудь вздора, который вам совсем не нужен. Помнишь, как вы захотели оказаться в осажденном замке? — отвечало Чудище, потягиваясь и зевая. — Да, так уж пошло на этом свете с тех пор, как люди отказались от здоровой пищи! Но, впрочем, пусть будет по-твоему. Прощай!

— До свидания,— раскланялся Сирил.

— Вот что я тебе скажу! — вдруг крикнуло ему Чудище сердито. — Вы — да-да, все вы! — мне изрядно надоели. У всех вас четверых ума не больше, чем у одной устрицы. Отстаньте вы от меня наконец!

Сирил ушел.

— Какая жалость, что дети так долго остаются маленькими,— говорил Сирил в то же утро. Это было после того, как Ягненок неза-

метно вытащил у него из кармана часы, открыл их и, бесконечно довольный своей проделкой, стал крышкою копать землю. Хотя после этого часы были опущены в кувшин с водою, чтобы отмыть их от грязи, идти они все-таки отказались.

Сгоряча Сирил наговорил много кое-чего нехорошего, но теперь он успокоился и даже согласился нести Ягненка по дороге к лесу. Своих сестер и брата Сирил убедил одобрить его план и не высказывать никаких желаний, пока им не придет в голову что-нибудь действительно стоящее. Дети пошли в лес за орехами, и там все впятером расположились на мягкой траве под каштаном. Ягненок своими толстыми ручонками дергал траву, а Сирил печально рассматривал свои часы.

— А все-таки он растет день ото дня,— сказала Антея.— Ты ведь растешь, детка?

— Да! — весело ответил Ягненок.— Буду большой! Будет ружье... и мыски и... и...

Тут то ли воображение, то ли запас слов у Ягненка истощились, но все же это была самая длинная из речей, которые он до сих пор произнес. Она привела в восхищение всех, даже Сирила. Он повалил Ягненка и стал катать его по траве, а тот визжал от удовольствия.

— Да! Когда-нибудь и он станет большим,— мечтательно говорила Антея, глядя на голубое небо, видневшееся сквозь листву каштана. Но в это время Ягненок, весело барахтавшийся на траве, толкнул ножкой брата в грудь. Послышался легкий треск: просто-

душный Ягненок раздавил стекло старых отцовских часов, которые Сирил без позволения взял с собою на прогулку.

— Да, жди вот, когда он станет большим,— грустно проворчал Сирил.— Вырастет он, когда это уже никому не нужно будет. Как бы я хотел...

— Ой! Только не вслух!— вскричала Антея, предвидя что-то ужасное. Но было слишком поздно — одновременно с возгласом Антеи Сирил сказал:

— ...чтобы он вырос прямо сейчас.

Чудище было верно своему обещанию. И вот на глазах у своих перепуганных братьев и сестер Ягненок начал расти. Страшная это была минута! Перемена с Ягненком происходила не так быстро, как во всех остальных псаммиадовых чудесах: сначала у ребенка изменилось лицо — оно стало больше и уже, на лбу появились складки, глаза углубились и потемнели, губы стали длиннее и тоньше. Но что было всего ужаснее — это маленькие темные усики, появившиеся над верхней губой. Представьте себе лицо взрослого человека в беленьком платьице и коротких чулочках!

— Ой, не надо, не надо! Мальчики, пожелайте, чтобы этого не произошло!

И все единодушно пожелали, чтобы этого не произошло, потому что зрелище и в самом деле было невыносимым. Дети так сильно желали, что у них закружились головы и на миг все потеряли сознание. Но все их усилия пропали даром, потому что когда лес перестал крутиться вокруг них, перед глазами детей

оказался очень приличный молодой человек в соломенной шляпе и легком фланелевом костюме. На лице этого молодого человека были те самые темные усики, что минутой раньше появились на лице Ягненка. Итак, это был их брат, их Ягненок, только совсем взрослый. Вот он сделал шаг по траве, прислонился спиной к каштану и надвинул на глаза свою соломенную шляпу. По-видимому, он был утомлен и как будто хотел вздремнуть. Ягненок, то есть прежний надоедливый и милый Ягненок, очень часто засыпал совсем неожиданно и в самых странных положениях. Что же, этот новый Ягненок во фланелевом костюме и бледно-зеленом галстуке — неужели он сохранил все свои прежние привычки? Или же его разум вырос вместе с телом?

Этот вопрос горячо и серьезно обсуждался в нескольких шагах от спящего молодого человека.

— Нет, мне все-таки страшно,— говорила Антея.— Если он стал совсем большой, то он не захочет, чтобы мы смотрели за ним, а если он внутри остался ребенком, то как же мы с ним управимся? А ведь скоро пора обедать.

— И орехов мы не набрали,— печально сказала Джейн.

— Да ну тебя с твоими орехами! — ответил Роберт.— Обедать — это другое дело. Нельзя ли пока привязать его к дереву? Мы пойдем, пообедаем наскоро и вернемся назад.

— Да, хороший же обед мы получим от Марты, если вернемся без Ягненка! — сказал Сирил.— Впрочем, то же самое будет, если мы

приведем его таким, каков он есть сейчас. Я знаю, что во всем виноват я и незачем мне об этом лишний раз напоминать. Я отлично понимаю, что такому скверному человеку, как я, лучше и на свете-то не жить. Но сейчас дело не в том — надо придумать, как нам быть с Ягненком.

— Давайте разбудим его, поведем в Рочестер и там купим чего-нибудь в кондитерской, — предложил Роберт.

— Поведем! — повторил Сирил. — Попробуй, поведи! Все это, конечно, моя вина, я и не оправдываюсь, но только говорю вам, что если вы вздумаете повести этого молодого человека куда-нибудь за собою, то у вас ровным счетом ничего не выйдет. Ягненок всегда был избалованным и капризным, а теперь, когда он вдруг вырос, он уж, наверное, стал сущим дьяволом. Вот увидите сами! Посмотрите-ка на его ухмылку!

— В таком случае, — сказал Роберт, — все равно нужно разбудить его и посмотреть, что он станет делать. Быть может, он сам поведет нас в кондитерскую — ведь обедать-то все-таки надо.

Они бросили жребий, кому будить Ягненка. Эта задача выпала на долю Джейн. Сломав ветку жимолости, она тихонько пощекотала Ягненку нос.

— Проклятые мухи! — пробормотал он спросонья и открыл глаза.

— А, ребята, вы еще здесь? — сказал он лениво. — Который же теперь час? Вам, наверное, давно уже пора обедать.

— Да, пора,— отвечал Роберт угрюмо.

— Так марш скорей домой,— скомандовал взрослый Ягненок.

— А как же ты? — спросила Джейн.

— Я? Насчет меня не беспокойтесь. Как вы думаете, отсюда до станции далеко? Я, пожалуй, поеду в город и позавтракаю в клубе.

Невыразимый страх напал на четверых детей: Ягненок один, без всякого надзора, поедет в город и будет завтракать в клубе! Да, пожалуй, останется еще там до вечера! А потом среди блеска и роскоши клубных зал его вдруг захватит закат солнца; и вот полусонное капризное, беспомощное дитя будет сидеть в огромном клубном кресле, окруженное растерявшимися лакеями, и жалобно звать: «Панти!» Эта воображаемая картина растрогала Антею чуть ли не до слез.

— О, нет, Ягненок, милый, не надо этого делать,— сказала она неосторожно.

Взрослый Ягненок нахмурился.

— Слушай, моя милая Антея! — отвечал он. — Сколько уже раз я повторял, что меня можно звать Джеймсом, или Ричардом, или Хилари — любым из моих крестных имен, которое больше нравится моим маленьким братьям и сестрам. Но этого «Ягненка» — этот глупый пережиток далекого детства — давно уже пора оставить.

Это же ужас, что такое! Теперь он стал их старшим братом! Да и как же иначе? Он-то вырос, а они — нет. Такой разговор происходил шепотом между Антеей и Робертом. Но, благодаря необыкновенным приключениям, которые за последнее время случались чуть

ли не ежедневно, дети стали намного умнее своих лет.

— Ричард, милый, послушай! — сказала Антея (на остальных детей это обращение произвело крайне тяжелое впечатление). — Ты ведь знаешь, что папа не любит, когда ты едешь в город: он не хочет, чтобы мы оставались одни, без присмотра. («Ох, какая же я лгунья!» — прибавил она про себя).

— Знаешь, что? — сказал Сирил. — Отчего бы тебе как старшему брату не взять нас с собою в Рочестер? Ты покатай нас в лодке...

— Премного благодарен, — ответил Ягненок. — Только я предпочел бы обойтись без вашего общества. Идите-ка вы домой обедать! Быть может, я еще взгляну на вас вечером, а скорее всего, возвращусь поздно, когда вы уже будете спать.

«Когда они будут спать!» Четверо детей выразительно переглянулись между собой. Как это будут они спать, если вернутся домой без Ягненка!

— Мы обещали маме не спускать с тебя глаз, когда будем брать тебя с собой, — вдруг сказала Джейн, прежде чем кто-либо успел ее остановить.

— Слушай, Джейн, — ответил Ягненок, кладя руки в карманы. — На маленьких девочек смотрят, но на их болтовню никто не обращает внимания. Вообще, ребята, пора уже вам поумнеть и не быть такими надоедливými. Бегите же домой, и если вы будете вести себя хорошо, то завтра я дам каждому из вас по одному пенни.

— Ты, собственно говоря, куда хочешь ехать? — спросил его Сирил вполне серьезным тоном, обращаясь к нему «как мужчина к мужчине». — Если ты не хочешь возиться с девчонками, так меня-то с Робертом мог бы взять с собою.

Это было большим самопожертвованием со стороны Сирила: появляться с Ягненком среди чужих людей он совсем не любил, а ведь после заката солнца тот, конечно, опять обратится в малое дитя, и с ним надо будет нянчиться.

Избранный Сирилом тон имел некоторый успех.

— Я хочу проехаться на велосипеде в Медстон, — беззаботно отвечал Ягненок, пощипывая свои усики. — Там позавтракаю в ресторане, а потом, быть может, покатаюсь на лодке. Но как же я вас возьму на велосипед? Идите лучше домой, как и полагается хорошим детям.

Дело становилось безнадежным. Роберт и Сирил обменялись отчаянными взглядами, а Антея отшпилила булавку от своего платья, после чего между ее кофточкой и юбкой появилось зияющее пространство. С гримасой самого глубокого и мрачного отчаяния она потихоньку передала булавку Роберту, и тот незаметно ускользнул на дорогу.

Так и есть — у кустов возле дороги стоял новенький велосипед с запасным колесом.

Конечно, Роберт сразу понял, что раз Ягненок стал взрослым, то у него должен быть и велосипед. Роберт и сам-то мечтал поскорее

стать взрослым главным образом из-за велосипеда.

Булавка тотчас же была пущена в дело. Одиннадцать проколов в задней шине и семь в передней появились в один миг. Роберт сделал бы и все двадцать два, чтобы в обеих было поровну, да ему помешал шелест кустов, предупредивший его о приходе остальных детей. Он поспешно нажал руками на обе шины и был вознагражден за свои труды, услышав, как зашипел последний оставшийся в них воздух, выходящий сквозь все восемнадцать дыр.

— Твой велосипед испорчен,— сказал Роберт, сам удивляясь, как это он так быстро научился лгать.

— И правда! — поддержал его Сирил.

— Это прокол,— сказала Антея, склонившись над велосипедом и поднимая с земли колючую ветку терновника, которою она заранее запаслась, проходя по кустам.— Вот, посмотри.

Взрослый Ягненок (или Ричард, как, мне кажется, мы должны его теперь называть) пристроил к колесу насос и стал надувать шину. Увы, вскоре у него не осталось никаких сомнений в том, что она проколота.

— Наверное, тут поблизости есть какое-нибудь жилье, где можно достать ведро с водой? — спросил Ричард.

Неподалеку от дороги и впрямь было жилье, и когда выяснилось число проколов, то хозяин дома сразу же предложил «чай для велосипедистов», чему дети очень обрадова-

лись. Вся компания напилась чаю и поела чего-то вроде бутербродов с ветчиной. Платить пришлось из тех пятнадцати шиллингов, что Роберт заработал в качестве великана — у мистера Ричарда никаких денег не оказалось.

Остальные были этим немножко удивлены и огорчены — но что же делать, если пустые карманы бывают и у взрослых.

Дети были сыты, и это уже было хорошо! Спокойно, но настойчиво несчастная четверка убеждала Ягненка (или Ричарда) провести остаток дня в лесу. Пока он успел починить все восемнадцать проколов, наступил вечер. Закончив работу, Ричард вздохнул с облегчением и принялся устало потягиваться. Но вдруг он ни с того ни с сего приободрился и поправил галстук.

— Там, на дороге, едет какая-то леди, — сказал он торопливо. — Убирайтесь вы, ради Бога! Идите домой, спрячьтесь, исчезните куда-нибудь! Я вовсе не хочу, чтобы меня видели с ватагой грязных ребятишек.

Его братья и сестры и вправду были не очень-то чистенькими: сегодня утром сам же мистер Ричард усердно брызгал на них водой из садовой лейки, а потом еще пачкал их своими ножонками. Но голос взрослого Ягненка звучал столь повелительно, что дети безропотно убрались во двор, оставив его беседовать наедине с молодой девушкой, которая в это время как раз подъехала на велосипеде.

Хозяйка вышла из дома и заговорила с девушкой. Когда последняя проходила мимо, Ягненок вежливо приподнял шляпу. Дети, прячась за углом у свиного корыта, не могли расслышать, о чем шел разговор, хотя и прислушивались очень старательно. Они все были вполне согласны с Робертом, что «в подслушивании нет ничего нечестного, когда прихо-

дится возиться с противным Ягненком в его теперешнем состоянии».

Но вот до них донесся голос Ягненка, говорившего очень любезно и как-то особенно растягивавшего слова:

— Прокол? Не могу ли я быть чем-нибудь полезен? Если вы только разрешите...

У свиного корыта раздался взрыв подавленного смеха. Взрослый Ягненок, он же Джеймс, он же Ричард, искоса бросил сердитый взгляд по направлению к корыту.

— Вы очень любезны,— ответила девушка, глядя на Ягненка. Она казалась немножко смущенной, но, как мальчики потом говорили, «была совсем не кривляка».

— Уж, кажется, довольно с него починки велосипедов на нынешний день,— шептал Сирил у корыта.— Если б она только знала, что на самом деле он всего лишь малюсенький и глупенький ребенок!

— И совсем не глупенький,— сердито проворчала Антея.— Он очень милый, если только его оставить в покое. Во что бы там разные глупые идиоты его ни обратили, а он все-таки наш миленький хорошенький Ягненок. Не правда ли, Киска?

Джейн согласилась, хотя и не вполне уверенно.

В это время Ягненок — я все забываю называть его Ричардом — осматривал велосипед девушки и разговаривал с нею совсем как большой. Послушав его сейчас, никто бы и не подумал, что не далее как сегодня утром он был всего-навсего толстенным двухлетним

мальчишкой, копающим землю крышкою от чужих часов. Починив велосипед, Ричард вынул из кармана золотые часы, и выглядывавшая из-за угла публика хором сказала: «О!» Всем показалось ужасной несправедливостью, что у мальчишки, разломавшего утром двое дешевых, но вполне надежных старых часов, теперь вдруг объявились свои собственные, да еще и золотые, с цепочкой и брелоками.

Ричард одним взглядом заставил притихнуть своих братьев и сестер, а затем обратился к девушке, с которой они теперь были уже совсем друзьями:

— Если позволите, я проеду с вами по большой дороге: становится уже поздно, и там вам могут встретиться какие-нибудь темные личности.

Никто и никогда не узнает, что ответила бы девушка на это любезное предложение, потому что, услышав его, Антея вихрем бросилась вперед, опрокинула свиное корыто, разлила помои и схватила Ягненка (Джеймса-Ричарда) за обе руки. Остальные последовали за ней, и в одно мгновение перед удивленной девушкой предстали во всей красе четверо грязных ребят.

— Не позволяйте ему провожать вас,— взволнованно и серьезно говорила Антея.— Ему нельзя никуда и ни с кем ехать.

— Уйди прочь, девчонка! — крикнул Ричард сердито.— Убирайся домой сейчас же!

— Вам лучше не иметь с ним никакого дела,— продолжала неукротимая Антея.— Он и сам не знает, что он такое. Он совсем не то, что вы о нем думаете.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила девушка, в то время как Ричард безуспешно старался оттолкнуть от себя Антею.

Остальные помогали ей изо всех сил, и она держалась твердо, как скала.

— Попробуйте только взять его с собою, и вы очень скоро поймете, что я хочу сказать,— отвечала Антея.— Как вам понравится, если вдруг рядом с вами окажется беспомощный двухлетний ребенок, сидящий на велосипеде?

Девушка побледнела.

— Кто эти странные дети? — спросила она у Ричарда.

— Не знаю,— ответил он, покраснев.

— Ягненок! Как ты можешь так говорить?! — закричала Джейн.— Ты же отлично знаешь, кто мы такие.

— Видите ли,— объясняла Джейн девушке, которая теперь дрожащими руками поворачивала велосипед к воротам.— Мы его старшие братья и сестры, и наша мама поручила нам за ним смотреть. Мы должны до захода солнца увести его домой, а то уж я даже и не знаю, что с нами будет. Он, как бы вам это сказать... Ну, околдован, если вы понимаете, о чем я говорю.

Ягненок (то есть Ричард) несколько раз пытался прервать поток красноречия Джейн. Но Сирил и Роберт крепко цеплялись ему за ноги, а в таком положении где уж тут было что-либо объяснять!

Вскочив на велосипед, девушка поспешно поехала прочь и, вернувшись домой, взволновала всех своих родственников, рассказав им, как она чудом спасалась от нападения целой семьи сумасшедших. «У младшей девочки глаза были совсем безумные,— говорила она.— Не понимаю, как это им позволяют гулять на свободе!»

Когда велосипед скрылся за поворотом, Сирил очень серьезно произнес:

— Ричард, старина, должно быть, у тебя был сегодня солнечный удар или что-нибудь в этом роде. Ну, что за вздор ты наплел этой леди? Ведь если я тебе потом — ну, хоть завтра утром — все это повторяю, так ты и сам ничего не поймешь. Положись на меня, дру-

жище, и пойдем с нами домой. А если утром тебе не станет лучше, то скажем молочнику, чтобы он пригласил к нам доктора.

Бедный Ягненок, по-видимому, был слишком поражен всем случившимся и потому ничего не возразил.

— Если вы все помешались,— отвечал он растерянно,— то, конечно, прежде всего я должен отвести вас домой. Только не думайте, что я обо всем этом забуду. Завтра утром мы с вами еще поговорим!

— Да, да, Ягненок! — обрадовалась Антея.— Завтра утром мы поговорим, только совсем не о том, о чем ты сейчас думаешь.

Ей уже чудился нежный и ласковый голосок маленького Ягненка, бормочущий: «Моя Панти! Хочу к Панти на ручки!» Как этот милый лепет был не похож на грубый и какой-то неестественный голос большого Ричарда!

— Пойдемте же скорей домой, ради Бога! — продолжала Антея.— Завтра утром ты нам скажешь все, что захочешь.— Если только сможешь,— прибавила она шепотом.

Невесело шли дети домой. Пока Антея увещевала Ягненка, Роберт снова пустил в ход булавку и успел проколоть шины еще в нескольких местах.

Ричард подумал, наверное, что завтра опять чуть ли не целый день ему придется возиться с починкой велосипеда.

Когда дети подошли к Белому домику, солнце только начинало прятаться за горизонт. Четверо старших явно желали задержаться на лугу до тех пор, пока закат не

обратит взрослого Ягненка в прежнего маленького мальчишку. Но Ягненок (он же Джеймс-Ричард) с самоуверенностью взрослого человека настаивал на том, чтобы все четверо шли прямо домой, и в результате наткнулся-таки в палисаднике на Марту.

Вы помните, конечно, что по особой милости Псаммиада, прислуга никогда не должна была замечать всех чудес и перемен, происходящих с детьми. Поэтому Марта увидала только давно знакомую ей компанию: четверых старших детей и с ними Ягненка, ковылявшего на своих толстых ножках рядом с Антеей. Марта тотчас же подбежала к нему и взяла его на руки, приговаривая:

— Пойди к своей Марте, красавчик мой, утенок мой маленький!

Взрослый Ягненок принялся неистово барахтаться в объятиях Марты. Крайнее удивление и досада отразились на его лице. Но справиться с Мартой было не так-то просто. Нежно прижимая к себе Ягненка и называя его разными ласковыми именами, она потащила его домой. Никогда дети не забудут этой картины: молодой человек в изящном фланелевом костюме, с бледно-зеленым галстуком и с темными усиками беспомощно барахтается в сильных руках Марты, уговаривавшей его быть умным мальчиком, которому она сейчас даст манной каши!

По счастью, солнце закатилось как раз в то время, когда Марта была уже на пороге, а потому в дом она внесла не взрослого мужчину, а настоящего полусонного двухлетнего

Ягненка. Взрослый Ягненок исчез навеки (вместе с ним, к сожалению, исчез и велосипед).

— Конечно, навеки,— сказал Сирил.— Потому что когда наш настоящий Ягненок немножко подрастет, мы станем его хорошенько муштровать для его же собственной пользы.

Пусть он вырастет не таким противным, как тот, сегодняшний.

— Если только это будет в моей власти, то никогда и никто не посмеет его муштровать,— твердо возразила Антея.

— Его нужно воспитывать ласкою,— сказала Джейн.

— Видите ли,— вмешался Роберт,— если он станет расти постепенно, как растут все дети, то у него еще будет много-много времени, чтобы сделаться хорошим. Сегодня он потому был такой противный, что вырос вдруг, сразу. И поумнеть ему было некогда. Но мы его исправим...

— И совсем ему на надо исправляться,— отвечала Антея, прислушиваясь к тому, как в соседней комнате Ягненок бормотал те самые слова, что чудились ей сегодня вечером: «Моя Панти... хочу к Панти на ручки!»

Глава десятая

ИНДЕЙЦЫ

Вероятно, день оказался бы более удачным, если б Сирил не прочел «Последнего из моги-кан». Эта повесть сильно занимала его во время завтрака, и, налив себе третью чашку чаю, он мечтательно произнес:

— Вот было бы хорошо, если бы у нас в Англии жили краснокожие — не большие, конечно, а маленькие... Ну, такие, чтобы нам можно было с ними сражаться.

Остальные отнеслись к этим словам вполне равнодушно, и никто в ту минуту не придавал им никакого значения. Спустя часа полтора дети пришли к Чудищу попросить, чтобы он дал им сто фунтов стерлингов серебром и чтобы все монеты были с головой королевы Виктории — это желание сообщать было признано вполне разумным и полезным. И тут, совершенно неожиданно для себя дети открыли, что они опять попали в очередную неприятную историю.

Чудище очень хотело спать и было сердито, а потому отвечало им так:

— Не надоедайте мне, ведь я уже и так исполнил ваше желание.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — ответил Сирил.

— А вчерашний день помнишь? — спросило Чудище совсем уже сердито. — Сам же просил исполнять ваши желания, где бы вы их ни заказали. Сегодня утром я уже слышал одно желание и, конечно же, оно исполнено.

— Неужели? — воскликнул Роберт. — Какое же?

— Что, уже забыли? — ответило Чудище, начиная зарываться в песок. — Ничего, скоро узнаете. От души желаю вам повеселиться. Нечего сказать, умную штуку вы опять придумали!

— Вот, всегда у нас так выходит, — сказала Джейн печально.

Как это ни странно, но никто из детей не мог догадаться, на что намекало Чудище. Разговор о краснокожих как-то совсем выскочил у всех из памяти.

Тревожное это было утро: каждый старался припомнить, что за желание было заказано сегодня, но никто не мог ничего припомнить, а потому все ожидали, что вот-вот свершится нечто ужасное. Дети очень тревожились: из разговора с Чудищем они поняли, что желание их было на редкость неудачное — пожалуй, похуже всех прежних.

Почти перед самым обедом Джейн споткнулась о «Последнего из могикан», который валялся на полу в гостиной. Поддержав Джейн и подняв книгу, Антея вдруг сказала: «Я знаю!» и от страха села на пол.

— Ах, Киска, милая! Какой ужас! Ведь мы, то есть Сирил, пожелал краснокожих — утром, за завтраком, помнишь? Он сказал: «Хорошо, если бы в Англии жили краснокожие». Ну вот, они уже, конечно, здесь и, наверное, всю снимают с людей скальпы!

— А, может быть, они где-нибудь очень далеко за Лондоном, — отвечала успокоительно Джейн. Ей не верилось, что люди, живущие так далеко, могут чувствовать какую-нибудь боль, если их будут скальпировать.

— Да нет же! И не думай! — горячо возразила Антея. — Чудище сказало же, что мы опять придумали глупость, и посмеялось над нами, пожелав нам хорошо повеселиться. Значит, они здесь, близко. И представь себе, вдруг они снимут скальп с Ягненка!

— А, быть может, после заката все опять пройдет и наши волосы окажутся на месте, — ответила Джейн, но уже не так уверенно.

— Нет, не может этого быть. После заката исчезает только то, что мы пожелали, а что из

наших желаний выходит, то не исчезает. Ведь пятнадцать-то шиллингов у нас остались. Киска, знаешь, я должна что-нибудь разбить, а ты, пожалуйста, отдай мне все свои деньги. Индейцы, конечно, придут к нам — ведь это злобное Чудище всегда как скажет, так и сделает... Понимаешь, что я придумала? Ну же, идем скорее!

Джейн ничего не понимала, но послушно пошла за сестрой в мамину спальню.

Антея схватила тяжелый умывальный кувшин. На нем были нарисованы аисты и высокий тростник — этот рисунок навсегда остался в памяти Антеи. Притащив кувшин к ванне, она вылила из него всю до капельки воду, а затем отнесла назад в спальню и стукнула об пол. Вы, конечно, знаете, как легко бьется всякая посуда, если ее уронишь нечаянно, но если вы хотите разбить ее нарочно, то выходит совсем по-иному.

Антея трижды ударила кувшином об пол, а он так и не разбился. Пришлось пустить в ход молоток. Варварское это было дело, но его надо было выполнить и притом очень хладнокровно.

Затем Антея взяла кочергу от камина и взломала ею копилку миссионерского общества. Конечно, Джейн говорила ей, что этого делать нельзя, но Антея только крепко сжала губы и приговаривала:

— Не говори пустяков. Дело идет о жизни и смерти.

В миссионерской кружке оказалось немного денег: всего семь шиллингов и четыре пенса. Девочки прибавили сюда все свои капиталы, но и в целом набралось не больше одиннадцати шиллингов.

Антея забрала все деньги и завязала их в угол носового платка.

— Идем, Джейн,— сказала она, и девочки побежали на ближайший хутор. Антея знала, что хозяин его после обеда собирался ехать в Рочестер. На самом деле даже существовал уговор, что все четверо детей поедут с ним в город, но этот уговор был заключен в те несчастные часы, когда дети надеялись получить от Псаммиада сто фунтов в серебряной монете. Тогда они собирались заплатить за поездку в город по два шиллинга с каждого. Теперь же Антея должна была наскоро рассказать владельцу хутора, что им самим ехать нельзя, и попросить взять вместо них Марту и Ягненка.

Крестьянин согласился, хотя и не совсем охотно принял четыре шиллинга вместо восьми.

Девочки побежали домой. Антея была очень взволнована, но не теряла присутствия духа. Когда впоследствии она вспоминала об этом тяжелом времени, то ей всегда казалось, что в таком затруднительном положении она проявила предусмотрительность и быстроту действий настоящего генерала. Из дальнего уголка своего комода она вытащила хорошенькую шкатулочку и пошла к Марте, которая накрывала на стол и пребывала не в очень добром расположении духа.

— Знаете,— сказала Антея,— я разбила мамин кувшин.

— Чего ж от вас еще-то дождешься? Вечно какие-нибудь шалости,— ответила Марта, с грохотом расставляя тарелки.

— Марта, милая, не сердитесь,— сказала Антея.— У меня есть деньги заплатить за

новый кувшин, если только вы будете так добры, чтобы съездить за ним в город. Ведь там ваши родственники держат посудную лавку, не так ли? И пожалуйста, купите кувшин сегодня, так как завтра, быть может, вернется мама. Знаете, она писала, что, пожалуйста, скоро приедет.

— Да ведь вы сами хотели ехать сегодня в город? — ответила Марта.

— Нельзя нам: если купить новый кувшин, так у нас денег на поездку не останется. Но мы заплатим и за ваш проезд, и за Ягненка. И, кроме того, Марта, если вы поедете, я подарю вам свою шкатулочку. Посмотрите, какая она хорошенькая — вся украшена серебром, черным деревом и слоновой костью, точно храм Соломона.

— Вижу, — отвечала Марта. — Только шкатулочки вашей, мисс, мне совсем не надо. Я ведь знаю, чего вы хотите: вам надо сплавить со своих рук Ягненочка на сегодняшний день. Ох, милые мои, я вас всех насквозь вижу!

Это было так справедливо, что Антее тотчас же захотелось возразить. И в самом деле, разве Марта имела право знать так много? Но Антея сдержала себя.

Марта хлопнула о стол корзинку с хлебом, так что ломтики в ней подскочили вверх.

— Я хочу, чтобы кувшин был куплен непременно сегодня, — продолжала Антея сдержанно. — Не правда ли, Марта, вы съездите за ним в город?

— Ну ладно! На этот раз уж так и быть! — отвечала Марта. — Только нельзя ли обойтись без всяких ваших шалостей, пока меня не будет дома?

— Извозчик скоро поедет,— сказала Антея с нетерпением.— Вы уж поторопитесь и оденьтесь поскорее. Наденьте свое красивое алое платье, шляпку с розовыми цветами и желтую кружевную накидку. Джейн накроет на стол, а я умою и одену Ягненка.

Умывая и торопливо одевая братишку, Антея то и дело посматривала в окно. До сих пор, по счастью, краснокожие не показывались.

Когда после долгой возни и суматохи Марта, с лицом таким же красным, как и ее платье, взяла, наконец, Ягненка и ушла с ним из дома, Антея вздохнула с облегчением.

— Теперь он спасен!— сказала она и к ужасу Джейн вдруг легла на пол и разрыдалась. Джейн не могла понять, как это можно быть храбрым, как настоящий генерал, а потом вдруг растянуться на полу и лежать, словно летучий гуттаперчевый шарик, проткнутый булавкою. На пол-то, конечно, лучше было бы не ложиться, но вы все же, вероятно, заметили, что Антея перестала владеть собою только тогда, когда ее цель была уже достигнута. Она удалила своего милого Ягненка от опасности: индейцы, несомненно, появятся возле Белого домика, а крестьянин вернется из города только после захода солнца. Значит, теперь можно было немножко и поплакать. Еще она плакала от радости, потому что ей удалось достигнуть своей цели.

По крайней мере минуты три Антея не могла справиться со своими чувствами. Опечаленная Джейн старалась утешить ее и через каждые пять секунд повторяла: «Пантерочка, милая, не плачь!»

Наконец, Антея вскочила, вытерла глаза передником так старательно, что они на весь день остались красными, и побежала обо всем рассказать мальчикам. Но как раз в это время кухарка позвонила к обеду, и потому серьезный разговор пришлось отложить до тех пор, пока не было подано жаркое. Когда кухарка вышла из комнаты, Антея рассказала обо всем, что случилось.

При этом она сделала ошибку: нельзя говорить о важных делах, когда слушатели едят ростбиф с картофелем,— в этом блюде есть какое-то особое свойство, от которого мысль о краснокожих индейцах кажется неинтересной и маловероятной. В самом деле, мальчики даже развеселились и назвали Антею глупенькой девчонкой.

— Ну, вот еще! — сказал Сирил. — Я хорошо помню, что раньше, чем я заговорил об индейцах, Джейн уже успела пожелать хорошей погоды.

— Неправда! — коротко ответила Джейн.

— А если бы то были индейцы... — продолжал Сирил. — Передай мне, пожалуйста, соль и горчицу. Если бы то были индейцы, так они уже давно кишели бы кругом, словно муравьи. Нет, я уверен, что на сегодня мы не пожелали ничего, кроме хорошей погоды.

— Тогда почему же Чудище с нами так странно разговаривало? — отвечала Антея. Она была очень сердита: ведь она так старалась спасти Ягненка от страшной опасности, а ее за все хлопоты вдруг называют глупенькой девчонкой. Приятно ли это слышать, когда на совести лежит не только разбитый кувшин,

но еще и тяжкое преступление: взлом миссионерской кружки и похищение семи шиллингов медными деньгами!

Наступило молчание, во время которого кухарка убрала ростбиф и грязные тарелки и принесла пудинг с вареньем. Как только она ушла, Сирил опять начал:

— Конечно, ты недурно сделала, отослав до самого вечера и Марту, и Ягненка. Но что до индейцев, то ты ведь знаешь, что обыкновенно все желания исполняются в ту же самую минуту. Если бы индейцы появились, так уж мы их давно бы увидели.

— Я уверена, что мы их очень скоро увидим,— отвечала Антея.— Что ты ни говори, а они наверняка уже устраивают засады где-нибудь в кустах. И еще я вижу, что ты очень злой мальчишка.

— А индейцы всегда устраивают засады? — спросила Джейн, стараясь как-нибудь водворить мир.

— Нет, не всегда,— сухо ответил Сирил.— И я вовсе не злой, а только говорю правду. А вот разбивать мамин кувшин — это было уж совсем глупо. И с миссионерской кружкой... Я уверен, что это называется государственным преступлением и нисколько не буду удивлен, когда тебя за него повесят, если кто-нибудь из нас проболтается.

— Да перестань же ты наконец! — сказал Роберт. Но Сирил не мог перестать. Просто в глубине души он чувствовал, что если появятся индейцы, то это будет целиком его вина, а потому ни за что не хотел поверить, что они и впрямь могут появиться.

— Это просто идиотство,— начал он опять,— говорить о каких-то краснокожих, когда всем ясно, что исполнилось желание Джейн. Посмотрите, какая чудесная погода... Ой!

Он повернулся к окну, чтобы указать всем, какая чудесная стояла погода. Остальные повернулись в ту же сторону. И вдруг все красноречие Сирила в один миг улетучилось: в самом углу окна, между листьями вьющегося дикого винограда, виднелось лицо — темное лицо с длинным носом, тонкими губами и блестящими, как угольки, глазами. Лицо было разрисовано и раскрашено, его обрамляли длинные черные волосы, и в этих волосах торчали перья.

Все дети пооткрывали рты, да в таком положении и замерли. Пудинг стыл на тарелках, но от страха и удивления никто не мог и пальцем пошевелинуть.

Украшенная перьями голова потихоньку отодвинулась в сторону и скрылась.

Дети кое-как пришли в себя. К сожалению, я должна сказать, что первые слова Антеи были:

— Ну, что я вам говорила!

Пудинг с вареньем окончательно утратил все свои привлекательные свойства. Однако, наученные опытом последних дней, дети были предусмотрительны и на всякий случай завернули свои порции в старую газету и спрятали их в печку, а затем побежали наверх осмотреть окрестности и устроить спешное совещание.

— Мир! — сказал Сирил, когда дети забрались в спальню матери. — Ты не сердись на меня, Пантера, что я был таким невежей.

— Ладно! — отвечала Антея. — Теперь ты сам убедился.

Однако из окон верхнего этажа не было видно ни одного индейца.

— Что же нам теперь делать? — сказал Роберт.

— Я только одно могу предложить, — отвечала Антея (теперь уже все признали ее героиней дня). — Это нам самим одеться индейцами и выглядывать из окон или даже выйти из дома. Они могут подумать, что мы могущественные вожди соседнего племени, и тогда не посмеют ничего нам сделать, потому что будут бояться ужасной мести.

— А как же нам быть с кухаркой? — спросила Джейн.

— Ты забыла, что она ничего не сможет заметить, — ответил Роберт. — Она не почувствует ничего необыкновенного, даже если с нее снимут скальп или изжарят на медленном огне.

— А после заката у нее все заживет?

— Конечно, — сказал Сирил. — Нельзя же остаться скальпированным или сожженным и не заметить этого. Если сразу и не обратишь внимания, то на другой день почувствуешь. А Псаммиад обещал, что прислуга никогда не узнает о его чудесах. Значит, после заката кухарка опять будет цела и невредима. Я думаю, что Антея права, только нам понадобится ужасно много перьев, а где их взять?

— Я сбегая в курятник, — вызвался Роберт. — Там одна индюшка прихворнула, так я обстригу у нее перья — все равно они ей не нужны. Дайте-ка мне ножницы.

Предварительный осмотр местности убедил детей, что на птичьем дворе нет ни одного индейца. Роберт убежал и через пять минут вернулся — бледный, но с целым ворохом перьев.

— Знаете что? — сказал он. — Дело-то скверное. Я обстриг перья и уже повернулся, чтобы идти назад, и вдруг смотрю: из-под старой куриной клетки на меня искоса поглядывает индеец. Я замахал перьями, заорал и убежал, прежде чем он успел выбраться из-под клетки. Пантера, тащи с наших кроватей одеяла!

Удивительно, до чего можно сделаться похожими на индейцев, если только у вас есть пестрые одеяла, шарфы и перья. Разумеется, ни у кого из детей не оказалось черных длинных волос, но зато нашлось много черного коленкора — в него завертывали книжки, когда ходили в школу. Этот коленкор был изрезан на тонкие полоски и привязан к головам желтыми ленточками, взятыми от праздничных платьев девочек. В ленточки были натыканы индюшачьи перья, а полоски коленкора, особенно когда они немножко поизмялись и стали закручиваться, оказались очень похожими на длинные черные волосы.

— Только лица у нас не того цвета, какого нужно, — сказала Антея. — Все мы бледны, а у Сирила — уж не знаю почему — лицо похоже цветом на замазку.

— А вот и нет! — с негодованием ответил Сирил.

— У тех индейцев, что здесь появились, лица скорее коричневые, чем красные, — поспешно сказал Роберт. — Я думаю, что нам

хорошо было бы сделаться совсем красными — если всех индейцев зовут краснокожими, так, значит, чем они краснее, тем выше их род.

На кухне была добыта красная охра, которою кухарка красила кирпичный пол и плитку по субботам; чего-нибудь еще более красного в доме не оказалось. Дети развели охру в молоке, как обыкновенно делала кухарка, вымазали друг другу лица и руки и стали такими красными, как полагается быть всякому истинно краснокожему индейцу, — если, конечно, не более.

Встретив во дворе кухарку, которая при их виде даже завизжала, дети сразу поняли, что вид у них теперь был грозный. Испуг кухарки доставил им искреннее удовольствие. Сказав ей, что бояться нечего, так как они только играют, закутанные в одеяла и утыканные перьями, как самые настоящие краснокожие, они смело вышли навстречу врагам. Я сказала «смело» потому, что мне хочется быть любезной. Но, во всяком случае, они вышли.

Вдоль забора, отделявшего сад от кустарника, был виден целый ряд темных голов, украшенных длинными перьями.

— Храбрость — наше единственное спасение, — шептала Антея. — Лучше идти прямо навстречу к ним, чем ждать жестокого нападения. Теперь нам надо притвориться свирепыми. Ну, прыгайте!

Изображая воинскую пляску дикарей — насколько маленькие англичане могли изобразить ее без предварительной подготовки, — дети выскочили за ворота и встали в воинственных позах перед целой шеренгой краснокожих.

Все краснокожие были ростом с Сирила.

— Хоть бы они говорили по-английски! — шепнул Сирил, сохраняя свою грозную позу.

Антея был уверена, что эти краснокожие по-английски говорят, но откуда у нее взялась такая уверенность, этого она и сама не знала. В руках Антея держала флаг — белое полотнище, привязанное на тросточку. Она принялась махать своим парламентарским флагом в надежде, что краснокожие поймут этот сигнал. И, действительно, те поняли. Один индеец, лицом несколько потемнее других, вышел вперед и сказал на чистейшем английском языке:

— Вы хотите вступить в переговоры? Я — Золотой Орел из могучего племени Обитателей Скал.

— А я, — отвечала Антея, почувствовав внезапное вдохновение, — Черная Пантера, вождь племени... мм... племени Белого дома. Мои братья, то есть, нет!.. Ну, да! Я хочу сказать, мое племя сидит в засаде за гребнем того холма.

— А кто эти могучие воины? — спросил Золотой Орел, поворачиваясь к остальным.

Сирил сказал, что он Красный Волк, великий вождь племени Лесных Жителей, и, заметив, что Джейн запустила большой палец в рот и, по-видимому, никак не может придумать себе имени, добавил:

— А этот великий воин — Дикая Кошка из племени Львов Пустыни.

— А ты, краснокожий брат? — вдруг спросил Золотой Орел, обратившись к Роберту.

Тот, захваченный врасплох, мог ответить только что он — Боб, командир конного полка.

— И сию минуту,— сказала Черная Пантера,— наши племена придут сюда в несметном числе. Поэтому ваше сопротивление бесполезно. Возвращайся же, брат, в свою страну, кури трубку мира с соседними мустангами, одевайся в свои праздничные пампасы и питайся свежими мокасинами.

— Ты все перепутала! — пробормотал Сирил сердито. Но Золотой Орел только пылливо посмотрел на нее.

— Твои обычаи не сходны с нашими, Черная Пантера,— сказал он.— Но призови твое племя, чтобы мы могли вести переговоры перед его лицом, как и подобает великим вождям.

— Конечно, мы призовем его,— отвечала Антея.— И если вы не сдадитесь и не уйдете отсюда миром, то наши воины придут с луками, стрелами, пушками и со всяким прочим оружием, какое только есть на свете.

Антея говорила довольно храбро, но сердца у детей бились все тревожнее, а дыхание становилось все короче и короче. Настоящие маленькие индейцы постепенно окружили их и, сердито переговариваясь, подступали все ближе и ближе. Дети оказались среди толпы смуглых людей, на лицах которых было написано самое что ни на есть свирепое выражение.

— Ничего не выходит,— шептал Роберт.— Я знал, что так будет. Надо бежать к Чудищу, оно сможет нас выручить, а если не захочет — ну что ж, после заката мы опять оживем. Хотел бы я знать, очень это больно, когда снимают скальп?

— Я опять стану махать флагом,— сказала Антея.— Как только они отойдут от нас, мы сразу же побежим к Чудищу.

Она помахала полотенцем, и вождь приказал своим спутникам отступить назад. Высмотрев, с какой стороны ряды врагов были менее густы, все четверо опрометью бросились наутек. Сбив с ног полдюжины индейцев, дети перескочили через них и во всю прыть пустились бежать к песочной яме. Теперь уж некогда было думать о безопасной дороге, по которой ездят повозки, и детям пришлось спускаться прямо по склону обрыва между желтыми и красными колючими цветами, что росли вокруг стрижиных гнезд. Спускались они, прыгая, цепляясь за колючки, скользя, спотыкаясь и, наконец, просто кувырком.

Золотой Орел и его товарищи догнали детей как раз на том месте, где нынешним утром Чудище зарылось в песок.

Запыхавшиеся и поцарапанные, бедные дети ждали, что будет с ними дальше. Вокруг них уже блестили острые ножи и топоры, но еще страшнее был злобный блеск в глазах Золотого Орла и его свиты.

— Вы солгали нам оба — и ты, Черная Пантера, и ты, Красный Волк! Ты, Дикая Кошка, и ты, Боб конного полка, тоже обманули нас, если не словами, так своим молчанием. Вы солгали под флагом мира. У вас здесь нет товарищей, ваши племена теперь на охоте в дальних горах. Каков будет ваш приговор? — продолжал он, обратившись с мрачной улыбкой к другим краснокожим.

— Соорудим костер! — закричали те, и тотчас же человек двенадцать из них пошли на поиски топлива. Каждого из детей держало по два сильных индейца, а дети лишь в

отчаянии озирались по сторонам. Ах, если бы только увидеть Чудище!

— Вы снимете с нас скальпы раньше, чем будете жарить? — печально спросила Антея.

— Конечно, — поднял на нее глаза краснокожий. — Таков обычай.

Индейцы сбили детей в кучку, а сами уселись вокруг и принялись враждебно рассматривать своих пленников.

Через некоторое время то по двое, то по трое стали возвращаться краснокожие, ходившие искать сухую древесину. Все они шли назад с пустыми руками — ни одной сухой палки не удалось им найти поблизости. И немудрено: в этой части Англии дрова очень дороги и все сухое дерево начисто убирается из лесов.

Дети вздохнули было с облегчением, но вздох закончился стоном ужаса: индейцы кинулись на них, и в воздухе засверкали ножи. Закрыв глаза, дети ждали, что вот-вот по головам их пройдет острая сталь. Но этого не случилось: они были выпущены индейцами и, дрожа, свалились в одну кучу. Их головам совсем было не больно, только как-то прохладно.

Послышался топот воинской пляски. Осмелившись, наконец, открыть глаза, дети увидели, что вокруг них дико скачут четверо краснокожих и машут в воздухе скальпами с длинными черными волосами. Дети схватились за головы — их собственные волосы были целехоньки! Бедные невежественные дикари действительно сняли с них скальпы, только не настоящие, а коленкоровые.

Рыдая и смеясь, дети упали друг другу в объятия.

А в это время вождь краснокожих пел:

— Мы сняли скальпы с наших врагов! Жалкие волосы их росли без крепких корней и сами отделились в руки победителей. Без борьбы, без крови достались эти скальпы могучим воинам из племени Обитателей Скал. Не радуется истинных воинов такая легкая победа!

— Сейчас они и настоящие наши волосы снимут, вот увидите! — говорил Роберт, стараясь перемазать часть краски со своего лица на голову.

— Справедливая и страшная месть вырвана из наших рук, — продолжал вождь свою песню. — Есть и другие муки, кроме ножа и пламени. Но медленный огонь есть древняя и лучшая казнь для врага. О, странная, дикая земля, где нельзя найти дров, чтобы по обычаям предков сжечь побежденного! Тоскует душа моя по родимой стране, где на сотни миль тянутся непроходимые девственные леса, чтобы мы, победители, могли жечь врагов своих. О, если б вновь вернуться нам в свой лес родной!..

Вдруг как будто молния мелькнула. И на том месте, где только что извивались в пляске темные фигуры краснокожих, заблестел золотистый песок, освещаемый яркими лучами солнца — при последних словах вождя индейцы все до одного исчезли. Должно быть, Чудище сидело где-нибудь поблизости и исполнило желание краснокожего...

Марта привезла домой точь-в-точь такой же, как прежний, кувшин — с аистами и тростником, — а, кроме того, вернула Антее деньги.

— Двоюродная сестра подарила мне этот

кувшин на счастье. Она говорит, что таз от него разбит, а на один кувшин все равно покупателя не найдется.

— Марта, какая вы хорошая! — говорила Антея, обнимая ее.

— Да! — весело засмеялась Марта. — Уж пользуйтесь, пока я у вас живу. Как только ваша мама приедет, я ей тотчас же скажу, чтобы искала себе другую прислугу.

— Как, Марта? — воскликнула пораженная Антея. — Неужели тебе и вправду так плохо с нами?

— Нет, милая моя леди! — еще веселее засмеялась Марта. — Совсем не то! Дело-то такое, что я выхожу замуж за Джона-лесника. С тех пор, как вы приехали от пастора, когда заперлись на колокольне — помните? — он мне все предложения делал. А сегодня я осчастливила его и согласилась...

...Антея положила семь шиллингов и четыре пенса назад в миссионерскую копилку, а сломанное место заклеила бумагой. Она была очень счастлива, что смогла вернуть деньги. А вешают ли за взлом копилки или нет — этого она до сих пор не знает.

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Увидав, что эта глава последняя, вы, читатель, конечно сразу же догадались, что для Сирила и Антея, Роберта и Джейн пришло наконец время расстаться с Чудищем.

Но сами-то дети этого вовсе и не знали. Напротив, если в другие дни им бывало трудно придумать хорошее желание, то сегодня у них как раз появилось множество самых радужных планов. «Так всегда бывает в жизни!» — горестно заметила позднее Джейн.

Утром встали все очень рано и, выйдя в сад, принялись весело обсуждать свои планы. Старая мысль о сотне фунтов стерлингов в современной монете нравилась им больше всего, но были и другие хорошие идеи, например, «получить каждому по лошадке». Представьте себе только, как это было бы удобно: утром к вам являются лошадки, целый день вы на них катаетесь, после заката они исчезают, а на другое утро, если захотите, они снова к вашим услугам. И не надо для них ни корму, ни ухода.

Но во время завтрака случились два события. Во-первых, пришло письмо от мамы, извещавшее, что бабушка совсем поправилась и что мама с папой будут дома не позже, как сегодня к вечеру. Раздалось радостное «ура». Конечно, эта новость перевернула все утренние планы — каждому было ясно, что сегодня надо пожелать чего-нибудь не для себя, а для мамы.

— Хотел бы я знать, что бы ей понравилось! — раздумывал Сирил.

— Ей понравится, если мы все будем вести себя хорошо, — наивно ответила Джейн.

— Да, но это так скучно для нас, — возразил Сирил. — А, кроме того, я надеюсь, что мы сумеем порядочно вести себя и без помощи Псаммиада. Нет, надо придумать что-нибудь особенное, чего нам без него не сделать.

— Ох, только не забывайте о вчерашнем дне! — предупредила Антея. — Помните, что теперь наши желания исполняются, где бы мы их ни высказали. Не сделать бы нам опять какой-нибудь глупости, особенно сегодня!

— Ладно, не ворчи! — отвечал Сирил.

В это время вошла Марта с чайником, и на лице ее дети заметили какое-то особое выражение.

— Слава Тебе, Господи, что вы все еще живы, — сказала она мрачно.

— В чем дело? Что случилось? — посыпались на нее вопросы.

— Эх, ничего! Только по нынешним временам нельзя поручиться, что тебя дома в постели не зарежут.

— Почему? — спросила Джейн, чувствуя, как дрожь побежала у нее по спине до самых пят. — Разве кого-нибудь убили в постели?

— Ну, не совсем, — отвечала Марта. — Только и убить было нетрудно. Тут неподалеку в усадьбу забрались разбойники. Джон мне сейчас рассказывал, что у леди Читтенден унесли все драгоценности до последнего камушка. Она теперь то и дело в обморок падает и ни единого слова сказать не может, только все кричит: «О, мои бриллианты!». А самого-то лорда дома нет, он в Лондоне.

— Леди Читтенден? Мы ее видели, — сказала Антея. — Она носит белое платье с красной отделкой. Своих детей у нее нет, а чужих она терпеть не может.

— Она самая и есть, — ответила Марта. — Она только и дрожит над своим богатством, и вот как ей удружили! Говорят, что ее камни

да золото тысячи тысячей стоили. Брошек, сережек, колец у нее без счета было. Одна какая-то «тарара», говорят, такая была, что и цены ей нет. Ну, некогда мне тут с вами толковать! Надо хорошенько все комнаты прибрать до приезда леди.

— Не понимаю, на что ей столько драгоценностей,— сказала Антея, когда Марта вышла из комнаты.— Эта леди Читтенден довольно противная. А у мамы совсем нет бриллиантов, да и других драгоценных вещей очень мало — одно топазовое ожерелье да сапфировое колечко, что папа ей подарил, когда они были помолвлены. Да еще гранатовая звездочка, да брошь с жемчугом, в которой лежат волосы прадедушки,— вот и все.

— Когда я вырасту, то накуплю маме множество бриллиантов, если она только захочет,— сказал Роберт.— Я поеду исследовать Африку и заработаю так много денег, что не буду знать, куда их девать.

— А хорошо было бы,— сказала Джейн мечтательно,— если бы, вернувшись домой, мама вдруг нашла у себя бриллианты, кольца, ожерелья, тарары...

— Тиары,— поправил ее Сирил.

— Ну, да! Тиары — и вообще все эти пропавшие драгоценности. Мне очень хочется, чтобы она их нашла и...

— Значит, она их найдет! — воскликнул Роберт.— Ты, моя милая Джейн, заказала свое желание. Теперь нам остается только одно: скорее бежать к Чудищу, и если оно не очень сердито, быть может, нам удастся упросить его все переделать и исполнить что-нибудь

другое. Если же нет, то я и не знаю, что будет. Конечно, во-первых, полиция, потом... Не плачь же ты, глупенькая! Мы тебя защитим. Вот и папа говорит, что никогда не надо бояться, если не сделал ничего дурного, надо только говорить правду.

Но Антея и Сирил мрачно переглянулись — они вспомнили, насколько убедительной оказалась правда о Чудище, когда ее однажды попробовали рассказать полиции.

То был день всяких неудач. Во-первых, Чудище на нашли, во-вторых, не могли найти и драгоценностей, хотя старательно перерыли всю мамину комнату.

— Конечно, мы их и не можем найти, — сказал Роберт. — Их найдет только мама. И может быть она подумает, что эти сокровища лежат в доме уже давным-давно, и никогда не узнает, что они краденые.

— О, еще бы! — насмешливо отвечал Сирил. — Тогда, значит, мама утаит краденые вещи, а это будет еще хуже.

Дети снова принялись разыскивать Чудище, но опять неудачно. Грустные и озабоченные поплелись они потихоньку домой.

— Все равно! — решила вдруг Антея. — Мы скажем маме всю правду, она возвратит драгоценности — и все будет хорошо.

— Ты так думаешь? — сказал Сирил. — Неужели ты полагаешь, что она нам поверит? Разве может кто-нибудь поверить рассказу о Чудище, пока сам его не увидит? Мама решит, что мы все это выдумали, или — еще хуже — что мы помешались, и нас отправят в сумасшедший дом. Как тебе это понравится? —

повернулся он неожиданно к несчастной Джейн.

— Хорошо тебе будет сидеть в железной клетке с мягкими стенами, где у тебя весь день будет только одно занятие: тыкать солому себе в волосы и слушать, как воют и беснуются другие сумасшедшие? Запомните, что говорить обо всем маме просто бесполезно.

— Но почему? — отвечала Джейн. — Ведь мы бы сказали правду?

— Разумеется, но для взрослых одной правды еще недостаточно, — сказала Антея. — Сирил прав. Давайте лучше пока наберем цветов во все вазы и не будем думать о драгоценностях. Ведь до сих пор все наши несчастья кончались хорошо.

И дети, собрав всю свободную посуду, наполнили ее целыми охапками цветов, отчего комнаты Белого домика стали похожи на что-то вроде сада.

Только успели пообедать, как приехала мама и сразу же попала в объятия восьми рук. Ужасно трудно было удержаться оттого, чтобы рассказать ей тотчас же о Чудище, потому что дети давно уже привыкли верить ей все свои горести и радости. И все-таки на этот раз о своих необыкновенных приключениях дети ни слова не сказали.

Да и мама, в свою очередь, хотела обо многом порассказать: и о бабушке, и о бабушкиных голубях, и о хромом ослике тети Эммы. Ей ужасно понравилась посуда с цветами. И, вообще, она чувствовала себя чудесно, вернувшись домой к своим детям.

Детям даже начало казаться, что Чудище они видели только во сне.

Но когда мама собралась идти наверх в свою комнату переодеваться, ее разом охватило восемь рук, так что ей даже показалось, что у нее было всего двое детей: Ягненок, сидевший у нее на коленях, и осьминог.

— Мамочка, милая, не ходи наверх! — говорила Антея. — Позволь, я принесу тебе все что надо.

— Или я! — присоединился к ней Сирил.

— Пойдем, мама, мы тебе покажем, какие здесь чудные розы, — убеждал ее Роберт.

— Не вставай, мамочка, пожалуйста! — жалобно упрашивала Джейн.

— Пустите же меня, милые мои! Что за вздор! — отвечала мама. — Я еще не совсем старушка, и мне не трудно подняться наверх, чтобы переодеться и вымыть руки — смотрите, какие они у меня грязные!

В конце концов она все же ушла наверх, а дети остались внизу и лишь молча переглядывались между собою, томимые мрачными предчувствиями.

Мама сняла шляпку — очень красивую шляпку с белыми розами — и подошла к туалетному столику поправить прическу. На столике, между зеркалом и подушечкой для булавок, лежала коробочка, обтянутая зеленой кожей. Мама открыла ее.

— Ах, какая красивая вещь! — сказала она.

В коробочке оказалось кольцо с большой жемчужиной, окруженной блестящими мелкими бриллиантами.

— Откуда это? — спросила мама, примеряя кольцо на безымянный палец, на который оно пришлось как раз впору. — Кто это принес?

— Я не знаю,— вполне искренне ответил каждый из детей.

— Должно быть, папа велел Марте положить сюда эту коробочку. Пойду вниз и спрошу Марту.

— Мама, дай мне пока посмотреть колечко,— попросила Антея, зная, что Марта все равно ничего не увидит. Когда мама спросила Марту, та, конечно же, сказала, что никакой коробочки на стол не клала, то же самое сказала и кухарка. Когда мама вернулась в спальню, она была очень заинтересована всей этой загадочной историей и очень довольна колечком. Но когда она открыла комод и нашла там длинный ящик с очень дорогим бриллиантовым ожерельем, то любопытство ее еще более возросло, а удовольствие как будто совсем пропало. Открыв шкаф и укладывая в него шляпку, она наткнулась на тиару и множество всяких брошек, а в следующие полчаса в разных углах комнаты были найдены и остальные драгоценности.

Лица у детей становились все более и более смущенными и наконец Джейн принялась хныкать.

Мама очень серьезно посмотрела на нее.

— Джейн,— сказала она.— Я вижу, ты что-то знаешь об этих вещах. Теперь подумай хорошенько, прежде чем станешь говорить, и затем скажи мне всю правду.

— Мы нашли волшебника,— поспешно ответила Джейн.

— Не будь глупенькой, Джейн,— вмешался Сирил и продолжил с мужеством отчаяния:

— Послушай, мама! До сих пор мы никог-

да не видали этих вещей, но прошлой ночью разбойники украли у леди Читтенден все ее драгоценности. Быть может, это и есть те самые вещи?

Все глубоко вздохнули, почувствовав, что на время спасены.

— Но как же все это могло попасть сюда? И зачем? — спрашивала мама. — Разбойникам гораздо легче было убежать с этими вещами.

— А быть может они хотели подождать, пока солнце сядет, то есть до ночи, я хочу сказать. Никто кроме нас не знал, что ты сегодня приедешь.

— Я должна сейчас же послать за полицией, — отвечала мать взволнованно. — Ах, хоть бы папа скорей приехал!

— Не лучше ли подождать, пока он придет? — спросил Роберт, зная, что отец придет поздно вечером.

— Нет, нет! Я не могу ждать ни минуты! Все это меня страшно беспокоит, — воскликнула мама.

«Все это» было кучей футляров со всякими драгоценностями, наваленной на кровать. Дети убрали драгоценности в шкаф, и мама его заперла. Затем она позвала Марту.

— Марта, — сказала она. — После моего отъезда был в комнатах кто-нибудь чужой? Отвечай мне правду.

— Нет, сударыня, — отвечала Марта. — По крайней мере... Я хочу сказать... — И она замолчала.

— Ну, хорошо, — продолжала мать ласково. — Я вижу, что здесь кто-то был. Скажи мне правду и, пожалуйста, ничего не бойся. Я отлично

знаю, что ты сама не могла сделать ничего дурного.

Марта вдруг зарыдала.

— Я, сударыня, хотела вам сегодня же сказать, что дослужу до конца месяца и уйду. Так я, сударыня, собиралась сделать, потому что хочу одного молодого человека осчастливить. Он лесник, сударыня, и... Обманывать вас я не стану... Зовут его Джоном... И как вы, сударыня, раньше о своем приезде не писали, и у меня сегодня была такая спешка с уборкой... Он по доброте сердечной и говорит: «Марта, красавица моя», хоть я и не красавица и никогда ей не была, но вы знаете мужчин, какие они все... Так вот. «Я,— говорит,— не могу видеть,— говорит,— как ты одна тут все метешь да скребешь. Позволь,— говорит,— подать тебе руку помощи. А рука-то у меня,— говорит,— крепкая и вся она твоя, Марточка моя милая». Вот он мне и помогал мыть окна. Только он мыл с той стороны, снаружи, а я изнутри. И вот, не сойти мне с этого места, коли я что не по правде сказала!

— Ты все время была с ним?

— Он снаружи, а я внутри,— опять повторила Марта.— Только один раз он мне сюда ведро воды принес.

— Ну, будет,— остановила ее мама.— Я недовольна тобою, Марта, но ты сказала правду — и то уже хорошо.

Когда Марта ушла, дети облепили маму.

— Мамочка, милая! — говорили дети.— Джон тут ни в чем не виноват, право же, нет! Он очень-очень хороший. Пожалуйста, мама, не давай полиции забирать его. Не надо, мамочка, этого делать, пожалуйста, не надо!

Положение было прямо-таки отчаянным. Честного человека могли заподозрить в грабеже из-за того только, что в голову Джейн пришло глупое желание, а говорить правду было совершенно бесполезно. Детям очень хотелось рассказать все как было в действительности, но кто бы им поверил? А тут еще им постоянно приходила в голову мысль о диких криках сумасшедших и о соломе, которую придется тыкать в волосы.

— Где бы тут поблизости раздобыть экипаж? — спросила мама, сильно волнуясь. — Все равно, хоть какую-нибудь таратайку — я должна сейчас же ехать в Рочестер и вызвать полицию.

Дети расплакались.

— Есть тут повозка на ближнем хуторе, но только ты не ездь, ради Бога, не ездь! Подожди, пока папа вернется.

Мама не обратила внимания на эти просьбы — раз уж она на что-нибудь решилась, то обыкновенно шла прямо к своей цели. В этом отношении она была похожа на Антею.

— Слушай, Сирил, — сказала она, прищипывая длинною булавкою свою шляпку. — Я оставляю дом на твое попечение. Ты будешь в ванной комнате. Сделай вид, что пускаешь лодки в ванне или что-нибудь в этом роде. Скажешь, что я тебе это позволила. Но пусть входная дверь будет открыта, другую же дверь я заперла. Не пускай никого в мою комнату. Помни, там спрятаны драгоценности, и об этом знают только я, вы четверо да воры, которые их туда принесли. Роберт, ты будь в саду и следи за окнами. Если кто-нибудь

попытается влезть, сейчас же беги и сообщи об этом двум рабочим с хутора, которых я пришлю на кухню. Помните же, что я надеюсь на вас обоих! Не думаю, однако, чтобы воры посмели вернуться сюда, пока не стемнеет, а потому вам никакая опасность не грозит. Прощайте же, милые мои!

Она заперла дверь спальни и ушла, положив ключ в карман.

Дети не могли не подивиться быстроте и решительности своей мамы. Каким полезным товарищем была бы она во многих трудных положениях, в которые они так часто попадали за последнее время!

— Она — прирожденный генерал! — сказал Сирил. — Только, все-таки, я не знаю, что же с нами дальше будет. Если девочки разыщут этого скверного Псаммиада и попросят его убрать прочь всю эту драгоценную дрянь, что лежит там, в шкафу, то мама подумает, что мы плохо сторожили, пропустили воров и дали им все унести. А то еще, пожалуй, полицейские подумают, что мы сами все спрятали и только дурачим их. Да, на этот раз мы и впрямь угодили в неприятную историю.

Мрачно нахмурившись, он сделал бумажную лодочку и принялся пускать ее в ванне, как ему было сказано.

Роберт пошел в сад и сел на траве, опустив свою несчастную голову на бесполезные руки. Антея и Джейн о чем-то шептались в нижнем коридоре. Из кухни доносилась громкая и нескончаемая воркотня Марты.

— С нами будет что-то ужасно страшное, — говорила Антея. — Притом мы еще не

знаем наверняка, что пропавшие драгоценности все здесь. А если нет? Полиция подумает, что мама и папа их скрыли, а отдали только часть, так лишь, чтобы глаза отвести. И папу с мамой посадят в тюрьму, а мы будем отщепенцами общества, детьми преступников. Да и для папы-то с мамой это будет совсем нехорошо,— добавила она.

— Но что же мы можем сделать? — жалобно спросила Джейн.

— Ничего. Разве только опять поискать Чудище. Сегодня очень, очень жарко. Быть может, оно вылезло погреть свою отмоченную баку.

— Оно сегодня ничего больше нам не делает. С каждым разом оно все больше и больше на нас сердится. Должно быть, ему очень не нравится исполнять наши желания.

В ответ Антея только грустно покачала головой. А потом вдруг резко выпрямилась.

— Что с тобою? — спросила Джейн. — Ты что-нибудь придумала?

— Наша единственная и самая последняя надежда! — трагически воскликнула Антея. — Идем!

Быстрым шагом девочки направились к песочной яме. О, радость! Чудище сидело на горячем песке и блаженно подставляло свою баку под лучи солнца.

Едва увидев детей, оно тотчас же повернулось и стало быстро зарываться в песок. Но Антея была проворней — она поймала его за пушистые плечи и осторожно, но крепко прижала к себе.

— Что за шутки! Пусти меня, слышишь?! — крикнуло Чудище.

Однако Антея и не думала его отпускать.

— Милый, хороший Псаммиад! — начала она, переведа дух.

— Да, да! Я знаю, вы опять пришли с каким-нибудь новым желанием! Но не могу же я целыми днями с утра и до вечера исполнять всякий вздор, какой пожелают люди. Имею же я право жить и для себя самого!

— Неужели вы так не любите исполнять желания? — участливо спросила его Антея, и голос ее задрожал от волнения.

— Еще бы! Конечно, не люблю! — отвечало Чудище. — Оставь меня, или я укушу тебя, в самом деле, укушу — я говорю серьезно! Ах так! Если ты хочешь рискнуть даже этим, то...

Антея рискнула и продолжала держать его за плечи.

— Не кусайте меня, сперва выслушайте, — сказала она. — Если вы сделаете только то, что нам надо сегодня, так мы больше никогда за всю нашу жизнь ни о чем не станем просить вас!

Псаммиад был очень расстроен.

— Я все бы сделал, — ответил он со слезами в голосе, — я был бы готов лопнуть, исполняя одно ваше желание за другим, только бы вы больше никогда и ни о чем меня не просили. Если б вы знали, как мне неприятно напрягать свои силы и раздуваться для того лишь, чтобы исполнить чужое желание, и как я постоянно боюсь повредить себе мускул или еще что-нибудь в этом роде. А кроме того, просыпаться каждое утро и ждать, что вы опять скоро ко мне придете с вашими глупыми желаниями! О, вы не знаете, как это ужасно! Вы не знаете, не знаете!

Его голос надрывался от волнения.

Антея осторожно выпустила Чудище из рук.

— Теперь все это кончится,— сказала она успокоительно.— Мы даем обещание, что после сегодняшнего дня никогда и ни о чем просить не будем.

— Хорошо же, говори! — отвечало Чудище.— Покончим скорее с этим неприятным делом.

— Сколько желаний вы можете исполнить?

— Не знаю. На сколько хватит моих сил.

— Хорошо. Во-первых, пусть окажется, что у леди Читтенден драгоценности совсем не пропадали.

Псаммиад раздулся, съежился и сказал:

— Готово!

— Я хочу,— продолжала Антея уже не так торопливо,— чтобы мама не заходила в полицию.

— Готово,— ответил Псаммиад спустя некоторое время.

— Я хочу,— вдруг сказала Джейн,— чтобы мама забыла всю историю с бриллиантами.

— Готово,— опять объявило Чудище, но голос его заметно ослабел.

— Не хотите ли вы отдохнуть? — спросила Антея заботливо.

— Да, пожалуй. Но прежде, чем ты станешь продолжать, не будешь ли добра пожелать кое-что и для меня?

— А разве вы свои собственные желания исполнять не можете?

— Конечно, нет. Предполагалось, что мы всегда будем исполнять желания друг для друга, хотя в добрые старые времена, когда

водились ихтиозавры, и желать-то было нечего. А теперь, пожалуйста, пожелай, чтобы никто из вас четверых никогда и никому не мог рассказать обо мне ни слова.

— Почему? — спросила Джейн.

— Разве вы не понимаете, что если обо мне узнают взрослые, то уж никогда в жизни мне больше не видать покоя. Они бы меня разыскали и стали бы требовать не таких пустяков, какие вы придумывали, а вещей серьезных. Очень возможно, что ученые наши бы какой-нибудь способ закреплять мои дары так, чтобы они не исчезали и после захода солнца. Взрослые потребовали бы прогрессивного подоходного налога, учреждения пенсий всем старикам, всеобщей подачи голосов, бесплатного среднего образования и так далее. И когда бы они все это получили да сохранили, то весь мир перевернулся бы вверх дном. Так пожелай же, о чем я просил! Скорее!

Антея повторила желание Чудища. Оно надулось так, как дети никогда еще не видели. Сократившись до обычных размеров, оно спросило:

— А теперь, что еще я мог бы для вас сделать?

— Только одно — и я думаю, этим мы все закончим, не правда ли, Джейн? Пусть Марта позабудет о кольце, а мама о том, что Джон мыл окна.

— Теперь, — сказала Чудище, — я совсем обессилел. Хотите еще что-нибудь?

— Нет, больше ничего. Благодарим вас за все, что вы для нас сделали, желаем вам

долгого и приятного сна и надеемся, что мы вас когда-нибудь еще увидим.

— Это желание? — спросило Чудище слабым голосом.

— Да, пожалуйста! — ответили девочки в один голос.

В последний раз они увидели, как Псаммиад раздался вширь и сократился снова.

Он кивнул им на прощание головой, прищурил глаза, принялся копать песок и скоро скрылся из виду.

— Кажется, мы все хорошо сделали? — сказала Джейн.

— Я уверена в этом, — ответила Антея. — Идем скорей домой и расскажем все мальчикам.

Антея нашла Сирила в ванной комнате, где он все еще мрачно пускал кораблики, и рассказала ему о своем последнем свидании с Чудищем. Джейн то же самое сообщила Роберту.

Едва успели девочки окончить свои рассказы, как вернулась мама, покрасневшая от жары и вся в пыли. Она объяснила, что поехала было в Рочестер купить материи на школьные платья девочкам, но по дороге сломалась ось у тележки. Мама совсем не ушиблась, только ей пришлось возвращаться пешком.

— Ах, милые вы мои цыплятки, — говорила она. — Как мне теперь чаю хочется! Сбегайте кто-нибудь на кухню да посмотрите, кипит ли вода.

— Видите, все кончилось хорошо, — шептала Джейн. — Мама и не вспоминает о бриллиантах.

— И Марта тоже, — отвечала Антея, которая ходила справляться о чае и только что вернулась из кухни.

Под вечер пришел лесник и принес известие, что бриллианты леди Читтенден вовсе и не были украдены. Лорд Читтенден увез их с собою в Лондон, чтобы отдать в чистку, а горничной, которая об этом знала, не оказалось дома — у нее был свободный день.

Так что все кончилось благополучно.

— Хотела бы я знать, увидим ли мы когда-нибудь наше милое Чудище? — задумчиво сказала Джейн, гуляя вечером в саду, в то время как мама укладывала Ягненка спать.

— Если вы в самом деле этого пожелали, то, конечно, увидим, — ответил Сирил.

— Мы только обещали никогда и ни о чем его больше не просить.

— Вот и не будем, — твердо сказал Роберт.

Правда, они вновь увидели Чудище, но уж не в этой повести и не в песочной яме, а совсем, совсем в другом месте. Это было в...

Но это уже совсем другая история.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заколдованный замок 3

Пятеро детей и чудище 345

Сказочные истории английской писательницы

Эдит Несбит (1858—1924)

написаны более 70 лет назад,
но они до сих пор популярны
у детей всего мира.

Имена ее героев стали нарицательными,
книги тиражируются в миллионах экземпляров.

С героями ее книг,
обычными английскими школьниками,
происходят удивительные события.
Забавное чудище, живущее в песочной яме,
или кольцо, найденное в замке,
исполняют любые их желания.

Однако, получив желаемое,
дети попадают в такие невероятные ситуации,
из которых нелегко найти выход...

Удивительные приключения детей
продолжаются в следующих книгах.